UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00290023 1

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

РУССКІЕ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ 3

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916

84562
427
40

ПИСАНІЯ
И. С. ТУРГЕНЕВА
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЯ ВЪ СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ

1916

LIBRARY
7239760
LENOX AND
FOUNDATIONS

LIBRARY
OCT 20 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3201
G46
t. 3

1133678

Типо-литографія Т-ва И. Н КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва — 1916.

Предисловіе.

Въ настоящемъ томѣ собраны тѣ писанія И. С. Тургенева, которыя по своему характеру имѣютъ право быть включенными въ собраніе его сочиненій, но фактически не включены ни въ одно изъ двухъ существующихъ изданій (И. Глазунова и „Нивы"). Таковы: 1) художественныя произведенія въ прозѣ и въ стихахъ, 2) публичныя рѣчи, 3) статьи, замѣтки и письма, какъ напечатанныя самимъ Тургеневымъ, такъ и не напечатанныя имъ, но явно носящія литературный характеръ или имъ самимъ предназначавшіяся для печати (чѣмъ исключается вся категорія личныхъ писемъ). Нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ выборъ матеріала можетъ быть оспариваемъ. Можно упрекать насъ за то, что мы не включили въ это собраніе письма Тургенева къ петербургскимъ студентамъ отъ 19 марта 1879 г. [1], его застольнаго спича въ честь Н. А. Милютина [2], его письма къ автору книги о нигилизмѣ Арнодо [3], — и напротивъ, за то, что мы печатаемъ его письмо къ редактору „Правды" [4], попавшее въ печать помимо его воли, или его письмо къ В. Д. Спасовичу о Крашевскомъ [5]. Смѣемъ думать однако, что спеціалисты въ большинствѣ случаевъ оправдаютъ насъ; мы рѣшали вопросъ каждый разъ по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ они выясняются изъ содержанія и исторіи каждаго даннаго писанія. Такъ, письма къ Арнодо и къ петербургскимъ студентамъ суть несомнѣнно частныя письма, а привѣтствуя юбилей Крашевскаго, Тургеневъ разсчитывалъ на обнародованіе своего письма; спичъ въ честь Н. А. Милютина былъ произнесенъ въ замкнутомъ кружкѣ, а письмо къ редактору „Правды" получило тогда же широкую извѣстность, и т. д.

[1] Напечатано въ книжкѣ П. В(асильева), цитируемой ниже, на стр. 340.
[2] „Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева" 1884, стр. 132—133, прим.
[3] См. „Рус. Мысль" 1911, февраль, отд. II, стр. 175—176.
[4] См. ниже, стр. 252, и примѣч., стр. 339.
[5] См. ниже, стр. 257—258, и примѣч., стр. 340.

Впрочемъ, спорныхъ пропусковъ у насъ, повторяемъ, немного; гораздо многочисленнѣе, безъ сомнѣнія, наши невольные пропуски. Настоящее собраніе, опирающееся на труды прежнихъ изслѣдователей (Н. Агафонова, Н. М. Гутьяра, В. И. Межова, А. В. Мезіеръ, Д. Д. Языкова и др.) и во многомъ дополняющее ихъ указанія, конечно далеко не исчерпываетъ всего матеріала затерянныхъ писаній Тургенева; дальнѣйшіе розыски несомнѣнно дадутъ рядъ новыхъ открытій, ускользнувшихъ отъ нашего вниманія, въ особенности по части анонимныхъ статей. Намъ даже не все удалось разыскать, что завѣдомо принадлежитъ перу Тургенева; въ этомъ отношеніи главной помѣхою явилась война, чрезвычайно затруднившая наши розыски за-границею. Такъ, мы не могли получить копіи письма Тургенева въ редакцію „Le XIX-e Siècle" о выставкѣ картинъ Верещагина въ Парижѣ (вѣроятно декабрь 1879 или январь 1880 г.) [1], его письма въ „Le Nord" (вѣроятно январь 1858 г.) [2], его письма въ „Le Temps" (вѣроятно май 1877 г.) [3]; возможно, что существуетъ предисловіе Тургенева при французскомъ переводѣ „Казаковъ" Л. Н. Толстого [4], какъ и его предисловіе при сдѣланномъ имъ переводѣ нѣсколькихъ стихотвореній Пушкина въ журналѣ „La République des lettres", 1877 г., № 1; не удалось узнать, была ли напечатана пьеса „L'auberge au grand sanglier", написанная Тургеневымъ, по словамъ Л. Пича, въ Баденъ-Баденѣ [5], и т. д.

Наконецъ, одно произведеніе, не разъ приписывавшееся Тургеневу, мы не сочли возможнымъ внести въ наше собраніе, какъ явно не принадлежащее ему,—именно, поэму „Поэтъ", авторомъ которой самъ Тургеневъ въ одномъ письмѣ назвалъ М. Н. Лонгинова [6].

Весь матеріалъ печатается съ соблюденіемъ орѳографіи и пунктуаціи подлинниковъ. Въ датировкѣ приходилось руководствоваться, гдѣ не было прямыхъ указаній, датою напечатанія или цензурнаго дозволенія.

М. Гершензонъ.

[1] См. ниже, № LXI, стр. 259.

[2] О. Трубецкая „Матеріалы для біографіи кн. В. Черкасскаго", т. I, стр. 94—95. Письмо отъ 15 27 января 1858 г.; и Анненковъ „Литер. Воспом." 1909, стр. 502.

[3] См. ниже, стр. 339, примѣчаніе къ № LIV.

[4] „Перв. собр. писемъ", стр. 340.

[5] „Иностр. крит. о Тургеневѣ", 1884, стр. 174.

[6] „Перв. собр. писемъ", стр. 201; срвн. Н. М. Гутьяръ „Хронолог. канва для біографіи И. С. Тургенева" въ „Сборникѣ" Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. 87, СПБ. 1910, стр. 127.—Мы не печатаемъ также стихотв. „Кнутъ", неизвѣстно на какомъ основаніи приписаннаго Тургеневу во „Всемірномъ Вѣстникѣ" 1905, кн. 1.

ОТДѢЛЪ I.

I.

Стѣно,

ДРАММАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА,

Сочиненіе И. Тургенева.

Начата 21-го Сентября 1834-го года.
Окончена 13-го Декабря 1834-го года.

Счастливъ, кто съ юношескихъ дней
Живыми чувствами убогой
Идетъ проселочной дорогой
Къ мечтѣ таинственной своей. etc.

Языковъ.

But we, who name ourselves its sovereigns, we
Half dust, half deity, alive unfit
To sink or soar, with our mix'd essence make
A conflict of its elements and breathe.
The breath of degradation and of prides... etc.

Manfred. Byron.

.... fly; while thou'rt bless'd and free...

Shakespeare. Timon of Athens.

Дѣйствующія лица:

Стѣно.
Джакоппо, рыбакъ.
Джулія, сестра Джакоппо.
Антоніо, монахъ.
Ріензи, докторъ.
Маттео, слуга Стено.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ РИМѢ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Ночь. Колизей.

Стѣно, *одинъ.*

Божественная ночь!.. Луна взошла;
Печально смотритъ на сѣдыя стѣны...
Покрывъ ихъ серебристой дымкой свѣта.

Какъ все молчитъ! О вѣрю я, что ночью
Природа молится Творцу... Какая ночь!
Тамъ вдалекѣ сребрится Тибръ; надъ нимъ
Таинственно склонились кипарисы,
Колебля серебристыми листами...
И Римъ лежитъ какъ саваномъ покрытъ;
Тамъ все мертво и пусто какъ въ могилѣ;
А здѣсь угрюмо дремлетъ Колизей,
Чернѣясь на лазури темной неба!
. . . . . .
Прошли вѣка надъ Римомъ чередой
Безмолвной и кровавой; и стирала
Ихъ хладная рука все то, что онъ хотѣлъ
Оставить намъ въ залогъ своей могучей
Великой силы... Но остался ты
Мой Колизей!..
Священная стѣна!
Ты сложена рукою римлянъ; здѣсь
Стекались властелины міра
И своды вѣковые Колизея
Тряслись подъ ними... между тѣмъ какъ въ циркѣ
Блѣднѣя, молча, умиралъ гладіаторъ
Или стоная—рабъ, подъ лапой льва.
И любо было римскому народу
И въ бѣшеномъ веселіи онъ шумѣлъ...
Теперь—какъ тихо здѣсь! Въ пыли
Высокая работа человѣка!
Лѣнивый Лазарони равнодушно
Проходитъ мимо, пѣсню напѣвая,
И смуглый Кондоттіери здѣсь лежитъ,
Съ ножемъ въ рукѣ и ночи выжидая.
. . . . . .
. . . . . .
Быть-можетъ,
Чрезъ двѣсти лѣтъ придетъ твоя пора,
Мой древній Колизей—и ты падешь
Подъ тяжкою рукой вѣковъ... какъ старый
Столѣтній дубъ подъ топоромъ. Тогда

Сюда придутъ изъ чуждыхъ, дальнихъ странъ
Потомки. Любопытные толпой
Взглянутъ на дивные твои остатки
И скажутъ: „Здѣсь былъ чудный храмъ. Его
Воздвигнулъ Римъ и многіе вѣка
Стоялъ онъ, время презирая. Здѣсь,
Да здѣсь былъ Колизей"...
(Мановеніе молчанія).
Передо мной, какъ въ сумрачномъ видѣньи
Встаетъ безсмертный Римъ, со всѣмъ, что было
Въ немъ грознаго и дивнаго. Вотъ Римъ!
Онъ развернулъ могучею рукою
Передо мною свою жизнь; двѣнадцать
Столѣтій былъ онъ богомъ міра. Много,
О много крови на страницахъ жизни
Твоей, о Римъ! но чудной, вѣчной славой
Онѣ озарены, и Римъ исчезъ! О! много
Съ нимъ чуднаго погребено!..
Мнѣ больно;
Мнѣ душно; сердце сжалось; голова
Горитъ... О, для чего намъ жизнь дана?
Какъ сонъ пустой, какъ легкое видѣнье
Римъ пронесся... и мы исчезнемъ такъ же,
Не оставляя ничего за нами
Какъ слабый свѣтъ луны, когда, скользя
По глади водъ, онъ быстро исчезаетъ,
Когда найдетъ на нее туча... О!
Что значитъ жизнь? что значитъ смерть? Тебя
Я, небо, вопрошаю, но молчишь
Ты, ясное, въ величіи холодномъ!
Мнѣ умереть! зачѣмъ же было жить?
А я мечталъ о славѣ... о безумный!
Скажи, что нужды въ томъ, что, можетъ-быть,
Найдешь ты мѣсто въ памяти потомковъ,
Какъ въ безднѣ звукъ! Меня, меня
Кипящаго надеждой и отвагой
Вскормила ль мать на пищу червякамъ!..
Да, эта мысль меня тѣснитъ и давитъ:

Мгновеніе—и грудь, въ которой часто
Такъ много дивнаго и сильнаго бываетъ,
Вдругъ замолчитъ—на вѣчность! Грустно! Грустно!..
Быть такъ... ничѣмъ... явиться и исчезнуть,
Какъ на водѣ волнистый кругъ... и люди—
Смѣшно—гордятся своимъ бѣднымъ,
Пустымъ умомъ, существованіемъ жалкимъ
И требуютъ почтенія отъ такой же
Ничтожной грязи, какъ они... Но Стѐно
Что за могилой?..

Когда я былъ молодъ,
Я свято вѣрилъ въ Бога; часто слушалъ
Слова святыя въ храмѣ; вѣрилъ я.
Меня судьба возненавидѣла,—и долго
Боролся я съ моимъ врагомъ ужаснымъ...
Но, наконецъ, я палъ; тогда вокругъ
Меня все стало иначе... мнѣ тяжко,
Мнѣ грустно было вѣру потерять,
Но что-то мощно мнѣ изъ сердца
Ее съ любовью вырвало... и я
Моей судьбѣ неумолимой
Отдался въ руки... съ этихъ поръ
Я часто думалъ возвратить молитвой
Огонь и жизнь въ мою холодную
Нагую душу... Нѣтъ вотще! Во мнѣ
Изсохло сердце и глаза! Ужъ поздно!

. . . . . .

Я сдѣлалъ шагъ и вдругъ за мною тяжко
Низринулась скала—и преградила
Мнѣ шагъ назадъ: и я пошелъ впередъ,
Пусть сбудется, чему должно! Впередъ!

(Минута молчанія).

Мнѣ дурно; сердце ноетъ... все темнѣетъ...
Вокругъ меня... О... Стѐно... это смерть!

(Падаетъ безъ чувствъ).

(За сценой слышенъ голосъ Джуліи; она поетъ).

Тихо солнце надъ водами
Закатилось. Подъ окномъ

Кто-то стукнулъ и тайкомъ,
Ярко-черными очами
Заглянулъ въ мое окно...
Я ждала тебя давно!

(Входятъ Джулія и Джакоппо).

Джулія. Кто здѣсь лежитъ, о Боже!

Джакоппо. Гдѣ?

Джулія. Мадонна!
Какъ блѣденъ онъ!

Джакоппо. Онъ умеръ.

Джулія. Нѣтъ, о нѣтъ!
Смотри, смотри... онъ дышитъ! На челѣ
Холодный потъ... уста полураскрыты.
Джакоппо...

Джакоппо. Джулія?

Джулія. Нашъ домъ такъ близокъ;
Мой другъ... снесемъ его туда...

Джакоппо *(поднялъ Стѐно)*.

Джулія. Но тише
Бери его. Ты видишь, онъ такъ слабъ...
Въ очахъ нѣтъ жизни...

Джакоппо. Пойдемъ... онъ легокъ...

Джулія. Какъ чудно блѣденъ онъ; луна
Сіяетъ прямо ему въ очи... Боже,
Какъ холодно его чело...

Джакоппо. Сестра...
Скорѣй, скорѣй, я забну...

Стѐно *(сквозь сонъ)*. Горе... горе...

Джулія. Что онъ сказалъ...

Джакоппо. Не знаю... но недвижно
Онъ все лежитъ... Пойдемъ... *(Про себя.)* Сказалъ онъ: горе!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

(Недѣлю спустя).

(Море. Стѐно. Джуліа.)

Джуліа. Ты грустенъ, Стѐно?

Стѐно. Я? Да, Джуліа.

Джуліа. Грустенъ?

Молчишь... угрюмъ... и чѣмъ я...

Стѐно. Джуліа, Джуліа.

Я никогда не зналъ веселія.

Джуліа. Ты?

Стѐно *(подходя къ берегу)*. О, я люблю смотрѣть на это море,
Теперь оно такъ тихо и лазурно,
Но вѣтръ найдетъ и, бурное, возстанетъ,
Катя пѣнистые валы, и горе
Тому, кого возьметъ оно въ свои
Безбрежныя, могучія объятья...
Измѣнчивѣе сердца дѣвы
Оно.

Джуліа. О, Стѐно, Стѐно!

Стѐно. Да.

Моя душа — вотъ это море, Джуліа,
Когда забывъ мои страданья, я
Вздохну свободно послѣ долгой
Борьбы съ самимъ собой — я тихъ и веселъ
И отвѣчаю на привѣтъ людей...
Но скоро снова черными крылами
Меня обхватитъ грозная судьба...
Я снова Стѐно. И во мнѣ опять
Все то, что было, разжигаетъ душу
И ненавистно мнѣ лицо людей
И самъ себѣ я въ тягость...

Джуліа. Стѐно,
Когда найдетъ на душу мрачный часъ
И душно тебѣ будетъ средь людей
Приди ко мнѣ... люблю тебя я, Стѐно,
И болѣе чѣмъ брата... ты мнѣ все.

Въ тебя я вѣрю, какъ бы въ Бога,
Твои слова я свято берегу...
Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя нашла
Безъ чувствъ, холоднаго у Колизея,
Мнѣ что-то ясно говоритъ: вотъ онъ,
Кого душа твоя искала...
И я повѣрила себѣ... О, Стѣно,
Мнѣ упоительно дышать съ тобой!
Люби меня... и буду я тебя
Лелѣять какъ мать сына... и когда
Свое чело горячее на грудь
Ко мнѣ ты склонишь, я сотру лобзаньемъ
Твои морщины... Стѣно...

Стѣно. Джуліа, Джуліа!
Мнѣ больно тебя видѣть!
(Джуліа блѣдная падаетъ на колѣна, устремляя глаза на Стѣно и обнявъ его ноги).
И такъ и ты, несчастное созданье,
Въ мою ужасную судьбу вовлечена.
Любви ты просишь? Джуліа, это сердце...
Въ немъ крови нѣтъ... Давно, давно
Оно изсохло, Джуліа... Въ моей власти
Все, все, но не любить... Послушай...
Но, можетъ-быть, тебя разочаруютъ
Мои слова... ты еще вѣришь въ счастье.
Мнѣ, дѣва... жаль тебя...
Оставь меня... я, я любви не стою.
Мнѣ ль, изможденному, принять тебя,
Кипящую любовью и желаньемъ,
Въ мои холодныя объятья... Нѣтъ!
Прости мнѣ, Джуліа... будь мнѣ другомъ...
Но не теряй своей прелестной жизни
Любить меня...

Джуліа. О Стѣно... я умру.

Стѣно *(поднимаетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни).*
Не умирай, Джулістта... О подумай,
Мнѣ ль перенесть ту мысль, что я, несчастный,

Проклятый небомъ, твой убійца... Нѣтъ!
Я буду слишкомъ тяжко проклятъ небомъ!..
Тебѣ такъ хорошо?

Джулія. О, я готова
Здѣсь умереть. Но разскажи мнѣ, Стѣно,
Молю тебя какъ друга, твою жизнь!
Ты еще молодъ, а морщины рѣзко
Змѣятся на челѣ твоемъ... И... можно ль
Мнѣ какъ сестрѣ его поцѣловать?
(*Цѣлуетъ его*).

Стѣно. Джулія! Джулія!
Много ночей не спалъ я; много горя
Я перенесъ въ свою короткую,
Но тягостную жизнь... Послушай...
Я долго жилъ, какъ живутъ дѣти
Безъ горя и сознанія въ горе міра.
Я былъ невиненъ какъ ты, Джулія,
И добръ. И я любилъ людей,
Любилъ какъ братьевъ. Я узналъ ихъ послѣ...
Не зналъ я мать... Но я любилъ Природу,
Не зналъ отца... но Бога я любилъ.
И зналъ я одну дѣву... для меня
Она была всѣмъ... міромъ... и она
Меня любила. О я ее помню!
Ты на нее похожа; но глаза
Твои чернѣе ночи; у моей
Небесной были очи голубыя
Какъ это небо... я ее любилъ,
Любилъ, какъ любятъ въ первый разъ, любилъ,
Какъ Бога и свободу... *(Закрываетъ лицо руками.)*
О!

Джулія. Ну, что же?

Стѣно. Ни слова болѣе; мнѣ больно, Джулія,
Разстравливать былыя раны.

Джулія. Слушай.
Ты меня знаешь; я передъ тобой
Открыла свою душу: и холодно

Ты мнѣ внималъ; мое моленье
Отвергъ ты, Стѐно... Я не въ силахъ видѣть
Тебя и не любить... И такъ прости.
Ты отравилъ жизнь дѣвы... Но прощаю
Тебя я, Стѐно... Ты молчишь, прости!
А ты любилъ! *(Уходитъ Джулія.)*
(Минута молчанія).

Стѐно (*все сидя на камнѣ*).
Когда я былъ еще ребенкомъ... помню
Я этотъ день... однажды къ намъ взошла
Старуха... и потухшіе глаза
Она на мнѣ остановила... Тихо
Взглянула въ очи мнѣ и молвила печально:
„Онъ много горя испытаетъ: много
Заставитъ горя испытать другимъ".
И тихо удалилась... предсказанье
Сбылось!.. *(Молчаніе).*
Какъ это небо ясно! Чуднымъ
Оно нагнулось сводомъ надъ землей;
Тамъ тихо все; а на землѣ все бурно,
Какъ это море въ непогоду... Чѣмъ-то
Роднымъ сіятъ небо человѣку
И въ голубыя, свѣтлыя объятья
Неслышнымъ голосомъ зоветъ. Но насъ
Къ себѣ земля землею приковала
И грустно намъ! . . . . . .
. . . . . Вотъ снова я, проклятый,
Еще одно прелестное созданье
Своимъ прикосновеніемъ убилъ.
О, если бъ мнѣ, мнѣ одному сносить
Тяжелое ярмо моего горя!
Его бъ носилъ я гордо, молчаливо,
Безъ ропота, покамѣсто оно
Меня бы раздавило... Я бы умеръ
Такъ, какъ я жилъ... Но видѣть, что въ свое
Проклятіе другихъ я завлекаю,
Но раздѣлять свое ярмо — нѣтъ, лучше
Пускай оно меня убьетъ! *(Долгое молчаніе).*

Темнѣетъ.

О, мнѣ отраднѣй ночью! Тогда темно
Все на небѣ и здѣсь какъ въ моемъ сердцѣ.
Но тихо все покоится, когда
На небо ляжетъ ночь... а мнѣ она
Не принесла мгновенія покоя!
Какъ здѣсь пустынно все! Едва, едва
Доходитъ до меня шумъ Тибра,
Носимый вѣтромъ. Море спитъ и ясно
Въ немъ отражается луна. Вонъ тамъ
Мелькнула барка, какъ предъ бурей
Надъ моремъ чайка... Тихо, тихо
Колышется угрюмый лѣсъ. Роса,
Какъ небу виміамъ земли — прозрачной
Туманной пеленой по глади моря
По лѣсу стелется... Все тихо... Я одинъ
Въ семъ океанѣ тишины и мира
Стою, терзаемый самимъ собой...

. . . . . .

Вонъ вьется воронъ. Можетъ-быть, летитъ
Онъ къ своимъ дѣтямъ; онъ ихъ любитъ.
Но Стѐно, что *ты* любишь? Ко всему
Я чувствую невольное презрѣніе
Не потому, что лучше я людей...
Нѣтъ, нѣтъ! Я хуже ихъ! Какой-то демонъ
Отнялъ у меня сердце и оставилъ
Мнѣ жалкій умъ! *(Минутное молчаніе.)*
Пора домой.

СЦЕНА III.

Домъ Джакоппо. Джуліа одна.

Я долго не любила; долго, долго
Меня лелѣяла судьба... о, неужели
Жить и страдать одно и то же... Вотъ
Однажды что-то новое во мнѣ
Проснулось и—что это было
Я выразить не въ силахъ; но я знаю,

Что съ той поры мнѣ что-то говорило,
Что я вступаю въ жизнь иную. Я
Съ довѣрчивостью робкой въ новый міръ
Взошла. И вотъ *онъ* предо мной
Стоялъ во всемъ величіи мужчины,
Какъ царь, какъ Богъ. О, до того мгновенія
Душа ждала любви, не понимая
Любовь!.. Но онъ былъ здѣсь и глубоко запала
Она мнѣ въ грудь... Я жадно, съ наслажденіемъ
Ей предалась, дышала ей, а онъ!.. (*Минута молчанія*).
Какъ чуденъ онъ! Подъ мраморнымъ челомъ
Привѣтливо сіяютъ его очи,
Какъ море голубыя. Блѣденъ онъ;
И я люблю, когда мужчина блѣденъ.
Я слышала, что это признакъ гордой
И пламенной души... О, Стѐно, Стѐно,
Мнѣ долго жарко будетъ ложе
И безпокоенъ сонъ! . . . . . .
. . . . . Но мнѣ ли,
Мнѣ ль, слабой дѣвѣ, обратить вниманіе
Царя людей... Когда я съ нимъ, во мнѣ
Сжимаетъ сердце робкій ужасъ... Что-то
Мнѣ говоритъ, что съ мощнымъ духомъ я
И никогда мой взоръ не снесъ сіянія
Его очей!.. (*Входитъ Джакоппо*).

Джакоппо. Я радъ тебя найти,
Послушай, сядь поближе... Помнишь, Джуліа,
Ты смерть отца?

Джуліа. Джакоппо?

Джакоппо. Передъ смертью
Онъ насъ позвалъ и молвилъ: „Мнѣ недолго
Осталось жить. И я довольно пожилъ!
Мнѣ семьдесятъ три года. Пора къ Богу!“
И мнѣ сказалъ онъ: „Слушай, тебѣ Джулію
Невинной дѣвой я отдалъ... Смотри,
Отдай ее невинной въ руки мужа!“
Я это помню.

Джуліа (*встаетъ съ негодованіемъ*). Джакопо!

Джакопо. Но, сестра,
Я долженъ былъ тебѣ сказать все то,
Что мнѣ давно на сердцѣ тяготило.
И я не могъ молчать. Для этого и слишкомъ
Тебя люблю. Но мнѣ отецъ сказалъ:
Придетъ онъ изъ могилы, если
Не сохраню его завѣта.—Я!
Ему поклялся я — онъ умеръ.
И я сдержу, клянусь святою дѣвой,
Этотъ обѣтъ. И мнѣ ли, мнѣ ль снести,
Чтобы... Патрицій отъ бездѣлья
Тебя бы смялъ и бросилъ... Я молчу.
(*Быстро*). Ты любишь Стѐно?

Джуліа (*задумчиво*). Да... (*Быстро.*)
Нѣтъ, нѣтъ, Джакопо!
Не вѣрь мнѣ—нѣтъ!

Джакопо. Бѣдняжка! понимаю.
Тебѣ должно быть тяжело; но, Джуліа,
Пойду къ нему я; прямо, откровенно
Я все ему скажу, и если ты доселѣ
Была *мою* Джу́ліей...

Джуліа. Не хо́ди;
О не ходи! Мой добрый другъ, Джакопо,
Тебѣ ли сдѣлать то, чего...

Джакопо. Ну что жъ...

Джуліа. Я сдѣлать не могла!

Джакопо. А, *вы* съ нимъ объяснялись?

Джуліа. Невинна я, невинна, мой Джакопо!
Не говори такъ съ бѣдною сестрой,
Я ужъ и такъ страдаю!

Джакопо (*пылко*). О!
Меня ты знаешь, Джуліа; я готовъ
За тебя дать всю мою кровь, и даже,
А это много, Джуліа, мою честь.
Но слушай. Да, ты его любишь,

Я это знаю. Сохрани, Мадонна,
Когда глядитъ онъ на тебя съ однимъ
Желаньемъ мгновеннымъ или страшно
Подумать мнѣ... (*шопотомъ*) съ презрѣньемъ...

Джулія. О, мой другъ,
Меня не любитъ онъ.

Джакоппо. Тебя не любитъ онъ?
Джулія. Онъ мнѣ сказалъ, что въ его сердцѣ
Страстей ужъ нѣтъ; что я ему жалка...
И... говорилъ... что онъ любилъ когда-то
И съ той поры онъ пересталъ любить.

Джакоппо. И... ты ему жалка? Мнѣ это слово
Не нравится, сестра... Но если онъ
Тобою презираетъ — неужели
Въ тебѣ нѣтъ гордости довольно, Джулія,
Презрѣть имъ?

Джулія. Я его забуду.

Джакоппо. Джулія...
Ну, до свиданья!
(*Про себя.*) Я его спрошу,
Спрошу его, клянусь Мадонной, что
Онъ понималъ подъ словомъ жалко; Боже!
Не дай погибнуть Джуліи!
(*Уходитъ Джакоппо*).

Джулія. О Мадонна!
Пойдетъ онъ къ Стѐно... брата знаю я,
Онъ вспыльчивъ... и... мнѣ сердце замираетъ...
(*Бросается на колѣна.*) О Боже мой... Тебя я умоляю
Спаси... спаси... кого? О я сама не знаю!
(*Шопотомъ.*) Спаси... *его!* (*Вскакиваетъ.*)
О! что сказала я!
И вотъ какъ *жить* я начала... О сердце!
Его холодною рукою раздавила
Моя судьба... а мнѣ шестнадцать лѣтъ!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Ночь. Внутренность готической церкви. Стѐно, одинъ.

Стѐно.

Когда мнѣ тяжко быть однимъ съ собою
И въ сердце вкрадется тоска... я часто
Хожу сюда. Мнѣ здѣсь отрадно. Нынче
Меня томилъ мой демонъ; и хотя
Привыкъ я съ нимъ бороться—но я долженъ
Былъ уступить... Въ моей груди такъ бурно—
А здѣсь какъ дышитъ все покоемъ... Да!
Здѣсь что-то есть гораздо выше насъ!
(*Минута молчанія*).
Передо мною прямо, слабымъ свѣтомъ
Лампады озаренное, я вижу
Изображеніе святаго Павла.
Онъ строго, зорко смотритъ на меня
Какъ будто съ укоризной...
(*Улыбаясь.*) Стѐно!.. Чудный,
Прекрасный старецъ! На его челѣ
Читаешь ясно его вѣру. Важно
Его безстрастное чело... Художникъ
Исполнилъ дивно свою мысль!..
. . . . . Какъ темно!
Едва змѣится свѣтъ лампадъ по мрачнымъ
И низкимъ сводамъ церкви... и луна
Сіяетъ въ узкія окошки, ясно
Рисуя ихъ на каменномъ полу,
Да, это чудно... но на это я
Не промѣняю—нѣтъ—моего неба,
Моего неба съ ясными звѣздами,
Моего моря съ бѣлыми валами,
О, это ближе мнѣ!..
(*Входитъ Антоніо*).

Антоніо. Благословенъ
Да будетъ Богъ!

Стѣно (*съ досадой*). Опять! и это
Монахъ!

Антоніо (*подходя къ нему*).
Мой сынъ...

Стѣно. Оставь меня, старикъ;
(*Взглянувъ на него*).
Не говори со мною, другъ... Твоей
Молитвы ждетъ твоій Богъ.

Антоніо. Я это знаю;
Но я люблю уединеніе...

Стѣно. А!
Ты меня гонишь вонъ... я вижу—
Да, ты *монахъ!*

Антоніо. Я?.. Ты сюда пришелъ
Не къ Богу.

Стѣно. О, ты думаешь, что святость
Твои глаза довольно изощрила,
Чтобы читать въ моихъ?

Антоніо. Нѣтъ; я не святъ,
Но я въ твоихъ глазахъ читаю.

Стѣно. Слушай,
Ты старъ. Я это вижу. Передъ Богомъ
Ты долго былъ во прахѣ... Но повѣрь...
Я больше жилъ, чѣмъ ты. Въ твоей груди
Давно погасли страсти, а въ моей
Убито все—и доброе и злое...
Теперь здѣсь пусто... да!

Антоніо. Я тебя понялъ.

Стѣно. Нѣтъ!
Ты думаешь, что я убилъ безумно
Въ началѣ жизни мою жизнь? О нѣтъ!
Во мнѣ она погасла... Вѣрь мнѣ, старецъ!..
Послушай... ты увѣренъ сильно,
Что въ сердцѣ человѣка вмѣстѣ съ жизнью
И вмѣстѣ съ кровью вѣра есть. Но я,
Какъ неба, жажду вѣры... жажду долго,

А сердце пусто до сихъ поръ. О, если
Ты мнѣ ее, мой старецъ, возвратишь,
То я готовъ всю жизнь тебѣ отдать...
Все!.. все—но ты не можешь!

Антоніо. Ты мнѣ жалокъ.

Стѐно. *Тебѣ я* жалокъ!.. Твое имя?

Антоніо. Имя
Мое—Антоніо.

Стѐно. Ты боишься ль смерти,
Антоніо?

Антоніо. Нѣтъ.

Стѐно. А я ее боюсь. Но, старецъ,
Не думай, что какъ робкое дитя
Боюсь я жизнь покинуть. Видитъ небо!
Она была мнѣ въ испытанье! Но
Что будетъ—о скажи мнѣ—когда тѣло
Придетъ назадъ въ объятья земли—
Что будетъ тамъ? и будетъ ли, скажи мнѣ,
Антоніо, это тамъ?

Антоніо. Скажи мнѣ, Стѐно,
Что тебѣ сердце говоритъ?

Стѐно. Молчитъ.

Антоніо. Ты произнесъ свой приговоръ.

Стѐно. О старецъ!
Смотри... ни передъ кѣмъ подъ небомъ и надъ нимъ
Не преклонялъ колѣна Стѐно. Видишь—
Я предъ тобой... Старикъ, я умоляю
Тебя твоимъ спасеніемъ... О, подумай
О томъ, что ты отвѣтишь мнѣ... Но ты...
(*Пристально взглянувъ ему въ глаза.*)
Не въ силахъ... нѣтъ! (*Встаетъ быстро.*)

Антоніо. Я слабый смертный, Стѐно,
И мнѣ ли, грѣшному, произнести
Губительное слово приговора!..
Молись!

Стѐно (*быстро, съ негодованіемъ*). Я это зналъ! Молиться!
О, если бъ видѣлъ ты, монахъ, какъ долго
Во тьмѣ ночей, въ тоскѣ прошу я Бога
Мнѣ силу дать молиться. Но напрасно
Слова святыя я произношу...
Онѣ въ душѣ отвѣта не находятъ...
Ее имъ не согрѣть, Антоніо!

Антоніо (*схвативъ его руку*).
О, наконецъ, я понялъ тебя, Стѐно!
Какъ трудно, тяжко тебѣ жить,
Ты могъ бы быть великимъ, дивнымъ
И... Боже!

Стѐно. О Антоніо!.. Я готовъ
Отдать всю мою кровь по каплѣ,
Но дайте мнѣ мгновеніе покоя,
Но дай мнѣ слезы! Больно мнѣ, Антоніо,
Но я не знаю друга. Въ этомъ мірѣ,
Въ этомъ огромномъ мірѣ я одинъ. И люди
Меня прозвали злымъ... Но это мнѣ не нужно,
Я выше ихъ и мнѣнія ихъ. Въ моей
Груди есть міръ: теперь онъ міръ страданія,
Онъ могъ быть міромъ силы и любви!
(*Минутное молчаніе*).

Антоніо. Зачѣмъ сюда пришелъ ты, Стѐно?

Стѐно. Я?
Мнѣ эти своды вѣютъ міромъ.

Антоніо. Стѐно,
Останься здѣсь.

Стѐно. На жизнь?

Антоніо. Да.

Стѐно. Нѣтъ.
Я здѣсь бы умеръ—я люблю свободу.

Антоніо. Свободу? ты?

Стѐно. О, знаю я, Антоніо,
Что я свободенъ такъ же, какъ убійца,
Которому надъ плахой сняли цѣпь.

Я не живу; но я призрастаю,
Но я дышу...

Антоніо. И это жизнь, о Стѣно?

Стѣно. Нѣтъ. Но Антоніо—мнѣ жизнь эту
Покинуть страшно. Смерти жажду я
И смерти я боюсь... И въ этой, старецъ,
Подумай, въ этой тягостной борьбѣ
Живу я... но мнѣ трудно. Я слабѣю.
И эту мысль въ могилу понесу я,
Что, когда это сердце разорвется,
Измученное горемъ и тоской,
Все то, что хоронилъ я въ своей груди,
Что мыслилъ я высокаго, всѣ думы
Моей души и все, что на землѣ
Я выстрадалъ,—вся моя жизнь, Антоніо,
Исчезнетъ безотвѣтно въ молчаливыхъ,
Безмолвныхъ нѣдрахъ вѣчности—мой старецъ,
Какъ *ты* счастливъ!

Антоніо. Послушай, Стѣно,
И я какъ ты зналъ горе. Вотъ, ты видишь,
Моя глава ужъ побѣлѣла—но
Повѣрь мнѣ, другъ,—здѣсь страсти бушевали,
Какъ и въ твоей. Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ
И *человѣкъ* давно убитъ во мнѣ,
Но часто грусть меня беретъ невольно
И давитъ слезы изъ потухшихъ глазъ. О, бурно
Провелъ я молодость. Но, наконецъ,
Мнѣ надоѣлъ развратъ и надоѣла
Мнѣ жизнь. Вотъ Стѣно. Я однажды
Увидѣлъ дѣву... Стѣно, это было
Давно тому назадъ—но свято помню
Я мою Лору. О! она была
Прелестнѣй неба. Ожилъ я. Мнѣ снова
Привѣтно улыбнулась жизнь.
Я полюбилъ. Но не хотѣлъ Творецъ,
Чтобъ я ее, нечистый, осквернилъ
И взялъ къ себѣ на Небо. И я понялъ

Здѣсь Божій перстъ. И съ той поры къ нему
Я бросился съ любовью въ объятья,
Какъ сынъ къ отцу. И сталъ я снова жить.
Узналъ я сонъ и сладость быть слугой
Того, Кто создалъ необъятное однимъ
Всесильнымъ словомъ. И съ тѣхъ поръ я здѣсь,
Мнѣ здѣсь отрадно.

Стѣно. О Антоніо!
Я жилъ не такъ, какъ ты. Я мирно
Провелъ тѣ годы, гдѣ ты бурно жилъ.
Молчитъ у меня совѣсть. И ты видишь,
Какъ я страдаю. Я скажу тебѣ
Мое проклятіе. О старикъ, старикъ!
Молись, да не постигнетъ и тебя
Оно—старикъ—это сомнѣнье. (*Уходитъ.*)

Антоніо. Стѣно...
Онъ ужъ ушелъ. Какъ много силы въ немъ!
Какъ много въ немъ страданья. Въ немъ Творецъ
Намъ показалъ примѣръ мученій
Людей съ могучею душой, когда
Они, надежные на свои силы,
Одни пойдутъ на встрѣчу міра
И захотятъ его обнять.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Стѣно.

Стѣно (*одинъ*).
Мнѣ легче. Все, что въ моей груди
Я горя и страданія носилъ,
Я вылилъ въ грудь чужую. Этотъ старецъ—
Онъ меня понялъ. О, по крайней мѣрѣ,
Я буду знать, что есть подъ этимъ небомъ
Одно живое существо, кому
Я, можетъ-быть, могу себя довѣрить.
До этихъ поръ мои страданья я
Безмолвной ночи довѣрялъ. О, если бъ
Она могла пересказать все то,

Что здѣсь (*кладя руку на грудь*) лежитъ какъ камень на могилѣ.
Ей люди бъ не повѣрили. Нѣтъ, нѣтъ,
Они бъ меня не поняли. Меня
Съ душой обыкновенной люди,
Нѣтъ—не поймутъ. Я имъ высокъ. Когда
Я молодъ былъ душой и вѣрилъ
Въ любовь, я зналъ одно созданіе,
Которое мнѣ было равно. О,
Ее не позабыть мнѣ никогда!
Душами были мы родные
И мы другъ друга понимали. Двое
Мы составляли міръ—и онъ былъ чуденъ
Какъ все, что на землѣ не человѣкъ.
Въ ея очахъ читалъ я ея душу,
Въ моихъ очахъ была моя душа...
Но духъ ея для тѣла нѣжной дѣвы
Былъ слишкомъ мощенъ и великъ.
Онъ разорвалъ съ презрѣніемъ препону
Его могучихъ силъ. — А я... проклятый
Остался здѣсь. И съ этихъ поръ напрасно
Я душу сильную, великую искалъ.
Все это такъ ничтожно передъ нею.
Съ своими мелкими страстями люди
Мнѣ опротивѣли. *Мой* міръ мнѣ опустѣлъ,
А этотъ міръ мнѣ тѣсенъ былъ. Во мнѣ
Возстало гордое желаніе, чтобы
Никто моихъ страданій не узналъ,
И я вступилъ въ борьбу съ своей судьбою.
И если я паду — тогда узнаютъ люди,
Что значитъ воля *человѣка*. Низко
Поставили они названіе это,
И я хочу его возвысить — не смотря
На то, что люди этого не стоятъ. (*Молчаніе.*)
(*Подходитъ къ окну.*)
На небѣ буря. Вѣтеръ гонитъ тучи
Своими черными крылами. Вотъ порой
Взрываетъ молнія небо. Море ходитъ
Высокими, пѣнистыми волнами,

Какъ будто негодуя, что нельзя
На землю ему ринуться. О чудно!
Какъ я люблю, когда Природа гнѣвно
Могучая всѣ силы соберетъ
И разразится бурей. Что-то есть
Родное мнѣ въ мученіяхъ дикихъ неба,
И молніей загорится вдохновеніе
Въ святилищѣ души и мое сердце,
Какъ будто вырваться готово изъ груди...
О, я люблю — люблю я разрушеніе!

(*Входитъ Маттео*).

Маттео. Синьоръ. — Молчитъ. Опять! Какой-то странникъ
Васъ хочетъ видѣть.

Стѐно. Что людямъ до меня,
А мнѣ до нихъ. Кто онъ?

Маттео. Онъ умоляетъ
Васъ тѣмъ, кто спасъ васъ нѣкогда.

Стѐно. А это
Джакопо! Ну... введи его.

(*Ух. Маттео, вх. Джакопо.*)

Стѐно. Джакопо,
Тебя не ждалъ я.

Джакопо. Право, синьоръ?

Стѐно. Право?
Что за вопросъ, рыбакъ?

Джакопо. Да, я рыбакъ.
И слава Богу! Я не такъ какъ вы,
Не знаю то, что хорошо и худо
Между людьми. И я свободенъ, синьоръ,
Мнѣ весело на Божій міръ смотрѣть
И на людей. Мнѣ жить привольно,
Но у меня сестра.

Стѐно. А! Джуліа!

Джакопо. Лучше—
Клянусь святымъ Геннуаріемъ [1] — лучше бъ было,
Когда бъ не знали ея имя вы!

[1] Святой, покровительствующій рыбакамъ.

Да, синьоръ. И съ такимъ презрѣніемъ — гордо
Вы не смотрите на меня. Я чистъ
Предъ Богомъ и людьми и смѣло
Вашъ встрѣчу взоръ. Покоенъ я.

Стѐно. Послушай...
Ну — продолжай.

Джакоппо. Вы можетъ быть забыли,
Что я васъ нѣкогда принесъ въ свой домъ
Безъ жизни и холоднаго. Я Бога
Благодарилъ за то, что онъ позволилъ
Мнѣ сдѣлать доброе. И, синьоръ, вы
Мнѣ показались добрымъ. До тѣхъ поръ
Не знали горя мы. Моя Джуліетта
Была рѣзва и весела. Однажды
Я на глазахъ ея засталъ слезу
И грусть на молодомъ челѣ. И я
Узналъ, что она любитъ. Вы... *вы*, Стѐно,
Ей отвѣчали, что она жалка
Вамъ... синьоръ. Я поклялся Богомъ,
Что я узнаю все отъ васъ. Я здѣсь
И жду отвѣта.

Стѐно. Слушай. Хладнокровно
Тебѣ внималъ я. И мнѣ жалко стало
Тебя. Я понимаю. Но клянуся,
Что Джуліа невинна. Я не въ силахъ
Ее любить... Джакоппо, не понять
Тебѣ меня, но я любви не знаю.
Прощай!

Джакоппо. Я вѣрю вамъ. Но моя Джуліа...
О, сколько бѣдъ вы причинили, Стѐно!
Ее это убьетъ. И предо мной
Она завянетъ. Боже! Боже — ты
Послалъ на насъ годину испытанія,
Но я клянусь вамъ, если моя Джуліа...
Если ея не станетъ — о тогда
Ненужно будетъ мнѣ знать, кто виновенъ.
Тогда пусть судитъ Богъ меня! (*Уходитъ*).

Стѣно. Джакопо...
. . . . . Онъ мнѣ жалокъ. На него
Смотрѣлъ я, какъ на идеалъ того,
Чѣмъ человѣкъ былъ нѣкогда. И я
Вложилъ ему огонь мученія въ грудь
И сталъ межъ нимъ и счастьемъ. Стѣно,
Да, тебѣ тяжко будетъ умирать . . . . .
. . . . . .
(*Громко и повелительно.*) Маттео!
(*Вх. Маттео*).
Маттео. Синьоръ...
Стѣно (*глухо и порывисто*).
А!.. останься здѣсь!..
Останься здѣсь, Маттео... Страшно мнѣ
Быть одному... и тайный ужасъ грудь
Тѣснитъ и жметъ... Мнѣ сердце говоритъ,
Что что-то грозное ко мнѣ подходитъ...
Ко мнѣ идетъ... мой демонъ...
Маттео. Синьоръ, синьоръ,
Мнѣ жутко...
Стѣно (*все дичe и дичe. Свѣчка гаснетъ*). Близокъ онъ. На меня вѣетъ,
Маттео... чѣмъ-то неземнымъ...
Маттео. Ave Maria!
Стѣно. О... замолчи! Неслышными шагами
Подходитъ онъ и горе мнѣ!.. Но, Стѣно,
Тебѣ ль какъ робкой дѣвѣ... О, мнѣ стыдно —
Пусть моя кровь въ груди оледенѣетъ
И высохнутъ глаза при встрѣчѣ съ тѣмъ,
Кому нѣтъ имени... Но я... вотъ онъ!
Маттео. Мадонна... помоги! (*Падаетъ въ обморокъ.*)
(*Въ вышинѣ слышенъ звукъ, какъ будто лопнула струна. Во мракѣ постепенно образуется бѣлая окровавленная фигура*).
Голосъ (*слабо*). Стѣно... Стѣно... Стѣно...
Стѣно (*опершись на столъ*). Кто ты?
(*Молчаніе*).
. . . . . О, именемъ того,
Кто власть имѣетъ надъ тобою — всѣмъ,

Что тебя выше — заклинаю я
Тебя — кто ты? (*Молчаніе.*)
Моимъ познаніемъ...
Моимъ мученьемъ заклинаю я
Тебя — кто ты?

Голосъ. Твой демонъ.

Стѣно. Ты... мой демонъ,
И эта кровь...

Голосъ. Твоя.

Стѣно. Моя!

Голосъ. Я взялъ
Чистѣйшую кровь твоей груди.

Стѣно (*шопотомъ*). Страданіе!
Голосъ. (*Пѣніе*). Въ тебѣ я видѣлъ дивный умъ,
Кипящій силой, полный думъ.
И я сказалъ: ему не быть великимъ.
Моимъ губительнымъ дыханіемъ
Я его душу оскверню.
Онъ будетъ мой иль я его... Съ тобой
Мнѣ труденъ былъ упорный бой,
Но я исполнилъ предсказанье...
Я твой владыка!

Стѣно. Ты... владыка Стѣно!
И это ты мнѣ говоришь! Проклятіе!
Я вѣдаю — есть тайна, предъ которой
Ты блѣдный рабъ.
Но въ мірѣ силы нѣтъ, передъ которой
Я бы колѣна преклонилъ. И даже,
Когда въ моей груди раздавятъ сердце,
Которое страдаетъ такъ — я буду Стѣно.
Исчезни! (*Все исчезаетъ*).
О, мнѣ дурно! Онъ исчезъ,
Но знаю я, что здѣсь онъ. Не хочу
Минуты я унизиться до скорби;
Но тяжело мнѣ вѣчно быть подъ нимъ.

Мученіе! и этакъ жить! нѣтъ, лучше,
О, лучше умереть! мнѣ слишкомъ тяжко!

(*Послѣ минуты молчанія*).

Но, Стѐно... ты подумай... что избрать —
Ничтожество или страданіе?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(Утро. То же мѣсто, какъ въ явленіи 2-мъ дѣйствія 1-го).

Стѐно *(одинъ)*.

Мнѣ все онъ отравилъ. Да, все. И это небо
Такъ ясное и свѣтлое меня
Не радуетъ. Все, что еще могло
Въ моей груди убитой—скорбь и горе
Утишить на мгновеніе—теперь
Мнѣ кажется покрытымъ чѣмъ-то мрачнымъ.
Я чувствую, что надо мною онъ
На меня вѣетъ холодомъ. Да—правда,
Судьба ожесточилась на меня
И не дастъ минуты мнѣ покоя.
Пускай! Пока паду—стоять я буду;
Но если я паду—не встану я.

. . . . . .

Одна дорога мнѣ осталась. Да!
Я не одинъ, преслѣдуемый рокомъ,
Но люди есть, которые тогда
Все доброе въ своей груди задавятъ
И станутъ ниже человѣка. Правда,
Тогда они несчастья не узнаютъ,
Но отъ того, что слишкомъ станутъ низки,
Они—чтобъ быть предметомъ гнѣва
Судьбы. И мнѣ ли, мнѣ, который
Такъ долго съ ней боролся, избѣжать
Ударовъ моего врага—упавъ,
Какъ подлый рабъ къ ея ногамъ. Мнѣ стыдно,
Что я мгновеніе это думать могъ.

. . . . . .

Но нѣтъ! Когда я, полныя тоскою
На небо очи подымаю—мнѣ
Все еще вѣетъ чѣмъ-то дивнымъ, свѣтлымъ
Отъ синяго его шатра. Я знаю
Мнѣ говоритъ мой умъ, что за могилой
Нѣтъ ничего—что все, что я желалъ,
Что все, что я мечталъ, обманъ и сонъ.
Но что-то есть во мнѣ—какой-то
Неслышный голосъ—онъ мнѣ говоритъ,
Что моя родина не здѣсь. Скажи—
Скажи мнѣ, небо,—о, зачѣмъ такъ свѣтло,
Тамъ высоко стоишь ты надъ землей. Въ мою
Истерзанную грудь желаніе
Врывается къ тебѣ, къ тебѣ летѣть
И я горю и что же? Бренной цѣпью
Къ землѣ прикованъ я—и нѣту силъ
Ее порвать могучею рукою...
Какъ я смѣшонъ съ моимъ умомъ!

(Вх. Джуліа, не замѣчая Стѣно.)

Джуліа. Давно
Ужъ встало солнце, а Джакоппо нѣтъ.
Тоска лежитъ на сердцѣ. Боже, Боже!
Что со мной будетъ, если онъ—который
Меня такъ горячо любилъ... о, если
Его ужъ нѣтъ—мнѣ не снести той мысли,
Что его убійца—Боже—Стѣно!
(Стѣно не примѣчаетъ Джуліи и стоитъ въ раздумьѣ).
Мнѣ что-то говоритъ: бѣжи! Но сердце
Невольно говоритъ: постой... Меня
Не видитъ онъ... И... я теперь могу
Упиться его дивной красотою.
Я не могла... тогда... глядѣть на Стѣно...
Всегда встрѣчала его очи я. Онъ чудень!
Безуміе гордое въ его очахъ лежитъ,
Но на челѣ его страданіе... Да—
Въ немъ страждетъ сердце...

(Минутка молчанія).

Гдѣ ты, гдѣ ты
Мой другъ, мой братъ?.. *(Шопотомъ.)* Какъ блѣденъ онъ! Онъ что-то
Невнятно говоритъ.

Стѣно *(глухо)*. Антоніо... да... я долженъ
Быть у него. Когда я съ нимъ, мнѣ легче,
И если онъ меня не остановитъ,
Не укротитъ моихъ мученій—я
Рѣшенъ. Въ ничтожной этой грязи
Мнѣ недолго ползать. И пускай
Между людьми, которые меня
Понять не могутъ и не въ силахъ,
Про Стѣно скажутъ, что онъ—робкій мальчикъ,
Не могъ снести тяжелое ярмо
Своего горя, своей жизни, что
Онъ отъ нея ушелъ въ могилу,—все мнѣ,
Все это такъ ничтожно! Не хочу
Я жить въ ихъ памяти; мнѣ было бы стыдно
Быть славнымъ у людей...

Джуліа. Я ничего не слышу,
Едва уста онъ шевелитъ—поближе.

Стѣно. Вотъ онъ опять; надъ моремъ онъ стоитъ,
Покрытый кровью; прямо въ очи
Мнѣ смотритъ онъ. Печальная насмѣшка
Въ его глазахъ и въ нихъ безсмертіе муки...
Куда я не смотрю, онъ предо мной!
Но пусть мои глаза заплачутъ кровью,
Я не закрою ихъ.

Джуліа. Какъ дико онъ
Глядитъ на море. На его челѣ
Лежитъ презрѣніе и ужасъ...

Стѣно. Онъ
Исчезъ. Но если бъ онъ еще одно
Мгновеніе бы остался—я бы умеръ:
Онъ своимъ взглядомъ тянетъ мнѣ изъ сердца
Всю кровь...

Джуліа. О Стѣно!

Стѣно *(вздрагивая)*. Кто здѣсь? Джуліа? ты?
Зачѣмъ ты здѣсь?

Джуліа. Я думала, что вы
Давно забыли, синьоръ, мое имя.

Стѣно. Зачѣмъ ты здѣсь? и...

Джуліа *(быстро)*. О, скажите мнѣ,
Гдѣ мой Джакоппо?

Стѣно. Я не знаю.

Джуліа. Богомъ
Молю я васъ, что сдѣлали вы съ нимъ?

Стѣно. Я его видѣлъ. Мы разстались мирно;
И онъ придетъ.

Джуліа. Зачѣмъ же вы такъ грустны... Я здѣсь давно.

Стѣно. Давно?

Джуліа. О, не сердитесь,
Я васъ не понимала никогда;
Вы слишкомъ для меня высоки; что-то
Вы говорили тихо... Я молчала...
И противъ воли вырвалось изъ груди
Изъ непокорной—ваше имя...

Стѣно. Джуліа...
Ты ничего не видишь тамъ... надъ моремъ...

Джуліа. Я, Стѣно? Ничего.

Стѣно. Нѣтъ? А... я вижу...
И что теперь передо мной—дай Богъ
Тебѣ, дитя, не видѣть!

Джуліа *(беретъ за руку Стѣно)*. Стѣно...
Твоя рука холоднѣй льда. Ты боленъ,
Пойдемъ ко мнѣ.

Стѣно *(мрачно)*. Прочь! Прочь! Мое дыханье
Губительно. Подходитъ онъ... подходитъ...
Я съ нимъ могу бороться. Но ты, Джуліа...
Иди, иди.

Джуліа. Нѣтъ, я останусь здѣсь.

Стѣно. Кто тебѣ право далъ?

Джуліа. Моя любовь!

Стѣно. Твоя любовь?

Джуліа. Да... да. Предъ этимъ небомъ,
Передъ тобой тебѣ я говорю—
Люблю тебя я, Стѣно... если жъ ты
Меня съ безчувственнымъ презрѣньемъ
Отринешь прочь...

Стѣно *(пронзительно глядя на нее)*. Ну, что же?

Джуліа *(падая на колѣни)*. О мой Стено!
Люби меня!

Стѣно. Ха! ха! *(Уходитъ.)*

(Джуліа остается на колѣняхъ и прячетъ руками лицо).

Джакоппо *(вбѣгая)*. Мнѣ вѣрить ли глазамъ!
Моя сестра лежитъ предъ нимъ въ пыли
И онъ... А, онъ ушелъ! И ты могла
Унизиться—ты, Джуліа,—до моленья!
И это видѣлъ я! Нѣтъ, это слишкомъ... слишкомъ.
Теперь что остается мнѣ? Мой ножъ—
Мой вѣрный ножъ—приди, приди ко мнѣ,
Не измѣни мнѣ!

Джуліа *(съ крикомъ вскакиваетъ)*. О Джакоппо!

Джакоппо. Да!
Пойдемъ! А—Стѣно, до свиданья.

(Оба уходятъ).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Келья Антоніо. На столѣ черепъ и Библія. Въ углу распятіе).

Антоніо, *одинъ.*
Ужъ скоро полночь. Лампа догораетъ,
Но сонъ меня не клонитъ. Я привыкъ,
Когда все тихо и темно, сидѣть

Одинъ и думать думу. Въ эти
Полночные часы ко мнѣ слетаютъ
Явленія странныя и чудныя, и я
Ясней читаю въ книгѣ жизни. Да—
Мои глаза, потухшіе давно,
Привыкли разбирать во тьмѣ видѣній
Слова великихъ тайнъ. Но тотъ,
Котораго я встрѣтилъ въ церкви,—да
Онъ выше сталъ меня и глубже
Проникъ въ грудь міра. Но—безумецъ!
Онъ жизнью купилъ страданія. Нѣтъ,
Такого знанія не хочу я. Люди
Мнѣ еще братья до сихъ поръ.

(*Слышенъ стукъ въ дверь и голосъ говоритъ*).

Антоніо!

(*Молчаніе*).

Антоніо!

Антоніо. Кто тамъ?

Голосъ. Стѐно.

Антоніо (*молча отворяетъ дверь, входитъ Стѐно*).

Стѐно. Я пришелъ
Къ тебѣ, старикъ, за дѣломъ тайнымъ...
Твой тѣсенъ домъ, Антоніо.

Антоніо. Гробъ тѣснѣе.

Стѐно. Но тамъ нѣтъ человѣка... Въ этой кельѣ
Онъ есть и онъ тутъ весь... А! этотъ черепъ!
Зачѣмъ онъ у тебя, монахъ?

Антоніо. Мнѣ онъ
О мнѣ самомъ напоминаетъ.

Стѐно. Да—
Подъ этой желтой костью—можетъ-быть,
Таилось много думъ и много силы.
И, можетъ-быть, здѣсь страсти бушевали—
И это мертвое чело огнемъ
Любви горѣло... а теперь!..

Кто знаетъ?
И черепъ мой къ монаху попадетъ,
И онъ его положитъ подлѣ Библіи
У ногъ креста. Его возьметъ другой
И тоже скажетъ, что я говорилъ
Теперь...

Антоніо. Мой сынъ...

Стѣно. Да я забылъ. Антоніо,
Садись и слушай. Но старикъ, когда
Во время моего разсказа здѣсь
Свидѣтель будетъ третій,—и твои
Подымутся на головѣ власы,
И тайный ужасъ въ грудь тебѣ заляжетъ—
Не прерывай меня, будь твердъ, Антоніо.
(*Минута молчанія*).

Антоніо. Я слышалъ—говори.

Стѣно. И такъ да будетъ!
Съ тобой идемъ мы въ страшный тайный бой,
Ты съ вѣрой другъ, я съ своимъ познаніемъ
И съ муками моими. Слушай, старецъ,
Передъ тобой я душу раскрывалъ
Тогда, какъ, помнишь, въ церкви я увидѣлъ
Тебя впервые. Но я приподнялъ
Тебѣ одинъ конецъ завѣсы; я
Къ тебѣ пришелъ, самимъ собой гонимый,
И всю ее открыть передъ тобой
Хочу теперь. Моя душа холодна,
И въ сердцѣ жизни нѣтъ. Но я хочу
Дышать свободнѣй и въ чужую грудь
Излить все мое горе и страданія.
Въ удѣлъ я получилъ при колыбели
Высокій умъ. И поть, когда, впервые
Смотря на небо, я себя спросилъ,
Кто создалъ этотъ дивный сводъ лазурный,
Во мнѣ проснулся онъ. Тогда еще
Во мнѣ душа была яснѣе неба,
И я пошелъ за Богомъ съ теплой вѣрой,

Съ горячей, пылкой вѣрой. И тогда
Узналъ я дѣву—на призывъ любви
Ея душа отозвалась моей. Она
Мнѣ по душѣ давно была родная,
И послѣ Бога я ее любилъ.
Однажды я ее искалъ—и долго
Не находилъ я моей дѣвы. Мнѣ
Вдругъ стало безыменно грустно. Съ той
Поры ея я не видалъ. И что-то
Въ меня чужое вкралось... Жутко стало
Мнѣ слушать въ церкви гимны Богу;
Наперекоръ судьбы хотѣлъ я стать
И ввѣрился уму. Вокругъ меня
Все измѣнялось быстро—я людей
Позналъ и глубоко. Все, что прекрасно,
Что дивно мнѣ казалось на землѣ,
Мнѣ опротивѣло. И сталъ я мраченъ,
Я чувствовалъ, какъ застывала кровь
Въ моей груди—во времена былыя
Столь пламенной и чистой—какъ чело
Мое бороздилось отъ глубокихъ думъ.
Я счастье сталъ терять и больно,—больно
Мечтать мнѣ было о быломъ. Но я
Тогда увидѣлъ—что напрасно
Мечтать мнѣ было о невозвратимомъ?
О, лучше быть раздавленнымъ, Антоніо,
Чѣмъ побѣжденнымъ, и не сталъ я вѣрить.
И съ той поры я умеръ для того,
Что любятъ люди. Я ужъ не страдалъ,
Во мнѣ убито было чувство горя.
Мой духъ окаменѣлъ. И думалъ я:
„Судьба меня оставитъ. Я довольно
Терпѣлъ". И вотъ однажды я въ груди
Засталъ давно погасшее волненіе
И тайный ужасъ. Надо мною что-то—
Я это чувствовалъ—ужасно тяготило...
И это былъ мой демонъ. Ты не вѣришь—
Антоніо—но знай же, что онъ здѣсь—

Мнѣ сердце говоритъ. И этотъ демонъ
Все то, о чемъ во тьмѣ ночей я думалъ,
О чемъ такъ долго, долго я мечталъ,
Мнѣ освѣтилъ, какъ будто мимоходомъ
И предо мной расторгнулъ на мгновеніе
Покровъ, лежащій на святомъ челѣ
Природы. Что же? Я увидѣлъ—бездну
Межъ мной и знаніемъ. Ожилъ я—мой взоръ,
Мой жадный взоръ хотѣлъ проникнуть тайны
Души и міра... но онѣ такъ быстро...
Мелькнули предо мной—и я не могъ
Постигнуть ихъ. Но я позналъ ничтожность
Того, что прежде думалъ я. О! О!
Здѣсь (*положилъ руку на чело*) хаосъ—а въ душѣ страданіе!
Какъ будто бы смѣяся надо мною,
Завѣсу мнѣ на мигъ онъ приподнялъ,
И снова она пала между мною
И цѣлымъ міромъ. О, это мученье
Ужаснѣй ада. Какъ? Передъ тобой
Лежитъ мѣта твоей несчастной жизни,
Ты къ ней... ты ее видишь—и нельзя!
Такъ близко быть и такъ далеко! Нѣтъ!
Пусть терпитъ рабъ—не Стѣно. Если
Меня не нужно смерти—я насильно
Отдамся ей!

Антоніо. О Стѣно! Никогда
Смерть не приходитъ слишкомъ поздно.

Стѣно. Нѣтъ!
Я не хочу—не долженъ жить. И что
Меня такъ тянетъ къ жизни? Я не нуженъ
Ни одному творенію на землѣ. И мнѣ
Не нужно ничего. Мнѣ въ тягость жизнь. И я
Хочу, желаю смерти.

Антоніо. Я молчу.
Когда ты самъ упалъ, то неужели
Ты думать могъ, что я, я, слабый старецъ,
Тебя рукою дряхлой подыму. Иди

Одинъ по трудному—тернистому пути
Безцѣтной и холодной твоей жизни,
И если ты дойдешь...

Стѐно (*вскакивая*). Молчи, молчи!
Твоя рука дрожитъ. Неправда ли, мой старецъ,
Ты видишь тамъ стоитъ онъ! онъ! все онъ—съ рукой
Поднятою, съ безжизненно-холодной
Улыбкой на сухихъ устахъ! Меня
Зоветъ онъ, я иду.

Антоніо. О Стѐно, Стѐно!
Съ твоимъ умомъ какъ низко ты упалъ!

Стѐно. Да, я упалъ. И эта мысль меня
Убьетъ. Тѣмъ лучше. Что я медлю!
Прощай! И если есть за гробомъ
Другое время—другой міръ—тогда
Мы съ тобой свидимся, Антоніо! (*Уходитъ Стѐно.*)

Антоніо. Нѣтъ.
Съ тобой не будетъ мнѣ свиданья,
И если ты насильственно взойдешь
Туда, гдѣ Судья насъ ожидаетъ,
Не искупятъ тебя твои страданья,
И съ горестью обнимешь ты тогда
Тобой давно желанное познаніе.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Джакоппо.

(*Въ глубинѣ кровать, покрытая занавѣской. На авансценѣ стоятъ Джакоппо и Ріензи*).

Джакоппо. Надежды нѣтъ?

Ріензи. Надежды?.. Мало.

Джакоппо. Ріензи, вы говорите брату.

Ріензи. Да, я знаю,
Вамъ грустно, больно; но я долженъ, долженъ,
Мой бѣдный другъ, васъ разочаровать.

Джакоппо *(схвативъ себя за голову)*. О этотъ Стѣно!..
И давно ли, Боже,
Моя Джулiетта въ очи мнѣ глядѣла
Съ улыбкой на устахъ! Она кипѣла жизнью
И жизнью дѣвы... А теперь—о, Рiензи,
У васъ была сестра?

Рiензи. Нѣтъ.

Джакоппо. О, мой другъ,
Если бъ вы знали, что у меня тутъ *(показывая на голову)*
И въ сердцѣ. Боже! Боже!

Рiензи. О молчите!
Вы слышите ль ея дыханiе?

Джакоппо *(остается недвижимъ; шопотомъ)*. Я? Нѣтъ! *(Съ пронзительнымъ крикомъ бросается къ кровати и раздергиваетъ занавѣсъ).*
Джулiа! Джулiа!

Джулiа *(слабо)*. Стѣно... (*Умираетъ*).

Джакоппо. Рiензи, Рiензи—
Скажите мнѣ... скорѣй...

Рiензи. Закройте ей глаза.

Джакоппо. О! (*Падаетъ безъ чувствъ на трупъ Джулiи.*)
(*Долгое молчанiе*).
Еще одно, еще одно дыханiе,
Молю тебя, сестра, еще одно.
Подумай, ты мнѣ, своему Джакоппо,
Ни слова не сказала. Джулiа... встань,
Скажи мнѣ слово передъ смертью, Джулiа
Которое я бъ могъ хранить какъ кладъ...
Меня всегда ты горячо любила,
И на привѣтъ привѣтомъ отвѣчала.
Теперь молчишь—ты—да! молчишь!
И твои руки такъ холодны, Джулiа?
Зачѣмъ глаза полузакрыла ты?
Ты знаешь, я люблю смотрѣться въ нихъ,
Они такъ чисты, такъ лазурны—

Какъ небо... Джуліа, Джуліа, отвѣчай...
О, она холодѣетъ!
(*Быстро вскакиваетъ и схватываетъ Ріензи*).
Стой! Ты отъ меня,
Убійца, не уйдешь! А что ты сдѣлалъ
Съ моей сестрой. (*Таща его къ кровати.*) Смотри, она мертва,
Но на щекахъ румянецъ не погасъ,
Ея глаза еще сіяютъ нѣгой,
И ты ее убилъ. О! дѣву... дѣву
Тебѣ не жалко было умертвить!
О, я тебя убью у ея ногъ (*вынимаетъ кинжалъ*).

Ріензи (*вырываясь*). Джакоппо! я Ріензи!

Джакоппо. Ха! ха! ха!
Какъ будто я не знаю Стѐно!
Но не уйдешь ты отъ меня,
Вотъ тебѣ жертва Джуліа!.. (*Бросается на Ріензи.*)

Ріензи (*становится на колѣни*).
О пощади!
У меня есть отецъ, жена и дѣти!
Я ихъ люблю—Джакоппо—моей кровью,
Невинной кровью ножъ не обагряй,
Она падетъ на твою душу!

Джакоппо. О!
У тебя есть жена и дѣти, Стѐно,
Теперь могу я мстить сестру! Меня,
Ничтожный, ты ея лишилъ! Ни слова—
Тебѣ пощады нѣтъ!

Ріензи (*вскакивая*). О, если такъ,
И если всѣ моленія напрасны...
На помощь мнѣ отчаяніе! (*Схватываетъ руку Джакоппо и смотритъ ему въ глаза.*)
Я Ріензи!
Смотри!

Джакоппо (*съ иронической улыбкой*).
А право! (*Хладнокровно.*) Ты умрешь!
(*Отталкиваетъ его—и съ бѣшенствомъ*). Прочь!

Ріензи (*трясетъ дверь*).
Дверь заперта! и нѣтъ спасенія!
Мадонна! помоги мнѣ!

Джакоппо. Ты зовешь
Мадонну! высоко до неба! (*Убиваетъ Ріензи.*)

Ріензи (*падая*). Мои дѣти. (*Умираетъ.*)
(*Молчаніе*).

Джакоппо (*опомниваясь*). На ножѣ кровь.
Чья это кровь? Не знаю.
Что было здѣсь? Кто это тамъ лежитъ
Съ кровавой раной въ лѣвой груди?
И кровь течетъ на бѣлый полъ,
Журча невнятно... Джуліа!.. Молчаніе.
(*Оглядывается назадъ*).
О вотъ она! (*Бѣжитъ и обнимаетъ ее.*) Теперь я понимаю...
О Боже... я убійца... Ріензи... Ріензи,
Мой добрый другъ, о встань! Нѣтъ—нѣтъ.
Ударъ былъ слишкомъ вѣренъ. Сердце... сердце...
Зачѣмъ это все мнѣ!
(*Молчаніе*).
Чу! они идутъ...
Ко мнѣ! Куда мнѣ скрыться... нѣтъ спасенья...
Находятъ трупъ кровавый... меня ищутъ...
Я здѣсь... я здѣсь... убійца здѣсь!
Меня убейте, какъ убилъ я Ріензи!
(*Молчаніе*).
На площади я вижу эшафотъ.
На немъ лежитъ... блеститъ сѣкира,
Въ телѣжкѣ съ палачемъ сидитъ
Убійца. И народъ стоитъ
Вокругъ него безшумными толпами...
Пора! пора! палачъ зоветъ,
Въ послѣдній разъ взгляни на небо!
И вотъ идетъ онъ. На его челѣ
Легъ ужасъ мрачной тучей... Вотъ кладетъ
Онъ голову на плаху... Стой! палачъ!
Этотъ убійца я!

Я вижу
Передо мной стоитъ отецъ. Онъ страшенъ
И дыбомъ на его главѣ стоятъ
Его сѣдые волосы. На Джулію
Онъ кажетъ мнѣ, и дикъ, и грозенъ
Огонь его очей. О пощади!
Отецъ; я не успѣлъ ее сберечь,
Какъ ты велѣлъ мнѣ, умирая...
Ее отмстить сумѣю я!
(*Сильно.*) И если
Моя рука убила друга... я
Еще не отомстилъ сестру. Клянуся небомъ,
И если бъ капля крови его тамъ
Давила душу каменной горою—
Мнѣ кровь его нужна. Да Стѣно—
Отъ мести брата не уйдетъ. Клянусь
Невинной этой кровью, клянуся
Я смертью Джуліи моей,
Я не сомкну своихъ очей,
Пока съ его потухшими очами
Не встрѣтятся они. Тогда
Пойду я къ судьѣ. Ему
Скажу я, синьоръ, я убійца,
Меня судить не нужно. Палачу
Отдайте рыбака Джакоппо,
И съ радостью на плаху я склоню
Мою усталую главу.
Я смѣло стану передъ Богомъ.
Онъ видитъ все. И если мнѣ и тамъ
Удѣлъ другой, тяжелый, будетъ данъ,
Роптать не буду я на небо,
Я искуплю своею вѣчной мукой
Мою сестру. И я рѣшенъ. Нѣтъ, нѣтъ!
Мнѣ не забыть кровавый свой обѣтъ...
Пора, пора, мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
Мой ножъ—ты здѣсь,—пойдемъ.

(*Уходитъ Джакоппо*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Комната Стено.

Стѣно, *одинъ.* (*У окна.*)

Проходитъ ночь. Луна блѣднѣетъ. Темя
Высокихъ горъ, покрытое снѣгами,
Алѣетъ понемногу. Римъ встаетъ
Съ его семью холмами. Тихо, тихо
День гонитъ ночь. И звѣзды убѣгаютъ
Съ своей царицею-луной. Какъ чудно
Все на небѣ и на землѣ. По Тибру
Скользятъ неслышно лодки рыбаковъ.
Вокругъ ладьи рябятся волны. Въ нихъ
Мѣшается и слабый свѣтъ денницы
И умирающій свѣтъ звѣздъ. Вотъ солнце,
Какъ царь, какъ Богъ взошло оно на небо,
И отъ него волнами свѣта
На землю льется жизнь.

. . . . . .

Прошло вчера. Настало нынче. Завтра
Не будетъ нынѣшняго дня. Идетъ
Мгновеніе за мгновеніемъ и проходитъ
Неслышно и незримо. Вѣчный кругъ
Есть твой символъ, Природа. Грустно! грустно!
Но если ты, прекрасная, всегда
Одна и та же, о всегда ты дивна!
Какъ велика ты для людей...
Они тебя не понимаютъ—люди!
Какое жалкое твореньe—человѣкъ!..

. . . . . .

Онъ входитъ въ міръ. Онъ дышитъ. Вмѣстѣ съ жизнью
Его встрѣчаетъ боль. Вотъ онъ растетъ,
Не зная самъ, зачѣмъ онъ въ мірѣ. Но...
Онъ любитъ все, что видитъ онъ; ему—
Жить и любить одно и то же. Вотъ
Въ немъ разумъ понемногу разгоняетъ
Его мечты любви. Въ немъ мысль впервые

Зажглась какъ молнія въ тучѣ. Онъ живетъ.
Онъ началъ жить и ужъ узналъ страданіе,
Но въ немъ все молодо и свѣжо,
Онъ вѣритъ въ свою силу и впередъ
Идетъ безстрашно, полный вѣры. Онъ
Еще не позналъ *сердцемъ* горя,
Онъ для судьбы еще такъ малъ. Онъ видитъ
На небосклонѣ тучи — и надежный
Онъ ихъ зоветъ. Ему сразиться любо—
Онъ весь—огонь и сила. Наконецъ,
Идетъ судьба. Могучая, въ объятья
Беретъ его и мочною рукой
Она предъ нимъ открыла жизнь нагую...
И вотъ онъ узнаетъ, что все, что думалъ онъ
О добромъ, о высокомъ на землѣ—
Мечта. О, знаю я, какъ горько
Терять такъ быстро все, чему мы вѣримъ,
Къ чему прилипли мы душой. И вотъ
Она его сломала и потомъ
Съ усмѣшкой броситъ на путь жизни—
Живи! . . . . . .
И если въ немъ нѣтъ силы и презрѣнья
Къ землѣ, куда прикованъ онъ,
Пойдетъ впередъ онъ изможенный
И будетъ жить, пока угаснетъ онъ.
Но если въ немъ душа горда и смѣла,
Онъ разорветъ свои оковы... Мнѣ ль
Дышать, согбенному рукою
Судьбы? Нѣтъ! нѣтъ! Пора, пора!
. . . . . .
И для чего я жилъ? О, для того ли,
Чтобы познать, какъ эта жизнь низка,
Чтобы встрѣчать бездушныхъ тварей въ людяхъ,
Не въ состояніи понять, что я
Имъ говорилъ изъ глубины души...
Имъ слишкомъ темны были мои рѣчи...
Они не въ силахъ думать... Ни одной
Не встрѣтилъ я высокой думы

Между милліонами людей. И вотъ,
Кому дана въ владѣніе Природа!
(Онъ впадаетъ въ задумчивость).
Передо мною вижу я порогъ—
Онъ жизнь и вѣчность раздѣляетъ,
Я у него стою. Напрасно очи
Туда за нимъ я устремляю. Все,
Что тамъ насъ ждетъ—подернуто туманомъ,
О, если бъ могъ я тайну разгадать,
Я бъ отдалъ за нее все мое знаніе.
. . . . . .
Но если я на мигъ остановлюсь
И оглянусь... я вижу мою жизнь...
Я вижу все—какъ жилъ я, что я думалъ,
И глубоко я грустенъ этимъ взглядомъ.
Какъ мало было въ этой жизни
Отраднаго... О, для кого же жизнь?
И неужели этимъ людямъ? Имъ?
Имъ столь ничтожнымъ? имъ столь низкимъ?
А между тѣмъ тому, кто надъ толпой
Поднимется, ее глубоко презирая,
И къ небу смѣло полетитъ
Исполненный отвагою и силой,—
Тому одинъ обманъ! Тому жизнь въ наготѣ!
Какъ будто бы мы пасынки судьбы,
А эти люди ея дѣти!
(Стѐно подходитъ къ столу и беретъ съ него заряженный пистолетъ).
Приди ко мнѣ. Я не беру тебя,
Какъ многіе—съ отчаяніемъ и горемъ—
Нѣтъ,—я тебя беру какъ друга.
Ты разрѣшишь мнѣ тайную задачу—
Ты мнѣ откроешь все. О, легче мнѣ
Быть подъ тяжелымъ игомъ вѣчной скорби,
Чѣмъ жить одно мгновеніе, какъ я жилъ!
(Подходитъ къ окну).
И такъ мнѣ будетъ этотъ день послѣднимъ,
Такого дня не стою я. Со мной

Прощается Природа. Но напрасно
Она такъ щедро расточаетъ
На небо и на землю свѣтъ и жизнь...
Меня не можетъ это удержать. Прекрасно
Лазоревое небо надо мной,
Лазоревое море подо мной,
Меня не можетъ это удержать. Прости,
Земля со всѣмъ твоимъ чудеснымъ,
Прости, прости! О, не сіяй мнѣ въ очи
Ты золотое око неба. Все,
Что я любилъ, ты мнѣ воспоминаешь,
Прочь! Прочь!

(Онъ отходитъ отъ окна и лицо закрываетъ руками).

Я вижу мою мать. Зачѣмъ, скажи, зачѣмъ
Ты смотришь съ укоризною на сына?
Давно душею умеръ я. Зачѣмъ,
Зачѣмъ мнѣ жить въ разлукѣ съ нею.
Къ тебѣ,—къ тебѣ,—скорѣй. Возьми къ себѣ,
О, моя мать, твоего Стѐно!
Чело мое горитъ... О, этотъ пламень
Пора на вѣчность погасить!
Моя душа нетерпѣливо ждетъ,—
Я это чувствую,—свое освобожденіе,—
Ей тѣсно здѣсь.—Туда, туда ее
Влечетъ неотразимое желанье.
Свободы часъ насталъ!
Я чувствую, пора стряхнуть мнѣ цѣпи,
Обнять всѣ тайны міра! Я готовъ!
Свободенъ я—тебѣ привѣтъ мой, небо!

(Стрѣляетъ и падаетъ мертвый).

Маттео *(вбѣгаетъ).*
О Боже, Боже! Синьоръ! онъ убитъ
И нѣтъ спасенія—нѣтъ! Его чело
Раздроблено. Мой бѣдный,—бѣдный баринъ!
Но очи его цѣлы,—какъ онъ страшенъ,—
Его глаза закрою я...

(Слышенъ голосъ Джакоппо).

Гдѣ Стѐно?

Маттео *(вскакивая)*. Вамъ нуженъ Стѣно. Вотъ онъ!

Джакоппо. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

А? Онъ меня предупредилъ!..

. . . . . Холодный

Съ раздробленнымъ челомъ лежитъ онъ предо мной
И эта кровь мнѣ шепчетъ: примиренье!
Холодную возьму я твою руку,
Прости мнѣ, Стѣно—мнѣ пора! *(Уходитъ.)*

Маттео. Пойти къ отцу Антоніо. *(Уходитъ.)*

(Все дѣлается мрачно. Въ вышинѣ слышно).

1-й голосъ.

Подъ скалою воетъ море,
Надъ скалою я леталъ—
Тайну мрачную свершалъ
И роптало: горе! горе
Вѣчно стонущее море!

2-й голосъ.

Вѣтеръ, мой вѣтеръ, тучи гони!
Черными волнами море шуми!
Тихо! все тихо! луна не сіетъ!
Мрачно! все мрачно! звѣзда не блистаетъ,
Отвсюду, отвсюду я тайныхъ зову
Скорѣе, скорѣе, на небѣ молчанье
Онъ найдетъ, его ждетъ здѣсь:
Вѣчность! Страданіе!

1-й голосъ.

Тайна свершилась. Молчаніе! Молчаніе!

И. Тургеневъ.

II.

Похожденія Подпоручика Бубнова.

РОМАНЪ.

Соч. Ив. Тургенева.

С. Спасское.

Начато 25 Іюня 1842-го въ 6 часовъ утра.
Кончено—того же дня—въ 9 „ „

Алексѣю Александровичу
Бакунину,

Потомку Баторіевъ,
нынѣ недоучившемуся Студенту,
будущему Министру и Андреевскому Кавалеру
въ знакъ
уваженія и преданности

СЕЙ

посильный трудъ,
плодъ глубокихъ размышленій,
съ
нѣкоторымъ родомъ подобострастья
посвящаетъ
Сочинитель.—

Похожденія Подпоручика Бубнова.

Подпоручикъ Бубновъ гулялъ однажды по одной изъ улицъ уѣзднаго городка Ч..... Во всю длину этой улицы находилось только 3 дома—2 на право, 1 на лѣво. Улица эта была безъ малаго съ вёрсту.—Такъ какъ до вечера оставалось часа два, не болѣе, то

старыя мѣщанки, хозяйки упомянутыхъ домовъ заблаговременно заперли ставни, загнали куръ и улеглися спать. Подпоручикъ Бубновъ шёлъ, заложа руки въ карманы и предаваясь по обыкновенію любимымъ размышленіямъ: о томъ, что бы онъ сталъ дѣлать, еслибъ онъ былъ Наполеономъ?—

Къ Подпоручику Бубнову совершенно внезапнымъ образомъ подошёлъ человѣкъ небольшаго роста—въ весьма странной одеждѣ; Бубновъ принялъ-было его за помѣщика Телушкина, только что пріѣхавшаго изъ за границы; самъ онъ, правда, и не имѣлъ чести лично знать Г-на Телушкина—но успѣлъ уже наслышаться о мудрёныхъ и чудныхъ заморскихъ его нарядахъ... Однако при первомъ словѣ незнакомца онъ совершенно разувѣрился... Незнакомецъ, подойдя къ подпоручику Бубнову, произнесъ небрежно и скороговоркою: „Я чортъ“.—

Подпоручикъ тотъчасъ подумалъ: Либо онъ пьянъ—либо я пьянъ—во всякомъ случаѣ не прилично оставаться.

Но незнакомецъ не далъ ему отойти двухъ шаговъ и проговорилъ съ улыбкой: Вы не пьяны—любезный Иванъ Андреичь—но я чортъ.

Иванъ Андреичь опять подумалъ: Либо онъ сумасшедшій, либо я сумасшедшій—такъ зачѣмъ же намъ оставаться вмѣстѣ!

Незнакомецъ поймалъ его за полу и сказалъ громко и рѣшительно: Бубновъ—чтобъ ты сдѣлалъ, еслибъ былъ Наполеономъ?

Подпоручикъ Бубновъ успокоился и подумалъ: Онъ точно чортъ... Что Вамъ угодно? промолвилъ онъ довольно рѣшительно.

„Вопервыхъ мнѣ угодно убѣдить Васъ что я точно чортъ. Эй вы, крапивы, чего зазѣвались? Ну те ка—казачька— да хорошенько.

Всѣ крапивы, въ изобиліи растущія вдоль полусгнившихъ заборовъ отхватили казачька на славу.

Хорошо, сказалъ чортъ—пока довольно. Впрочемъ за мной дѣло не станетъ.—И тутъ онъ сразу выкинулъ нѣсколько удивительныхъ штукъ: положилъ себѣ обѣ ноги въ ротъ и протащилъ ихъ сквозь затылокъ—взялъ свои собственныя глаза въ обѣ руки и съ пріятностью бросалъ ихъ на воздухъ; наконецъ подарилъ свой носъ Ивану Андреевичу на память. Подпоручикъ Бубновъ растегнулъ свой сертукъ и положилъ носъ Чорта въ боковой карманъ.

„Теперь вы вѣрите что я чортъ?“

„Вѣрю.—Чего то вамъ отъ меня хочется?“

„Ничего, Иванъ Андрѣевичъ—ничего особеннаго. Со скуки, знаете, пришёлъ поболтать съ вами. А неугодно ли вамъ погулять со мной немного?"

„Съ моимъ удовольствіемъ.—И пошли они рядышкомъ какъ добрые пріятели.

Однако, подумалъ Иванъ Андрѣевичъ—какое странное происшествіе! Мнѣ кажется я въ бѣлой горячкѣ.—Онъ схватилъ себя за усъ—и дёрнулъ что было силы... Голова у него заскрыпѣла какъ деревянная.

„Напрасно изволите безпокоиться, Иванъ Андрѣевичъ. — Пожалуй, голову съ плечъ долой стащите... а безъ головы—вы сами знаете—нехорошо. Да вотъ позвольте испытайте сами".

Чортъ схватилъ Подпоручика Бубнова за хохолъ и снялъ съ него голову. Подпоручикъ Бубновъ хотѣлъ-было удивиться—да безъ головы удивляться невозможно.—Чортъ поьертѣлъ головой Ивана Андрѣевича, поднёсъ её къ носу и чихнулъ въ неё. — Потомъ поставилъ её опять на туловище Подпоручика... Бубновъ тотъчасъ разинулъ ротъ и проговорилъ: Желаю здравствовать.

Такимъ образомъ пріятно препровождая время, вышли они изъ города и очутились въ большомъ лѣсу. Послушайте однако, проговорилъ Иванъ Андрѣевичъ, вы не заведёте меня въ оврагъ къ козулямъ? Я терпѣть не могу козуль!—Какъ можно! отвѣчалъ чортъ.

Они подошли къ большому, старому, засохшему дубу.—На дубу сидѣлъ старый воронъ и каркалъ протяжно. Этотъ воронъ былъ въ сущности вороніха или въ самой сущности чортова бабушка. У чорта не было никогда матери, но бабушка есть. Какимъ образомъ это приключилось, не извѣстно даже впрочемъ и самому чорту.

Позвольте мнѣ васъ представить моей бабушкѣ, сказалъ онъ Ивану Андрѣевичу. Я въ сертукѣ—замѣтилъ Бубновъ.

Ничего-съ—подхватилъ чортъ. — Позвольте васъ попросить не креститься ни въ какомъ случаѣ—вы бы насъ лишили Вашей пріятной бесѣды—да еще—сдѣлайте одолженіе—откусите кончикъ моего хвоста.

Сказавши эти достопамятныя слова, чортъ поднёсъ кончикъ своего хвоста, пушистый и мягкій какъ кошечьи лапки—къ самымъ-таки къ губамъ Ивана Андрѣевича...

Не стану я кусать Вашего хвоста! закричалъ Иванъ Андрѣевичъ.

Отчегоже?

Вамъ будетъ больно.

„Мнѣ? помилуйте! Сдѣлайте одолженіе, безъ церемоній. Прошу васъ....“ А между тѣмъ проклятый чортовъ хвостъ такъ и лѣзетъ въ ротъ Ивану Андрѣевичу....

„Но развѣ это непремѣнно нужно?“

„Непремѣнно“.

Подпоручикъ Бубновъ схватилъ было правой рукой за чортовъ хвостъ, да вдругъ остановился, посмотрѣлъ черезъ плечо на чорта и промолвилъ: „А должно быть Вашъ хвостъ на вкусъ прескверный?“

„Нимало! Извольте пожелать—какое Вы кушанье любите? Такого вкуса будетъ и мой хвостъ“.

Подпоручикъ задумался и наконецъ вскрикнулъ: Хочу огурца съ мёдомъ!—И откусилъ... дѣйствительно! чортъ былъ правъ—хвостъ отзывался огурцомъ съ мёдомъ... и чуть-чуть сѣрой—но кто же станетъ обращать вниманіе на такую бездѣлицу!

Не успѣлъ Подпоручикъ Бубновъ хорошенько проглотить кусокъ хвоста—какъ вдругъ очутился онъ въ довольно опрятной комнатѣ. На большихъ старинныхъ креслахъ сидѣла старуха съ огромнымъ носомъ и щелкала орѣхи. Чортъ съ вѣжливостью подвёлъ къ ней Ивана Андрѣевича и промолвилъ:

„Бабушка—Иванъ Андрѣевичь Бубновъ, Подпоручикъ.

„Иванъ Андрѣевичь—моя бабушка.

Представивъ ихъ другъ другу—онъ подалъ стулъ Подпоручику а самъ пошёлъ надѣть свои рога.

Подпоручикъ не зналъ съ чего начать, не оттого что онъ не умѣлъ какъ говорится: *вести разговоръ*—но онъ не зналъ имени и отчества чортовой бабки, и не могъ придумать, какъ её назвать: „Сударыней—просто?“ Неловко.... Наконецъ онъ рѣшился и началъ было: „Милостивая Государыня“...

Но старуха страннымъ образомъ разинула ротъ и чрезвычайно хриплымъ голосомъ проговорила:

Безъ лишнихъ словъ!
Безъ лишнихъ словъ!
Подпоручикъ Иванъ Бубновъ!

Ивану Андрѣевичу показалось что слова старухи летѣли къ нему винтомъ—вотъ какъ летаютъ турманы... Но онъ давно пересталъ смущаться и только тряхнулъ головой.—Старуха продолжала щел-

кать орѣхи и глядѣла на него во всѣ глаза—какъ будто ожидая его словъ. Но Иванъ Андрѣевичь пришёлъ въ тупикъ и сидѣлъ молча—какъ истуканъ. Старухѣ видно скучно стало: она вдругъ вскочила, схватила Ивана Андреевича за руки и пустилась съ нимъ плясать по комнатѣ съ неимовѣрною быстротой, приговаривая:

Подпоручикъ!
Мой амурчикъ —
Попляши со мной, голубчикъ!

У Бубнова закружилась голова—и онъ съ отчаяніемъ закричалъ: Чортъ—Чортъ—твоя бабушка съ ума сошла!

Чортъ взошёлъ съ рогами на головѣ, схватилъ свою бабушку подъ мышки и посадилъ её съ почтеніемъ на мѣсто. Потомъ въ униженныхъ выраженіяхъ просилъ у Ивана Андрѣевича прощенія за бабушку. „Но, прибавилъ онъ,—я хочу Вамъ доставить большое удовольствіе: познакомлю Васъ съ моей внучькой: моя внучька ещё очень молода—хвостикъ у ней ещё очень крошечный—но вы благородный человѣкъ: Вы не воспользуетесь ея неопытностью... Бабебибобу—поди сюда.

Изъ сосѣдней комчаты вышла чортова внучька. Она съ пріятностью присѣла Ивану Андрѣевичу—сказала: Ахъ!—и стыдливо бросилась на шею прабабушкѣ.

Иванъ Андрѣевичь поклонился и щёлкнулъ шпорами.—Какъ вы её называетѐ? спросилъ онъ Чорта.

„Бабебибобу'ой, отвѣчалъ чортъ.

Бабеби... и такъ далѣе—Не русское имя, замѣтилъ Подпоручикъ.

Мы иностранцы, возразилъ дѣдушка Бабебибобу'и...

Иванъ Андрѣевичь оправился и подошелъ къ ручькѣ Бабебибобу. Она протянула ему свою лапку. Поручикъ успѣлъ замѣтить что ноготки ея впрочемъ очень миленькихъ пальчиковъ слегка загнуты внизъ въ видѣ когтей; да сверхъ того въ самое мгновенье поцѣлуя его какъ будто кольнуло въ губы.

Не угодно ли вамъ погулять со мною по́ саду, сказала Бабебибобу шопотомъ. Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Бубновъ.

Старуха пошепталась съ Чортомъ, и по видимому не соглашалась на прогулку. Но Чортъ пожалъ плечами и отвернулся... Бубновъ съ чортовой внучькой вышли изъ комнаты.

Садъ у Чорта какъ всѣ сады; ничего нѣтъ отличительнаго:—од-

нако Иванъ Андрѣевичь замѣтилъ одну странность: всѣ растенья, выростая, кряхтятъ.—Такъ ужъ заведено у Чорта.

Бабебибобу шла долго молча—наконецъ подняла головку посмотрѣла на Ивана Андреевича и сказала со вздохомъ: „Я люблю тебя, Бубновъ!"

Подпоручикъ вспомнилъ наставленіе ея дѣдушки и сказалъ ей съ отеческимъ добродушіемъ: Успокойтесь.

Чортова внучька ещё нѣжнѣе проговорила: Я люблю тебя, Бубновъ! Полюби меня—и я вѣнчаю тебя макомъ, краснымъ какъ мои щёки, накормлю тебя самыми свѣжими жёлудями—упою тебя сокомъ папоротника—и мы будемъ счастливы и добродѣтельны! Бубновъ—я люблю тебя!

Бубновъ посмотрѣлъ на неё.... и хотѣлъ было сказать: И я люблю тебя Бабеби... но вдругъ ему показалось что у Бабебибобу глаза стали сжиматься и разширяться какъ у кошки, ноздри раздуваться, зубы завостряться... Ему вдругъ показалось что онъ мышь, что она кошка...

„Нѣтъ"—сказалъ онъ вдругъ... Я не воспользуюсь Вашимъ благорасположеніемъ—вернёмтесь домой.

Да гдѣ домъ? сказала она страннымъ голосомъ.

Иванъ Андрѣевичь оглянулся...

Онъ стоялъ на самой верхушкѣ высочайшаго столба—и то на одной ногѣ—другая его нога развѣвалась по вѣтру какъ флагъ. По столбу намыленному и обмазанному масломъ съ большимъ усиліемъ взползали разнаго вида чертенята;—всѣ они старались добраться до верху... Нѣтъ сомнѣнья! Иванъ Андреевичь назначенъ наградой побѣдителю... Бабебибобу носилась около него по воздуху—и язвительно смѣялась...

Чортъ! ты выходишь подлецъ—проговорилъ съ усиліемъ Подпоручикъ...

„Дѣти! Дѣти! заблудились вы что-ли?" раздался голосъ Чорта.—

И Иванъ Андреевичь и Бабебибобу очутились опять въ саду. Не вдалекѣ отъ нихъ стоялъ Чортъ и пріятно улыбался...

Не умѣешь ты занять дорогаго гостя—Бабебишка! Такъ онъ ее называлъ, когда гнѣвался. Пожалуйте сюда,—ко мнѣ—Иванъ Андреевичь—оставьте эту глупую дѣвчонку.

Какъ бы не такъ! Дѣвчонка! отвѣчала Бабебибобу—у меня ужъ рога пробиваются... И нагнувши голову—она разобрала волосы и показала Ивану Андрѣевичу маленькія, миленькія рожки.

Иванъ Андреевичь, въ жизнь свою не учившись танцовать, вдругъ прыгнулъ, повернулся трижды на одной ногѣ—сдѣлалъ glissade, jetée assemblée, pas de zéphire, нагнулся и поцѣловалъ кончикъ праваго рожка Бабебибобу—но рогъ какъ будто обрадовавшись такому произшествію вдругъ выросъ и больно ушибъ Подпоручика...

Черезъ полъ-часа всѣ они сидѣли за столомъ... „Посмотрю я“ подумалъ Иванъ Андреевичь—что̀ ѣстъ этотъ народъ!

А сидѣли они въ слѣдующемъ порядкѣ:

На главномъ мѣстѣ: старуха—Чортова бабушка.

На право отъ нея: Иванъ Бубновъ, подпоручикъ.

На лѣво отъ старухи: Внукъ ея, чортъ.

На лѣво отъ чорта
и напротивъ Бубнова
(vis-à vis sont des amis) } Бабебибобу.

Большая, большая закрытая миска взошла въ комнату, пододвинулась къ столу, присѣла и прыгнула на столъ.

Что-то они ѣдятъ? подумалъ Бубновъ... посмотримъ!

Старуха обратилась къ внуку: „Любезный внучекъ, неправда ли—мы женимъ Подпоручика Бубнова на Бабебибобу?...

„Женимъ, женимъ“—отвѣчалъ внучекъ.

Жениться на внучкѣ чорта—странная мысль! Странная участь Подпоручика Бубнова!

„Ну—а если у меня будутъ дѣти? подумалъ онъ—какого они будутъ званія? Дворяне что ли? или что за люди? Ихъ не примутъ ни въ какой кадетскій корпусъ!—Презатруднительное положеніе! Зачѣмъ я ѣлъ чортовъ хвостъ!“

Впрочемъ—замѣтилъ Чортъ—безъ взаимнаго согласія мы ихъ не женимъ... Я добрый дѣдушка и люблю Бабебибобу; такъ же по многимъ причинамъ уважаю Ивана Андреевича... Бабебибобу—скажи мнѣ нравится ли тебѣ Подпоручикъ Бубновъ?

Какъ не нравиться! вскричала Старуха—посмотри на нее—она уже теперь облизывается...

И въ самомъ дѣлѣ чортова внучька прищуривъ глазки и улыбаясь водила краснымъ, краснымъ язычкомъ по острымъ и бѣлымъ зубкамъ...

Она меня съѣстъ, закричалъ Бубновъ.

На здоровье, замѣтилъ чортъ.

Какъ на здоровье? Что значитъ: на здоровье? Я офицеръ! Я гость! Развѣ офицеровъ ѣдятъ? Развѣ гостей ѣдятъ?

Вы хотите доказательствъ—возразилъ чортъ: извольте! Тотъчасъ! У меня въ домѣ живётъ Нѣмецкой Докторъ обѣихъ правъ, который вамъ докажетъ какъ дважды два четыре, что съѣсть васъ можно, должно, прилично и пріятно.

„Будь онъ семидесяти правъ Докторъ, ничего онъ мнѣ не докажетъ! Ничего! рѣшительно ничего!“ Подпоручикъ разсвирѣпѣлъ и замахалъ руками какъ вѣтреная мѣльница! Я уйду! Чортъ съ вами! Я уйду! Нужно жъ мнѣ было, дураку, ѣсть вашъ хвостъ! Уйду!

Иванъ Андрѣевичь попытался встать—не тутъ то было: кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, превратилось въ уродливаго паука—и вцѣпилось въ него съ истинно-бѣсовскою силой... Чортъ и его семейство помирали со смѣху, глядя на изступленныя и напрасныя усилія Подпоручика... Смѣхъ старухи былъ чрезвычайно похожъ на блеяніе стараго козла—Бабебибобу взвизгивала отъ удовольствія.

А! такъ-то! простоналъ Иванъ Андреевичь—такъ сгинь же бѣсовское племя во Имя—

Стой! держи! закричалъ Чортъ—не давай ему креститься...

Бабебибобу бросилась съ кровожадной улыбкой на Подпоручика и разомъ откусила ему правую руку... Въ тоже мгновеніе съ миски соскочила крыша и бѣднаго Подпоручика подхватили и бросили въ миску... приправили его уксусомъ, масломъ, горчицей, тёртымъ порохомъ, сѣрой и клюковнымъ морсомъ и съѣли, съѣли до послѣдней косточки... Во всё время обѣда играли грѣшники-музыканты разныя увертюры... Бабебибобу съ особеннымъ удовольствіемъ скушала сердце Подпоручика а самъ Чортъ чуть не подавился эполетой...

На другое утро нашли Подпоручика Бубнова въ той же улицѣ уѣзднаго города Ч..... Онъ лежалъ лицомъ къ забору и былъ красенъ какъ ракъ. Его привели въ чувство;—онъ съ испугомъ долго глядѣлъ кругомъ; началъ болтать всякой вздоръ, увѣрялъ что онъ чувствуетъ *себя* въ трёхъ, вовсе ему чуждыхъ желудкахъ—и только къ вечеру пришёлъ въ себя. Онъ никогда не могъ забыть своего знакомства съ чортомъ—и часто поговаривалъ: „Еслибъ я былъ Наполеономъ, уничтожилъ бы я всѣхъ чертей!“—Впрочемъ жилъ до глубокой старости, не вышелъ въ отставку, и умеръ младшимъ Поручикомъ.

III.

Порогъ.

— Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла.

Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка. Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины медлительный, глухой голосъ.

„О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?“

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

„Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?“

— Знаю.

„Отчужденіе полное, одиночество?“

— Знаю... Я готова. Я готова перенести всѣ страданія, всѣ удары.

„Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?“

— Да... и отъ нихъ.

„Хорошо. Ты готова на жертву?“

— Да.

„На безымянную жертву? Ты погибнешь, — и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.“

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

„Готова ли ты... на преступленіе?“

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

„Знаешь ли ты, заговорилъ онъ наконецъ, что ты можешь разу-

вѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?"

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

„Войди!"

Дѣвушка перешагнула порогъ—и тяжелая завѣса упала за нею.

— „Дура!" проскрежеталъ кто-то сзади.

— „Святая!" пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

IV.

Съ кѣмъ спорить?

Спорь съ человѣкомъ умнѣе тебя: онъ тебя побѣдитъ. — Но изъ самаго твоего пораженія ты можешь извлечь пользу для себя.

Спорь съ человѣкомъ ума равнаго: за кѣмъ бы ни осталась побѣда—ты по крайней мѣрѣ испытаешь удовольствіе борьбы.

Спорь съ человѣкомъ ума слабѣйшаго; спорь не изъ желанія побѣды;—но ты можешь быть ему полезнымъ.

Спорь даже съ глупцомъ! Ни славы, ни выгоды ты не добудешь... Но отчего иногда не позабавиться!

Не спорь только съ Владиміромъ Стасовымъ!

Іюнь 1878 г.

V.

Une fin

[DERNIER RÉCIT DE TOURGUÉNEFF]

I

Tout le monde le sait, tout le monde le dit, la race des *tyranneaux* s'est éteinte, ou à peu près, en Russie; cependant je crois en avoir encore rencontré un, et cet individu m'a semblé assez original pour m'engager à en donner une idée à mes lecteurs.

C'était au mois de juillet, en pleines chaleurs, à cette terrible époque de l'année que les paysans ont surnommée *les souffrances*. Voulant garantir et mon cheval et moi-même de la chaleur qui nous accablait, je m'étais abrité sous le large auvent d'une auberge de grand chemin dont je connaissais bien le propriétaire, un ci-devant *dvorovoï*, serf d'un seigneur. Dans sa jeunesse, il avait été un garçon maigre et chétif; maintenant c'était un gros bonhomme bien ventru, à la chevelure encore touffue mais grisonnante, aux grosses mains dodues, au cou de taureau. Il portait généralement un mince caftan, retenu par une étroite ceinture en galon de soie; pas de bas aux pieds ni de cravate au cou; la chemise était flottante au-dessus d'un pantalon en velours de coton noir. Grâce à son intelligence, il s'était fait une fortune assez rondelette, sans exciter ni soupçon ni haine, chose rare chez nous.

J'avais demandé un samovar et du thé, boisson aussi rafraîchissante pendant la canicule qu'elle est réchauffante pendant les plus grands froids de l'hiver.

Alexieïtch (l'on nommait ainsi mon hôte) s'était assis à côté de moi pour prendre une tasse de thé que je lui avais offerte par courtoisie et qu'il avait acceptée par politesse. Nous causions des récoltes qui

s'annonçaient bien, de la fenaison qui s'était heureusement terminée, et de quelques cas isolés de peste bovine, quand tout à coup Alexieïtch, posant la main sur la visière de sa casquette comme pour la prolonger, s'écria: — Ah! ah! voici notre oiseau de proie qui arrive! On ne pouvait parler d'animaux malades sans voir apparaître cet être-là.

Je regardai du côté que me désignait le doigt d'Alexieïtch, et je vis s'avancer vers nous, le long de la route, un équipage assez étrange. C'était une voiture à quatre roues, ouverte et basse, avec un large siège sur le devant, et une sorte de manne en cuir par derrière, recouverte d'un tablier également en cuir; des sacs aussi en cuir, une vieille gibecière, un long fusil ayant des airs de carabine turque, une grosse gourde, un amas de chiffons et de hardes de toute espèce, un énorme chapeau de prêtre, deux canards sauvages morts, un autre canard, mais de basse-cour, poussant des couins-couins inquiets, à côté de deux poules aux plumes rebroussées, évidemment résignées à leur sort; tout cela gisait, pendait pêle-mêle, tristement ballotté par les cahots du véhicule, tandis qu'un pauvre petit lapin noir, dressé sur ses pattes, flairait timidement quelques bouts de légumes qui passaient à travers les fentes de la manne.

L'homme, assis sur le siège, les jambes croisées à la turque, n'était pas moins étrange que son équipage. C'était un assez beau garçon d'une trentaine d'années, vêtu, malgré la chaleur, d'une touloup toute neuve, serrée sur les reins par une ceinture circassienne. Un bonnet circassien, en longs poils de chameau, retombait en franges tout autour de sa tête. Il avait des yeux énormes, clairs et durs; ses joues, dont les pommettes étaient rondes, rouges et comme sillonnées de petites rides, avaient constamment un sourire impertinent, accentué encore par le froncement d'un nez aquilin et bien dessiné. Une moustache longue et frisée se tortillait sur le menton toujours rasé car l'homme qui la portait ne voulait passer ni pour un paysan ni pour un marchand, et encore moins pour un prêtre.

Dès qu'il nous eut aperçus, l'homme arrêta brusquement son petit cheval, et nous cria d'une voix de trompette: — Holà, hé! mes petits pères! vous voilà dehors à prendre un peu le frais? Ton ventre a bon besoin d'être aéré, Karp Alexieïtch!

— Et qui est donc ce monsieur? demandai-je à voix basse, en me tournant vers mon hôte.

— Ah! répondit celui-ci, c'est quelqu'un que je ne vous conseille

pas de rencontrer à la tombée de la nuit... surtout si vous avez un cheval de trop... il lui aura vite trouvé sa place... Grand amateur de chevaux! ajouta-t-il avec un rire amer.

— Bonjour, Platon Sergéïtch, continua tout haut mon hôte, en touchant du bout du doigt la visière de sa casquette.— Et d'où venez-vous comme cela?... de la ville?

— De la ville? Et qu'ai-je à faire à la ville, s'il te plaît? Y voir des gens enrichis comme toi? Ou bien encore des rats de bureau, qui ne font que vous regarder dans la paume de la main, pour voir s'il ne s'y trouve pas quelque chose à faire déménager... — Allons, allons, repartit mon hôte, il y a longtemps que cette paume est à sec... Mais, dites-moi donc un peu, Platon Sergéïtch, qu'est-ce que c'est que cette ménagerie que vous trimballez avec vous?... et que voulez-vous donc en faire? — Ceci, mon cher, reprit Platon, c'est un signe que je vais m'établir marchand... et pourquoi pas? Parce que je suis noble?... Ah bah!... Parce que mon arrière-grand père a porté des calottes en drap d'or, qui lui avaient été données par Tamerlan?... Au reste, tout cela ne te regarde pas. Tiens, achète-moi plutôt cette paire de canards... ils viennent d'être tués; ils sont de la meilleure espèce.

Karp, qui s'était approché à petits pas de la voiture, souleva négligemment le bout du fusil, et, s'étant tout aussi négligemment assuré qu'il n'y avait pas trace de poudre, revint tranquillement vers moi. Talagaïeff (car il faut bien que le lecteur connaisse le nom de famille du héros de ce récit), après avoir suivi du coin de l'œil les mouvements de mon hôte, s'écria précipitamment:

— Hé bien, alors, prends le canard vivant!

— Hum! il pourrait bien y avoir autre chose à celui-là, grommela Karp.

— Ah! je vois bien qu'il n'y a plus d'affaire possible avec vous autres. A quoi bon, par exemple, vous offrir ce lapin?... je sais bien que vous ne le prendrez pas... et cependant on en fait de très bonnes chaussettes, et très chaudes!

Il rejeta, avec indignation, au fond de la voiture, le lapin qu'il avait soulevé par les oreilles au niveau de sa tête.

— J'ai là dedans, par exemple, une magnifique peau de léopard.... Mais je ne te l'ai pas proposée; car je sais bien que cela dépasse le cercle de tes idées... je l'aurais peut-être proposée à monsieur...

Voyant que je ne me laissais pas prendre à cette amorce:

— Tiens, cria-t-il, âme de deux kopeks, je vois bien que tu t'es imaginé que mon fusil n'était pas chargé... tiens, regarde! Et, arrachant son espingole de l'endroit où elle était fourrée, il la déchargea entre les oreilles de son petit cheval, qui ne bougea pas, accoutumé qu'il était à de pareilles frasques. On entendit un grand cri à l'intérieur de la maison, et une grosse femme pâle, un petit enfant dans les bras, parut à la fenêtre.

— Vous avez fait peur à ma belle-fille! s'écria mon hôte, devenu tout à coup blême de fureur. Et mon autre belle-fille qui est en couches! Vous allez déguerpir sur-le-champ, ou sinon...

— Eh bien! quoi, sinon? cria Platon à tue-tête. Est-ce que ce chemin n'est pas à tout le monde?... Il n'est donc plus au tsar?... Et si tu crois qu'en fait d'armes je n'ai que le vieux fusil... regarde un peu!

Platon se baissa et tira du fond de sa voiture un magnifique poignard circassien.

— Oh! oh! c'est ainsi? dit tranquillement mon hôte, et il frappa dans ses mains: Léon! Maxime! Piotre!

Aussitôt trois robustes gaillards apparurent par différents endroits dans la cour, chacun d'eux tenant une grande fourche à la main.

— Voulez-vous continuer la conversation avec mes garçons?

Une contorsion de haine parcourut tout le visage de Platon. Il se retourna avec fureur et, brandissant le poing, partit au grand galop de son cheval.

— Vous vous êtes fait là un dangereux ennemi, dis-je à mon hôte.

— De lui? répondit Karp en haussant les épaules, dans une semaine il reviendra m'offrir de lui acheter ses canards ou son poulain... Cependant, il vaut mieux être prudent, bien que ce ne soit pas de ce côté que nous vienne le véritable danger...

A ce moment, j'entendis la voix de Talagaïeff entonner dans le bois la chanson populaire de Stenko Razine, et cette voix n'était ni agréable ni juste; l'un des garçons de ferme marmotta entre ses dents: „Ça veut être un brigand et ça ne sait seulement pas chanter les chansons de brigand!“

Quelques minutes plus tard, j'entendis ce même garçon chanter cette même chanson avec une force et un entrain qui m'auraient donné à réfléchir si j'avais été son patron.

II

Talagaïeff appartenait à une ancienne famille noble du gouvernement de Toula, autrefois très riche, mais qui, grâce à une série de *samadours* [1], était tombée dans la misère.

Sans avoir besoin de remonter plus haut, on avait vu le propre père de Talagaïeff avoir des harnais en argent pour ses chevaux, et employer le même métal pour les ferrer; puis encore donner 100 roubles et la liberté à un cocher qui, en plein hiver, après avoir bandé les yeux de son cheval, s'était précipité du haut d'un talus escarpé dans une rivière déjà prise par la glace, et qui, après en avoir brisé la croûte et avoir disparu dans l'eau, avait reparu le visage ruisselant de sang, mais du reste sain et sauf, et tout prêt à avaler un grand hanap d'eau-de-vie à la santé de son maître et libérateur.

Talagaïeff, lui, n'avait plus les moyens de se passer ces fantaisies-là, le pauvret; mais il faisait de son mieux pour ne pas se montrer trop indigne de pareils ancêtres. Aussi jouissait-il, dans tout le pays, de la réputation d'un faiseur de scandales, d'un homme avec lequel il valait mieux ne pas avoir de rapport. Peu de personnes se doutaient qu'il ne fallait pas secouer longtemps la fourrure de ce loup pour voir apparaître la queue du lièvre. Ne le connaissant pas autrement, je partageais l'opinion générale jusqu'au moment où il me fut donné de connaître l'homme tel qu'il était.

J'avais, parmi mes voisins de campagne, un brave petit propriétaire, d'une soixantaine d'années, tout grisonnant, tout rondelet, bon chasseur, belle fourchette, toujours alerte, vif et de bonne humeur. Il venait souvent me voir, car nous avions la même passion, les cartes; non pas les cartes à grand tralala, mais le petit whist anodin, avec force imprécations contre la mauvaise chance, serments de ne plus toucher à une carte, etc... et on recommençait de plus belle le lendemain.

Voilà qu'un soir je vois arriver mon bon voisin dans un état touchant au désespoir. Son visage était gonflé, on voyait même qu'il avait beaucoup pleuré. Je le pris aussitôt par le bras, et l'emmenant dans la chambre voisine:—Paul Martinitch, m'écriai-je, que vous est-il donc arrivé?

— Je suis un homme perdu! Vous voyez en moi un homme perdu!

[1] C'est ainsi qu'on nomme chez nous jusqu'à présent les écerveles qui brûlent leur vie par les deux bouts.

balbutia mon voisin. Et de nouvelles larmes jaillirent de ses yeux; ces larmes allaient si peu à son jovial visage!

— Mais qu'y a-t-il? Qu'est-ce? Un malheur vous serait-il arrivé?

— Non, pas à moi.. mais un malheur horrible!

Voici ce que j'appris à travers ses sanglots.

Sa fille, jolie blondinette d'une quinzaine d'années, qu'il adorait, sa fille en qui s'était concentrée toute sa vie, avait disparu de la maison depuis le matin.

C'est chez ce misérable, c'est chez ce Platochka, cet infâme, ce brigand de Platochka qu'elle doit être!... s'écria mon voisin. On l'a vu rôder hier autour de la maison, et même on prétend qu'il a causé avec elle dans le jardin... Et elle, mon ami... elle qui n'était jamais sortie sans sa vieille bonne... Quinze ans!... Sortie seule, disparue!.. comme un agneau!... Imaginez-vous!... Quinze ans!... Ça ne peut pas rester ainsi!... et je viens vous prier de venir à mon aide!

— Mais que puis-je faire pour vous aider, mon pauvre Paul Martinitch?

Mon voisin croisa avec force ses mains sur sa poitrine:

— Allons ensemble chez ce brigand, et arrachons-lui sa proie. Voyez-vous, s'il le faut, je me battrai en duel, je le tuerai!...

— Mais pourquoi êtes-vous si persuadé qu'elle se trouve chez lui, Paul Martinitch?

Mon voisin m'interrompit avec violence:

— Elle est chez lui! il n'y a pas à en douter un seul instant!... Et qui donc serait capable de faire un coup pareil? Serait-ce Jégor Antimovitch? ou Zachar Plutarkitch?... Non, non, c'est là qu'il faut la chercher!

Voyant bien qu'il ne voulait pas en démordre, je fis atteler ma voiture, et quelques minutes plus tard, nous roulions sur le chemin qui conduisait à l'habitation de Talagaïeff, éloignée de quelques verstes seulement. Pendant tout le trajet, mon voisin fut dans l'état le plus lamentable. On ne savait si c'était de crainte ou de désir de trouver là sa fille.

— Un véritable agneau!... répétait-il sans cesse, un pauvre petit pigeon sans défense!... Quinze ans!...

Nous arrivâmes enfin. La maisonnette de Talagaïeff était si petite, si basse, si vermoulue, qu'elle ressemblait bien plus à une mauvaise izba de paysan qu'à une ci-devant habitation seigneuriale; aussi, à peine entrés dans la misérable antichambre, où un petit Cosaque nous reçut

avec des yeux tout écarquillés de stupeur, nous nous trouvâmes immédiatement face à face avec le maître du logis. Enveloppé dans une vieille robe de chambre persane, un bonnet de même étoffe sur la tête et une longue pipe de merisier à la bouche, il faisait des efforts inutiles pour se donner des airs de dignité. Je vis passer sur ses traits, à l'aspect de mon voisin, comme un tressaillement; mais il n'avait pas eu le temps d'ouvrir la bouche, que Paul Martinitch se précipitait vers lui les mains tendues et criant comme un fou:

— Nastinka! Où est Nastinka?—Talagaïeff se redressa de toute sa hauteur, et, lançant une bouffée de sa pipe:

— De quelle Nastinka voulez-vous parler? dit-il d'un air arrogant.

— Ma fille! c'est ma fille que je veux dire? gémit le pauvre homme. — Elle est chez toi depuis ce matin, j'en suis sûr! Rends-la-moi! tu n'as pas le droit de me la prendre comme cela... Ou bien, vois-tu, malgré tes pistolets, tes sabres, tes poignards, tes moustaches, je... je... je ne laisserai pas rondin sur rondin dans ta maison, et quant à toi-même...

— Voilà qui est magnifique! interrompit Talagaïeff, — un vieux qui prétend que je lui ai débauché sa fille, et qui vient faire du tapage chez moi!... chez moi, Talagaïeff, gentilhomme de vieille roche, à qui personne n'a jamais osé parler en élevant la voix!... Et vous, Monsieur,— ajouta-t-il en se retournant vers moi, — quel rôle venez-vous jouer ici? De quel droit forcez-vous l'entrée de ma maison?

— C'est moi, s'écria Paul Martinitch, c'est moi qui ai invité notre respectable voisin à m'accompagner, et quant à ma fille, je ne bougerai pas d'ici jusqu'à ce que... Nastia! Nastia! se mit-il à crier à tue-tête en tournant dans la chambre comme un animal en rage. Nastia! ma petite chérie, où es-tu?

— Je suis ici, papa! fit tout à coup entendre une voix bien connue.

Ce fut comme un coup de théâtre.

Mon voisin se précipita hors de la chambre dans la cour, d'où la voix semblait venir.

Je le suivis. „Nastia!“ continuait à crier le père, mais cette fois il haletait de joie.

— Ma colombe, où es-tu donc?

— Je suis ici, papa! je suis enfermée, répondit la voix de la jeune fille.

Mon voisin courut vers la porte d'une petite grange, et dès qu'il en eut fait sauter d'un coup de pied la mauvaise serrure, on aperçut

Nastia assise sur un vieux canapé en cuir, l'air tout penaud, mais non désespéré.

Le père se jeta aussitôt à son cou et la couvrit de baisers en répétant seulement:—Ah vilaine! ah méchante!... tu n'as pas eu honte d'agir ainsi avec moi!... et pour qui?...

— Pardonnez-moi, pardonnez-moi, mon père... Mais, vous savez,—ajouta-t-elle en se reculant tout à coup et en le regardant droit dans les yeux,—vous n'avez pas à rougir de moi! je sais trop bien ce que je dois à l'honneur!... et, avant mon mariage... Ah non, par exemple!

— Plus tard, plus tard, nous parlerons de tout cela... A présent il s'agit de partir, dit Paul Martinitch en entraînant sa fille du côté de la voiture.

— Il s'agit de savoir si on vous laissera partir, fit retentir la voix cuivrée de Talagaïeff; mais le bonhomme lui jeta par-dessus l'épaule un regard si terrible, son vieux visage prit une expression si menaçante, que Talagaïeff eut un moment d'hésitation... Le vieillard en profita, saisit sa fille à bras-le-corps et la jeta dans la voiture, y sauta lui-même et cria de toute sa force:—Fouette, cocher! A la maison! — La voiture s'ébranla aussitôt. Talagaïeff, éperdu de rage et de désappointement, lança sur nous ses quatre grands lévriers; mais le cocher, se penchant vers Paul Martinitch, lui dit en souriant:

— Soyez tranquille, barine; le lévrier est un bon animal qui n'attaque ni les chevaux ni les hommes. En effet, après nous avoir reconduits pendant une centaine de pas, ils s'arrêtèrent net tous les quatre, en faisant tournoyer leurs grandes queues à panache en signe de contentement.

Tout en nous éloignant de la tanière de Talagaïeff, nous pouvions entendre ses vociférations furieuses et ses menaces. Mais nous avions bien autre chose à penser que d'y faire attention. Nastia ne se lassait pas d'embrasser son père, et même moi, de temps en temps. Elle n'arrêtait pas de pleurer, et pourtant elle était comme folle de joie. Le père pleurait aussi, et riait encore plus fort.

— Je vous le disais bien, s'écriait-il en s'adressant à moi. Quinze ans, Monsieur!.. Un enfant! il lui faut encore des joujoux... Mais pourtant,—continua-t-il en se tournant vers sa fille,—quelle idée as-tu eue de prêter l'oreille à ce que te disait cet animal-là?

— Ah! ne me le demandez pas, répondit Nastia en se couvrant le visage des deux mains.

— Mais pourtant... pourtant?

— Il est si beau garçon, murmura-t-elle en écartant un peu les doigts.

— Lui?... beau garçon?... mais s'il te faut de grandes moustaches, notre chat Vaska en a de plus longues encore!

— Et puis, il voulait me mener à la ville, à Moscou, me montrer le Kremlin...

— Et puis t'acheter de belles robes, n'est-ce pas?

— Oui, mais cela me tentait moins... et puis, enfin, ma petite liberté...

— Tu n'en as donc pas assez, grosse ingrate?... Mais attends, je te mènerai à Moscou, moi aussi, je te ferai voir le Kremlin... et bien autre chose encore!...

Et là-dessus, le père et la fille s'embrassèrent, et moi je regardais le dos du vieux cocher qui hochait la tête d'un air approbatif,—il était content, lui aussi!

On apprit plus tard que c'était par le jardin que la petite s'était enfuie, sans avoir dit un mot à personne, en n'emportant qu'un petit paquet de vêtements et une paire de souliers de rechange.

III

A une quinzaine de verstes de chez moi, se trouve un grand et riche village, habité presque entièrement par des *odnodvortsi* [1]. Il s'y tient deux fois par an des foires assez fréquentées. Ce sont de vrais marchés de paysans, où on ne trouve que ce dont ils ont surtout besoin, à commencer par des chevaux, des bestiaux, et à finir par des ustensiles, des outils et tous ces autres objets beaucoup plus nombreux qu'on ne le croit, qui composent l'avoir du paysan russe et de sa femme. Ces foires sont généralement très animées et fort bruyantes, ce qui s'explique par la quantité de petits cabarets et de boutiques de mangeaille qui s'y installent de tous côtés.

J'étais venu à Grakhovo,—ainsi se nomme l'endroit où se tient la foire,—avec l'intention d'y acheter une paire de chevaux; on les y disait bons et pas trop chers. Arrivé vers le milieu de la journée, je ne fus pas étonné du brouhaha qui m'assaillit dès que j'eus franchi la petite

[1] Paysans propriétaires.

rangée de collines qui entoure Grakhovo; mais le vacarme prit, lorsque je m'approchai des télégas, un caractère d'intensité tellement grand, que je me dis:

— Il doit y avoir là quelques-uns de ces tapageurs qui ne manquent guère dans les foires de paysans.

Et, en effet, à une cinquantaine de pas devant moi, j'aperçus, entouré d'un groupe de gens avinés et furieux, se démenant avec de grands gestes, un solide gaillard, vêtu en Circassien, dans lequel je reconnus sans peine Talagaïeff. Il y avait bien trois ou quatre mois que je ne l'avais rencontré; son extérieur n'avait pas gagné, bien au contraire, il était plus débraillé que jamais, mais il n'avait rien perdu de son insolence. Autant que je pouvais distinguer à travers les cris qui m'assourdissaient, on accusait Talagaïeff d'avoir trompé un paysan sur les qualités d'un cheval qu'il lui avait vendu. Talagaïeff, indigné de ce qu'on osât lui faire en public des reproches contre lesquels il protestait avec d'autant plus de véhémence qu'il les savait parfaitement mérités, voulait imposer par les grands éclats de sa voix cuivrée, poussée avec violence du haut de son nez; mais il avait beau protester, lever les bras au ciel, menacer des poings, se frapper la poitrine, tout cela ne faisait aucune impression sur la foule. Des visages enflammés s'approchaient tout près du sien, de vrais hurlements de rage se confondaient avec ses vociférations. Un petit paysan noiraud, à la barbe ébouriffée, se distinguait entre tous.

— Chez le juge de paix! Allons chez le juge de paix! Voilà assez longtemps que vous nous rendez la vie dure, vous autres soi-disant gentilshommes!

— Comment osez-vous, misérables manants... cria Talagaïeff, qui me faisait, il faut le dire, un peu l'effet de don Juan acculé par les paysans à la fin du premier acte de l'opéra.

— Comment nous osons?... Ah! par exemple! riposta le noiraud; c'était bon autrefois, mon pigeon, ça ne prend plus maintenant...

— Moi, chez le juge de paix! exclama Talagaïeff, devenu écarlate de jaune qu'il était d'habitude et roulant des yeux pleins de fureur, jamais de la vie!... Et on vit briller la lame d'un poignard que le *bravache* aux abois fit tournoyer au-dessus de sa tête... mais il lui fut aussitôt arraché par une sorte d'hercule blond qui s'était tenu tranquille jusque-là.

— Pas de ça, Votre Honneur!...

Talagaïeff bondit vers lui, mais il fut aussitôt arrêté par une dizaine de rudes mains, qui mirent presque en loques le caftan circassien dont le gentilhomme était accoutré. Le bonnet d'astrakan roula par terre; l'élégante ceinture déchirée, arrachée par endroits, dégringola aussi; et tout ce qui resta de Talagaïeff et de ses belles moustaches offrit un spectacle tellement pitoyable, qu'instantanément je me détournai de ce brutal tohu-bohu de paysans, de tout ce vacarme, de ce jugement à la Lynch, qui n'avait pas pour excuse le sentiment de justice qui se trouve plus ou moins dans le cœur de tout Américain. Cette poussière suffocante, ces cris, cette puanteur d'eau-de-vie, la grossièreté de cette mêlée à coups de poing, tout m'inspira un profond dégoût, et je me promis de ne plus m'exposer à revoir ni une scène pareille ni celui qui pouvait la provoquer; et cependant, je me trompais, je devais voir encore Talagaïeff.

IV

C'était par une triste et froide soirée de novembre. J'avais été obligé de sortir pour aller dîner chez un de mes proches voisins, et je rentrais chez moi dans un petit traîneau attelé d'un seul cheval, avec une toute petite clochette sur la douga, accompagné d'un jeune cocher pour tenir les rênes en cas de besoin.

La neige tombait depuis l'avant-veille, large et lente; elle encombrait les chemins et faisait peu à peu courber la tête des arbres; de temps en temps, il soufflait une rafale de vent qui semblait raser la terre. Le ciel était bas et lourd; de gros nuages noirs voilaient à chaque instant la lune, dont le mince croissant semblait sauter de l'un dans l'autre, comme fuyant devant un ennemi invisible. La lueur qu'elle projetait était tout aussi inquiète et incertaine; on croyait voir courir de petits lièvres blancs, ou des ombres rapides bondir à travers le chemin; les objets prenaient des formes étranges et pourtant familières, s'allongeant démesurément ou se perdant tout à coup. C'était un jeu bizarre de lumière et de ténèbres.

Dieu sait pourquoi, mon petit cocher se mit à chantonner, d'abord à voix basse, puis, encouragé par mon silence, un peu plus haut d'une voix claire et plaintive; cette voix presque enfantine s'alliait à merveille au tintement monotone de la clochette de la douga et à la tristesse silencieuse de cette nuit. Je ne pouvais bien distinguer ni l'air ni les paroles, mais il s'agissait probablement, comme dans la plupart des chansons, de jeunes filles, d'amour.

— Quel âge as-tu? lui demandai-je en l'interrompant brusquement.

— Mais... mais je vais sur mes dix-huit ans, répondit le garçon un peu étonné.

— Songerais-tu déjà à te marier?

— Eh! pourquoi pas? S'il se trouvait une belle fille!...

— Comme la petite Nastia, par exemple? dis-je.

— Ah ça, barine, vous plaisantez; ce n'est pas là un mets pour notre museau... Quant à me marier, il y a d'assez jolies filles au village... le père n'y mettrait pas d'empêchement... qu'est-ce que ça lui fait? il est plus souvent au cabaret qu'autre part... et quant à la bonne petite vieille, j'en fais ce que je veux... je n'ai besoin que de siffler... Eh bien, eh bien, qu'est-ce qu'il a? s'écria-t-il en tâchant d' arrêter le cheval qui s'était tout à coup jeté de côté. La lune était entrée dans un nuage épais, et l'obscurité avait redoublé. Le cheval continuait à piétiner sur place, à secouer obstinément la tête, à s'ébrouer... Un objet sombre, dont je ne pouvais discerner nettement les contours, se trouvait jeté en travers de la route.

— Regarde un peu ce qu'il y a là, dis-je au cocher.

— Je tiendrai les rênes en attendant.

Le garçon sauta à bas du traîneau, mais ce n'était pas chose facile que de faire tenir le cheval tranquille; il tremblait de tous ses membres, son poil était hérissé.

— Barine! me dit alors le cocher d'une voix subitement grave, allons-nous-en d'ici.

— Pourquoi cela?

— Il ne fait pas bon ici.

— Mais pourquoi cela? dis-je en sautant à mon tour du traîneau.

— Il n'y fait pas bon, barine, vous dis-je.

Et tout en disant ces paroles, il fit un grand signe de croix et s'éloigna de quelques pas.

— Voilà comment ils devraient tous finir, ces voleurs de chevaux... c'est bien fait! marmotta-t-il, et un éclair de férocité traversa son jeune visage imberbe et placide.

Je m'avançai vers l'objet qui faisait une telle peur à la bête et à l'homme; je me penchai... et je reconnus Talagaïeff!

Un grand coup de hache lui avait fendu le front; la lune, reparaissant tout à coup, se reflétait dans le sang répandu autour de la tête et lui faisait comme une auréole d'un rouge doré.

Les deux bouts d'une grosse corde traînaient à terre près du cou,

et toute cette figure débraillée, souillée, déchirée, se détachait avec une vigueur inouïe sur le blanc cru et vierge de la neige.

Je me rappelai qu'un jour, à la suite d'une rixe grossière, j'avais dit en parlant devant lui:

— Il serait triste pour un Talagaïeff de finir dans une pareille échauffourée; et Talagaïeff s'était écrié: „Ah! par exemple! les Talagaïeff finissent autrement!"

Voilà comme ils finissent! pensai-je cette nuit-là devant son cadavre mutilé.

Ivan Tourguéneff.

Конецъ.

[Переводъ *Д. В. Григоровича.*]

I.

Всѣмъ извѣстно, — всѣ по крайней мѣрѣ утверждаютъ, что порода мелкихъ тирановъ перевелась или почти переводится у насъ на Руси. Мнѣ однакожъ случалось встрѣчаться съ подобными личностями; впечатлѣніе настолько еще живо, что могу безъ особеннаго усилія передать читателю одинъ изъ такихъ образцовъ.

Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ самый зной, въ жгучую пору года, прозванную народомъ „*страдой*". Желая предохранить себя и лошадь отъ томящей истомы, я укрылся подъ широкимъ досчатымъ навѣсомъ постоялаго двора, одиноко стоявшаго на окраинѣ большой проѣзжей дороги. Хозяинъ, бывшій дворовый изъ крѣпостныхъ, — былъ мнѣ знакомъ. Въ молодости онъ имѣлъ тощій видъ и казался всегда какимъ-то разслабленнымъ; теперь же онъ представлялся брюхастымъ и плотнымъ, съ припухлыми толстыми кистями рукъ, шеей какъ у быка и всклокоченными волосами, въ которыхъ замѣтно пробивалась сѣдина. Онъ постоянно ходилъ въ узкомъ тугозастегнутомъ кафтанѣ, перетянутомъ подъ ребрами узенькимъ поясомъ; чулковъ онъ никогда не носилъ; галстухъ также отсутствовалъ. Когда онъ самъ сымалъ кафтанъ, рубашка его, низко подвязанная тесьмою, широко оттопыривалась, открывая на нижней части его тѣла черные плисовые шаровары. Благодаря уму, смѣткѣ и вообще дѣловитости, онъ пріобрѣлъ состояньице, не возбуждая противъ себя ни подозрѣнья, ни зависти, — безъ чего, какъ извѣстно, у насъ рѣдко обходится.

Я потребовалъ самоваръ и чаю, — зная по опыту, что благодѣтельный этотъ напитокъ настолько же способенъ прохлаждать во время жары, насколько онъ обогрѣваетъ въ зимній холодъ.

Отвѣчая на приглашенье мое выпить со мною чашечку чая, Алексѣичъ (такъ звали хозяина) любезно подсѣлъ ко мнѣ.

Рѣчь пошла о хорошемъ урожаѣ, который предвидѣлся, о благополучномъ окончаніи покоса, о скотскомъ падежѣ и проч.

Неожиданно Алексѣичъ ухватился за козырекъ фуражки, какъ-бы намѣреваясь его вытянуть, и воскликнулъ:

— А, вона и коршунъ показался!.. только заговорили о падежѣ,— онъ тутъ какъ тутъ!..

Обративъ глаза по направленію указательнаго пальца Алексѣича,— я увидѣлъ приближавшійся въ нашу сторону экипажъ довольно страннаго вида.

Это было что-то въ родѣ длиннаго открытаго кузова съ широкимъ передкомъ и кожанымъ, болтавшимся на задней части мѣшкомъ, прикрытымъ кожанымъ фартукомъ. Кожаные мѣшки различной величины и вида, охотничья сумка, длинноствольное ружье, напоминавшее турецкую винтовку, толстая желтая фляга изъ сушеной тыквы, груда всякаго рода тряпья и одежды, широкополая войлочная поповская шляпа, три утки, изъ коихъ двѣ дикія и убитыя, одна домашняго происхожденья, но еще живая и оглашавшая воздухъ тоскливыми криками, подлѣ нея двѣ курицы съ взъерошенными перьями и какъ-бы покорившіяся своей горькой участи,— все это громоздилось или свѣшивалось, уныло болтаясь при толчкахъ страннаго экипажа; надъ всѣмъ этимъ хламомъ высовывалъ мордочку маленькій черный кроликъ, присѣвшій на заднихъ лапкахъ и робко щипавшій пучки овощей, которые въ безпорядкѣ высовывались изъ-подъ мѣшковъ.

Человѣкъ, сидѣвшій на облучкѣ съ подобранными подъ себя ногами, по-турецки,— показался мнѣ страннымъ не менѣе экипажа. То былъ малый лѣтъ тридцати, довольно красивой наружности, одѣтый, не смотря на жару,— въ новенькій тулупчикъ, туго подтянутый черкесскимъ кушакомъ; на головѣ его красовалась черкесская шапка съ длинной лохматой шерстью, падавшей бахромою вокругъ всей головы. Глаза у него были большіе, свѣтлые, отличавшіеся жесткимъ взглядомъ; щеки его съ выдающимися румяными скулами, были усыпаны мелкими складками, придававшими его лицу ухмыляющійся, дерзкій видъ, который какъ-бы еще усиливался благодаря подвижной приподнятой морщинкѣ на орлиномъ носу, хорошо впрочемъ отформованномъ. Длинные крученые усы спускались по сторонамъ подбородка, тщательно бритаго съ тою вѣроятно цѣлью, что владѣлецъ не хотѣлъ чтобы его принимали за крестьянина, купца и еще менѣе за дьячка или пономаря.

Увидя насъ, онъ грубо осадилъ маленькую свою лошадку и прокричалъ словно изъ трубы:

— Вишь, батеньки на вольномъ воздухѣ прохлаждаются!.. Брюхото твое, Карпъ Алексѣичъ, точно надо провѣтрить!.. Пора!..

— Что это за человѣкъ? тихо спросилъ я у хозяина.

— А такой, что не совѣтовалъ-бы встрѣчаться подъ вечеръ... возразилъ онъ, — особливо если у кого лишняя лошадь... Малый не промахъ, живо сыщетъ ей мѣсто... Больно ужъ до лошадокъ охотникъ... добавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Здорово, Платонъ Сергѣичъ, громко подхватилъ хозяинъ, прикасаясь къ козырьку кончикомъ пальцевъ, — откуда, не изъ города-ли?

— Вотъ нашелъ! Что тамъ дѣлать-то?.. Глазѣть на разжирѣвшихъ какъ ты? или на приказныхъ, которые пучатъ глаза въ ладонь, высматриваютъ: нѣтъ-ли тамъ поживы...

— Давно ужъ въ этой ладони-то сухо... возразилъ хозяинъ, — скажите лучше, Платонъ Сергѣичъ, — что это вы съ собой таскаете, — точно право звѣринецъ какой...

— Это, любезный, сказалъ Платонъ, — это свидѣтельство, что я въ купцы записался... торговлей хочу заняться... И почему-бы нѣтъ? Что я дворянинъ-то? Что дѣдъ у меня носилъ золоченую парчевую шапку, дареную ему Тамерланомъ! — Это мнѣ наплевать!.. А впрочемъ это до тебя не касается; купи-ка у меня вотъ пару утокъ: только что убилъ; лучшаго сорта!..

Во время этого разговора Карпъ приблизился маленькими шажками къ экипажу, приподнялъ стволъ ружья, какъ-бы забавляясь имъ, но въ сущности желая убѣдиться въ томъ, было-ли оно заряжено — послѣ чего, онъ снова возвратился на прежнее мѣсто.

Талагаевъ (надо-же чтобы читатель узналъ наконецъ имя героя этого разсказа), — слѣдившій украдкой за движеніями хозяина, проговорилъ тогда съ видимымъ раздраженьемъ:

— Купи у меня тогда живую утку.

— Не пахнетъ-ли тутъ, примѣрно, другимъ порохомъ... недовѣрчиво пробормоталъ Карпъ.

— Съ вашимъ братомъ никакихъ видно дѣлъ не подѣлаешь!.. презрительнымъ тономъ сказалъ Талагаевъ, — вотъ теперь хоть-бы этотъ кроликъ; вѣдь не возьмешь, впередъ знаю, даромъ что изъ его пуха славные можно связать чулки...

Онъ съ явнымъ неудовольствіемъ бросилъ на дно кузова бѣднаго кролика, котораго передъ тѣмъ держалъ за уши, потрясая имъ надъ своей головою.

— У меня тутъ еще чудная тигровая шкура, но и показывать ее тебѣ не стоитъ! Не доросъ еще, братецъ, до такого товара!.. Не хотите-ли вы взглянуть... обратился онъ неожиданно ко мнѣ.

Видя что съ моей стороны никакого желанія не послѣдовало, онъ обратился къ хозяину съ явнымъ уже возбужденіемъ:

— Ты думаешь, двухкопѣечная твоя душа, что ружье не заряжено, — такъ вотъ смотри!..

При этомъ, быстрымъ движеньемъ вытащилъ онъ изъ подводы

ружье и тутъ же выстрѣлилъ, положивъ его между ушами лошади, которая не дрогнула по привычкѣ вѣроятно къ такимъ неожиданностямъ.

Въ самую эту минуту, внутри постоялаго двора раздался крикъ и въ раскрытомъ окнѣ показалась толстая женщина съ ребенкомъ въ рукахъ.

— Что это вы еще вздумали?! вишь какъ сноху мою напугали! вскричалъ хозяинъ, блѣднѣя отъ сдержаннаго негодованія, — въ домѣ другая сноха лежитъ больная въ родахъ... Что это вы въ самомъ дѣлѣ!.. убирайтесь вонъ отсюда... вонъ убирайтесь... не то...

— О! о! о!! возвышая голосъ заговорилъ въ свою очередь Платонъ, — стращать меня вздумалъ! Здѣсь дорога проѣзжая, царская... Ну а что будетъ *„коли не то...“* Думаешь, у меня только и есть что это ружье...

Платонъ бросился къ подводѣ, пригнулся и вытащилъ изъ кузова длинный черкесскій кинжалъ.

— Коли на то пошло... Постой-же и я тебѣ удружу... спокойно промолвилъ хозяинъ.

Тутъ онъ громко захлопалъ въ ладоши и прокричалъ: Левка! Петръ! Михѣшка!!

Почти въ тоже мгновенье три дюжіе парня, вооруженные вилами, выбѣжали изъ разныхъ концовъ двора.

— А вотъ, не хотите-ли потягаться съ моими ребятами... сказалъ хозяинъ.

Выраженіе злобы искривило черты Платона. Онъ ринулся къ подводѣ, вскочилъ на облучекъ и грозно потрясая кулакомъ пустился вскачь.

— Вы нажили себѣ опаснаго врага, сказалъ я хозяину.

— Не его-ли? возразилъ Карпъ, презрительно пожимая плечами, — полноте баринъ! Не пройдетъ недѣли, опять пріѣдетъ продавать утокъ или жеребенка какого-нибудь... А что надо быть осторожнымъ, это точно... Но только не съ той стороны какъ вы полагаете надо ждать отъ него напасти...

Въ эту минуту невдалекѣ изъ лѣсу послышался голосъ Талагаева. Онъ напѣвалъ простонародную извѣстную пѣснь Стеньки-Разина; голосъ его не былъ ни пріятенъ, ни вѣренъ.

Одинъ изъ парней пробормоталъ: „Хочетъ разбойникомъ быть, а самъ и пѣсни-то разбойничей пѣть не умѣетъ...“

Спустя нѣсколько минутъ этотъ самый парень затянулъ ту же пѣсню, но съ такой силой, съ такимъ выраженіемъ, что будь я на мѣстѣ его хозяина, — я бы невольно призадумался.

II.

Талагаевъ происходилъ отъ старинной тульской фамиліи, когда-то весьма богатой, но окончательно обѣднѣвшей благодаря цѣлому поколѣнію самодуровъ. Не восходя далеко, можно было назвать

отца Талагаева, еще щеголявшаго сбруей съ серебрянымъ наборомъ на лихихъ тройкахъ, похвалявшагося своей охотой, удивлявшаго цѣлый уѣздъ своими сумасбродными выходками. Случилось ему даже дать вольную и сто рублей въ придачу кучеру, который, подвязавъ глаза лошади, бросился съ нею въ рѣку, уже охваченную первымъ льдомъ, проломалъ его, исчезъ на мгновенье подъ водою и хотя вынырнулъ съ окровавленнымъ лицомъ, но впрочемъ остался цѣлъ и невредимъ и тутъ-же хватилъ стаканъ водки за здравіе своего властелина и освободителя. Талагаевъ-сынъ не имѣлъ уже средствъ тѣшить себя такими штуками, но тѣмъ не менѣе лѣзъ изъ кожи, стараясь показать себя достойнымъ своихъ предковъ. Благодаря этому, прослылъ онъ вскорѣ по всему округу за человѣка безшабашнаго, готоваго на всякую гадость; каждый избѣгалъ имѣть съ нимъ какое-нибудь дѣло.

Не многіе догадывались, что стоило хорошенько встряхнуть шкуру этого волка, чтобы изъ-подъ нея показался хвостъ зайца. Не зная его близко, я раздѣлялъ общее мнѣнье, пока случай не показалъ мнѣ его въ настоящемъ его видѣ.

Въ числѣ моихъ деревенскихъ сосѣдей находился одинъ мелкопомѣстный, — старичекъ лѣтъ шестидесяти, весь сѣденькой, весь кругленькой, но хорошій ходокъ и охотникъ, любитель сладко поѣсть, неутомимо подвижной и отличавшійся постоянно хорошимъ расположеніемъ духа. Онъ часто ко мнѣ наѣзжалъ, насъ связывала общая слабость, — карты, — и не то собственно чтобы шла у насъ игра съ трескомъ, какъ говорится, — а такъ, по маленькой, въ вистикъ, съ обычными негодующими восклицаніями когда не везло и вѣчными клятвами не брать больше картъ въ руки, и т. д. — и все это съ тѣмъ разумѣется, чтобы на другой же день приниматься за ту же работу.

Разъ вечеромъ является ко мнѣ мой добрякъ съ выраженіемъ близкимъ къ отчаянью; на немъ лица не было: щеки раздуты, — видно было, онъ много плакалъ.

Ухвативъ его тотчасъ-же подъ руку, я скорѣе увлекъ его въ сосѣднюю комнату.

— Павелъ Мартынычъ, что съ вами? воскликнулъ я, — что случилось?..

— Я пропалъ!.. Вы видите во мнѣ совсѣмъ погибшаго человѣка!! пробормоталъ онъ растерянно, — и слезы, которыя такъ не шли къ его вѣчноухмылявшемуся лицу, снова забрызгали изъ его глазъ.

— Но что же наконецъ? Что? Не произошло ли съ вами какого-нибудь несчастья?..

— Со мною нѣтъ... нѣтъ! Но ужасное несчастье! Ужасное!!

И вотъ что узналъ я изъ его разсказа, прерываемаго рыданіями: Его дочь, — миловидная пятнадцатилѣтняя блондинка, которую

боготворилъ старикъ, на которой сосредоточивалась вся его жизнь,— исчезла съ утра изъ его дома.

— Она не иначе должна быть какъ у этого Платошки Талагаева, у этого негодяя, — у этого разбойника Платошки!! воскликалъ старикъ, — вчера видѣли какъ онъ бродилъ подлѣ моего дома... вчера видѣли даже — онъ съ нею въ саду разговаривалъ... А она-то, дорогой другъ, — она! никогда не выходившая одна безъ старой няни!.. Всего вѣдь пятнадцать лѣтъ!.. Пропала какъ какой нибудь ягненокъ!.. Представьте: всего вѣдь пятнадцать лѣтъ!.. Это, понимаете, не можетъ такъ остаться... Нѣтъ!.. И я... я пришелъ просить вашей помощи!..

— Но чѣмъ же могу я помочь вамъ, дорогой Павелъ Мартыничъ?..

Старикъ энергически скрестилъ руки на груди.

— Поѣдемте вмѣстѣ къ этому разбойнику! вскрикнулъ онъ, — вырвемъ у него добычу... Я, коли на то пошло, — на дуэль его вызову... Я убью его!..

— Но почему же вы такъ твердо увѣрены, что она у него, Павелъ Мартынычъ?

— Говорю вамъ: она у него! это не подлежитъ сомнѣнію!! Ктоже кромѣ него могъ посягнуть на такое дѣло? Вѣдь не Егоръ же Антоновичъ или Захаръ Плутарховичъ?.. Конечно нѣтъ!.. Ее надо искать тамъ... Тамъ только она и можетъ быть...

Видя что его не убѣдишь, я велѣлъ заложить карету и спустя нѣсколько минутъ мы уже катили по дорогѣ къ дому Талагаева, находившемуся отъ меня всего въ нѣсколькихъ верстахъ.

Во все время пути, сосѣдъ мой находился въ самомъ плачевномъ состояніи, — и говоря по-совѣсти, трудно было догадаться, происходило-ли это отъ боязни встрѣтиться съ врагомъ, или изъ желанія скорѣй напасть на слѣдъ дочери.

— Она вѣдь ягненочекъ, повторялъ онъ безпрерывно, — бѣдный беззащитный голубь... Всего вѣдь пятнадцать лѣтъ, подумайте!..

Домъ Талагаева, — маленькій, приплюснутый, полусгнившій, похожъ былъ скорѣе на плохую крестьянскую избу, чѣмъ на жилище помѣщика. Войдя въ него, мы были встрѣчены маленькимъ засаленнымъ казачкомъ съ вытращенными отъ удивленія глазами и тутъ же очутились лицомъ къ лицу съ хозяиномъ. Кутаясь въ персидскій прорванный халатъ (на головѣ его была мурмолка изъ той же матеріи), покуривая изъ длиннаго черешневаго чубука, — онъ дѣлалъ очевидныя усилія, желая сохранить все свое достоинство. При видѣ моего сосѣда, въ чертахъ его промелькнуло однакожъ нѣчто похожее на дрожь; но не успѣлъ онъ еще открыть рта, какъ Павелъ Мартыновичъ ринулся къ нему со всѣхъ ногъ и простирая руки закричалъ неистовымъ голосомъ:

— Настенька! Гдѣ Настенька?!...

Талагаевъ выпрямился и выпустилъ длинную струю дыма.

— Какую Настеньку вамъ здѣсь надо? произнесъ онъ возвышая голосъ.

— Мою дочь! Дочь!!... простоналъ старикъ задыхаясь, — она съ утра у тебя... Отдай мнѣ ее сейчасъ! По какому праву ты увезъ ее... Отдай, говорю! Не боюсь я твоихъ пистолетовъ, сабель и усовъ... Я у тебя здѣсь бревна на бревнѣ не оставлю, все разнесу!.. А что до тебя!..

— Ве-ли-ко-лѣпно!... прервалъ Талагаевъ, — шальной старикашка, вообразивъ что я увезъ его дочь, врывается ко мнѣ въ домъ и подымаетъ скандалъ, — ко мнѣ! столбовому дворянину!!... къ такому человѣку, передъ которымъ никто еще не смѣлъ возвышать голоса... А вамъ, милостивый государь, — вамъ здѣсь что угодно? добавилъ онъ, обратясь вдругъ ко мнѣ, — а позвольте васъ спросить: по какому праву врываетесь вы въ мой домъ?

— Это я! я пригласилъ съ собою нашего почтеннаго сосѣда! вскричалъ Павелъ Мартыновичъ, — что-жъ касается дочери, - я не выйду отсюда, пока... Настя! Настенька!!.. подхватилъ онъ, принимаясь кричать и бѣгать какъ угорѣлый по комнатѣ, — Настя, дорогая моя! Гдѣ ты?! Гдѣ!!..

— Я здѣсь, папенька! послышался за раскрытыми окнами и совершенно неожиданно, тоненькій знакомый голосокъ.

Сцена была достойна театра. Старикъ бросился сломя голову изъ комнаты на дворъ, откуда, казалось, — раздался голосокъ.

Я за нимъ послѣдовалъ.

— Настя! снова воскликнулъ отецъ, — и на этотъ разъ онъ уже задыхался отъ радости. — Голубка, гдѣ ты?.. Гдѣ?!...

— Я здѣсь, папенька, меня заперли!... отвѣтилъ голосокъ.

Старикъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ дверецъ маленькаго сарая, вышибъ ихъ ловкимъ ударомъ и мы увидѣли Настю, сидѣвшую на старомъ ободранномъ кожаномъ диванѣ. Лицо ея казалось болѣе пристыженнымъ чѣмъ испуганнымъ.

Отецъ тотчасъ же бросился обнимать ее и покрывая ее поцѣлуями только приговаривалъ:

— О, гадкая дѣвчонка!.... О, злая дѣвчонка!!.. И какже тебѣ не совѣстно?.... Какъ не стыдно поступать такъ со мною? — И для кого же? для кого?!..

— Простите, папенька... Простите меня... но я скажу вамъ: — тутъ она отступила шагъ и подхватила, пристально глядя отцу въ глаза: — вы за меня не бойтесь... я берегу свою честь... о никогда!... никогда!!...

— Послѣ, — послѣ! Послѣ поговоримъ... Теперь ѣхать! скорѣе только ѣхать отсюда... суетливо заговорилъ Павелъ Мартыновичъ, увлекая дочь къ каретѣ.

— А вотъ посмотримъ какъ еще васъ пустятъ уѣхать!! крикнулъ

было Талагаевъ, но тутъ же остановился, очевидно озадаченный рѣшительнымъ взглядомъ и вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ старика.

Мы воспользовались этой минутой, — подхватили дѣвушку, живо внесли ее въ карету и сами туда бросились, приказавъ кучеру погонять лошадей.

Въ первомъ порывѣ бѣшенства Талагаевъ гикнулъ и припустилъ за нами своихъ четырехъ борзыхъ.

— Ничего, баринъ, сказалъ кучеръ, поворотивъ къ намъ на всемъ скаку ухмылявшееся лицо, — борзые добрые псы, лошадей и людей не тронутъ!..

И дѣйствительно: проводивъ насъ шаговъ двѣсти, всѣ четыре собаки, какъ бы сговорившись, вдругъ остановились, махая пушистыми своими хвостами въ знакъ полнаго удовольствія.

Долго еще раздавались за нами проклятія и угрозы Талагаева, но мы мало уже обращали на нихъ вниманія; у насъ была забота другаго рода.

Настя не переставала цѣловать отца, — даже мнѣ, въ избыткѣ чувствъ, удѣляла время отъ времени свои ласки. Она заливалась теперь слезами, хотя казалась совершенно счастливой. Отецъ также плакалъ и смѣялся въ тоже время.

— Ну что я говорилъ вамъ! вскрикивалъ онъ поминутно, — пятнадцать лѣтъ всего, сударь мой, — всего пятнадцать! Дѣтенокъ еще, которому только что въ куклы играть... Скажи, однакожъ, на милость, подхватилъ онъ, обращаясь вдругъ къ дочери, — какъ могла ты такъ увлечься, какъ могла повѣрить словамъ этого скота...

— Не спрашивайте, папенька, — отвѣчала Настя, закрывая лицо ладонями, — не спрашивайте...

— Но однакожъ?.. Однакожъ?.. настаивалъ отецъ.

— Онъ изъ себя такой красивый... проговорила она сквозь пальцы.

— Онъ красивый! Онъ!!.. воскликнулъ старикъ, — Боже праведный!.. Ужъ если могли прельстить тебя его усы, — такъ у нашего кота Васьки они еще длиннѣе...

Онъ обѣщалъ повезти меня въ Москву, хотѣлъ показать мнѣ Кремль... промолвила она сквозь слезы.

— И еще обѣщалъ вѣрно купить нарядовъ, не такъ-ли?

— Да, также... Но мнѣ это все равно... Мнѣ, главное, мнѣ, папенька... хотѣлось свободы...

— У тебя развѣ нѣтъ ея, неблагодарная!.. Постой-же, постой, и я повезу тебя въ Москву... покажу также Кремль... и... и мало-ли еще что...

Тутъ отецъ и дочь принялись цѣловаться еще усерднѣе; я въ это время поглядывалъ на спину кучера, который одобрительно потряхивалъ головою. Онъ также, казалось, былъ очень доволенъ.

Впослѣдствіи уже дознались, что дѣвочка тихонько ушла черезъ садъ, взявъ съ собою только узелокъ съ платьемъ и перемѣнную пару башмаковъ.

III.

Верстахъ въ пятнадцати отъ меня находится большое, богатое село, состоящее почти все изъ однодворцевъ. Два раза въ году здѣсь происходятъ довольно людныя ярмарки. Въ сущности ярмарки эти ничего больше, какъ простые крестьянскіе рынки, снабжающіе покупателей обиходнымъ хозяйственнымъ товаромъ, начиная съ лошадей и коровъ и кончая предметами домашняго скарба и другими принадлежностями, составляющими принадлежность русскаго крестьянскаго хозяйства, болѣе многосложнаго, чѣмъ вообще думаютъ. Ярмарки эти очень оживлены и шумны — что и объясняется, впрочемъ, множествомъ кабаковъ и съѣстныхъ лавченокъ, разсыпанныхъ здѣсь повсюду.

Я отправился въ Грохово (такъ звали село), — съ цѣлью купить пару добрыхъ, но недорогихъ лошадей. Я пріѣхалъ въ самый полдень и нисколько не удивился, когда меня со всѣхъ сторонъ обступили возня, крики и грохотанье. По мѣрѣ того, однакожъ, какъ я приближался къ первымъ рядамъ телѣгъ, шумъ въ одномъ мѣстѣ до такой степени усилился, что я невольно подумалъ: „Ужъ вѣрно тамъ чудитъ какой-нибудь забіяка", такъ какъ наши ярмарки рѣдко обходятся безъ такихъ молодцовъ. И точно, шагахъ въ пятидесяти отъ меня, посреди пьяной и возбужденной толпы, увидѣлъ я свирѣпо размахивающаго руками рослаго малаго въ черкесскомъ платьѣ и тотчасъ же узналъ въ немъ Талагаева.

Мѣсяца три-четыре я съ нимъ не встрѣчался; наружность его въ это время не улучшилась, а показалась мнѣ, напротивъ, болѣе помятой и истасканной; но не смотря на то, что онъ былъ болѣе чѣмъ когда нибудь оборванъ, онъ сохранялъ прежній обычно-дерзкій, вызывающій видъ. Насколько я могъ разобрать, среди обступавшаго меня шума, Талагаевъ обвинялся въ обманѣ мужика, которому продалъ лошадь, ложно выхваливъ ея качества. Возмущаясь повидимому особенно тѣмъ, что его смѣли всенародно позорить, и защищаясь тѣмъ задорнѣе, что самъ чувствовалъ себя виноватымъ, Талагаевъ надменно озирался вокругъ и кричалъ во всю глотку, думая этимъ озадачить наступавшую толпу. Но сколько онъ ни хорохорился, сколько ни воздѣвалъ рукъ къ небу, ни грозилъ кулаками, ни билъ себя въ грудь, — все это не производило надлежащаго дѣйствія. Воспаленныя лица пригибались къ его лицу, бѣшеные возгласы смѣшивались съ бранью. Маленькій чернявый мужиченокъ съ взъерошенной бородкой болѣе другихъ отличался.

— Къ мировому! Къ мировому, ребята!.. Довольно мы отъ нихъ видовъ-то видали... Было да прошло!.. Вали къ мировому!!

— Осмѣльтесь только, мужичье! крикнулъ вдругъ Талагаевъ, принимая позу, напомнившую мнѣ невольно Донъ-Жуана, осаждаемаго поселянами въ концѣ перваго дѣйствія этой оперы.

— Тебя что-ли испугались!.. возразилъ чернявый мужиченокъ, хорошо было хорохориться въ другое время, теперь не беретъ! — Къ мировому его!!..

— Меня?! Меня къ мировому! Никогда этому не бывать! заревѣлъ Талагаевъ, лицо котораго перешло изъ желтаго цвѣта въ багровый. Онъ яростно заморгалъ глазами, выхватилъ изъ ноженъ кинжалъ и замахалъ имъ надъ головою. Но кинжалъ былъ тутъ-же вырванъ изъ рукъ какимъ-то бѣлокурымъ геркулесомъ, стоявшимъ до сихъ поръ весьма спокойно.

Талагаевъ бросился было на него, но въ тотъ же мигъ былъ обхваченъ десяткомъ крѣпкихъ, здоровыхъ рукъ. Отъ его черкесскаго кафтана полетѣли во всѣ стороны лохмотья, шляпа его повалилась на землю, щегольской поясъ разлетѣлся въ клочки. Все, что осталось отъ Талагаева и его красивыхъ усовъ, было до того жалко, что я невольно отвернулся отъ этого зрѣлища, отъ этой крестьянской расправы, схожей съ американскимъ самосудомъ, но не имѣвшей, подобно ему, основы справедливости, присутствующей болѣе или менѣе въ сердцѣ американца.

Эта удушливая атмосфера пыли, эти крики, этотъ повсюду распространенный запахъ водки, эта свалка, сопровождаемая кулачной расправой, — все это возбуждало такое чувство отвращенія, что я тутъ же далъ себѣ слово, не подвергать себя больше подобнымъ зрѣлищамъ и никогда больше не встрѣчаться съ Талагаевымъ.

Послѣднему желанію не суждено было осуществиться. Какъ видно, мнѣ самой судьбою предназначено было еще разъ увидѣть этого молодца.

IV.

Произошло это въ холодный, унылый вечеръ ноября мѣсяца.

Выѣхавъ изъ дому почти противъ воли (я былъ приглашенъ на обѣдъ къ одному изъ ближайшихъ сосѣдей), я возвращался обратно во-свояси на саняхъ въ одиночку, съ привязаннымъ къ дугѣ колокольчикомъ и сопровождаемый молодымъ кучеромъ, взятымъ на случай подержать возжи, когда встрѣтится надобность. Снѣгъ падалъ медленно, тяжелыми пушистыми хлопьями; превращая дорогу въ сугробы, онъ наклонялъ своею тяжестью вѣтви деревъ. По временамъ порывъ вѣтра низменно пролеталъ по полямъ. Тяжелымъ, мрачнымъ покровомъ смотрѣло небо и тучи поминутно заслоняли молодой серпъ мѣсяца, который какъ бы перескакивалъ изъ одной тучки въ другую, точно стараясь убѣжать отъ какого-то невидимаго

врага. При свѣтѣ его, безпокойномъ и нерѣшительномъ, черезъ дорогу, казалось, поминутно проскакивали то бѣлые маленькіе зайчики, то быстро пробѣгали длинныя волнистыя тѣни; видимые обычные предметы принимали фантастическіе образы, вытягивались, выростали и вдругъ исчезали.

Это была какая-то борьба между свѣтомъ и тѣнью.

Мой молоденькій кучеръ неожиданно затянулъ пѣсню. Сначала онъ пѣлъ какъ будто про себя, но затѣмъ голосъ его, поощряемый должно быть моимъ молчаніемъ, постепенно возвысился и подъ конецъ перешелъ въ свѣтлый, звенящій тонъ съ тоскливымъ оттѣнкомъ; голосъ этотъ, — почти дѣтскій, согласовался какъ нельзя лучше съ дребезжаніемъ колокольчика подъ дугою и печальной тишиной этой ночи. Я не разбиралъ произносимыхъ имъ словъ, но по всей вѣроятности дѣло здѣсь шло, — какъ вообще въ большинствѣ пѣсенъ, — о любви и молодыхъ дѣвушкахъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ я.

— Восьмнадцатый пошелъ, отвѣчалъ онъ, нѣсколько удивленный моимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Что-жъ, не задумываешь-ли жениться?

— Отчего-жъ не жениться!.. Женюсь коли встрѣнется подходящая... чтобы, примѣрно, изъ себя была красивая...

— Какъ Настенька, напримѣръ...

— Что въ ней! Одно развѣ что барышня!.. У насъ на деревнѣ не хуже ея найдутся!.. Отцу все единственно, тѣснить въ этомъ не станетъ; что ему? день-деньской въ кабакѣ сидитъ! Старуха моя добрая, моей волѣ не перечитъ... Только свисну... Ай баринъ, что съ ней?!.. крикнулъ онъ, схватывая возжи и силясь удержать лошадь, которая откинулась вдругъ въ сторону.

Мѣсяцъ скрылся за тучей; темнота была непроглядная; лошадь продолжала топтаться въ снѣгу, пятилась, фыркала и упрямо мотала головой... Что-то темное, чего я не могъ ясно различить, лежало поперегъ дороги...

— Посмотри, что тамъ такое?.. сказалъ я кучеру, — я пока подержу возжи....

Кучеренокъ выскочилъ изъ саней.

Не легко было однакожъ держать лошадь; она вздрагивала всѣми своими членами и шерсть ея становилась торчмя.

— Баринъ! проговорилъ неожиданно кучеръ, измѣнившимся голосомъ, — баринъ, поѣдемте скорѣй отсюда...

— Что такое?

— Здѣсь не ладно...

— Но отчего? сказалъ я, выпрыгивая въ свою очередь изъ саней.

— Не ладно здѣсь, баринъ, говорю вамъ...

Произнеся эти слова, онъ перекрестился и отступилъ нѣсколько шаговъ.

— Такъ имъ и надо... этимъ конокрадамъ... пробормоталъ онъ,— и выраженіе злобы мелькнуло на его молодомъ, безбородомъ и кроткомъ лицѣ.

Подойдя ближе къ предмету напугавшему человѣка и лошадь, я нагнулся... и узналъ Талагаева. Лобъ его былъ разсѣченъ ударомъ топора; показавшійся изъ-за тучъ мѣсяцъ блеснулъ въ кровавой лужѣ, окружавшей голову убитаго; шея его была перетянута толстой веревкой, концы которой разбрасывались въ стороны.

Весь этотъ изуродованный, растерзанный, покрытый лохмотьями образъ выдѣлялся съ невыразимой силой на холодной, дѣвственной бѣлизнѣ снѣга.

Я вспомнилъ, что однажды, послѣ какого-то безобразнаго кулачнаго побоища, въ которомъ онъ былъ главнымъ участникомъ, я замѣтилъ въ его присутствіи: „Прискорбно думать, что Талагаевъ можетъ когда нибудь кончить свою жизнь въ такой свалкѣ!“ — на что Талагаевъ тотчасъ-же возразилъ съ свойственной ему высокомѣрной наглостью: — „Ой-ли? Нѣтъ, сударь мой, Талагаевы такъ не умираютъ!!..“

„Вотъ каковъ ихъ конецъ!“ подумалъ я въ эту ночь передъ его изувѣченнымъ, растерзаннымъ трупомъ.

VI.

[Пѣсня Клерхенъ изъ „Эгмонта“.]

Одной лишь любовью
Блаженна душа.
Радостей,
Горестей,
Думъ полнота!
Стремленье,
Томленье
И мукъ череда:
То неба восторги,
То смерти тоска...
Одной лишь любовью
Блаженна душа.

VII.

Изъ поэмы, преданной сожженію.

.... И понемногу начало назадъ
Его тянуть въ деревню, въ темный садъ,
Гдѣ липы такъ отрадны, такъ тѣнисты,
И ландыши такъ дѣвственно-душисты,
Гдѣ круглыя ракиты надъ водой
Съ плотины наклонились чередой,
Гдѣ тучный дубъ растетъ надъ тучной нивой,
Гдѣ пахнетъ конопелью да крапивой....
Тула, тула—въ раздольныя поля,

Гдѣ бархатомъ чернѣется земля,
Гдѣ рожь—куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падаетъ тяжелый, желтый лучъ
Изъ-за прозрачныхъ, бѣлыхъ, круглыхъ тучъ...
Тамъ хорошо!..

VIII.

Синица.

Слышу я: звенитъ синица
Средь желтѣющихъ вѣтвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вѣстница осеннихъ дней!

Хоть грозитъ онъ намъ ненастьемъ,
Хоть зимы онъ намъ пророкъ—
Дышетъ благодатнымъ счастьемъ
Твой веселый голосокъ.

Въ пѣсенкѣ твоей привѣтной
Слухъ плѣненъ ужели-жъ мой
Лишь природы безотвѣтной
Равнодушною игрой?

Иль безпечно распѣваетъ
И въ тебѣ охота жить,
Та, что̀ людямъ помогаетъ
Смерть и жизнь переносить?

IX.

На зарѣ.

Сонъ не коснулся глазъ моихъ,
А первый блескъ лучей дневныхъ
Въ окошко проникаетъ...

Въ борьбѣ ночныхъ тяжелыхъ думъ
Тревожно мечется мой умъ
И сердце изнываетъ...

Миръ съ тобою,
Сердце, полное тоскою!
Слышишь зовъ? То зовъ небесный,
Колокольный звонъ воскресный!

X.

Разгадка.

Какъ приливала къ сердцу
Вся кровь въ груди моей,
Когда въ меня вперялись
Лучи твоихъ очей!

Мнѣ долго непонятенъ
Былъ ихъ языкъ нѣмой...
Искалъ его значенья
Я съ страхомъ и тоской...

Вдругъ всѣ сомнѣнья пали
И страхъ навѣкъ затихъ...
Мой ангелъ, всё я понялъ
Въ одинъ блаженный мигъ!

XI.

Разлука.

О, разлука, разлука!
Какъ ты сердцу горька!
Терзаетъ его скука,
Сожигаетъ тоска!

Гдѣ бывалая сила?
Увы, гдѣ прежній я?
Меня ты разлюбила...
Но не кляну тебя!

XII.

Передъ судомъ.

[Слова *Гете*, перев. *И. Тургенева.*]

Подъ сердцемъ моимъ чье дитя я ношу,
Не знать тебѣ, судья!
Га! Ты кричишь: „развратница!..“
Честная женщина я!

И съ кѣмъ я спозналась, тебѣ не узнать!
Мой другъ мнѣ вѣренъ на вѣкъ!
Ходитъ ли въ шолкѣ да въ бархатѣ онъ,
Бѣдный ли онъ человѣкъ!

Насмѣшки, стыдъ, позоръ людской—
Все я готова снесть.
Меня не выдастъ милый мой,
И Богъ на небѣ есть!

Вы, судьи, судьи вы мои,
Молю, оставьте насъ!
Дитя мое! и ничего
Не просимъ мы у васъ!

XIII.

Ночь и день.

[Слова *Е. Тюркести*, перев. *И. Тургенева.*]

Уже бѣгутъ ночныя грезы,
Денница въ небѣ ужъ зажглась...

Улыбка... слезы...
То утра часъ!

Близка лучей весслыхъ сладость!
Но тѣнь не вся еще сошла...
Здѣсь свѣтъ и радость,
Тамъ грусть и мгла!

Связь между нами вспоминая,
Твержу я тронутой душой:
Я тѣнь ночная,
Ты лучъ денной!

XIV.

Лѣсная тишь.

[Слова *Р. Поль*, перев. *И. Тургенева*.]

Лѣсная тишь! лѣсная тишь!
Какой отрадой вѣешь ты!
Какимъ всесильнымъ волшебствомъ
Ты будишь грёзы и мечты!

Въ глухой тѣни живыхъ вѣтвей
Ручей таинственно журчитъ,
И солнца лучъ, какъ бы сквозь сонъ,
Едва трепещетъ и скользитъ.

О чёмъ-то шепчетъ вѣтерокъ,
И листья шепчутъ межъ собой.
Ужъ не смѣется ль легкій сильфъ
За той развѣсистой сосной?

Вдругъ чистый звонъ, какъ бы волною,
Объемлетъ лѣсъ, недвижный лѣсъ!
И выше, выше всё взлетаетъ,
И въ глубинѣ небесъ исчезъ!

XV.

Загубленная жизнь.

[Слова *Р. Поль*, перев. *И. Тургенева.*]

Глядитъ на закатъ она солнца,
И взоръ отуманенъ слезой...
На память приходитъ ей юность,
Невинности сонъ золотой.

И тотъ, что былъ сердцу дорогъ,
И всё, чѣмъ такъ сладко жилось,—
Всё черной скрыто завѣсой,
Всё сгибло, навѣкъ унеслось.

А бабушка тихо слагаетъ
Дрожащія, блѣдныя руки
И блѣдными шепчетъ устами:
„Подай намъ кончину безъ муки!“

XVI.

Садовникъ.

[Слова *Е. Мёрике*, перев. *И. Тургенева.*]

Верхомъ на лошадкѣ,
Какъ сталь вороной,
Княжна молодая
Скокъ передо мной!

Дорожку усыпалъ
Съ утра я пескомъ—
Она подъ копытомъ
Блеститъ серебромъ.

Перо, что́ такъ мило
Къ кудрямъ прилегло,

О если бъ украдкой
Упасть ты могло!

За службу въ награду
Ты хочешь цвѣтовъ?
Отдать всѣ цвѣты я,
Всю душу готовъ!

XVII.

Ожиданіе.

[Слова *Р. Поль*, перев. *И. Тургенева*.]

Онъ домъ сейчасъ покинулъ мой,
Сказавъ мнѣ: До свиданья!
И сердце вновь уже томитъ
Тревога ожиданья...

Въ ночную мглу гляжу за нимъ
И уношусь мечтой
Туда, туда, гдѣ дышетъ онъ,
Мой милый, мой герой!

О сердце, какъ до той поры,
Скажи, какъ доживу я,
Когда онъ вновь ко мнѣ придетъ
И друга обниму я?

XVIII.

Былое счастье.

[Слова *Е. Мёрике*, перев. *И. Тургенева*.]

Счастья дни, какъ скоро вы—
Скоро вы—
Скрылись и пропали!

Былъ мой другъ бы вѣренъ мнѣ—
Вѣренъ мнѣ—
Не знала бъ печали!

По полянамъ, вкругъ меня,
Вкругъ меня—
Жницы распѣваютъ...
У меня лишь, у одной,
У одной
Слезы набѣгаютъ!

И брожу я, словно тѣнь
Словно тѣнь
Всё подъ тѣмъ холмочкомъ,
Гдѣ меня онъ столько разъ
Столько разъ
Звалъ своимъ дружочкомъ!

Тамъ стою я, наклонясь,
Наклонясь
Къ рѣчкѣ тихоструйной.
Кóсы, что онъ такъ ласкалъ
Такъ ласкалъ
Треплетъ вѣтеръ буйный!

XIX.

„Что за погода злая!"

(Слова *Г. Гейне*, перев. *И. Тургенева*.)

Что за погода злая!
Сердито шумитъ гроза...
Сижу подъ окошкомъ и молча
Вперилъ я во мракъ глаза.

Вдали огонекъ одинокій
Тихохонько бредетъ...

Съ фонарикомъ, вижу, старушка
Тамъ дряхлой стопой идетъ.

Муки купить, яичекъ,
И масла нужно ей...
Пирогъ [испечь она] хочетъ
Для дочери своей.

А та лежитъ на креслѣ
И, щурясь, глядитъ на ночникъ...
Пушистыя кудри мягко
Ложатся на розовый ликъ.

XX.

Chanson de la pluie (Пѣснь дождя).

Мелодія Полины Віардо.

[Слова *И. С. Тургенева.*]

Coulez, coulez, gouttes fines,
Le long des collines,
En petits ruisseaux
Coulez, coulez, sur la mousse
Verdoyante et douce,
Baignez les rameaux
Le vent vous entraîne
Jusque dans la plaine
Qui repand au loin
Une odeur de foin
Sous l'eau qui ruisselle
En ruisseau mouvant
La fleur étincelle
Comme un diamant.

ОТДѢЛЪ II.

I.

(1842 г.)

Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ.

Прежде, нежели я приступлю къ изложенію моихъ мыслей на счетъ русскаго крестьянина и русскаго хозяйства, не излишнимъ почитаю замѣтить, что хоть я исключительно не занимался политической экономіею, но знакомъ со всѣмъ, что, принадлежа собственно къ наукѣ государственнаго хозяйства, входитъ въ область исторіи и географіи; сверхъ того мнѣ извѣстно довольно значительное количество отдѣльныхъ фактовъ, собранныхъ мною на опытѣ и посредствомъ чтенія. А потому замѣчанія, которыя я намѣренъ предложить въ слѣдующей статьѣ, могутъ только служить залогомъ моихъ ревностныхъ будущихъ занятій по части государственнаго хозяйства, изученію котораго я рѣшился посвятить все мое время.

Состояніе русскаго крестьянина составляетъ предметъ постояннаго вниманія нашего Монарха; доказательствомъ такого Высочайшаго вниманія служатъ, кромѣ многихъ другихъ указовъ,—указы объ опредѣленіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, о воспитаніи сельскаго юношества и т. д. Всѣ русскіе съ надеждою и увѣренностью взираютъ на распоряженія правительства и убѣждены, что переходъ отъ прежняго патріархальнаго состоянія русскихъ крестьянъ и русскаго хозяйства къ новому, и болѣе прочному и стройному, совершится благополучно; уже во многихъ періодическихъ изданіяхъ слышатся голоса опытныхъ хозяевъ—предлагаются измѣненія и нововведенія... (Смотри статью г. Хомякова въ „Москвитянинѣ“ нынѣшняго года и возраженія Симбирскаго Помѣщика).

И дѣйствительно—вопросъ *о значеніи земледѣльческаго класса* уже самъ по себѣ чрезвычайно важенъ; имъ дѣятельно занимались

и занимаются, кромѣ Россіи, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи. Но когда мы вспомнимъ, что наше отечество по своему географическому положенію—внутреннему и внѣшнему—есть государство по преимуществу земледѣльческое; когда мы вспомнимъ, что большая и важнѣйшая часть Россіи представляетъ намъ обширную, плодоносную равнину, протекаемую великими рѣками, самыми естественными и надежными путями сообщенія (сверхъ того наша канализація превосходна),—то мы должны согласиться, что этотъ вопросъ для насъ, русскихъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ и первостепенныхъ. Онъ сопряженъ съ вопросомъ о будущности Россіи вообще.

Притомъ, хотя мы можемъ заимствовать у иностранцевъ много и отдѣльныхъ полезныхъ свѣдѣній по части земледѣлія,—но рѣшить этотъ вопросъ, опредѣлить условія, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе русскаго хозяйства, можемъ только мы—собственными силами, потому что ни въ какомъ другомъ государствѣ не встрѣтимъ мы ничего подобнаго. Въ чужихъ краяхъ этотъ вопросъ получаетъ совершенно другое значеніе: напримѣръ, системы фуріеристовъ о раздѣлѣ земель и равенствѣ имѣній вездѣ нелѣпы, но въ Россіи даже невозможны, тогда какъ во Франціи можно по крайней мѣрѣ объяснить причину ихъ проявленія. Далѣе: въ Англіи классъ хлѣбопашцевъ принадлежитъ собственно къ аристократіи, которая владѣетъ большею частью земель, и въ системѣ *уравновѣшиванія*, на которой основано все политическое существованіе Англіи, противодѣйствуетъ промышленному классу; между тѣмъ какъ въ Россіи всѣ эти отношенія существуютъ совершенно иначе.

Если земледѣліе такъ важно для Россіи, то любопытно бросить взглядъ на состояніе земледѣльческаго класса въ нашемъ отечествѣ. Исторія намъ показываетъ, какимъ образомъ образовался у насъ крестьянскій бытъ. На Западѣ дворяне принадлежали къ побѣдившему племени,—хлѣбопашцы къ побѣжденному: это различіе двухъ племенъ мы находимъ вездѣ, въ Италіи, во Франціи, въ Англіи—и хотя въ теченіи времени это различіе почти совершенно сгладилось,—но чѣмъ выше мы всходимъ, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ эпохѣ возникновенія новыхъ централизацій на развалинахъ древняго міра, тѣмъ явственнѣе мы можемъ различить эти два составные коренные элемента всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ Россіи напротивъ: наши дворяне и наши крестьяне одного и того же племени; говорятъ однимъ языкомъ, у тѣхъ и у другихъ

одинъ и тотъ же складъ лица; правда, много нашихъ дворянъ происхожденія иностраннаго—татарскаго, литовскаго и т. д., но они явились въ Россіи *выходцами*, не побѣдителями, принимали нашу вѣру, наши обычаи, и уже дѣти ихъ были чисто-русскіе. Удѣльная система тѣмъ и отличается такъ рѣзко отъ феодальной, что вся проникнута духомъ патріархальности, мира, духомъ семейства. Мы вправѣ сказать, что нашими русскими дворянами были единственно князья, происходящіе отъ Рюрика, многочисленность которыхъ насъ приводитъ въ удивленіе [1], родовые князья, наслѣдовавшіе Русь, къ которымъ въ послѣдствіи времени примѣшались дворяне другого происхожденія. Князь, умирая дѣлилъ свои отчины между своими сыновьями, и они множились и плодились на благодатной землѣ русской, окружаемые своими дѣтьми, своими слугами... Тогда какъ на Западѣ семейный кругъ сжимался и исчезалъ при непрестанномъ расширеніи *государства*,—въ Россіи все государство представляло одно огромное семейство, котораго главой былъ Царь, „*Отчичъ и Дѣдичъ*“ Царства Русскаго, не даромъ величаемый Царемъ Батюшкой...

Намъ могутъ замѣтить, что и наши князья *были чуждаго* происхожденія; но во-первыхъ, это различіе чрезвычайно рано исчезло, во-вторыхъ, никогда не имѣло того феодальнаго значенія, какъ на Западѣ. При распространеніи русскаго владычества много другихъ племенъ, иначе образовавшихся, подчинилось власти велико-руссовъ... И теперь нашему правительству предстоитъ разрѣшить вопросъ о земледѣльческомъ классѣ (который вездѣ болѣе или менѣе требуетъ разрѣшенія) и у нихъ... Я ограничусь одними велико-руссами, которыхъ я знаю болѣе другихъ, и къ которымъ все вышесказанное относится.

Это патріархальное состояніе Россіи, которому мы съ одной стороны обязаны чистотою нашихъ нравовъ, нашей религіозностью, но которое съ другой стороны препятствовало гражданскому развитію Россіи, не могло не измѣниться. Петръ Великій первый вывелъ Русь изъ прежняго ея состоянія, и благодаря своимъ великимъ правителямъ (Россія еще болѣе Пруссіи всѣмъ *обязана* своимъ государямъ)

[1] Нельзя не замѣтить, какъ много пресѣклось княжескихъ фамилій. Изъ двадцати князей различныхъ родовъ, которыхъ мы находимъ въ „поѣзду“ князя Холмскаго, на свадьбѣ его съ дочерью Іоанна III въ 1500 г., ни одинъ не оставилъ потомства, дошедшаго до нашихъ дней. (См. Древ. Вив. Томъ XIII).

наше отечество занимаетъ едва-ли не первое мѣсто въ союзѣ европейскихъ державъ. Но много еще осталось не разрѣшенныхъ вопросовъ, со многимъ должны мы разстаться, многое усовершенствовать, многое пріобрѣсть; и если есть люди, которые съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и страхомъ оглядываются назадъ, люди, которые въ противорѣчіи съ самими собою не хотѣли бы, напр., ограничить нашу литературу одними народными пѣснями, но со всѣмъ тѣмъ желали бы остановить развитіе народа, то мы почитаемъ себя въ правѣ называть такое сожалѣніе безвѣріемъ—безвѣріемъ въ промыселъ, такъ дивно руководившій насъ доселѣ,—безвѣріемъ въ наше настоящее и въ наше будущее.

Какъ бы то ни было, этотъ переходъ начинаетъ совершаться и въ нашемъ хозяйствѣ; старое измѣняется, хотя и упорствуетъ,—новое часто впадаетъ въ односторонность, но постепенно вводится и торжествуетъ. Любопытно наблюдать картину такого перехода, и потому постараюсь въ краткихъ словахъ изобразить замѣчательнѣйшія черты настоящаго положенія. Я выросъ и жилъ довольно долгое время въ деревнѣ, находящейся въ одной изъ плодороднѣйшихъ губерній Россіи, въ Орловской, и имѣлъ случай познакомиться съ русскимъ крестьяниномъ и съ русскимъ помѣщикомъ.

Предѣлы моей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ подробную характеристику русскаго крестьянина. Скажу только, что при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ нельзя не оцѣнить его смѣтливости, его добродушія, его природнаго ума; но, повторяю, прежнія его отношенія къ помѣщику измѣнились. Простодушная патріархальность прежнихъ временъ исчезла, не замѣненная еще доселѣ законностью и твердостью отношеній. Нельзя сказать, чтобы быть нашихъ хлѣбопашцевъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Промышленные обороты, основанные на разсчетахъ и личной сноровкѣ, могутъ доставить значительное благосостояніе, даже роскошь, но по сущности своей не надежны. Земледѣліе, напротивъ, должно быть прочно и незыблемо, какъ сама земля, и не даруя излишняго, вполнѣ обезпечивать жизнь хлѣбопашца. Необходимость, святость этой незыблемости, прочности, чувствовали всегда всѣ народы, недаромъ у грековъ земледѣліе почиталось непосредственнымъ даромъ Божества; а потому фантазіи нѣкоторыхъ утопистовъ, желающихъ насильственно втянуть земледѣліе въ кругъ промышленности, т. е. пахать землю паровыми машинами, устраивать компаніи для воздѣлыванія земель, словомъ,

уничтожить классъ хлѣбопашцевъ,—такія фантазіи и безразсудны и *безнравственны*.

Но до этой прочности, до этого полнаго обезпеченія жизни людей, предавшихся земледѣлію, русское хозяйство далеко еще не дошло. Земля большею частью обрабатывается худо и не даетъ ни помѣщику, ни крестьянину всего, что при другихъ условіяхъ она была бы въ состояніи дать. Важнѣйшія неудобства нашего хозяйства слѣдующія:

Во-первыхъ, недостатокъ положительности и законности въ самой собственности, такъ называемая черезполосность владѣній. Размежеваніе земель, дѣятельно теперь производимое во всей Россіи, принесетъ въ этомъ отношеніи величайшую пользу; уничтоженіе *общихъ владѣній* есть первый шагъ къ водворенію разумнаго хозяйства въ Россіи; каждый помѣщикъ узнаетъ свои границы, свои средства, свои выгоды; всѣ дальнѣйшія улучшенія не могутъ быть приводимы въ исполненіе, пока *собственность* не опредѣлится.

Во-вторыхъ, недостатокъ законности и положительности въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ. Эти отношенія почти ничѣмъ не опредѣлены и большей частью зависятъ отъ прихоти владѣльцевъ. Онѣ бываютъ двоякаго рода, смотря по тому, деньгами-ли, работою-ли взыскиваетъ помѣщикъ повинность съ крестьянина, и называются: оброкъ или барщина. Величина оброка опредѣляется качествомъ и количествомъ земли, близостью города и т. д. Но, во-первыхъ, помѣщикъ иногда возвышаетъ оброкъ, не соображаясь съ средствами крестьянъ, а во-вторыхъ,—мужики не освобождены отъ различныхъ работъ, часто отнимающихъ у нихъ драгоцѣннѣйшее время, какъ-то: обязанность ходить на барскій покосъ (иногда въ отдаленную деревню), ѣзда съ обозами въ столичные и губернскіе города зимою и т. д. Барщина еще неопредѣленнѣе оброка; крестьяне, находящіеся на барщинѣ, живутъ большею частью, такъ сказать, на хлѣбахъ у своихъ господъ. Не успѣвая тщательнымъ образомъ заняться обработкой своего участка, не имѣя вообще въ сущности ничего *своего*, крестьянинъ обыкновенно уже весною начинаетъ занимать свое продовольствіе у помѣщика. Спѣшу замѣтить, что у многихъ помѣщиковъ крестьяне благоденствуютъ, но это благоденствіе есть плодъ личныхъ качествъ господина, а не законнаго, неизмѣннаго порядка. И потому указъ Его Императорскаго Величества на счетъ опредѣленія отношеній дворянъ къ крестьянамъ долженъ принести величайшую пользу.

Въ-третьихъ, весьма неудовлетворительное состояніе науки земледѣлія, а также и скотоводства и лѣсоводства въ нашемъ отечествѣ, происходящее съ одной стороны отъ нерадѣнія богатыхъ владѣльцевъ, часто проживающихъ собственнымъ добромъ,—съ другой стороны отъ бѣдности мелкопомѣстныхъ дворянъ, не поддерживаемыхъ общимъ рвеніемъ и потому долженствующихъ, какъ они говорятъ, начинать все на *свою руку*, для чего не достаетъ у нихъ ни средствъ, ни времени. Истина неоспоримая: если воздѣлывающій своими руками землю, если крестьянинъ не удовлетворенъ и не обезпеченъ, владѣлецъ богатымъ быть не можетъ. Стоитъ взглянуть на Ирландію: тамъ огромныя помѣстія цѣнятся гораздо ниже такихъ же или даже меньшихъ шотландскихъ или англійскихъ помѣстій, несмотря на то, что въ Ирландіи почва земли превосходнѣе шотландской. Я бы могъ сравнить наше хозяйство съ плодоносной землей... но если испаренія этой земли не падаютъ на нее обратно живительнымъ дождемъ — она непремѣнно изсохнетъ и запуститъ. И какая малая, незначительная часть доходовъ у насъ въ Россіи обращается вновь на улучшеніе имѣній! Несмотря на то, что малѣйшее улучшеніе, малѣйшая сноровка и наблюдательность помѣщика вознаграждаются съ избыткомъ. Не говорю о тѣхъ нововведеніяхъ, которыя не заслуживаютъ имени улучшеній, о нововведеніяхъ необдуманныхъ, осуществляемыхъ безъ всякаго размышленія объ удобностяхъ и потребностяхъ края.

Въ-четвертыхъ, не совершенное уравновѣшиваніе торговли и земледѣлія. Сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ однихъ и тѣхъ же людей жалобы на дурной урожай, на невозможность прокормить крестьянъ, а въ слѣдующемъ году на слишкомъ обильный урожай, на дешевизну цѣнъ! Что касается до бѣдствія, посѣтившаго недавно Россію, а между прочимъ и Орловскую губернію, до голода, то должно надѣяться, что благодѣтельная мѣра правительства: учрежденіе запасныхъ магазиновъ, навсегда уничтожитъ возможность возвращенія такого ужаснаго зла. Неопредѣленность и непрочность въ сбытѣ сельскихъ произведеній тѣснымъ образомъ связаны со всѣми вышеупомянутыми неудобствами нашего теперешняго хозяйства; ко всѣмъ этимъ неудобствамъ должны мы присоединить невполнѣ удовлетворительное состояніе нашихъ дорогъ, затруднительное доставленіе сельскихъ произведеній на крестьянскихъ лошадяхъ, недостатокъ денегъ, необходимыхъ для быстрыхъ и успѣшныхъ оборотовъ.

Въ-пятыхъ, весьма слабое развитіе чувства гражданственности, законности въ нашихъ крестьянахъ. Русскій крестьянинъ состоитъ, какъ и всѣ мы, подъ покровительствомъ законовъ, но безсознательно: онъ не чувствуетъ себя гражданиномъ. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ смышленности и смѣтливости русскаго человѣка,—но съ одной стороны нельзя не пожелать уменьшенія именно этой смѣтливости, которая напоминаетъ—прошу извинить мое сравненіе—смѣтливость и изворотливость лисицы, но не достойно человѣка живущаго въ благоустроенномъ обществѣ. Впрочемъ, тотъ же самый крестьянинъ, прибѣгающій къ уловкамъ подъ управленіемъ господина, которому онъ не довѣряетъ, становится самымъ разумнымъ, понятливымъ и расторопнымъ человѣкомъ подъ руководительствомъ помѣщика, радѣющаго о его благосостояніи. И потому нельзя не радоваться появленію Высочайшаго указа о воспитаніи сельскаго юношества. Человѣкъ грамотный, хотя бы онъ умѣлъ только читать и писать, пользуется безконечными преимуществами въ сравненіи съ безграмотнымъ; ему открыты глаза, онъ чувствуетъ, что онъ вступилъ въ общество. Нельзя однакожъ не замѣтить, что одно знаніе грамоты не даетъ того чувства гражданственности, о которомъ мы говорили выше; есть департаменты въ средней Франціи, въ которыхъ пропорція умѣющихъ читать и писать къ неумѣющимъ вовсе не превышаетъ этой пропорціи у насъ. Но развитіе этого чувства мы должны ожидать отъ времени, отъ постепеннаго распространенія понятій, а главное отъ благодѣтельныхъ распоряженій правительства. Теперь же мы должны замѣтить, что крестьянинъ, чувствующій шаткость и ненадежность своего положенія, часто съ небреженіемъ, почти съ нелюбовью обращается съ собственнымъ достояніемъ, часто предается пьянству, и за нѣсколько часовъ самозабвенія, пріобрѣтенныхъ имъ на счетъ здоровья, проводитъ остальную жизнь въ нуждѣ и бѣдности.

Въ-шестыхъ, вообще всѣ устарѣлыя учрежденія, завѣщанныя намъ прежнимъ патріархальнымъ бытомъ, теперь уже неумѣстныя и отяготительныя: избытокъ дворовыхъ людей и т. д., также всѣ неминуемыя послѣдствія не обезпеченнаго продовольствія крестьянъ: конокрадство, порубка лѣса; и, наконецъ,—

въ-седьмыхъ: недостатокъ общественнаго духа въ дворянахъ.

Мнѣ кажется, неудобства современнаго состоянія хозяйства въ Россіи изложены мною довольно подробно. Я бы могъ еще упомя-

нуть изрѣдка проявляющееся отчужденіе нѣкоторыхъ дворянъ отъ собственныхъ крестьянъ, которое, къ счастью, съ каждымъ днемъ уменьшается. Другія неудобства, не столь важныя, я не почелъ за нужное упоминать; но зато я долженъ здѣсь сказать нѣсколько словъ объ одномъ возраженіи, которое я не могу почитать за истинное. Именно: нѣкоторые желали бы прекратить у насъ раздробленіе имѣній и ввести, по примѣру англійскаго законодательства, маіораты въ пользу старшихъ сыновей. Кромѣ того, что всѣ такія заключенія по аналогіи уже потому невѣрны, что всякое аналогичное заключеніе предполагаетъ различіе и слѣдовательно само себя опровергаетъ,—но вообще аристократія, какъ она существуетъ въ Англіи, есть учрежденіе совершенно чуждое русскому духу. Аристократы англійскіе всѣ аристократы *Божьей милостью,* также какъ и король; они происходятъ отъ свободныхъ нормандскихъ рыцарей, сопровождавшихъ Вильгельма Завоевателя на извѣстныхъ условіяхъ; онъ *долженъ* былъ раздѣлить между своими товарищами землю, покоренную ихъ мечами. Напротивъ, въ Россіи, какъ уже я замѣтилъ, наши удѣльные князья потому только считались *господами* и истинными владѣльцами земли, что они происходили отъ Рюрикова племени, отъ котораго происходилъ и самъ Царь; они не были зависимыми баронами, но почтительно-покорными слугами Царя, ихъ Главы, который былъ властенъ надъ ихъ жизнью и ихъ достояніемъ. И дворянскій классъ въ Россіи имѣетъ совершенно другое происхожденіе и назначеніе, чѣмъ англійскіе дворяне. Противъ исторіи своего народа, противъ той необходимой послѣдовательности, которая проникаетъ всѣ проявленія народной жизни, невозможно и грѣшно дѣйствовать. Да и сверхъ того русская земля по своей обширности требуетъ, чтобы владѣльцевъ было много, чтобы они пристально и трудолюбиво занимались ея обрабатываніемъ; весь нашъ сельскій бытъ долженъ измѣниться; (а сельскій нашъ бытъ обнимаетъ гораздо большую часть нашего народонаселенія; извѣстно, что въ Европейской Россіи только десятая часть всѣхъ жителей живетъ въ городахъ), и это превращеніе должно совершаться медленно, постепенно; и не совершится, если не все дворянское сословіе будетъ участвовать въ этомъ переворотѣ. Словомъ, въ этомъ отношеніи, я полагаю, всякая централизація едва-ли не вредна.

Какимъ же образомъ достигнемъ мы этой цѣли? Какими средствами? Полное разрѣшеніе этого вопроса обрадуетъ, можетъ быть,

только слѣдующее поколѣніе... Ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями, которыя покорно прошу принять снисходительно.

Разбирая неудобства нашего хозяйства, я съ намѣреніемъ не упомянулъ *крѣпостного состоянія* нашихъ хлѣбопашцевъ. Ихъ такъ называемое рабство было предметомъ многихъ довольно пустозвонныхъ разглагольствованій, показывающихъ часто совершенное невѣдѣніе истинныхъ потребностей Россіи. Мы желаемъ законности и твердости въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ; законность исключаетъ прихоть владѣльца, а потому и то, что называютъ рабствомъ. Рабство есть нехристіанское понятіе, и потому въ христіанскомъ государствѣ существовать не можетъ и никогда не существовало; но не въ томъ дѣло. Не говоря уже о томъ, что, напр., ремесленники въ Англіи едва-ли не болѣе нашихъ крестьянъ заслуживаютъ названія рабовъ, считаю долгомъ замѣтить, что многія нѣсколько поспѣшно предлагаемыя улучшенія не только не уничтожаютъ, но даже упрочиваютъ рабство. Еще не давно въ Мекленбургѣ (въ странѣ, гдѣ позже всѣхъ другихъ германскихъ государствъ прекратилось крѣпостное состояніе хлѣбопашцевъ), въ сосѣдствѣ Нейбранденбурга, было совершено убійство надъ особой помѣщика, убійство, сопровожденное ужасающими подробностями,—доказывающее ожесточеніе, которое мы не ожидаемъ найти въ свободныхъ людяхъ... Въ Мекленбургѣ крестьяне, хотя и лично свободные, въ сущности находятся въ тѣсной зависимости отъ того, что немногочисленные помѣщики того края какъ бы сговорились не принимать ни одного крестьянина, отошедшаго отъ своего господина. Во время моего пребыванія въ Богеміи, мнѣ не разъ удавалось быть свидѣтелемъ притѣсненій свободныхъ крестьянъ писцами помѣщичьими, по такъ называемымъ патримоніальнымъ судамъ. Уже потому намъ нельзя брать примѣръ въ этомъ отношеніи съ иностранцевъ, что всѣ наши учрежденія, настоящія и будущія, имѣютъ совершенно другой источникъ, другой характеръ.

Между русскимъ „міромъ“ и русскимъ старостою и нѣмецкой Gemeinde и нѣмецкимъ Schulze разница огромная; тѣмъ не менѣе, справедливо, что изученіе формъ земледѣльческаго быта въ Германіи можетъ быть чрезвычайно полезно, такъ-же, какъ и изученіе науки земледѣлія, дошедшаго въ чужихъ краяхъ до высокой степени совершенства.

Много намъ придется услышать предложеній на счетъ улучшенія крестьянскаго быта, много предстоитъ затрудненій, хотя бы, напри-

мѣръ, на счетъ учрежденія суда и судебнаго порядка въ крестьянскихъ общинахъ, а также и на счетъ усовершенствованія ихъ внутренней администраціи. Замѣчу кстати, что этотъ недостатокъ опредѣленнаго судебнаго порядка весьма понятенъ: семейныя отношенія— по духу своему не опредѣляются закономъ, а отношенія нашихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ такъ были сходны съ семейными... Далѣе, съ вопросомъ о будущности земледѣльческаго класса сопряжено много другихъ равно важныхъ вопросовъ: о будущности, о значеніи нашего дворянства и т. д. Кромѣ того, что нашему дворянству вручены судьбы нашихъ хлѣбопашцевъ, и что слѣдовательно нашимъ помѣщикамъ предстоитъ разрѣшить великую задачу о будущности крестьянъ, собственный ихъ бытъ долженъ измѣниться. Прежнее, для крестьянъ и для владѣльцевъ равно безполезное проживаніе дворянъ въ своихъ имѣніяхъ должно будетъ уступить мѣсто положительной дѣятельности,— желанію и умѣнію усовершенствовать состояніе хозяйства,—потому что до сихъ поръ многіе помѣщики, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о сущности и потребностяхъ земледѣлія, часто прибѣгали къ эмпирическимъ мѣрамъ и потомъ при неизбѣжной неудачѣ упадали духомъ.

Я постарался изобразить въ немногихъ словахъ современный бытъ русскаго крестьянина. Мы видимъ, что состояніе нашего хозяйства неудовлетворительно и требуетъ улучшенія, хотя съ другой стороны мы обязаны сказать, что сами были свидѣтелями многихъ улучшеній, утѣшительныхъ признаковъ приближенія новой эпохи.

Благоразумные помѣщики все болѣе и болѣе стараются преобразовать прежнія состарѣвшіяся отношенія: они уже убѣдились, напр., что ихъ фабрики, не смотря на ничтожное жалованье людей, на возможность безденежнаго доставленія фабричныхъ произведеній, рѣдко выдерживаютъ состязаніе съ фабриками купцовъ; они убѣдились, что работа, не вознаграждающая работника, не вознаграждаетъ и заставляющаго работать...

Говоря о неудовлетворительномъ состояніи хозяйствъ, мнѣ бы слѣдовало подкрѣпить мое мнѣніе статистическими выводами, подробнымъ разборомъ упущеній по части земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства и т. д., но мои познанія въ наукѣ политической экономіи еще слишкомъ недостаточны, и потому я частію основываюсь на мнѣніи знатоковъ, частію на собственномъ опытѣ.

Я уже сначала объявилъ, что буду говорить объ однихъ велико-

руссахъ; мнѣ бы слѣдовало прибавить: объ однихъ помѣщичьихъ крестьянахъ; потому что я ни слова не сказалъ ни объ однодворцахъ, которые составляютъ весьма важную часть сельскаго народонаселенія и рѣзко отличаются отъ прочихъ хлѣбопашцевъ, ни объ удѣльныхъ и казенныхъ крестьянахъ; не говорилъ также съ достаточною подробностью о дворянскомъ классѣ; но я не могъ имѣть и мысли написать статью, обнимающую всѣ важные вопросы нашего хозяйства.

Я сказалъ выше, что вопросъ о значеніи земледѣльческаго класса въ Россіи тѣсно сопряженъ съ вопросомъ о значеніи русскаго народа вообще. А о будущности нашего народа размышляемъ не мы одни—размышляетъ вся Европа.

Особенно въ Германіи съ нѣкотораго времени стараются понять и оцѣнить славянскій элементъ, который теперь уже нельзя не признать однимъ изъ главныхъ дѣятелей на поприщѣ исторіи. Въ Германіи, странѣ учености, совѣстливаго трудолюбія и истинно изумительной способности проникать во всѣ тайны человѣческаго духа, въ какихъ бы образахъ, въ какой бы народности онъ не выражался, гораздо болѣе понимаютъ и цѣнятъ насъ, чѣмъ, напр., во Франціи. Но и во Франціи начинаютъ чувствовать, что старинная метафора: „Colosse aux pieds d'argile"—нелѣпа, что Россію одна лишь безсильная досада можетъ сравнить съ тѣми огромными государствами, которыя такъ быстро возникали, и еще быстрѣе исчезали въ Азіи; что въ русскомъ народѣ нельзя не признать крѣпкаго, живого, неразрушеннаго начала; что пока о насъ отзывались съ поддѣльнымъ презрѣніемъ, подъ которымъ, можетъ быть, скрывалось другое чувство,—мы все росли и ростемъ доселѣ... Что же касается до мнѣнія англичанъ о насъ, то мы знаемъ, что они насъ уважаютъ, потому что признаютъ насъ достойными соперниками; недавно мнѣ попалась весьма любопытная статья въ газетѣ „Times", въ которой находилось сравненіе англійскаго народа съ русскимъ, и выводилось заключеніе, что великіе характеры теперь чаще всего проявляются въ Англіи... да въ Россіи. Хотя вся статья носитъ отпечатокъ тѣснаго самолюбія англичанъ, и хотя много выводовъ совершенно ложныхъ, но тѣмъ не менѣе эта статья замѣчательна для насъ, русскихъ. Словомъ, что бы ни говорили иностранцы о насъ, ни одинъ не въ состояніи отрицать спокойную силу нашего правительства, могущество нашей вѣры, единство, проникающее всѣ сословія русскаго на-

рода. Но сокровенный смыслъ славянской народности не доступенъ западнымъ ученымъ; имъ невозможно доселѣ знать, въ чемъ же именно состоитъ особенность русскаго характера, русской жизни,— потому что мы сами еще не дошли до той опредѣленной самостоятельности, которая не можетъ не быть признанною и чуждыми племенами, которая выражается во всемъ: въ произведеніяхъ искусства, науки... Мы народъ не только европейскій; мы не даромъ поставлены посредниками между Востокомъ и Западомъ; не даромъ наши границы касаются древней Европы, Китая и Сѣверной Америки, трехъ самыхъ различныхъ выраженій общества. Съ другой стороны, сохрани насъ Богъ впасть въ слѣпое поклоненіе всему русскому потому только, что оно русское; сохрани насъ Богъ отъ ограниченныхъ и, скажу прямо, неблагодарныхъ нападокъ на Западъ, особенно на Германію,—тѣмъ болѣе неблагодарныхъ, что часто изъ Германіи (хотя мои слова могутъ показаться странными) возвращаешься съ большей вѣрой въ силу и будущность нашихъ учрежденій... Вѣрнѣйшій признакъ силы—знать свои недостатки, свои слабости; и потому, признавая счастіемъ принадлежать русскому народу и жить во время царствованія Государя, подобнаго нашему,—мы всѣ передъ Нимъ и отечествомъ должны принять торжественное обязательство посвятить всю жизнь служенію правды... Наши братья, русскіе земледѣльцы, въ правѣ ожидать отъ своихъ болѣе образованныхъ соотечественниковъ дѣятельной усердной помощи, а подъ руководствомъ нашего правительства мы и въ этомъ отношеніи можемъ повторить слова поэта:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни...

Кандидатъ философіи *Иванъ Тургеневъ.*

Писано
23, 24 и 25 декабря
1842 года.

II.

(„Современникъ", 1847 г., январь).

Современныя замѣтки.

Мы лѣнивы и не любопытны, справедливо сказалъ объ насъ Пушкинъ. Мы весьма мало заботимся о томъ, что происходитъ около насъ. Но мы похожи на скупцовъ, которые если рѣшаются, наконецъ, угостить кого-нибудь, бросаютъ деньги за окно и лѣтомъ топятъ комнаты; если чему-нибудь удалось занять наше любопытство, мы только объ этомъ и толкуемъ, дѣлимся на партіи, споримъ съ жаромъ, споримъ съ убѣжденіемъ, и черезъ нѣсколько времени погружаемся опять въ обычное наше равнодушіе. Теперь насъ преимущественно занимаютъ и волнуютъ цирки...

Мы лѣнивы и нелюбопытны, правда; но мы неравнодушны къ нашимъ славамъ. Мы даже въ этомъ отношеніи готовы впасть въ другую крайность и, вѣроятно, съ намѣреніемъ доказать старой Европѣ, что и мы отъ нея не отстали, не скупимся на названья: геній, геніальный человѣкъ, талантъ, великій талантъ, нѣчто необыкновенное, и проч. Парадоксъ Бюффона: геній есть терпѣнье, часто сбывается у насъ; кто больше работаетъ, кто чаще напоминаетъ о себѣ, тотъ у насъ и великій человѣкъ: но живутъ между нами дѣйствительно геніальные люди, которыми со временемъ не мы одни, Русскіе, будемъ гордиться. Къ числу такихъ несомнѣнно-славныхъ именъ принадлежитъ имя Витали. Всѣ Русскіе знаютъ это имя, но далеко не всѣ знакомы съ его произведеніями. Мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько свѣдѣній объ нихъ и о самомъ г. Витали.

Г. Иванъ Витали родился въ Петербургѣ отъ италіянскихъ родителей, въ 1794 году, молодость провелъ въ Петербургѣ, потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ занимался лѣпными работами;—въ 1835 году, во всей силѣ и зрѣлости своего таланта, возвратился опять къ намъ на сѣверъ. Россіи онъ никогда не покидалъ—что, можетъ быть, еще болѣе упрочило самобытность его дарованія. Впрочемъ, этимъ мы нисколько не хотимъ сказать, будто бы поѣздка въ Италію, классическую страну искусства, безполезна для начинающихъ художниковъ; напротивъ — она необходима.—Такія счастливо-одаренныя природы, какъ г. Витали, слишкомъ рѣдки; въ другой странѣ, вѣрный и здравый смыслъ, чувство истины и простоты, отличительныя качества

дарованія г. Витали, ни въ какомъ случаѣ не дали бы ему впасть въ подражаніе, въ манеру, принять условные типы школы. Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, произведенное на людей съ самостоятельнымъ талантомъ образцами великихъ мастеровъ, оно никогда въ нихъ не проявится рабской подражательностію. Въ мастерской г. Витали видѣли мы, напр., модель Богородицы съ Христомъ и Іоанномъ Крестителемъ—группу, отъ которой вѣетъ Рафаэлемъ (а именно его Альбской Мадонной) и между-тѣмъ, это прекрасное произведеніе, въ художественномъ смыслѣ, собственность г. Витали.—Всѣмъ жителямъ Петербурга знакомы его два знаменитые барельефа на фронтонахъ Исакіевской церкви: поклоненіе Волхвовъ и благословеніе св. Исакіемъ императора Ѳеодосія. Въ особенности поразителенъ своей обдуманной гармоніей, единствомъ дѣйствія, характеристикой каждаго лица и высокой красотою—первый. Помѣщеніе барельефа въ фронтонъ затрудняется необходимостью согласоваться съ покатостью верхнихъ линій; крайнія фигуры въ обоихъ углахъ треугольника поневолѣ должны быть представлены сидящими или лежащими, между тѣмъ, какъ само содержаніе барельефа не всегда этого требуетъ. Заставить забыть зрителя объ этомъ неудобствѣ, не только не казаться стѣсненнымъ условіями даннаго пространства, но напротивъ извлечь изъ нихъ красоту, это большое торжество, которое не далось ни Лемеру, ни Давиду (въ фронтонахъ Мадлены и Пантеона). Правда, самый сюжетъ южнаго фронтона исакіевской церкви: *Поклоненіе* Волхвовъ, представилъ художнику въ *этомъ* отношеніи менѣе затрудненій, но достоинство непринужденной и гармонической группировки, только одно изъ достоинствъ этого барельефа. Какъ цѣломудренна и прекрасна вся фигура Богородицы! Какого страстнаго обожанія исполнена фигура распростертаго царя! Какъ хороши пастухи, пришедшіе на поклоненіе Спасителю!—(г. Витали соединилъ поклоненіе волхвовъ съ пришествіемъ пастуховъ въ Виѳлеемъ). Какое наконецъ мастерство въ драпировкѣ!—Другой барельефъ г. Витали отличается, можетъ быть, еще бо́льшею обдуманностію, бо́льшимъ искусствомъ, но не производитъ на насъ такого полнаго впечатлѣнія какъ „поклоненіе волхвовъ". Связь отдѣльныхъ лицъ въ одно цѣлое, въ одну группу, не такъ ясна для зрителя, опять таки вслѣдствіе содержанія барельефа.—Но и этотъ барельефъ образцовое произведеніе. Главная группа: Императоръ съ женой—передъ св. Исакіемъ, поразительна, хотя, можетъ быть, нѣсколько перехо-

дить за черту ваянія, спокойнаго пластическаго искусства. Вообще мы должны замѣтить, что кое-гдѣ, весьма впрочемъ рѣдко, видно въ произведеніяхъ г. Витали вліяніе господствующей у насъ живописной школы, которая, не смотря на всѣ свои несомнѣнныя достоинства, грѣшитъ иногда театральностью и стремленіемъ за эффектомъ, а такой недостатокъ, болѣе всѣхъ другихъ, противорѣчитъ самой сущности ваянія. За то, когда г. Витали предается собственному вдохновенію, онъ до того простъ, граціозенъ, величавъ и трогателенъ, что мы рѣшительно ставимъ его выше всѣхъ современныхъ ваятелей, всѣхъ ваятелей нынѣшняго столѣтія. Напримѣръ, мы ничего не знаемъ прекраснѣе его барельефа: „Христосъ, входящій въ Іерусалимъ“, который будетъ находиться надъ великолѣпными дверьми церкви. Г. Витали—реалистъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; въ трудахъ его незамѣтно вліянія старыхъ условныхъ формъ, отъ которыхъ и сильные таланты не всегда могутъ вполнѣ отрѣшиться; онъ дѣйствительно свободный художникъ: всѣ его фигуры живы, человѣчески прекрасны; кто-то очень мѣтко сравнилъ его съ Пуссенемъ. Онъ въ высокой степени одаренъ чувствомъ мѣры и равновѣсія; его художественный взглядъ ясенъ и вѣренъ, какъ сама природа. Никакихъ „замашекъ“, никакой манерности, никакихъ претензій, ни одной способности, развитой на счетъ другихъ—счастливая организація! Мы не могли видѣть его апостоловъ (ихъ теперь отливаютъ), но смѣло надѣемся на побѣду нашего соотечественника надъ Торвальдсеномъ, который, при всей силѣ своего таланта, до конца не могъ достигнуть наивной простоты, выпутаться изъ множества ложныхъ или полуистинныхъ художественныхъ и жизненныхъ воззрѣній. Между множествомъ прекрасныхъ моделей въ мастерской г. Витали замѣтили мы превосходный барельефъ; „Исакій, уносимый на небо тремя ангелами“, надъ которымъ мы застали художника; бюстъ покойной Великой Княжны Александры Николаевны, такъ рано похищенной смертію; извѣстную его Богородицу съ ребенкомъ-Христомъ... Столько граціи при такой силѣ! Невольно вспомнишь стихъ Гёте:

„Nur aus vollendeter Kraft blicket die Anmuth hervor“. Желаемъ г. Витали долгіе годы счастливой дѣятельности... Мы это желаемъ ему—и Россіи.

— Вышли въ свѣтъ рисунки къ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта, сдѣланные нашимъ извѣстнымъ художникомъ г. Сапожниковымъ. Мы успѣли только взглянуть на нихъ и потому не можемъ

дать обстоятельнаго отчета объ ихъ художественномъ достоинствѣ. Но и при первомъ взглядѣ мы убѣдились, что это изданіе займетъ у насъ одно изъ первыхъ мѣстъ между изящными произведеніями своего рода. Самая мысль употребить свой талантъ на такой высшій предметъ, какъ событія библейскія, есть мысль счастливая и общеполезная. Желаемъ всевозможнаго успѣха этому столько же назидательному, сколько и изящному труду. Мы надѣемся еще возвратиться къ нему, чтобы поговорить подробнѣе и точнѣе.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ о предпріятіи, которое во всякомъ случаѣ достойно похвалы, если не за исполненіе, по крайней мѣрѣ, за намѣреніе и добросовѣстный трудъ. Мы говоримъ о рисункахъ къ „Мертвымъ Душамъ" Гоголя. Браться за типы, созданные этимъ великимъ мастеромъ, страшно... И мы не можемъ скрыть отъ г. Агина, что они ему невполнѣ дались. Мы помнимъ его рисунки къ „Тарантасу", къ „Помѣщику": типы тѣ приходились его таланту по плечу,—и нельзя было не радоваться его работѣ. Со стороны внѣшняго исполненія рисунки къ „Мертвымъ Душамъ" чрезвычайно удовлетворительны; рисованы и рѣзаны на деревѣ очень хорошо... иные даже приближаются къ истинѣ, но только приближаются, только намекаютъ на настоящее пониманіе. Мы не знаемъ, покидалъ ли г. Агинъ когда-нибудь Петербургъ, но всѣ его лица—чисто петербургскія и вовсе не провинціяльныя. Маниловъ смотритъ юнымъ здѣшнимъ чиновникомъ, охотникомъ до бильярдной игры и литературныхъ занятій; мужики являются петербургскими дворниками, содержателями постоялыхъ дворовъ; (см. вып. 1-й, листъ 2.); Селифанъ превратился въ Чухонца, Ноздревъ такъ да не такъ (что чрезвычайно непріятно).. Но главный промахъ—фигура Чичикова. Это толстое коротконогое созданьице, вѣчно одѣтое въ черный фракъ, съ крошечными глазками, пухлымъ лицомъ и курносымъ носомъ,—Чичиковъ? да помилуйте, Гоголь же самъ намъ говоритъ, что Чичиковъ былъ ни тонокъ, ни толстъ, ни безобразенъ, ни красивъ. Чичиковъ весьма благовиденъ и благонамѣренъ; въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего рѣзкаго и даже особеннаго, а между тѣмъ, онъ весь съ ногъ до головы—Чичиковъ. Уловить такой замѣчательно оригинальный типъ, при отсутствіи всякой внѣшней оригинальности, можетъ только весьма большой талантъ. Иныя лица: Порфирій, Межуевъ довольно порядочны.... но ни Собакевичъ, ни жена его, ни Коробочка, ни Плюшкинъ не дались г. Агину. Что дѣлать?

Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier. Но мы все таки должны похвалить гг. издателей за ихъ доброе намѣреніе, трудолюбіе и отчетливость.

Вотъ, напримѣръ, г-ну Степанову удались его фигурки. Онъ истинный каррикатуристъ. Подмѣтить смѣшныя стороны человѣка, безжалостно вытащить ихъ на свѣтъ Божій, не нарушая, впрочемъ, его личности, такъ что всякій съ перваго взгляда узнаетъ жертву—должно быть, превеселое занятіе, и мы воображаемъ себѣ г-на Степанова самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Иныя фигурки до того удались, что на нихъ, какъ на индюшекъ у Гоголя, противно смотрѣть. Для этихъ фигурокъ со времени выдумки г-на Степанова началось потомство (если предположить, что потомство будетъ ими заниматься); справедливый судъ произнесенъ уже надъ ними, нѣсколько строгій, правда, судъ.... Но потомство едва ли будетъ церемониться съ своими предшественниками....

Отъ одного искусства до другаго шагъ не великъ. Отъ живописи и ваянія перейдемъ къ музыкѣ. Но не успѣли мы написать это слово, какъ слѣдующій странный вопросъ возникъ въ нашемъ умѣ: „Музыкальный ли городъ С. Петербургъ?" Какъ? скажете вы:—можно ли въ этомъ сомнѣваться послѣ четырехъ сезоновъ итальянской оперы?—Мы не то, что сомнѣваемся, а такъ, признаться, немного смутились отъ собственнаго вопроса—чисто современная черта! Сколько разъ намъ случалось почтительно прислушиваться къ рѣчамъ благородныхъ юношей, съ убѣжденьемъ и достоинствомъ толкующихъ о какомъ нибудь возвышенномъ предметѣ—и вдругъ одинъ изъ нихъ, помолчавъ немного, обратится къ своимъ товарищамъ съ вопросомъ: полно, не чепуха ли вышеупомянутый возвышенный предметъ?... Что вы думаете? на него съ негодованіемъ возстанетъ все собраніе? Напротивъ: большей частью всѣ съ нимъ тотчасъ согласятся. И потому не удивляйтесь, почтенные читатели, если мы спросимъ себя въ другой разъ: „Музыкальный ли городъ Петербургъ?" Отвѣчать на этотъ вопросъ можете вы сами, если заблагоразсудится...

Въ нынѣшнемъ году на итальянскомъ театрѣ мы слышали: Лучію, Лукрецію, Элизиръ, Дочь Полка,—*Доницетти;* Норму, Пуританъ—*Беллини;* Темпліаріо—*Николаи;* Эрнани, Ломбардцевъ—*Верди;* Сороку Воровку, Карла Смѣлаго,—*Россини.*

Что въ наше время музыка въ упадкѣ—въ этомъ, вѣроятно, многіе согласятся. Виртуозы, концерты, хроматическіе галопы, геніаль-

ничанье и претензіи—ее убили. Когда г-нъ Берліозъ, этотъ типъ мудреной и сложной бездарности, можетъ безнаказанно передъ цѣлымъ Парижемъ заставить хоръ чертей въ своемъ „Фаустѣ“ пѣть слѣдующія слова,

„Has! marakarai
Obaï maraïbo
Meriadec marakara“.

Чего еще ждать? Послѣ Моцарта и Глука—Россини; послѣ Россини—Беллини и Доницетти; послѣ нихъ—Верди.... Увѣряютъ, что человѣчество идетъ впередъ; согласны... но видно и человѣчеству случается иногда „отступить, чтобы лучше прыгнуть“.—Какъ мы прыгнемъ лѣтъ черезъ пять!

Однако, мы не желаемъ прослыть за отчаянныхъ поклонниковъ старины, и напр., охотно готовы отдать справедливость и г-ну Верди. Г-нъ Верди, какъ и г-нъ Фелисіанъ Давидъ, авторъ „Пустыни“—человѣкъ очень искусный и ловкій, „rompu au métier“, какъ говорятъ Французы, хорошій арранжёръ, какъ и г-нъ Листъ. Arranger значитъ по французски—приводить въ порядокъ; эти господа „приводятъ въ порядокъ“ чужія идеи—довольно пріятное и выгодное занятье. Не ищите въ нихъ наивности, простоты, даже неловкости начинающаго, не овладѣвшаго собой таланта: они ловки, чрезвычайно ловки, и очень сложны. Чего нѣтъ, напр., въ г-нѣ Верди? И Россини, и Беллини, и Доницетти, и Мейерберъ—всѣ тутъ. Въ самомъ важномъ, въ самомъ естественномъ признакѣ музыкальнаго призванья отказала ему природа: въ дарѣ мелодіи. Но его инструментовка рачительна; онъ умѣетъ владѣть большими массами голосовъ, хорами; (замѣчательно хороши его квинтетто въ 1-мъ актѣ Набукко, тріо въ Эрнани и въ Ломбардахъ); нельзя отрицать оригинальности нѣкихъ его музыкальныхъ фразъ (не мелодій: у него ихъ нѣтъ), особенно въ кабалеттахъ, хотя онѣ большей частью состоятъ изъ такъ называемыхъ „tours de force“.—Итальянцы въ особенности хвалятъ его хоры; иные дѣйствительно хороши; онъ придалъ имъ драматическое движеніе; впрочемъ Верди часто достигаетъ этой цѣли весьма простымъ образомъ: онъ заставляетъ множество голосовъ пѣть арію, иногда крайне пошлую; но съ непривычки слушатель пораженъ. Вообще г-нъ Верди не боится избитыхъ мотивовъ; Маршъ Ломбардовъ (правильнѣе Лонгобардовъ, ибо ломбардовъ, финансовыхъ учрежденій, не существовало во время крестовыхъ походовъ), этотъ маршъ, ничто

иное, какъ уличный, плясовой мотивъ. Но слава никому не дается ни за что̀, даромъ; въ Италіи, кромѣ Верди, никого слушать не хотятъ; въ Парижѣ и Лондонѣ его оперы нравятся; слѣдовательно у него есть талантъ, и—пока—онъ первенствуетъ. Но дай Богъ, чтобы это музыкальное междуцарствіе прекратилось какъ можно скорѣе! Этого въ особенности должны желать несчастные пѣвцы и пѣвицы, которыхъ Верди губитъ сотнями, заставляя ихъ кричать безъ умолку и толку (у насъ звучатъ еще въ ушахъ страшные финалы 1-го акта Ломбардовъ)!—Новѣйшій „canto spinato“, „растянутый напѣвъ“, прекрасная вещь, положимъ, но намъ жутко думать, что въ скоромъ времени нѣкому будетъ пѣть россиніевскихъ оперъ, и нѣсколько, правда, устарѣлые алмазы и жемчуги какой нибудь „Сороки Воровки“ замѣнятся фольгой и шумихой г-дъ Верди и комп.

Но если Сорока Воровка дѣйствительно устарѣла, скажите, читатели, знаете ли вы что-нибудь свѣжѣе, несокрушимѣе россиніевскаго „Карла Смѣлаго?“

Впрочемъ, въ послѣднее время не одна музыка занимала жителей „Сѣверной Пальмиры“. Насъ забавляли ученыя птицы г. Галюше, материнская нѣжность и ухватки обезьяны, о благополучномъ разрѣшеніи которой появлялись въ вѣдомостяхъ такія трогательныя извѣщенія,—ухватки, не слишкомъ, впрочемъ, пріятно напоминавшія намъ, людямъ, владыкамъ вселенной и аристократамъ, что мы состоимъ въ довольно близкомъ родствѣ съ этими плебейцами, четверорукими тварями и пр. Въ числѣ другихъ иностранныхъ фокусниковъ, посѣтилъ насъ г. Андерсонъ, „великій сѣверный колдунъ“ (the Great Wizard of the North), далеко, впрочемъ, уступающій въ искусствѣ извѣстному Боско. Гораздо больше, чѣмъ всѣ продѣлки г. Андерсона съ картами, часами и пр., потѣшило насъ слѣдующее обстоятельство: „Какъ сказать по-русски двѣнадцать платковъ?“ спросилъ онъ по-англійски у зрителей.—Двѣнадцать платковъ, отвѣчали ему. „А! хорошо!.. Вашъ платковъ“, съ пріятной улыбкой продолжалъ г. Андерсонъ, обращаясь къ одной дамѣ. — Вотъ мой платокъ, отвѣчала она. Великій сѣверный колдунъ—должно отдать ему справедливость — тотчасъ сообразилъ, что „платковъ“, вѣроятно, множественное число слова: „платокъ“ — и перейдя къ слѣдующей дамѣ, произнесъ уже: „Вашъ платокъ?“ Когда же всѣ двѣнадцать платковъ, положенные въ кадки, оказались, вымытые и раздушенные одеколономъ—въ жаровнѣ, г. Андерсонъ съ торжествомъ вос-

кликнулъ, показывая ихъ зрителямъ: „Вотъ ваши платковъ!"—Наши платки, отвѣчалъ ему кто-то... Великій сѣверный колдунъ видимо смутился и должно быть получилъ въ ту минуту пространное понятіе о русскомъ языкѣ.

Отъ г-на Андерсона перейдемъ къ графу Сюзору. Графъ Сюзоръ читалъ намъ, сѣвернымъ варварамъ, лекціи о французской литературѣ, о томъ, какіе у Французовъ были умные люди, и какъ эти умные люди пріятно писали, и какъ всѣ другія націи имъ подражали и должны подражать, и какъ это все хорошо и пріятно. Умѣнье разговаривать—отличительное качество французовъ; но оригинально и граціозно разговаривать и у нихъ умѣютъ немногіе. Вести „діалогъ" — великое искусство... Монологи держать гораздо легче, особенно если въ вашемъ распоряженіи находится довольно большое количество дешеваго энтузіазма—и если добродушные слушатели расположены внимать вашимъ разглагольствованіямъ... Впрочемъ, все обстоитъ у насъ благополучно. Солнца мы давненько не видали, по обыкновенію, но фантастическое освѣщеніе петербургской вечерней зари повторяется каждый день.—У Излера разстеганъ также хороши, г-жи Лойо и Кюзанъ также обаятельны, литература идетъ своимъ порядкомъ, рисунки въ „Иллюстраціи" также изящны,—чего еще желать?

Lieber Mond, du gehst so stille,
Gehst so stille, lieber Mond;
Gehst du stille, lieber Mond—
Lieber Mond, dann gehst du stille!

Упомянувъ объ Лежарѣ и Гверрѣ, нельзя не войти въ нѣкоторыя подробности: предметъ слишкомъ интересующій въ настоящее время петербургскую публику. Мы однакожь нисколько не намѣрены смотрѣть на него свысока, и тяжеловѣсно подтрунивать надъ публикою, называя ея увлеченіе „лошадино-циркоманіей", или какимъ нибудь еще болѣе неуклюжимъ словцомъ. Мы не видимъ ничего худаго въ томъ, что публикѣ нравятся цирки. Подумаешь, читая иной фельетонъ, презрительно издѣвающійся надъ цирками, что мы и Богъ знаетъ какъ богаты и потребностью художественныхъ наслажденій и возможностію наполнить ими жизнь нашу... Ничуть не бывало! Какой-то поэтъ, не печатающій своихъ стиховъ и вѣроятно „озлобленный на новый вѣкъ и нравы", сказалъ объ насъ:

Уныло мы проходимъ жизни путь.
Могло бы насъ будить одно—искусство,
Но рѣдко намъ разогрѣваетъ грудь
Изъ глубины поднявшееся чувство,—
За тѣмъ, что наши лучшіе пѣвцы
Всѣмъ хороши, да пѣть не молодцы;
Затѣмъ, что наши русскіе мотивы,
Какъ наша жизнь и бѣдны и сонливы
И тяжело однообразье ихъ,
Какъ видъ степей пустынныхъ и нагихъ...

* * *

Не веселъ день и дологъ вечеръ нашъ,
Однообразны мѣсяцы и годы;
Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
Визиты, поздравленья и...—
Вотъ наша жизнь! Ея постылый шумъ
Съ привычнымъ равнодушьемъ ухо внемлетъ
И въ дѣйствіи пустомъ кипящій умъ
Суровъ и сухъ, а сердце глухо дремлетъ;
И свыкшись съ положеніемъ такимъ,
Другаго мы какъ будто не хотимъ,
Возможность исключеній отвергаемъ
И словно по профессіи зѣваемъ...

Явись случай къ наслажденію—малому ли, большому, къ развлеченію, мы не предадимся ему безотчетно и довѣрчиво; мы боязливо осматриваемся, выжидаемъ, прислушиваемся; намъ прежде нужно знать: какого оно рода? да въ тонѣ ли? да ѣздитъ ли высшій свѣтъ?—А не ѣздитъ высшій свѣтъ, такъ будь оно хоть какъ разъ намъ по вкусу и по карману,—мы пожалуй и не поѣдемъ. Мы веселимся не столько для себя, какъ для другихъ. Мы ходимъ, говоримъ, одѣваемся—не для себя, а для другихъ. Мы часто даже обѣдаемъ, спрашиваемъ лишнюю бутылку вина, распекаемъ слугу, какъ будто не для себя, а для другихъ. Благопріятныя обстоятельства, къ счастію, отклонили отъ гг. Лежара и Гверры пагубное вліяніе нашей щепетильности: цирки ихъ почти всегда полны. Въ циркѣ Гверры привлекаетъ посѣтителей въ особенности г-жа Каролина Лолло. Соотвѣтственное амплуа въ циркѣ Лежара занимаетъ г-жа Полина Кюзанъ. Общій голосъ присуждаетъ первенство г-жѣ Каролинѣ Лолло. Въ

самомъ дѣлѣ, ловкость ея въ управленіи лошадью, постоянная увѣренность и спокойствіе и, наконецъ, граціозность, которою запечатлѣно каждое ея движеніе, поразительны. Она сама занимается пріѣздкой лошадей. Послѣ нея, по ловкости и отсутствію переслащенныхъ улыбокъ и натянутыхъ позъ, въ циркѣ г. Гверры—замѣчательна г-жа Чинизелли. Маленькій Карлъ Присъ чудо своего рода. Искусствомъ своимъ онъ обязанъ отцу, съ которымъ вмѣстѣ и является обыкновенно на сценѣ. Глядя на изумительные фокусы ловкаго, сильнаго, неутомимаго мальчика, невольно начинаешь раздѣлять мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что изъ человѣка можно все сдѣлать—и музыканта, и фокусника, и поэта,—если во время и съ умѣньемъ за него приняться,—мнѣніе въ сущности нелѣпое...

III.

(„Современникъ", 1847 г., мартъ.)

Письма изъ Берлина.

(Письмо первое, 1-го марта н. ст., 1847).

....Вы желаете услышать отъ меня нѣсколько берлинскихъ новостей... Но что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2, и ложатся спать гораздо прежде курицъ, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій Нѣмецъ идетъ изъ „Тиргартена"—и у бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо „нѣмѣетъ передъ закономъ?"—Шутки въ сторону, Берлинъ—до сихъ поръ еще не столица; по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенья. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40-го года (одинъ Петербургъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ); но большія внутреннія перемѣны совершились. Начнемъ, наприм. съ университета. Помните ли восторженныя описанія лекцій Вердера, ночной серенады подъ его окнами, его рѣчей, студенческихъ слезъ и криковъ? Помните? Ну, такъ смотрите же, помните хорошенько,

потому что здѣсь всѣ эти невинныя продѣлки давнымъ давно позабыты.—Участіе, нѣкогда возбуждаемое въ юныхъ и старыхъ сердцахъ чисто-спекулятивной философіей, исчезло совершенно—по крайней мѣрѣ въ юныхъ сердцахъ. Въ 40-мъ году съ волненьемъ ожидали Шеллинга, шикали съ ожесточеньемъ на первой лекціи Шталя, воодушевлялись при одномъ имени Вердера, воспламенялись отъ Беттины, съ благоговѣніемъ слушали Стеффенса; теперь же на лекціи Шталя никто не ходитъ, Шеллингъ умолкъ, Стеффенсъ умеръ, Беттина перестала красить свои волосы... Одинъ Вердеръ съ прежнимъ жаромъ комментируетъ логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи изъ 2-й части Фауста; но увы!—передъ „тремя“ слушателями, изъ которыхъ только одинъ Нѣмецъ, и тотъ изъ Померанін. Что я говорю! Даже та юная, новая школа, которая такъ смѣло, съ такой увѣренностью въ свою несокрушимость, подняла тогда свое знамя, даже та школа успѣла исчезнуть изъ памяти людей. Бруно Бауеръ живетъ здѣсь, но никто его не видитъ, никто о немъ не слышитъ; на дняхъ я встрѣтилъ въ концертѣ человѣчка прилизаннаго и печально-смиреннаго... Это былъ Максъ Штирнеръ. Впрочемъ, понятно, почему ихъ забыли; Фейербахъ не забытъ, напротивъ!—Повторяю: литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни—кажется, кончена. Въ послѣднее время, вы знаете, богословскія распри сильно волновали нѣмецкія души... Законное существованіе „нѣмецкихъ католиковъ“ (Deutsch-Katholiken) наконецъ признано; до сихъ поръ еще не рѣшенъ споръ о непринятіи д-ра Руппа (нѣмецкаго католика) въ Общество Густава-Адольфа (Gustav Adolf's-Verein), учрежденное для поддержанія *протестантскихъ* приходовъ въ католическихъ земляхъ, хотя общее мнѣніе выразилось въ пользу Руппа... Генгстенбергъ все еще хлопочетъ о привитіи кальвинизма къ евангелическому вѣроисповѣданію... Такъ; но вы ошибетесь, если примете всѣ эти движенія, споры и распри за чисто богословскіе; подъ этими вопросами таятся другіе... Дѣло идетъ объ иной борьбѣ. Вы легко можете себѣ представить, какіе смѣшные и странные виды принимаетъ иногда, говоря словами Гегеля, *Логосъ* (или Мысль, или Духъ, или прогрессъ, или человѣчество—названій много въ вашемъ распоряженіи), добросовѣстно, медленно и тяжко развиваемый германскими умами... но отъ смѣшного до великаго тоже одинъ шагъ... Особенно теперь всѣ здѣсь исполнены ожиданья...

На дняхъ появилась здѣсь книга пресмѣшная и претяжелая, впрочемъ, очень строгая и сердитая, нѣкоего г. Засса; онъ разбираетъ берлинскую жизнь по частичкамъ, и за недостаткомъ другихъ „элементовъ или моментовъ" общественности, съ важностью характеризуетъ здѣшнія главныя кондитерскія... Первое изданіе этой книги уже разошлось. Это фактъ замѣчательный. Онъ показываетъ, до какой степени Берлинцы рады критическому разбору своей общественной жизни, и какъ имъ бы хотѣлось другой...

Искусство здѣсь—увы!.. Представители искусства въ Берлинѣ всѣ старики (Корнеліусъ, Раухъ, ваятель Тикъ, Шадовъ, Бегасъ—уже ветераны): отъ ихъ произведеній вѣетъ холодомъ и смертью, смертью уже потому, что они почти всѣ заняты сооруженіемъ и украшеніемъ могильныхъ склеповъ, надгробныхъ и другихъ памятниковъ. Возлѣ собора воздвигается „Campo Santo" на манеръ итальянскихъ (какъ напр. въ Пизѣ, Болоньѣ); Корнеліусу заказаны фрески... Я видѣлъ нѣкоторые изъ нихъ. Ихъ безъ особаго комментарія понять нельзя; композиція иногда довольно удачна, но Корнеліусъ *презираетъ* колоритъ—и, какъ почти всѣ нынѣшніе художники,—эклектикъ, аллегористъ и подражатель, хотя видно, что ему очень бы хотѣлось быть оригинальнымъ.—„Ich trinke gern aus dem frischen Quell", говоритъ Гете, т. е. я лучше пойду любоваться фресками Микель-Анджело или Орканьи... Что мнѣ изъ этого „плѣсной мысли раздраженья?"— Со времени моего пребыванія здѣсь, фасадъ музеума раскрасили альфреско и довольно плохо, нечего сказать. Тутъ же поставили „Амазонку" Кисса; эта группа очень хороша, особенно лошадь. Новыхъ зданій въ Берлинѣ не видать. Театръ перестроенъ, послѣ пожара 1843 года. Онъ отдѣланъ очень, даже слишкомъ богато, но во многомъ грѣшитъ противу вкуса. Въ особенности непріятны искривленныя статуи à la Bernini, поставленныя между главными ложами. Приторно-сладкій, голубоватый фонъ картинъ на потолкѣ—тоже вредитъ общему впечатлѣнію. Надъ сценой находятся портреты четырехъ главныхъ нѣмецкихъ композиторовъ: Бетговена, Моцарта, Вебера и Глука... Грустно думать, что первые два жили и умерли въ бѣдности (могила Моцарта даже неизвѣстна), а Веберъ и Глукъ нашли себѣ пріютъ въ чужихъ земляхъ, одинъ въ Англіи, другой во Франціи.—Я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ и услышалъ снова Віардо. Голосъ ея не только не ослабѣлъ, напротивъ, усилился;—въ „Гугенотахъ" она превосходна и возбуждаетъ здѣсь фуроръ.—Зна-

менитая Черито тоже здѣсь. Она очень мила, но до Таліони, до Эльслеръ, даже до Карлотты Гризи, ей, „какъ до звѣзды небесной", далеко.—Дрейшокъ далъ здѣсь два концерта; это барабанщикъ, а не піанистъ, но техника его изумительна.

Здѣсь съ прошлаго года существуетъ заведенье, котораго не достаетъ въ Петербургѣ. Это огромный кабинетъ для чтенія съ 600-ми (говорю—шестью стами) журналами.—Изъ нихъ разумѣется двѣ трети (почти всѣ нѣмецкіе) очень плохи; но все таки нельзя не отдать полной справедливости учредителю.—Нѣмецкая журналистика дѣйствительно теперь никуда не годится.

Вотъ пока все, что я могу вамъ сообщить любопытнаго. Повторяю: я нашелъ въ Берлинѣ перемѣну большую, коренную, но незамѣтную для поверхностнаго наблюдателя: здѣсь какъ будто ждутъ чего-то, всѣ глядятъ впередъ; но „пивныя мѣстности" (Bier-Locale, такъ называются комнаты, гдѣ пьютъ этотъ недостойный и гнусный напитокъ) также наполняются тѣми же лицами; извощики носятъ тѣже неестественныя шапки; офицеры также бѣлокуры и длинны и также небрежно выговариваютъ букву р; все, кажется, идетъ по старому. Одни Eckensteher (коммисіонеры) исчезли, извѣстные своими оригинальными остротами. Цивилизація ихъ сгубила. Сверхъ того, завелись омнибусы, да нѣкто г-нъ Кохъ показываетъ странное допотопное чудище—Hydrarchos, которое, по всей вѣроятности, *питалось* акулами и китами. Да еще—чуть было не забылъ! въ „Тиргартенѣ" другой индивидуумъ, по прозванію Кроль, выстроилъ огромнѣйшее зданіе, гдѣ каждую недѣлю добрые Нѣмцы собираются сотнями и „торжественно ѣдятъ" (halten ein Festessen) въ честь какого нибудь достопамятнаго происшествія или лица, лейпцигскаго сраженья, изобрѣтенья книгопечатанія, Ронге, Семилѣтней войны, столпотворенья, мірозданія, Блюхера и другихъ допотопныхъ явленій.

Въ слѣдующемъ письмѣ я вамъ еще кой-что разскажу о Берлинѣ; о многомъ я даже не упомянулъ... но не все же разомъ.

Т.

IV.

(„Отеч. Записки“, 1850, февраль.)

Нѣсколько словъ объ оперѣ Мейербера „Пророкъ“.

(Письмо къ Редактору.)

Парижъ, 9 января н. ст. 1850.

Вы желали знать мое мнѣніе, любезный А. А., на-счетъ мейерберовскаго „Пророка“... Я до-сихъ-поръ все мѣшкалъ, и теперь, можетъ быть, уже поздно говорить о немъ; но Французы увѣряютъ, что лучше поздно, чѣмъ никогда. Слушайте же.

Завтра даютъ эту оперу въ 40-й разъ, и уже сегодня всѣ мѣста разобраны, и, какъ гласитъ афиша: les entrées de faveur sont suspendues... успѣхъ, какъ видите, огромный. Конечно, довольно значительную часть этого успѣха должно приписать прекрасному исполненію, великолѣпной постановкѣ, множеству иностранцевъ и провинціаловъ, наѣхавшихъ въ Парижъ—людей, для которыхъ не познакомиться съ новою оперою Мейербера, все-равно, что не побывать хоть разъ въ Café Mulhouse, гдѣ показывается великанъ въ полторы сажени; но и сама музыка „Пророка“ вполнѣ оправдываетъ энтузіазмъ публики. Она достойна творца „Роберта“ и „Гугенотовъ“, и нисколько не нуждалась въ тѣхъ журнальныхъ пуфахъ и прочихъ безобидныхъ „подготовленіяхъ“, безъ которыхъ знаменитый маэстро не рѣшается выпускать на свѣтъ Божій ни одного изъ своихъ тщательно взлелѣянныхъ дѣтищъ. Правда, въ богатствѣ, свѣжести и разнообразіи мелодій, „Пророкъ“ не можетъ равняться съ „Робертомъ“; въ потрясающей силѣ драматическаго выраженія онъ не достигаетъ „Гугенотовъ“, которыхъ я считаю лучшимъ произведеніемъ Мейербера; но онъ весь ровнѣе, выдержаннѣе; на немъ лежитъ печать строгаго и яснаго величія. Это произведеніе человѣка уже не молодаго, даже старѣющаго, но человѣка вполнѣ овладѣвшаго всѣмъ богатствомъ собственнаго таланта. Въ „Пророкѣ“ нѣтъ угловатыхъ и причудливыхъ странностей „Роберта“; нѣтъ тѣхъ блѣдныхъ—не скажу общихъ мѣстъ—но незначительностей, которыми исполнены первые два акта „Гугенотовъ“. Инструментовка „Пророка“ необыкновенно-

богата, отдѣлана съ любовью до малѣйшихъ подробностей; она нисколько не шумна; въ ней много новаго (между-прочимъ, особенно—счастливо употребленіе бассоваго кларнета—clarinette basse); но это новое всегда изящно—чего нельзя сказать, напримѣръ, объ инструментовкѣ „Роберта“; и кромѣ двухъ или трехъ вычурныхъ пассажей на контрбассахъ, о которыхъ кто-то сказалъ, что, слушая ихъ, онъ все думаетъ, что у оркестра бурчитъ въ желудкѣ—все значительно и прекрасно. Въ этомъ отношеніи, да еще въ искусствѣ двигать цѣлыя громады музыки (если можно такъ выразиться) на сценѣ и въ оркестрѣ, никто не можетъ сравниться съ Мейерберомъ. Конечно, могутъ на это возразить, что мелодія его не течетъ свободно и обильно, подобно водѣ изъ родника, какъ у Россини; что и его произведенія, какъ первыя рѣчи Демосѳена, „пахнутъ масломъ“, отзываются трудомъ; что вообще онъ не столько великая музыкальная натура, сколько даровитая и многосторонняя организація, со всѣмъ настойчивымъ упорствомъ, свойственнымъ еврейской породѣ, обратившаяся на разработываніе своего музыкальнаго капитала; что онъ эклектикъ... Мы со всѣмъ этимъ готовы согласиться, но мы тутъ же прибавимъ, что это нисколько не уменьшаетъ ни его достоинствъ, ни его оригинальности, и что такое счастливое и гармоническое соединеніе разнообразныхъ способностей такъ же рѣдко, какъ и исключительное, даже геніяльное развитіе одной изъ нихъ; что самые ожесточенные противники его таланта (Нѣмцы, напримѣръ) не могутъ отказать ему въ необыкновенномъ знаніи сцены и глубокомъ чувствѣ драматическаго эффекта; и что, наконецъ, мѣсто, завоеванное имъ въ исторіи музыки, останется за нимъ. Вліяніе Мейербера на современниковъ несомнѣнно, даже Итальянцы ему подчинились—стоитъ вспомнить о Верди; мотивы изъ его „Роберта“ поются въ Китаѣ, на Сандвическихъ Островахъ... Но возвратимся къ „Пророку“.

Я предполагаю, что нашимъ читателямъ уже извѣстно содержаніе этой оперы и потому не считаю нужнымъ распространяться о немъ. Скажу только, что на этотъ разъ великій искусникъ и „faiseur“ Скрибъ не слишкомъ былъ счастливъ въ выборѣ своего сюжета, почерпнутаго изъ Исторіи Іоанна Лейденскаго, одного изъ начальниковъ анабаптистовъ въ XVI столѣтіи.—Г. Скрибъ смотритъ на исторію въ уменьшительное стекло. Ни одинъ характеръ не выдержанъ, исключая матери Іоанна, Фидэсъ, одного изъ самыхъ трогательныхъ созданій новѣйшаго искусства; самъ Іоаннъ - слабое и блѣдное суще-

ство, да еще и плутъ въ-добавокъ; анабаптисты, его сообщники, которымъ онъ, какъ водится, служитъ орудіемъ—тоже не извѣстно, что̀ такое: полу-энтузіасты, полу-бездѣльники... Берта или Берѳа—невѣста Іоанна, сбивается уже на совершенную безсмыслицу; въ третьемъ дѣйствіи ходъ драмы останавливается вовсе: да и, наконецъ, самая любовь Фидэсъ не такая сильная пружина, чтобы на ней построить цѣлую оперу. Но всѣ эти недостатки выкупаются необыкновенно-драматической „ситуаціей“ четвертаго акта. Тѣмъ болѣе чести Мейерберу, что онъ, несмотря на плохое либретто, умѣетъ привлекать весь Парижъ.

Въ „Пророкѣ“ нѣтъ увертюры; она была написана, но оказалась слишкомъ-длинной— и, по правдѣ сказать — довольно-плохой: чисто-инструментальная музыка—не дѣло Мейербера. Въ первомъ актѣ замѣчательны: вступительный хоръ поселянъ, ясный и свѣжій, съ затѣйливымъ аккомпаньеманомъ; пѣснь анабаптистовъ, унылый и мрачный мотивъ, весь проникнутый фанатическимъ пуританизмомъ, часто возвращающійся въ теченіи оперы, и послѣдующій хоръ, оканчивающійся потрясающимъ взрывомъ; дуэттъ Берты и Фидэсъ, необыкновенно-граціозный и напоминающій Моцарта. Во второмъ актѣ мы укажемъ на сонъ, разсказанный Іоанномъ, тремъ анабаптистамъ. Сонъ, въ которомъ онъ предчувствуетъ свое возвышеніе и свое паденіе... Этотъ великолѣпный речитативъ, удивительно-оркестрированный, оканчивается однимъ изъ тѣхъ драматическихъ эффектовъ на словѣ: „maudit“, тайна которыхъ доступна одному Мейерберу; послѣдующій за нимъ романсъ намъ кажется сантиментальнымъ и ужь черезъ-чуръ сладкимъ. Арію Фидэсъ „Ah mon fils!“ многіе почитаютъ перломъ всей оперы: дѣйствительно, нельзя себѣ представить ничего болѣе трогательнаго, при всей простотѣ мелодіи. Бѣдная мать благословляетъ своего сына, который пожертвовалъ для нея своей невѣстой, почти не смѣетъ благодарить его... повторяетъ одни и тѣ же слова: „Ah mon fils... sois bénі...“ Должно тоже сознаться, что Віардо́ удивительно поетъ эту арію. Въ большомъ кватуорѣ, которымъ заключается второй актъ, встрѣчаются красоты поразительныя; анабаптисты хотятъ увлечь „Пророка“... Мейерберъ превосходенъ въ изображеніи борьбы страстей и слабѣетъ только тамъ, гдѣ само дѣйствіе останавливается, гдѣ борьба разрѣшилась. Отчего, напримѣръ, его каватины большею частію неудачны. Третій актъ—самый слабый; впрочемъ, и въ немъ много прекраснаго: хоръ крестьянъ; балетная

музыка, поражающая своею свѣжестью, граціей, легкостью и оригинальностью; тріо между двумя анабаптистами и Оберталемъ, похитителемъ Берты, напоминающее нашего „комаринскаго мужика“—и, наконецъ, сцена и гимнъ Іоанна, явно написанные для „бывшаго“ Дюпрé и превосходящіе силы и средства преемника его, Рожé. Четвертый актъ открывается старинной пѣсенкой, complainte, нищей матери Іоанна, за ней слѣдуетъ дуэттъ, довольно, впрочемъ, слабый, между ею и Фидэсъ. Но вся остальная часть четвертаго акта—превосходна. Я не могу вамъ даже дать понятія о всей громадности той сцены, гдѣ Фидэсъ узнаетъ своего сына, и гдѣ, наконецъ, она, понявъ что отъ одного его слова зависитъ его жизнь, отказывается отъ него... Никто, кромѣ Мейербера, не совладѣлъ бы съ такой задачей. Вообразите себѣ ужасъ, смятеніе толпы, тревожное ожиданіе каждаго, терзанія самого Іоанна, когда онъ отказывается отъ собственной матери и спрашиваетъ: „Кто эта женщина“, удивленіе Фидэсъ—ея скорбь, когда ея сынъ, называя ее безумной, и заставляя ее пасть на колѣни, даетъ ей понять, что ей должно пожертвовать собою; торжество и радость всѣхъ, когда онъ, наконецъ, объявляетъ ей, что она обманулась; и все это переданное, возсозданное въ потрясающихъ звукахъ—вообразите себѣ это и вы поймете то неописанное впечатлѣніе, которое этотъ актъ всякій разъ производитъ въ публикѣ. Я еще забылъ упомянуть о великолѣпномъ маршѣ, который сопровождаетъ шествіе Іоанна на вѣнчанье и о удивительной сценѣ, когда Фидэсъ, пришедши молиться, вдругъ встаетъ при торжественномъ громѣ органа и призываетъ небесныя проклятія на голову еще неузнаннаго ею сына. Повторяю, одинъ этотъ актъ могъ бы обезсмертить любаго композитора. Это, если можно такъ выразиться, цѣлая музыкальная картина, которая проходитъ передъ глазами зрителя: сперва колѣнопреклоненная толпа, хоръ дѣтей, появленіе Іоанна въ отдаленіи—потомъ вдругъ среди тишины, отъ которой сердце замираетъ, крикъ: „Мой сынъ!“... Всеобщее оцѣпенѣніе... Буря разражается... Но я замѣчаю, что я повторяюсь. Оканчиваю однимъ замѣчаніемъ: невозможно представить искусства, съ которымъ оркестръ, хоры, отдѣльные голоса, органъ—то смѣняются, то сливаются другъ съ другомъ въ этомъ финалѣ... Я около десяти разъ видѣлъ „Пророка“, и всякій разъ открывалъ въ немъ новыя красоты. Въ пятомъ актѣ замѣчательны: большая арія Фидэсъ, которая каждый разъ производитъ неописанный фуроръ; она отличается не столько достоинствомъ самой мелодіи,

сколько оригинальностью ритма и блестящей смѣлостью пассажей; Віардо́ поетъ ее, какъ никто не пѣвалъ до нея; и драматическій дуэттъ Фидэсъ съ Іоанномъ, оканчивающійся, къ сожалѣнью, весьма —слабымъ аллегро... Вообще Мейерберъ не слишкомъ счастливъ въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ—этомъ пробномъ камнѣ всѣхъ композиторовъ. Послѣ этого дуэтта вы можете уйдти изъ театра, если не желаете видѣть великолѣпной декораціи, представляющей дворецъ— и пожаръ этого дворца. Въ музыкальномъ отношеніи опера кончается этимъ дуэттомъ: тріо Фидэсъ, Іоанна и Берты незначительно; послѣдней, вакхической пѣсенкѣ Іоанна Лейденскаго—нельзя по-крайней-мѣрѣ отказать въ томъ, что Итальянцы называютъ slancio—въ блескѣ, въ увлеченіи.

Костюмы и декораціи великолѣпны, ослѣпительны; дирекція не жалѣла издержекъ. Вы вѣроятно уже слышали о катальщикахъ (patineurs) на колесахъ, которые, дѣйствительно, довольно-забавны. Что касается до актеровъ, то первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ Віардо́, которая въ этой роли окончательно стала на одномъ ряду съ своей незабвенной сестрой; Рожé хорошъ, но не имѣетъ голоса Дюпрé, ни таланта Нурри́; г-жа Кастелланъ—такъ себѣ, живетъ; остальные пѣвцы хороши на своихъ мѣстахъ; оркестръ поддержалъ свою старинную славу... Хоры нѣсколько вялы. Вы, вѣроятно, уже слышали, что эту оперу съ большимъ успѣхомъ дали въ Лондонѣ; теперь собираются дать ее въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

V.

[„Современникъ“. 1852 г., апрѣль.]

— Въ Москвѣ вышли на дняхъ „Записки Ружейнаго Охотника“ С. Т. А—ва, того самого автора, замѣтимъ кстати, которому мы уже обязаны прекрасной книгой объ уженьѣ. Мы поздравляемъ русскую литературу и читателей нашихъ съ появленіемъ этихъ „Записокъ“. Подобныя книги появляются у насъ слишкомъ рѣдко. Кому еще не знакомо новое сочиненіе С. Т. А—ва, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени оно занимательно, какой обаятельной свѣжестью вѣетъ отъ его страницъ. Да не подумаютъ читатели, что „Записки Ружейнаго Охотника“ имѣютъ цѣну для однихъ охотни-

ковъ: всякій, кто только любитъ природу во всемъ ея разнообразіи, во всей ея красотѣ и силѣ, всякій, кому дорого проявленіе жизни всеобщей, среди которой самъ человѣкъ стоитъ, какъ звѣно живое, высшее, но тѣсно связанное съ другими звѣньями,—не оторвется отъ сочиненія г. А—ва: оно станетъ его настольной книгой, онъ будетъ ее съ наслажденіемъ читать и перечитывать; естествоиспытатель придетъ отъ нея въ восторгъ... Мы предоставимъ себѣ удовольствіе, въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ „Современника“ подробно поговорить объ этомъ сочиненіи, написанномъ съ такой любовью и съ такимъ знаніемъ дѣла; и мы будемъ говорить о ней, находясь сами „на мѣстѣ“, въ деревнѣ, среди той природы, которой она служитъ такимъ вѣрнымъ и поэтическимъ отраженьемъ, предаваясь сами „ружейной охотѣ“; теперь мы ограничимся только просьбой къ читателямъ не смѣшивать этой капитальной книги, которая въ одно и тоже время обогащаетъ и ту спеціяльную литературу, которой она принадлежитъ, и общую нашу словесность,—не смѣшивать ее съ ничтожными и вздорными сочиненьицами объ охотѣ, появившимися въ послѣднее время.

А чтобы доказать читателямъ, что въ нашихъ похвалахъ книгѣ г. А—ва нѣтъ ничего преувеличеннаго, предлагаемъ изъ нея нѣсколько выписокъ:

Вотъ описаніе лѣсной рѣки, отъ которой не отказался бы любой мастеръ. (Должно сказать, что г. А—въ дѣлитъ всю дичь на четыре главные отдѣла: на болотную, водяную, лѣсную и степную, и въ началѣ каждаго отдѣла начертываетъ общую картину мѣста жительства этой дичи.)

„Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими „ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный уединенный, дикій и „вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ни „чьимъ прикосновеньемъ: изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но „не оставитъ слѣдовъ своихъ на долго: сильная растительность, „происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ подниметъ смятые травы „и цвѣты. Свободно и могуче обростаютъ берега ея широколистной „и узкой осокой, аиромъ, калочникомъ и крупными незабудками; а „по всѣмъ затишьямъ, необыкновенной величины темнозеленые, круг„лые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, „однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто „боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ,

„когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и „земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ без- „молвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи и только вѣтви „наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревъ, проти- „вясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихой и глухой ропотъ. „Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина (порѣчина), „нырнетъ выхухоль—и только; но и этотъ слабый шумъ скоро по- „глощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разно- „образное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, „то слѣва, согласно стоянію солнца, косыя тѣни свои на поверхность „рѣки".

Вотъ описаніе родника и „мельницы-колотовки":

„Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значитель- „ной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы- „колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ кру- „тому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. „Весь небольшой потокъ захватывается жолобомъ или колодою, т. е. „выдолбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упи- „раютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное „колесо, и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни „кауза... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ по маленьку, и „день и ночь. Нѣтъ мелева,—отодвигается колода въ сторону, и по- „токъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ „одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденья. Мельнич- „ная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ не- „уклюжемъ срубѣ или кривыхъ неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, „плохо, косо, чуть липитъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки „человѣка, ничто не разнорѣчитъ съ природой, а напротивъ—допол- „няетъ ее... Иногда такой ключъ бьетъ изъ середины горы, а всего „чаще изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другаго рода, ко- „торые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ, болотистыхъ „мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, „большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ „нихъ текутъ *ручьи*. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только „на днѣ; вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собой пе- „сокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не „достигая поверхности, они опускаются и устилаютъ дно родника „ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа,

„то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камушками, во„рочается со дна и до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на „огнѣ. И горные ключи и низменные болотные родники бѣгутъ ру„чейками, иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спря„тавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды „не находишь: подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустар„ника или навѣсъ густой травы—пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо „свѣжею сыростью и наконецъ увидишь, бѣгущую во мракѣ и про„хладѣ, струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій „лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по от„крытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному „лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ—вѣтеръ „наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность: не такъ и холо„денъ—солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но „случается, что такой ручей *поникаетъ*, то есть уходитъ въ землю, „и пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, по„является снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охла„жденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и хо„лодною".

Вотъ отрывокъ „изъ внутренней" жизни лѣса:

„На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ „лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разно„образныя породы птицъ, такуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ „рябчики, хрипятъ на тягахъ валдшнепы, воркуютъ, каждая по сво„ему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, „заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя ку„кушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ „желны, трещатъ сойки; свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски и „все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ „воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ: на сучьяхъ „и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яица и „выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и „бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумныя рои дикихъ пчелъ. Травъ и „цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь не бла„гопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота „солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, „плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли оцвѣтшаго „лѣснаго левкоя, да красивость кучками зрѣлая костяника; сырой за-

„пахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по „моему, очень пріятный запахъ груздей, потому-что они родятся „семьями, *гнѣздами* и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) „въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними „листьями".

Вотъ степь весною и осенью:

„Сначала, опаленныя степи и поля представляютъ печальный, „траурный видъ безконечнаго пожарища; но скоро иглы яркой зе„лени, какъ щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорѣе „развернутся онѣ разновидными листочками и лепестками, и черезъ „недѣлю все покроется свѣжею зеленью; еще недѣля, и съ перваго „взгляда не узнаешь горѣлыхъ мѣстъ. Степной кустарникъ, рѣже и „менѣе подвергающійся огню, потому что почва около него бываетъ „сырѣе, вишенникъ, бобовникъ (дикій персикъ) и чилизникъ (полевая „акація) начинаютъ цвѣсти и распространять острый и пріятный за„пахъ, особенно роскошно и благовонно цвѣтетъ бобовникъ: густо „обростая иногда огромное пространство по отлогимъ горнымъ ска„тамъ, онъ заливаетъ ихъ сплошнымъ, розовымъ цвѣтомъ, промежъ „котораго виднѣются иногда желтыя полосы или круговины цвѣту„щаго чилизника. По другимъ мѣстамъ, болѣе отлогимъ, обширныя „пространства покрыты бѣлыми, но не яркими, а какъ будто мато„выми, молочными пеленами: это дикая вишня въ цвѣту. Вся степ„ная птица, отпуганная пожаромъ, опять занимаетъ свои мѣста и „поселяется въ этомъ морѣ зелени, весеннихъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ „кустарниковъ; со всѣхъ сторонъ слышны: не передаваемое словами „*чирканье* стрепетовъ, заливныя, звонкія трели кроншнеповъ, повсе„мѣстный горячій *бой* перепелокъ, трещанье кречетовъ. На восходѣ „солнца, когда ночной туманъ садится благодатною росою на землю, „когда всѣ запахи цвѣтовъ и растеній дышутъ сильнѣе, благовон„нѣе,—невыразимо очаровательна прелесть весенняго утра въ степи.... „Все полно жизни, свѣжо, ярко, молодо и весело! Таковы степныя „мѣста въ Оренбургской губерніи въ продолженіи Мая...."

„Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и получаютъ „свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ не схожій, чудный видъ: „выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся, перлово„сизыя волокны ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже коле„блются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный „вѣтеръ, безграничпо властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ

„корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплетъ ихъ, хлещетъ, раз-
„сыпаетъ на право и на лѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по
„своему направленію, и взору представляется необозримое простран-
„ство, все волнующееся и все текущее въ одну сторону. Для непри-
„вычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно: ника-
„кое теченіе воды на него не похоже, но скоро своимъ однообра-
„зіемъ оно утомляетъ зрѣніе, производитъ даже головокруженье и
„наводитъ какое-то уныніе на душу. Степныя же мѣста не ковыли-
„стыя, въ позднюю осень, имѣютъ видъ еще болѣе однообразный,
„безжизненный и грустный, кромѣ выкошенныхъ луговинъ, на кото-
„рыхъ, около круглыхъ стоговъ потемнѣвшаго отъ дождя сѣна, вы-
„ростаетъ молодая зеленая отава: станицы гудаковъ и стрепетовъ
„любятъ бродить по ней и щипать молодую траву; даже гуси огром-
„ными вереницами, перемѣщаясь съ одной воды на другую, опуска-
„ются на такія мѣста, чтобы полакомиться свѣжею травкою“.

Но авторъ умѣетъ говорить не объ одной природѣ: послушайте, какъ дикіе гуси летаютъ на кормежъ, какъ такуютъ тетерева:

„Наконецъ подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали мо-
„лодыми гусятами; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соедини-
„лись съ выводками; составились станицы, и начались ночныя, или
„правильнѣе сказать, утреннія и вечернія экспедиціи для опустошенія
„хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и
„яровые хлѣбы. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей
„поднимаются съ воды и, подъ предводительствомъ старыхъ, летятъ
„въ поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая, гдѣ
„имъ будетъ удобнѣе расположиться, подальше отъ проѣзжихъ до-
„рогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посыт-
„нѣе, и наконецъ опускаются на какую нибудь десятину или загонъ.
„Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безосый, какъ-то гречу, овесъ
„и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти
„до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но
„вотъ раздается громкое призывное гоготанье стариковъ: молодые,
„которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны
„по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь пере-
„дами, отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются ме-
„жду собой и вся стая съ звычнымъ крикомъ тяжело поднимается,
„летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру
„или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ

„она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опуска-„ются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напи-„ваются и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ „плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышемъ, чтобъ ни „откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Отъ нѣсколькихъ „ночевокъ большой станъ примнется, вытолочется трава на берегу, „а отъ горячаго ихъ помета—покраснѣетъ и высохнетъ. Гуси завер-„тываютъ голову подъ крыло, ложатся, или лучше сказать, опуска-„ются на брюхо, и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную „стражу и не спятъ по очередно, или такъ чутко дремлютъ, что ни-„что не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шо-„рохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются, „встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ „замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, „тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, „снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ „ночь, особенно, уже въ довольно длинныя, Сентябрскія ночи. Если „же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь при-„близится къ стаѣ, быстро поднимаются старики и стремглавъ бро-„саются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ ту-„манѣ воды, и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ „крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе.... и вся эта „тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностая, которые „имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь про-„ходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на „востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю и она снова, вслѣдъ „за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле, и точно тѣмъ же „порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно „за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные зобы, „и снова по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно „взошедшаго солнца, собирается стая и летитъ уже на другое озеро, „плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день...."

„Въ исходѣ Марта начнетъ сильно пригрѣвать солнышко, разо-„грѣется остывшая кровь въ косачахъ, проснется безотчетное стре-„мленіе къ совокупленію съ самками, и самцы начинаютъ *таковать*, „то есть: сидя на деревьяхъ, испускать какіе-то глухіе звуки, из-„рѣдка похожіе на гусиное шипѣніе, а чаще на голубиное ворко-„ванье или бормотанье, слышное весьма далеко въ тишинѣ утренней

„зари, на восходѣ солнца. Вѣроятно многимъ удавалось слышать, не „говоря объ охотникахъ: „вдали тетеревовъ глухое токованье“, и „вѣрно всякій испытывалъ какое-то неопредѣленное, пріятное чув„ство. Въ самихъ звукахъ ничего нѣтъ привлекательнаго для уха, „но въ нихъ безсознательно чувствуешь и понимаешь общую гармо„нію жизни въ цѣлой природѣ.... И такъ косачь пускается токовать: „сначала токуетъ не по долгу, тихо, вяло, какъ будто бормочетъ „про себя, и то послѣ сытнаго завтрака, набивши полный зобъ на„дувшимися тогда древесными почками. Потомъ, съ прибавленіемъ „теплоты воздуха, съ каждымъ днемъ токуетъ громче, дольше, го„рячѣе, и наконецъ доходитъ до изступленія: шея его распухаетъ: „перья на ней поднимаются, какъ грива; брови, спрятанныя во впа„динкахъ, прикрытыя въ обыкновенное время тонкой, сморщенной „кожицей, надуваются, выступаютъ наружу, изумительно разширя„ются, и красный цвѣтъ ихъ получаетъ блестящую яркость. Косачи „рано утромъ, до солнечнаго всхода, похвативъ уже кое-какъ нѣ„сколько корма (видно и птицѣ не до пищи, когда любовь на умѣ), „слетаются на избранное заранѣе мѣсто, всегда удобное для буду„дущихъ подвиговъ. Это бываетъ или чистая поляна въ лѣсу, или „лугъ между деревъ, ростущихъ на опушкѣ и иногда стоящихъ на „открытомъ полѣ, преимущественно на пригоркѣ. Такое мѣсто, не„измѣнно посѣщаемое, всегда одно и тоже, называется *токомъ* или „*токовищемъ*. Надобно постоянное усиліе человѣка, чтобы заста„вить тетеревовъ бросить его и выбрать другое. Даже сряду нѣ„сколько лѣтъ токи бываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.—Косачи, „сидя на верхнихъ сучьяхъ деревъ, безпрерывно опуская головы „внизъ, будто низко кланяясь, присѣдая и выпрямляясь, вытягивая „съ напряженіемъ раздувшуюся шею, шипятъ со свистомъ, бормо„чатъ, токуютъ, и, при сильныхъ движеніяхъ, крылья ихъ нѣсколько „распускаются для сохраненія равновѣсія. Они часъ отъ часу при„ходятъ въ большую ярость: движенія ускоряются, звуки сливаются „въ какое-то клокотанье, косачи бѣснуются и бѣлая пѣна брызжетъ „изъ ихъ, постоянно разинутыхъ, ртовъ.... Вотъ откуда родилась ста„ринная басня, которой впрочемъ уже давно никто не вѣритъ, будто „тетеревиныя самки, бѣгая по землѣ, подхватываютъ и глотаютъ „слюну, падающую изъ ртовъ, токующихъ на деревьяхъ самцовъ и „тѣмъ оплодотворяются.—Но не напрасно оглашается окрестность „горячими призывами косачей, нѣсколько времени токующихъ уеди-

„ненно: курочки уже давно прислушивались къ нимъ и наконецъ „начинаютъ прилетать на тока; сначала садятся на деревья, въ нѣ- „которомъ отдаленіи, потомъ подвигаются поближе, но никогда не „садятся рядомъ, а противъ косачей."

Вотъ примѣръ мастерства и отчетливости въ описаніи наружнаго вида птицы миловидной куропатки:

„Сѣрая куропатка, по моему мнѣнію, если не лучшая, то одна „изъ лучшихъ птицъ во всѣхъ породахъ степной и лѣсной дичи, „кромѣ валдшнепа. Какъ красивы ея пестрыя, темныя, красноже- „тыя, коричневыя и свѣтлосѣрыя перья! Какъ она стройно, кругло „и крѣпко сложена! Какъ она жива, проворна, ловка и миловидна „во всѣхъ своихъ движеніяхъ!

„Величиною эта бойкая птичка будетъ на взглядъ нѣсколько „больше русскаго голубя, но гораздо его мясистѣе: она будетъ съ „цыпленка въ пол-курицы. Она имѣетъ подъ горлышкомъ и около „носика перья красноватыя или свѣтло-коричневыя; такого же цвѣта „нижнія хвостовыя перья и, въ видѣ подковы, пятна на груди или „на верхней половинѣ хлупи, которыя нѣсколько больше, ярче и „темнѣе; красноватыя поперечныя полоски лежатъ по сѣрымъ перь- „ямъ боковъ. Зобъ и часть головы сѣро-дымчатые: на верхней пер- „вой половинѣ красновато-пестрыхъ крыльевъ виднѣются бѣлыя, „дольныя полоски, узенькія, какъ ниточки, которыя есть ничто иное „какъ бѣлыя стволинки перьевъ; вторая же крайняя половина перь- „евъ испещрена бѣловатыми, поперечными крапинками по темно-си- „зоватому полю; ножки розоваго цвѣта, мохнатыя только сверху, „съ перваго сустава, какъ у птицы, назначенной для многаго бѣ- „ганья по грязи и снѣгу...."

Но мы бы никогда не кончили, еслибъ захотѣли выписывать все прекрасное въ книгѣ г. А-ва. Повторяемъ, мы объ ней еще поговоримъ въ скоромъ времени,—и поговоримъ подробно. Теперь же намъ остается пожелать ей, къ чести читателей вообще и охотниковъ въ особенности, самый блестящій успѣхъ, самое обширное распространеніе. Эту книгу нельзя читать безъ какого-то отраднаго, яснаго и полнаго ощущенія, подобнаго тѣмъ ощущеніямъ, которыя возбуждаетъ въ васъ сама природа; а выше этой похвалы мы никакой не знаемъ.

VI.

[„Современникъ", 1854 г., январь.]

Слобожане. Малороссійскіе разсказы Григорія Данилевскаго. *Спб. 1853.* Гладкая, бѣлая, превосходно сатинированная бумага, на которой напечатаны „Слобожане" г-на Данилевскаго, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ той претензіи, которою исполнены всѣ его разсказы, взятые вмѣстѣ и порознь.

VII.

[„Journ. de St. Pétersbourg", 1854, 10—22 Août.]

[Письмо въ редакцію.]

St.-Pétersbourg, 7 (19) août, 1854.

Monsieur,

Permettez-moi de réclamer de votre complaisance l'insertion de la lettre suivante.

Il vient de me tomber entre les mains une traduction française d'un de mes ouvrages, publié il y a deux ans à Moscou. Cette traduction, intitulée, je ne sais trop pourquoi, *Mémoires d'un seigneur Russe*, a donné lieu à plusieurs articles insérés dans différents journaux étrangers.—Vous comprendrez facilement, Monsieur, qu'il ne peut pas me convenir d'entrer en discussion avec mes critiques, d'ailleurs beaucoup trop bienveillants pour moi, mais ce qui me tient à coeur, c'est de protester contre les conclusions que plusieurs d'entr'eux ont cru pouvoir tirer de mon livre. Je proteste contre ces conclusions et contre toutes les déductions qu'on peut en faire, comme écrivain, comme homme d'honneur et comme Russe; j'ose croire que ceux de mes compatriotes qui m'ont lu ont rendu justice à mes intentions, et je n'ai jamais ambitionné d'autres suffrages.

Quant à la traduction de M. E. Charrière, d'après laquelle on m'a jugé, je ne crois pas qu'il y ait beaucoup d'exemples d'une pareille mystification littéraire. Je ne parle pas des contre-sens, des erreurs, dont elle fourmille, une traduction du Russe ne saurait s'en pas-

ser; mais, en vérité on ne peut se figurer les changements, les interpolations, les additions, qui s'y rencontrent à chaque page. C'est à ne pas s'y reconnaître. J'affirme qu'il n'y a pas dans tous les *Mémoires d'un seigneur Russe* quatre lignes de suite fidèlement traduites. M. Charrière a pris surtout soin d'orner mon style, qui a dû lui sembler beaucoup trop mesquin et trop maigre. Si je fais dire à quelqu'un: „je m'enfuis", voici de quelle façon cette phrase si simple est rendue: „Je m'enfuis d'une fuite effarée, échevelée, comme si j'eusse eu à mes trousses toute une légion de couleuvres, commandée par des sorcières". Un lièvre poursuivi par un chien devient sous la plume enjouée de mon traducteur „un écureuil qui monte sur le sommet d'un pin, s'y place debout et se gratte le nez." Un arbre qui tombe, se transforme en „un géant chevelu qui s'était ri des assauts séculaires de plusieurs milliers d'insectes, et qui s'incline solennellement et sans hâte vers la terre, sa vieille nourrice, comme pour l'embrasser, en expirant sous la morsure d'un fer tranchant, emmanché par l'homme d'un fragment de bois, que l'arbre avait peut-être fourni lui-même;" une vieille dame „passe du chocolat au safran, puis au café au lait, tandis que des bouquets de poil jaune et frisé s'agitent sur son front et que ses yeux clignotent avec un mouvement aussi rapide que la flèche coureuse de la pendule, qui bat soixante fois à la minute," etc., etc., etc. Vous imaginez-vous mon étonnement? Mais voici quelque chose de bien plus fort encore. Dans le chapitre XVII, à la page 280, M. Charrière introduit un nouveau personnage, qu'il décrit longuement et avec complaisance, une espèce de colporteur, de marchand d'allumettes chimiques... Que sais-je? Eh bien! Il n'y a pas un mot de tout cela dans mon livre, par la bonne raison qu'un semblable personnage n'existe pas en Russie. Ce qu'il y a de plus curieux, c'est qu'en parlant précisément de ce chapitre dans sa préface, M. Charrière prévient le lecteur que „les préparatifs de l'auteur peuvent paraître un peu longs à notre impatience française." Vous concevez, Monsieur, qu'avec un pareil système de traduction, on peut donner pleine carrière à sa fantaisie; aussi, M. Charrière ne s'en est-il fait faute. Il taille, il coupe, il change, il me fait pleurer et rire à volonté, il me fait ricaner et c'est ce dont je lui en veux le plus; il a l'horreur du mot propre, il met une queue en trompette au bout de chaque phrase, il improvise toutes sortes de réflexions, d'images, de descriptions et de comparaisons. Il est possible que toutes ces impro-

visations soient charmantes et surtout pleines de goût, mais, je le demande à M. Charrière lui-même, comment ne sent-il pas, qu'en ajoutant tant de belles choses au texte de mon ouvrage, il le prive par cela même du seul mérite qui pourrait le recommander à l'attention des lecteurs français, du mérite de l'originalité? Je remercie beaucoup M. Charrière de toutes les amabilités dont sa préface est remplie, mais n'est-il pas un peu étrange de louer l'esprit de quelqu'un, quand on vient de lui en prêter tant du sien?

Agréez, etc. *J. Tourguéneff.*

P. S. Je vous demande pardon d'ajouter un *Post-Scriptum* à une lettre déjà si longue. Mais, parmi les contre-sens dont j'ai parlé plus haut, il y en a deux ou trois de si piquants, que je ne puis me refuser le plaisir de les citer. Page 104, on trouve la phrase suivante: „Les chiens faisaient tourner leurs queues.... dans l'attente d'un *ortolan*." D'où vient cet ortolan? Il y a afsianka dans le texte, et le dictionnaire, consulté par M. Charrière, ne lui aura probablement pas dit qu'afsianka signifie aussi *pâtée pour les chiens*. Page 380, le lecteur est tout surpris d'entendre parler (la scene se passe au fin fond de la Russie) „des allées et venues continuelles des *noirs*, occupés gravement du service." Des *noirs?!* Voici l'explication de l'énigme: M. Charrière a confondu les mots *arapnik*, fouet de chasse, et *arap*, nègre, et il a arrangé la phrase en conséquence. Page 338, on voit un dignitaire donner sa main à baiser à un général (!)... Du reste, je soupçonne ici M. Charrière de s'être trompé à dessein. J'en passe, et des meilleurs, mais il est temps que je m'arrête.

[*Переводъ.*]

[„*С.Петерб. Вѣдом.*" *1854 г., августа.*]

Санктпетербургъ, 7 (19) августа 1854 г.

„М. г. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою о напечатаніи прилагаемаго письма.

„Мнѣ недавно попался въ руки французскій переводъ одного изъ моихъ сочиненій, напечатаннаго года два назадъ въ Москвѣ. Этотъ

переводъ, неизвѣстно почему-то названный „Записками русскаго барина", Memoires d'un seigneur Russe, подалъ поводъ къ нѣсколькимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ разныхъ иностранныхъ журналахъ. Вы легко поймете, м. г., что мнѣ не идетъ вступать въ пренія съ моими критиками, слишкомъ, впрочемъ, ко мнѣ благосклонными, но я чувствую потребность протестовать противъ заключеній, которыя многіе изъ нихъ сочли возможнымъ извлечь изъ моей книги. Я протестую противъ этихъ заключеній и противъ всѣхъ выводовъ, которые можно изъ нихъ сдѣлать, протестую какъ писатель, какъ честный человѣкъ и какъ Русскій; смѣю думать, что тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые меня читали, отдали справедливость моимъ намѣреніямъ, а я и не добивался никогда другой награды.

„Что касается до перевода г. Е. Шарріѣра, по которому судили обо мнѣ, то врядъ ли найдется много примѣровъ подобной литературной мистификаціи. Не говорю уже о безсмыслицахъ и ошибкахъ, которыми онъ изобилуетъ—но, право, нельзя себѣ представить всѣ измѣненія, вставки, прибавленія, которыя встрѣчаются въ немъ на каждомъ шагу. Самъ себя не узнаешь. Утверждаю, что во всѣхъ Запискахъ русскаго барина, нѣтъ четырехъ строкъ, правильно переведенныхъ. Г. Шарріѣръ въ особенности позаботился объ украшеніи моего слога, который долженъ былъ показаться ему слишкомъ ничтожнымъ и бѣднымъ. У меня напечатано: „И я убѣжалъ", а у него эта простая фраза передана слѣдующимъ образомъ: „Я убѣжалъ какъ сумасшедшій (у г. Шарріѣра сказано „d'une fuite effarée, échevelée" но мы не въ-состояніи передать этой безсмыслицы русскими словами), какъ будто гонится по пятамъ моимъ цѣлый легіонъ ужей, предводимый колдуньями". Заяцъ, преслѣдуемый собакою, превращается подъ игривымъ перомъ моего переводчика, въ „бѣлку, которая взлѣзаетъ на верхушку сосны и чешетъ себѣ носъ". Падающее дерево превращается въ „волосатаго великана, который смѣялся надъ вѣковыми нападеніями тысячи насѣкомыхъ и который торжественно и медленно склоняется къ землѣ, своей старой кормилицѣ, какъ бы для того, чтобъ поцѣловать ее, умирая подъ укушеніемъ (sous la morsure) остраго желѣза, оправленнаго человѣкомъ въ деревянное топорище, которое, можетъ-быть, доставлено самимъ деревомъ". Есть еще у г. Шарріѣра старая дама, „которая переходитъ изъ шоколаднаго цвѣта въ шафранный, потомъ въ цвѣтъ кофе съ молокомъ, между-тѣмъ какъ букеты желтой и курчавой шерсти шевелятся у нея на лбу, а глаза мигаютъ съ такою же быстротою, съ какою бѣгаетъ на часахъ стрѣлка, дѣлающая шестьдесятъ движеній въ минуту", и пр. и пр. Понимаете ли вы мое удивленіе? Но вотъ и получше этого. Въ гл. XVII, на страницѣ 280, г. Шарріѣръ вводитъ новое лицо, которое онъ подробно и съ любовію описываетъ, что-то въ родѣ разнощика или продавца сѣрныхъ спичекъ... Представьте же себѣ, что изъ всего этого нѣтъ ни слова въ моей книгѣ,

по той простой причинѣ, что и лицъ такихъ не существуетъ въ Россіи. Но любопытнѣе всего, что, говоря въ своемъ предисловіи именно объ этой главѣ г. Шарріѣръ предупреждаетъ читателя, что „приготовленія автора могутъ показаться французскому нетерпѣнію нѣсколько длинными". Вы понимаете, м. г., что съ такой системой перевода можно дать полный разгулъ своей фантазіи, и г. Шарріѣръ не преминулъ это сдѣлать. Онъ кроитъ, рѣжетъ, измѣняетъ, заставляетъ меня, по-произволу, плакать, смѣяться, подсмѣиваться, да и за это-то я наиболѣе сердитъ на него; онъ имѣетъ отвращеніе отъ выраженій точныхъ, онъ придѣлываетъ напыщенный конецъ къ каждой фразѣ, импровизируетъ разнаго рода размышленія, образы, описанія и сравненія. Очень можетъ быть, что всѣ эти импровизаціи прекрасны и въ особенности исполнены вкуса, но, я спрашиваю у самого г. Шарріѣра, какъ онъ не чувствуетъ, что, прибавляя столько прекрасныхъ вещей къ тексту моего сочиненія, онъ этимъ самымъ лишаетъ его единственнаго достоинства, которое могло бы обратить на него вниманіе французскихъ читателей, достоинства оригинальности? Я очень благодаренъ г. Шарріѣру за всѣ любезности, которыми наполнено его предисловіе, но не странно ли хвалить умъ того, кому придалъ столько своего ума? Примите и пр.

И. Тургеневъ".

„PS. Извините, что я прибавляю post-scriptum къ письму, и безъ того уже длинному, но между безсмыслицами, о которыхъ я упомянулъ выше, есть двѣ или три такія, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ. На стр. 104 есть слѣдующая фраза: „Les chiens faisaient tourner leurs queues... dans l'attente d'un ortolan"— собаки махали хвостами... въ ожиданіи ортолановъ (то-есть небольшихъ птичекъ). Откуда взялись эти птички? У меня сказано „овсянка", но словарь, съ которымъ совѣтовался г. Шарріѣръ, вѣроятно, не объяснилъ ему, что овсянкой называютъ также кашицу для собаки.

На стр. 380 вы съ удивленіемъ читаете (дѣйствіе происходитъ въ глубинѣ Россіи) о „бѣготнѣ черныхъ (т.е. невольниковъ, des noirs), важно занятыхъ своею службою". Черныхъ невольниковъ??! Вотъ объясненіе загадки: г. Шарріѣръ смѣшалъ слова арапникъ и арапъ, и построилъ свою фразу на основаніи этой ошибки. На стр. 338 говорится о томъ, что какой-то сановникъ даетъ цѣловать свою руку генералу (!)... Я подозрѣваю, впрочемъ, что въ этомъ случаѣ г. Шарріѣръ ошибся умышленно. Пропускаю много другихъ, неменѣелюбопытныхъ диковинокъ, но пора остановиться".

VIII.

(„Современникъ", 1854 г., кн. 10)

[Предисловіе къ стих. Баратынскаго.]

Милостивые государи! Посылаю вамъ, съ согласія г-жи Баратынской, всѣ тѣ стихотворенія покойнаго поэта, которыя не находятся ни въ собраніи его сочиненій, изданномъ въ 1835 году въ Москвѣ, ни въ „Сумеркахъ" 1842 года. Большая часть изъ нихъ была напечатана въ изданіяхъ, не имѣвшихъ обширнаго круга читателей, и потому мало извѣстна публикѣ; нѣкоторыя (какъ-то: „На смерть Лермонтова" и другія) появляются въ первый разъ. Я увѣренъ, что вы съ радостью дадите имъ мѣсто на листахъ вашего журнала и тѣмъ оживите въ памяти всѣхъ любителей русскаго слова образъ одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей лучшей эпохи нашей литературы. Кромѣ дозволенія напечатать эти стихотворенія, я получилъ отъ г-жи Баратынской небольшое, но драгоцѣнное собраніе писемъ ея покойнаго мужа къ ней, къ Пушкину и др. и также нѣсколько писемъ Дельвига къ Баратынскому. Письма эти, вмѣстѣ съ небольшой вступительной статьей, также назначены мною въ вашъ журналъ, но прежде чѣмъ посылать ихъ къ вамъ, я рѣшаюсь обратиться съ просьбой ко всѣмъ друзьямъ и пріятелямъ Баратынскаго: не захотятъ ли тѣ изъ нихъ, у которыхъ находятся его письма, прислать мнѣ ихъ въ копіяхъ, для пріобщенія къ собранію писемъ, порученному мнѣ лестной довѣренностью г-жи Баратынской? Біографическія подробности также будутъ приняты съ благодарностью. Насъ, русскихъ, часто и справедливо упрекали въ равнодушіи къ нашимъ литературнымъ славамъ, въ отсутствіи похвальнаго желанія ближе познакомиться съ самою личностью, съ жизнью нашихъ поэтовъ; въ послѣднее время, однако, стала замѣтна перемѣна къ лучшему, и потому надѣюсь, что мой призывъ не останется безотвѣтенъ. Адресовать письма покорно прошу въ контору редакціи „Современника", на имя Ивана Сергѣевича Тургенева. Послѣднимъ срокомъ назначается 1 января 1855 года. Я почту пріятнымъ долгомъ объявить имена лицъ, отъ которыхъ поступятъ письма или свѣдѣнія, исключая, разумѣется, тѣ лица, которыя сами того не пожелаютъ.

Ив. Тургеневъ.

Санктпетербургъ.
12 сентября 1854.

IX.

[1856 г.]

[Записка о Н. В. Станкевичѣ.]

Меня познакомилъ съ Станкевичемъ въ Берлинѣ Грановскій въ 1838 году — въ концѣ. До того времени я слышалъ о немъ мало. Помню я, что когда Грановскій упомянулъ о пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, я спросилъ его: не „виршоплётъ“ ли это Станкевичъ? — и Грановскій, смѣясь, представилъ мнѣ его подъ именемъ „виршоплёта“. Въ теченіе зимы я довольно часто видался съ Станкевичемъ, но не помню, чтобы мы вмѣстѣ ходили на лекціи: онъ бралъ „privatissima“ у Вердера, а въ университетъ не ходилъ. Станкевичъ не очень-то меня жаловалъ и гораздо больше зналъ съ Грановскимъ и Невѣровымъ; я очень скоро почувствовалъ къ нему уваженіе и нѣчто въ родѣ боязни, проистекавшей, впрочемъ, не отъ его обхожденія со мною, которое было весьма ласково, какъ со всѣми, но отъ внутренняго сознанія собственной недостойности и лживости. Станкевичъ жилъ въ то время одинъ, но у него часто бывала одна дѣвица по имени Берта, не дурная собой и не глупая... она была довольно остра и забавна по-берлински... Станкевичъ любилъ женскій полъ, но въ душѣ былъ цѣломудренъ, особенно если сравнить его съ нынѣшней soi-disant молодежью. Здоровье его уже тогда было плохо — мы знали всѣ, что онъ страдаетъ грудью, и къ нему ѣздилъ докторъ Барѐ (Barez), который обращался съ нимъ очень дружелюбно. (Онъ былъ тогда первымъ врачемъ въ Берлинѣ.) Впрочемъ, Станкевичъ много выходилъ и театръ посѣщалъ часто, особенно нѣмецкую оперу. Тогда соперничали двѣ пѣвицы: Лёве и Фассманнъ — признаться сказать, обѣ довольно плохія. Грановскій былъ поклонникомъ Лёве, высокой и красивой брюнетки; Станкевичъ предпочиталъ Фассманнъ, блондинку. Любимцами Станкевича были два комика: Гернъ и Бекманнъ; Гернъ былъ карикатуристъ въ родѣ Живокини; у Бекманна было много неподдѣльнаго, спокойнаго юмору. Въ характерѣ Станкевича было много веселости, и онъ любилъ посмѣяться. Чаще всего встрѣчалъ я его у Фроловыхъ. Онъ почти всѣ вечера проводилъ у нихъ. Между нимъ и г-жей Фроловой существовало отношеніе весьма дружественное. Эта г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина

очень замѣчательная. Уже не молодая, съ здоровьемъ совершенно разстроеннымъ (она скоро потомъ умерла), не красивая, она невольно привлекала своимъ тонкимъ женскимъ умомъ и граціей. Она обладала искусствомъ mettre les gens à leur aise — сама говорила немного, но каждое слово ея не забывалось. Въ ней было много наблюдательности и пониманія людей. Русскаго въ ней было мало — она скорѣе походила на очень умную француженку, un peu de l'ancien régime. Стефанія Баденская считала ее въ числѣ своихъ пріятельницъ. Беттина часто ходила къ ней, хотя въ душѣ ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась съ Беттиной un peu de haut en bas. Вердеръ бывалъ у ней часто; Гумбольдтъ посѣщалъ ее иногда. Я ходилъ туда молчать, разиня ротъ, и слушать. Фроловъ самъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ — сидѣлъ въ углу, разливалъ чай, значительно мычалъ, поводилъ глазами, подергивалъ усы, но не раскрывалъ рта. Станкевича Фролова очень любила и уважала; она сходилась съ нимъ во многомъ. Впрочемъ, я не слыхалъ, чтобы она съ нимъ говорила о философіи. Это было дѣло Вердера, который разговаривать не умѣлъ. Разъ, по уходѣ Вердера, я не могъ удержаться и воскликнулъ: „Въ первый разъ слышу человѣка!“ — „Да“, — замѣтила Фролова, — „жаль только, что онъ съ однимъ собой знакомъ“. Фарнгагенъ (извѣстный біографъ) ходилъ къ Фроловымъ — онъ любилъ выводить на свѣжую воду Беттину, которая его терпѣть не могла и называла его — Giftesel.

Повторяю, что во время моего пребыванія въ Берлинѣ я не добился довѣренности или расположенія Станкевича, — онъ, кажется, ни разу не былъ у меня; Грановскій былъ всего только разъ, и при мнѣ у нихъ не было откровенныхъ разговоровъ. Станкевичъ, помнится, не любилъ тогда Жоржъ Занда, а о Бѣлинскомъ отзывался хоть дружественно, но нѣсколько насмѣшливо... „Ну!“ — воскликнулъ онъ разъ, услыхавъ о какой-то либеральной, но глупой выходкѣ: — „теперь Виссаріона хоть овсомъ не корми!“ Я тогда о Бѣлинскомъ ничего не зналъ — и помню это слово Станкевича только по милости страннаго имени: „Виссаріонъ“, поразившаго меня. Берта, о которой я говорилъ выше, была отчасти причиной холодности Станкевича ко мнѣ: я разъ поѣхалъ съ нею кататься верхомъ въ Тиргартенъ, она очень со мной кокетничала, а вернувшись, увѣрила Станкевича, что я дѣлалъ ей предложеніе; — а она просто мнѣ не нравилась. Вотъ все, что я помню изъ пребыванія Станкевича въ Берлинѣ.

Я встрѣтилъ его потомъ, въ началѣ 1840 года, въ Италіи, въ Римѣ. Здоровье его значительно стало хуже — голосъ получилъ какую-то болѣзненную сиплость, сухой кашель часто мѣшалъ ему говорить. Въ Римѣ я сошелся съ нимъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ — я его видѣлъ каждый день, и онъ ко мнѣ почувствовалъ расположеніе. Въ Римѣ находилось тогда русское семейство Ховриныхъ, къ которымъ Станкевичъ, я и еще одинъ русскій — А. П. Ефремовъ — ходили безпрестанно. Семейство это состояло изъ мужа (весьма обыкновеннаго человѣка, отставного гусара), жены, извѣстной московской барыни, Марьи Дмитріевны, и двухъ дочерей: старшей тогда только-что минуло 16 лѣтъ, она была очень мила и, кажется, въ тайнѣ, чувствовала большую симпатію къ Станкевичу, который отвѣчалъ ей дружескимъ, почти отеческимъ чувствомъ. (Самъ онъ тогда думалъ о Дьяковой, которая жила въ Неаполѣ, и съ которою онъ съѣхался потомъ). Остальныхъ лицъ тогдашняго нашего кружка я не стану описывать — Станкевичъ говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ. Мы разъѣзжали по окрестностямъ Рима, вмѣстѣ осматривали памятники и древности. Станкевичъ не отставалъ отъ насъ, хотя часто плохо себя чувствовалъ, но духъ его никогда не падалъ, и все, что онъ ни говорилъ — о древнемъ мірѣ, о живописи, ваяніи и т. д., — было исполнено возвышенной правды и какой-то свѣжей красоты и молодости. Помню я, разъ мы шли съ нимъ къ Ховринымъ и говорили о Пушкинѣ, котораго онъ любилъ страстно, также какъ и Гоголя. Онъ началъ читать стихотвореніе: „Снова тучи надо мною“, своимъ чуть слышнымъ голосомъ... Ховрины жили очень высоко — въ 4-мъ этажѣ. Взбираясь на лѣстницу, Станкевичъ продолжалъ читать и вдругъ остановился, кашлянулъ и поднесъ платокъ къ губамъ—на платкѣ показалась кровь... Я невольно содрогнулся, а онъ только улыбнулся и дочелъ стихотвореніе до конца. Изрѣдка находилъ на него, однако, страхъ, какъ бы предчувствіе близкой смерти. Разъ, возвращаясь уже вечеромъ въ открытой коляскѣ изъ Альбано, поровнялись мы съ высокой развалиной, обросшей плющемъ; мнѣ почему-то вздумалось вдругъ закричать громкимъ голосомъ: „Divus Caius Julius Caesar!“ Въ развалинѣ эхо отозвалось будто стономъ. Станкевичъ, который до того времени былъ очень разговорчивъ и веселъ, вдругъ побѣднѣлъ, умолкъ и, погодя немного, проговорилъ съ какимъ-то страшнымъ выраженіемъ: „Зачѣмъ вы это сдѣлали?“ — Въ то время въ Римѣ безпрестанно случались

убійства, чуть ли не по одному на день; говорили даже, что убійцы пробираются на квартиры иностранцевъ. Станкевичъ перепугался, приказалъ устроить у своей двери желѣзные болты и крюки и баррикадировался съ вечера. Разъ я его спросилъ, что̀ бы онъ сдѣлалъ, еслибъ вдругъ, ночью, открывая глаза, онъ увидалъ, что какой-то незнакомый человѣкъ шаритъ по его комнатѣ? — „Что̀ бы я сдѣлалъ?“ — возразилъ Станкевичъ. — „Самымъ нѣжнымъ голоскомъ, чтобы не подать ему даже мысли, что я могу защищаться, сказалъ бы я ему: Carissimo signor ladrone! (и Станкевичъ придалъ своему голосу самое умоляющее выраженіе) Carissimo signore! prendete tutto cio che volete, ma lasciate mi la vita per carita!“ — Въ Станкевичѣ была способность даже къ фарсу. Помню, разъ, изъ шести поданныхъ ему панталонъ, ни одни не оказались годными; онъ вдругъ принялся отплясывать по комнатѣ съ самыми уморительными гримасами, — а это происходило мѣсяца за три до его смерти. Хохоталъ онъ иногда до упаду; никогда не забуду, какъ онъ однажды смѣялся, прочтя въ „Тарасѣ Бульбѣ“, что жидъ, снявши свою верхнюю одежду, сталъ вдругъ похожъ на цыплёнка. И въ то же время невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе. Шевыревъ былъ въ то время въ Римѣ и ужасно льстилъ Станкевичу и виллалъ передъ нимъ, хотя со всѣми другими обходился, по обыкновенію, съ педантической самоувѣренностью. Станкевичъ нѣсколько разъ осаживалъ меня довольно круто, чего онъ въ Берлинѣ не дѣлалъ — въ Берлинѣ онъ меня чуждался. Разъ, въ катакомбахъ, проходя мимо маленькихъ нишей, въ которыхъ до сихъ поръ сохранились остатки подземнаго богослуженія христіанъ въ первые вѣка христіанства, я воскликнулъ: „Это были слѣпыя орудія Провидѣнія!“ Станкевичъ довольно сурово замѣтилъ, что слѣпыхъ орудій въ исторіи нѣтъ, да и нигдѣ ихъ нѣтъ. Въ другой разъ, передъ мраморной статуей св. Цециліи, я проговорилъ стихи Жуковскаго:

И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Станкевичъ замѣтилъ, что плохо тому, кто по *привычкѣ* любуется прелестью, да еще въ такіе молодые годы. Въ то время жилъ въ Римѣ нѣкто Брыкчинскій, полякъ, другъ Листа и отличный піанистъ, умиравшій отъ чахотки. Станкевичъ его очень любилъ. У Брыкчинскаго было весьма замѣчательное, энергическое и умное лицо; онъ

зналъ, что его болѣзнь безнадежна, а мы всѣ знали, что и Станкевича болѣзнь безнадежна. Онъ давно любилъ Дьякову, на сестрѣ которой чуть не женился, — и говорятъ, съѣхавшись съ нею передъ смертью, былъ чрезвычайно счастливъ. Мы знали про его любовь, но уважали его тайну. Станкевичъ оттого такъ дѣйствовалъ на другихъ, что самъ о себѣ не думалъ, истинно интересовался каждымъ человѣкомъ и, какъ бы самъ того не замѣчая, увлекалъ его вслѣдъ за собою въ область идеала. Никто такъ гуманно, такъ прекрасно не спорилъ, какъ онъ. Фразы въ немъ слѣда не было; даже Толстой (Л. Н.) не нашелъ бы ея въ немъ. Онъ первый далъ Шушу (такъ звали старшую дочь Ховриной) читать Шиллера и игралъ съ ней въ четыре руки на фортепіано. Незадолго до смерти онъ написалъ мнѣ довольно большое письмо, которое я прилагаю. Умеръ онъ, какъ извѣстно, въ Ниви; онъ вмѣстѣ съ Ефремовымъ и Дьяковой ѣхалъ въ сѣверную Италію, на берега Lago di Como.

Станкевичъ былъ болѣе, нежели средняго роста, очень хорошо сложенъ; по его сложенію нельзя было предполагать въ немъ склонности къ чахоткѣ. У него были прекрасные черные волосы, покатый лобъ, небольшіе, каріе глаза; взоръ его былъ очень ласковъ и веселъ; носъ тонкій, съ горбиной, красивый, съ подвижными ноздрями; губы тоже довольно тонкія, съ рѣзко означенными углами; когда онъ улыбался, онѣ слегка кривились, но очень мило; вообще улыбка его была чрезвычайно привѣтлива и добродушна, хоть и насмѣшлива; руки у него были довольно большія, узловатыя, какъ у старика; во всемъ его существѣ, въ движеніяхъ была какая-то грація и безсознательная distinction, точно онъ былъ царскій сынъ, не знавшій о своемъ происхожденіи. Одѣвался онъ просто, носилъ обыкновенно палку. Ни разу не слыхалъ я отъ него жалобъ на свое здоровье, — о болѣзни своей онъ говорилъ не иначе, какъ въ шутливомъ тонѣ; никогда онъ не хандрилъ. Когда я изобразилъ Покорскаго (въ „Рудинѣ“), образъ Станкевича носился предо мной, но все это только блѣдный очеркъ.

Въ немъ была наивность, почти дѣтская, еще болѣе трогательная и удивительная при его умѣ. Разъ, на прощанье съ г-жей Фроловой, онъ принесъ ей въ подарокъ круглую (такъ-называемую геморроидальную) подушку подъ сидѣнье, принесъ — и вдругъ догадался, что видъ ея не приличенъ, сконфузился, и такъ и остался съ подушкой въ рукахъ — и наконецъ расхохотался. Онъ былъ очень

религіозенъ, но рѣдко говорилъ о религіи. По-французски говорилъ порядочно, по-нѣмецки лучше; нѣмецкій языкъ онъ зналъ очень хорошо. Я забылъ сказать, что въ Римѣ я одно время рисовалъ карикатуры, иногда довольно удачно. Станкевичъ задавалъ мнѣ разные забавные сюжеты и очень этимъ потѣшался. Особенно смѣялся онъ одной каррикатурѣ, въ которой я изобразилъ свадьбу Маркова (живописца, теперешняго профессора). Марковъ вздыхалъ по Шушу́, къ которой, грѣшный человѣкъ, и я не былъ совершенно равнодушенъ.

Станкевичъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ о сестрѣ Фроловой, г-жѣ Кенни. Она пріѣзжала въ Берлинъ къ своей сестрѣ. Помню я, что она была недурна собой, очень тиха и носила длинныя бѣлокурыя букли. Впрочемъ, между ею и сестрой ея не было ничего общаго; Фролову напоминалъ скорѣй ея братъ, Иванъ Галаховъ, уже умершій, котораго я встрѣчалъ въ Москвѣ. Фролова умѣла, когда хотѣла, быть чрезвычайно блестящей въ разговорѣ; помню, разъ, пріѣхалъ къ ней въ Берлинъ одинъ очень умный французъ, графъ или маркизъ. Вдвоемъ они вели цѣлый вечеръ такой діалогъ — хоть бы изъ какой-нибудь пословицы Альфреда де-Мюссé. Г-жа Фролова, по уходѣ его, назвала его „un vrai gentleman", — тогда это слово не успѣло еще такъ опошлиться. Въ г-жѣ Фроловой была наклонность къ аристократіи, — но столько въ ней было доброты и простоты въ то же время!

X.

(Моск. Вѣд. 1850 г., декабрь.)

Письмо къ редактору.

М. Г., Парижъ, 4-го (16-го) декабря.

Я на дняхъ получилъ № Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи „Русскаго Вѣстника" въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично до меня касающагося — я не могу не отвѣчать на это

замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю „Русскаго Вѣстника“ повѣсть подъ названіемъ: „Призраки“, за которую я принялся въ тоже время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями „Современника“ условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Слѣдовательно вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ „Фаустъ“ въ № IX „Современника“, тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово — и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, ни кѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что содѣйствіе мое въ одномъ журналѣ — ни значительно способствовать его распространенію — ни повредить другому — рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ „Русскаго Вѣстника“ — лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Иванъ Тургеневъ.

XI.

(„Москов. Вѣдом.“ 1857 г., январь.)

Письмо къ редактору.

Парижъ, 1/13-го января 1857 г.

М. Г.,

Получая снова отъ меня письмо, въ которомъ идетъ рѣчь о моей повѣсти, обѣщанной Русскому Вѣстнику и т. д., вы вѣроятно подумаете, что игра не стоитъ свѣчъ. Это мнѣніе раздѣлитъ съ вами

публика, раздѣляю и я. Но дѣлать нечего; надобно очистить этотъ вопросъ. Ограничусь двумя словами.

Я готовъ сознаться, что въ первомъ письмѣ моемъ изъ Парижа мнѣ бы слѣдовало къ словамъ: не назначая опредѣленнаго срока, прибавить слово: обязательнаго; я дѣйствительно надѣялся доставить мою повѣсть г-ну Каткову въ началѣ прошлаго года;—но въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало, и повѣсть моя осталась неконченной. Это не мѣшаетъ мнѣ объявить, что всю отвѣтственность за эту неисправность (если только стоитъ употреблять такія громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла) я принимаю на себя.

Что же касается до выговореннаго мною (при заключеніи условія съ Современникомъ) права исполнить обѣщаніе, данное Русскому Вѣстнику, то г-ну Каткову стоитъ обратиться къ Редактору Современника, у котораго хранится оригиналъ нашего условія, чтобы убѣдиться въ совершенной справедливости моихъ словъ. Сожалѣю, что этотъ запросъ г-ну Панаеву не былъ сдѣланъ г-мъ Катковымъ раньше; это бы избавило и его, и меня, отъ новаго сомнѣнія и намека.

Въ надеждѣ, что этимъ объясненіемъ прекратится возникшее недоразумѣніе, прошу васъ принять, м. г., увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ которыми остаюсь и пр.

Иванъ Тургеневъ.

XII.

(„Атеней". 1858 г., январь—февраль.)

Изъ-за границы.

Письмо первое.

Писать въ наше время письма изъ-за границы—я говорю о письмахъ, назначаемыхъ для печати—и легко, и трудно. Легко, если хочешь ограничиться сообщеніемъ ежедневныхъ и случайныхъ впечатлѣній, въ надеждѣ занять читателя новостью или необычностью описываемыхъ предметовъ; трудно, если желаешь передать—не говорю уже общій смыслъ — но даже нѣкоторыя общія черты жизни намъ чужой и не легко дающейся чужому. При всемъ стараніи не впадать въ мелочь и не судить по мелочамъ, при самой добросо-

вѣстной рѣшимости избѣгать опрометчивыхъ отвлеченностей и не повторять передъ лицомъ дѣйствительныхъ явленій—уже напередъ составленныя объ нихъ мнѣнія,—каждому путешественнику грозитъ опасность пойдти по стопамъ извѣстнаго Англичанина, который, увидѣвъ въ одномъ городѣ рыжую женщину, записалъ въ своей памятной книжкѣ, что все женское народонаселеніе того города—рыжее. А потому, не желая впасть въ подобную ошибку, я прошу позволенія у васъ, любезный Е. Ѳ., въ письмахъ моихъ къ вамъ обращать вниманіе не столько на страну, о которой будетъ идти рѣчь, сколько на отношеніе къ ней и къ ея жизни самихъ путешествующихъ Русскихъ. И тутъ легко ошибиться — отъ этой бѣды вполнѣ уберечься невозможно,—все-таки это дѣло болѣе подручное и близкое. Спѣшу прибавить, что я не намѣренъ отказываться отъ передачи и оцѣнки того, что̀ я видѣлъ или слышалъ,—но мнѣ будетъ легче и вольнѣе писать послѣ моей вступительной оговорки. Въ исполненіе моего намѣренія, хочу въ нынѣшнемъ письмѣ побесѣдовать съ вами объ одномъ, уже прежде мною подмѣченномъ, но въ послѣднее время поразившемъ меня явленіи, а именно о той горькой, ѣдкой, впрочемъ тщательно скрываемой скукѣ, которой подвергается большая часть русскихъ путешественниковъ, и которой я предлагаю придать, какъ придаютъ особое названіе новооткрытой болѣзни, названіе заграничной скуки Русскихъ.

„Какъ? скажутъ мнѣ,—Русскіе скучаютъ за границей, тѣ самые Русскіе, которые съ такою радостью покидаютъ свои родныя гнѣзда и съ такимъ восторгомъ толкуютъ о Европѣ по возвращеніи домой—они скучаютъ? Это невозможно, это парадоксъ!—И со всѣмъ тѣмъ—сказанное мною справедливо; ссылаюсь на тайный голосъ самихъ г.г. путешественниковъ (громко они, вѣроятно, не захотятъ въ томъ сознаться). Стоитъ только хорошенько вглядѣться въ лица девяти Русскихъ изъ десяти встрѣчаемыхъ за границей, чтобы согласиться со мною. Какая тоска въ нихъ сказывается, какая усталость, какое недоумѣнье!—Все, кажется, такъ и вопіетъ въ нихъ: „скучно намъ! намъ скучно!“ (Есть, правда, одно мѣсто на свѣтѣ, гдѣ Русскіе не скучаютъ: Парижъ. О немъ рѣчь будетъ впереди, во второмъ моемъ письмѣ.) Но отчего же такъ скучно Русскимъ?

На то есть нѣсколько причинъ. Попытаюсь ихъ перечислить. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Русскіе, путешествующіе по чужимъ краямъ (я, разумѣется, говорю не обо всѣхъ Русскихъ), въ

сущности мало знакомятся съ чужими краями; то-есть, они видятъ города, зданія, лица, одежды людей, горы, поля, рѣки; но въ дѣйствительное, живое соприкосновеніе съ народомъ, среди котораго странствуютъ, они не вступаютъ. Они переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, окруженные все тою же сферою, или, какъ говорится нынѣ, „средою“ гостинницъ, кельнеровъ, длинныхъ счетовъ, звонковъ, общихъ обѣдовъ, наемныхъ слугъ, наемныхъ каретъ, наемныхъ ословъ и провожатыхъ; изъ этой „среды“ путешественники наши, отъ врожденной ли робости, отъ гордости ли, отъ неумѣнья ли сближаться съ людьми, или отъ лѣни, почти никогда не выходятъ; что же касается до удовольствія, проистекающаго изъ пребыванія въ странѣ, прошедшее которой вамъ хорошо знакомо, изъ личной повѣрки историческихъ воспоминаній и данныхъ, изъ того особеннаго чувства, которое овладѣваетъ человѣкомъ въ виду слѣдовъ или памятниковъ великой народной жизни, то должно сознаться, что для многихъ изъ нашихъ туристовъ всѣ эти ощущенія не существуютъ; они слишкомъ мало подготовлены по этой части; для нихъ имена городовъ, историческихъ лицъ и событій остаются одними именами, и какъ арестантъ въ „Мертвыхъ душахъ“ удовольствовался замѣчаньемъ, что въ Весьёгонскѣ тюрьма почище будетъ, а въ Царевококшайскѣ еще почище, такъ и туристы наши только и могутъ сказать, что Франкфуртъ городъ побольше будетъ Нюренберга, а Берлинъ еще побольше.

Остается природа и искусство.

Природа всегда сильно дѣйствуетъ на русскую душу, и мнѣ случалось видѣть даже генераловъ, военныхъ и штатскихъ, пришедшихъ въ истинный восторгъ отъ какого-нибудь прекраснаго пейзажа, водопада или горы; но одна природа удовлетворить вполнѣ человѣка не можетъ. Идиллія идилліей, а генералъ остается генераломъ. Искусство..... но и тутъ едва ли не придется повторить то, что сейчасъ было сказано; и тутъ, и на этомъ поприщѣ туристы наши такъ же слабо подготовлены. Напрасно думаютъ иные, что для того, чтобы наслаждаться искусствомъ, достаточно одного врожденнаго чувства красоты; безъ разумѣнія нѣтъ и полнаго наслажденья; и самое чувство красоты такъ же способно постепенно уясняться и созрѣвать подъ вліяніемъ предварительныхъ трудовъ, размышленія и изученія великихъ образцовъ, какъ и все человѣческое. Безъ тонко-развитаго вкуса нѣтъ полныхъ художественныхъ

радостей; а никто еще не родился съ тонкимъ вкусомъ, и тѣ любители прекраснаго, которые съ такой запальчивостью кричатъ: „Намъ не учености нужно, не глубины, а подавайте намъ что бы насъ трогало, что бы за̀живо насъ задѣвало", большей частью трогаются и задѣваются полькой, французской гравюрой или просто—пятью онёрами въ козырной масти. Увы! приходится сознаться, что наши художественныя радости слишкомъ часто ограничиваются мучительнымъ дежурствомъ передъ „любопытными предметами" и „знаменитыми произведеніями". Въ этомъ отношеніи особенно поучительное зрѣлище представляетъ небольшая комнатка въ Дрезденской галлереѣ, гдѣ находится Мадонна св. Сикста: стоящій передъ нею диванъ, на который въ теченьи столькихъ лѣтъ садились и донынѣ садятся поколѣнія за поколѣніями русскихъ путешественниковъ, не однажды мнѣ казался мѣстомъ или орудіемъ духовной пытки, не уступающимъ въ своемъ родѣ тѣмъ остаткамъ средне-вѣковой мглы, орудіямъ пытки тѣлесной, которые показываются любопытнымъ проѣзжимъ въ старинныхъ оружейныхъ палатахъ.

Да, большая часть нашихъ туристовъ скучаетъ за границей. Съ нѣкоторой точки зрѣнія можно сказать, что это имъ даже честь приноситъ: это показываетъ, что они не удовлетворяются одними удобствами заграничной цивилизаціи, что у нихъ есть другія, высшія требованія, что имъ, живымъ людямъ, тяжело жить какою-то мертвенной, при всей суетнѣ, при всемъ кажущемся разнообразіи, глубоко-мертвенной жизнью. Скукѣ этой слѣдуетъ, между прочимъ, приписать и жадную ихъ готовность сблизиться съ каждымъ встрѣчнымъ соотечественникомъ; съ нимъ можно, по крайней мѣрѣ, Русь помянуть.... а не-то и въ картишки перекинуть.

Да, все это правда, но я бы тотчасъ отказался отъ словъ моихъ, еслибъ кто-нибудь вздумалъ вывести изъ нихъ такое заключеніе: „путешествовать скучно—стало-быть лучше сидѣть дома". Не говоря уже о пользѣ заграничной поѣздки для нашихъ молодыхъ ученыхъ, художниковъ, вообще для всѣхъ желающихъ изучить наглядно, на мѣстѣ (а всякое другое изученіе недостаточно) науку, жизнь, просвѣщеніе Европы, не говоря также и о томъ, что многіе изъ насъ умѣютъ путешествовать съ пользой и толкомъ, мы всѣ очень хорошо знаемъ, что полезное часто бываетъ скучнымъ, а знакомство даже поверхностное знакомство съ Европой каждому изъ насъ полезно. Пусть наши туристы скучаютъ и все-таки ѣздятъ за гра-

нищу; никто изъ насъ не можетъ сказать, какимъ образомъ и подъ какимъ видомъ западаютъ въ него и когда созрѣваютъ въ немъ сѣмена правды, добра, образованности. „Для этого нѣтъ необходимости покидать свою родину", возразятъ мнѣ. Согласенъ: сѣмена эти носятся въ каждомъ воздухѣ; но путешествіе въ чужой странѣ то же что знакомство съ чужимъ языкомъ; это—обогащеніе внутренняго человѣка, а нашему брату не для чего прикидываться, что ему своего за-глаза довольно. Надобно только умѣть пользоваться чужимъ богатствомъ. „Чужое богатство въ прокъ нейдетъ", пожалуй, скажутъ мнѣ другіе—и сказавши это, подумаютъ, что они выразили патріотическое чувство; съ этими господами я спорить не стану; скажу одно: изъ посильныхъ моихъ наблюденій я убѣдился въ томъ, что, вопреки общепринятому мнѣнію, самобытность русскаго человѣка и въ хорошемъ и въ дурномъ по меньшей мѣрѣ равна его воспріимчивости,—а потому я плохо вѣрю въ такъ называемый вредъ путешествій, о которомъ такъ охотно распространяются иные, впрочемъ почтенные люди. Чужеземное вліяніе сбиваетъ только того съ дороги, кто и безъ того никуда не шелъ.

„Was ist der langen Rede kurzer Sinn? Къ чему ведете вы вашу рѣчь?" спросите вы меня. А вотъ къ чему: кто скучаетъ за границей, самъ виноватъ; нельзя въ наше время путешествовать безъ надлежащаго приготовленія; пора простаго „глазѣнья", приличнаго дѣтямъ, миновала, и вѣрное разочарованье готовитъ себѣ тотъ, кто воображаетъ, что быть на Рейнѣ или гдѣ-нибудь подъ утесомъ въ Швейцаріи уже значитъ: наслаждаться. И за границей жареныя куропатки не летаютъ по воздуху, а на деревьяхъ растутъ листья обыкновенные, не золотые. Путешествовать (я не говорю о тѣхъ, которые ѣздятъ за границу для поправленія своего здоровья или для одного разсѣянія), путешествовать, не сближаясь съ иностранцами, не узнавая ихъ быта, право, не стоитъ; въ самомъ дѣлѣ, не для того же мы покидаемъ все намъ дорогое, привычное, чтобы дышать пошлымъ воздухомъ пошлыхъ комнатъ разныхъ: Hôtel Vittoria, des Princes, Stadt Berlin и т. п., а сближаться съ иностранцами можно только на почвѣ общихъ интересовъ, сочувствій, общаго знанья. Конечно, это не легко; иностранцы (на этотъ счетъ нечего себя обманывать) смотрятъ на насъ съ тайной недовѣрчивостью, почти съ недоброжелательствомъ, а мы, какъ Пушкинъ сказалъ, „лѣнивы и нелюбопытны"; но вѣдь и путешествіе, если кто хо-

четъ извлечь изъ него пользу, точно такой же трудъ, какъ и все въ жизни.

Мнѣ остается сказать, почему въ Парижѣ не скучаютъ Русскіе, и какое собственно значеніе этого города для нашихъ туристовъ; но объ этомъ я потолкую съ вами въ слѣдующемъ письмѣ.

Римъ,
19/31 декабря 1857. *И. Тургеневъ.*

XIII.

[Записка объ изданіи журнала „Хозяйственный Указатель“.]

Римъ 9-го (21-го) января 1858 г.

Едва достигла до насъ вѣсть о первой правдивой и честной попыткѣ русскаго правительства устроить нашъ крестьянскій и земледѣльческій бытъ, едва прочли мы царскіе рескрипты, какъ уже начали распространяться слухи о тайномъ, и даже явномъ сопротивленіи нашего дворянскаго сословія благимъ намѣреніямъ Государя. Слухи эти вѣроятно преувеличены; но одно лишь привычное нежеланіе смотрѣть правдѣ въ глаза можетъ сомнѣваться въ истинѣ этого сопротивленія. Сомнѣваться въ немъ нельзя будетъ даже и тогда, если бы всѣ губерніи наперерывъ изъявили готовность завести у себя комитеты; мы знаемъ цѣну подобныхъ оффиціальныхъ изъявленій — да и при томъ, соглашаясь на предложенія правительства, дворянство еще не дѣлаетъ никакой уступки; напротивъ—оно въ тайнѣ можетъ расчитывать на эти самые комитеты, для утвержденія и охраненія того, что оно считаетъ своими правами. Удивляться этому, негодовать на это—не для чего; всякая перемѣна въ бытѣ, уже успѣвшемъ укорениться—влечетъ за собою хотя временныя жертвы, сопряжена съ нѣкоторою неизвѣстностью на счетъ конечнаго исхода дѣла; а на жертвы способны немногіе, даже необходимость ихъ не всѣ понять въ состояніи—и неизвѣстность каждому тягостна. Здѣсь не мѣсто входить въ разбирательство причинъ подобнаго образа мыслей между нашими дворянами; ограничусь однимъ указаніемъ на противуположный—но извѣ-

стіямъ—духъ, господствующій въ польскомъ дворянствѣ западныхъ губерній—и предоставлю другимъ отыскивать историческія причины такого различія. Краткость времени также не позволяетъ мнѣ вдаваться въ оцѣнку существующаго порядка вещей; да и наконецъ не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, чтобы, признавъ неоспоримый фактъ слабаго сочувствія дворянъ къ видамъ правительства—поставить себѣ слѣдующій вопросъ: предоставить-ли одному правительству, своими мѣрами и дѣйствіями, своимъ вмѣшательствомъ и вліяніемъ побѣдить упорство дворянъ, склонить ихъ къ уступкамъ, разсѣять ихъ опасенія—или же предложить правительству то независимое, но дѣятельное и честное содѣйствіе мысли и слова, безъ котораго самая неограниченная власть не въ состояніи основать что-либо долговѣчное и прочное—и котораго, сколько можно судить, желаетъ самое наше правительство, не взявшее на себя рѣшить—указомъ или манифестомъ—важный вопросъ освобожденія крестьянъ.

Мнѣ скажутъ: съ этою именно цѣлью назначены комитеты; такъ;—но при теперешнемъ настроеніи дворянъ, при отсутствіи всякихъ предварительныхъ и подготовительныхъ обсужденій, при внезапности самой мѣры, кто можетъ поручиться въ томъ, что уѣздные и губернскіе комитеты дѣйствительно поймутъ все значеніе своихъ трудовъ—и будутъ содѣйствовать правительству?—Общественное мнѣніе выразится въ назначеніи лицъ, изъ которыхъ будутъ состоять комитеты; но самое это общественное мнѣніе—имѣло-ли оно возможность правильно и сознательно сложиться? Не будемъ-ли мы всѣ, не исключая даже самыхъ благонамѣренныхъ изъ насъ, дѣйствовать ощупью, бродить какъ во тьмѣ, слѣдуя часто случайнымъ, мгновеннымъ увлеченіямъ? И неужели нѣтъ средства внести свѣтъ въ этотъ хаосъ, придать стройность и порядокъ неурядицѣ сбивчивыхъ и противурѣчащихъ мнѣній, надъ которой тщетно будетъ носиться Власть, въ настоящемъ случаѣ недѣйствительная и даже слабая, при всемъ своемъ вообще—громадномъ могуществѣ?

Мы полагаемъ, что средство это существуетъ. Оно состоитъ въ возбужденіи и призваніи всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ къ дружному содѣйствію Царю—слѣдовательно въ возбужденіи и призваніи также и тѣхъ силъ, которыя до сихъ поръ были поставлены въ недовѣрчивое отдаленіе отъ правительства—и готовы теперь съ радостью, открыто, безо всякихъ задніхъ мыслей и тайныхъ намѣреній, отдаться въ распоряженіе Власти, явно стремящейся къ водво-

ренію и упроченію общаго блага. Эти силы — я назову ихъ: это русская наука и русская литература.

Одинокій мой голосъ былъ-бы ничтоженъ, но я увѣренъ, что выражаю единодушное мнѣніе моихъ собратій, когда утверждаю, что всѣ мы готовы идти на встрѣчу правительству, которому покорялись всегда, но которое полюбили только недавно. Мы не желаемъ преувеличивать наше значеніе; но мы чувствуемъ, что мы можемъ быть полезны Власти—и мы всѣ проникнуты готовностью быть ей полезными, сослужить ей въ настоящемъ случаѣ посильную службу. Этого давно не бывало. Нужны были всѣ жестокіе опыты послѣднихъ годовъ, нуженъ былъ такой великій шагъ впередъ правительства, чтобъ это могло сбыться—и неужели это мгновеніе пройдетъ даромъ, неужели старинная недовѣрчивость восторжествуетъ снова? Мы не хотимъ этому вѣрить; мы уже строимъ мосты надъ той бездной, которая, такъ долго и безпрестанно расширяясь, отдѣляла Власть отъ насъ, мы уже двинулись ей на встрѣчу. Мы идемъ не съ лестью на устахъ и эгоизмомъ въ сердцѣ, какъ это дѣлали тѣ, часто хуже, чѣмъ безъимянные защитники правительства, которымъ оно, нисколько ихъ не уважая, полупрезрительно довѣрялось; мы идемъ къ Власти, не потому что она Власть, а потому что она желаетъ истины и добра,—и не налагаетъ на насъ никакого отреченія, не принуждаетъ насъ къ лукавству. Мы вѣримъ ей;—пусть и она повѣритъ намъ!

Возвращаюсь къ предмету этой записки. Я упомянулъ о слабомъ сочувствіи нашихъ дворянъ къ намѣреніямъ правительства на счетъ освобожденія крестьянъ; я бы могъ сказать болѣе. Дворяне наши страшатся этихъ намѣреній; они страшатся за свое будущее, за самое существованіе. Дѣйствительно — вопросъ этотъ такъ важенъ и сложенъ, онъ сопряженъ съ такими разнообразными затрудненіями, рѣшеніе его такъ мало было подготовлено гласнымъ и свободнымъ разсужденіемъ о немъ, что даже всякое другое сословіе, болѣе нашего дворянства привыкшее къ сознательной оцѣнкѣ своего положенія—скажемъ прямо—болѣе образованное—могло бы почувствовать смущеніе и недоумѣвать. Время, наставленія и примѣръ правительства, обмѣнъ различныхъ воззрѣній между дворянами—сильно будутъ способствовать къ скорѣйшему—если можно такъ выразиться—назрѣванію вопроса; но этого всего недостаточно. Много времени, много словъ будетъ потрачено попусту; правительственныя лица,

которымъ будетъ поручено проводить благую царскую мысль, окажутся — къ чему скрывать это? — часто ниже своего назначенья. Необходимо нужно придти на помощь общественному мнѣнію, дать возможность наукѣ, опытности, знанію возвысить свой независимый и добросовѣстный голосъ, собрать во едино ихъ разрозненныя силы, создать арену, на которой онѣ могли бы сходиться—словомъ—основать журналъ (или газету), исключительно и спеціально посвященный разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся собственно до устройства крестьянскаго быта, и вытекающихъ изъ того послѣдствій.

Предложеніе основать новый журналъ (или газету), которому нужно, для достиженія предназначенной ему цѣли, разрѣшить нѣкоторую гласность и дозволить разбирательство государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ мѣръ — это предложеніе едва-ли не возбудитъ нѣкоторыхъ опасеній; постараюсь изложить ихъ неосновательность.

Во первыхъ: Журналъ, поставляющій себѣ задачею: устранить недоразумѣнія, противудѣйствовать необдуманности и упорству т. е. показать помѣщикамъ въ чемъ собственно состоитъ дѣло, какого роду требуются отъ нихъ временныя уступки, и какимъ образомъ эти-же самыя уступки вознаградятся со временемъ, когда весь нашъ земледѣльческій бытъ установится на прочныхъ основаніяхъ, этотъ журналъ, являющійся какъ-бы адвокатомъ распоряженій правительства, поясняющій его намѣренія, не можетъ не быть ему полезнымъ. Напрасно станутъ мнѣ возражать, что появленіе подобнаго журнала можетъ только увеличить раздраженіе и толки; всякое раздраженіе въ организмѣ укрощается, выступая наружу, а толки перестанутъ быть безполезными и безплодными, превращаясь, подъ вліяніемъ гласности, въ доводы и доказательства. Множество вопросовъ, смутное и раздробленное обсужденіе которыхъ въ комитетахъ отниметъ понапрасну дни и недѣли драгоцѣннаго времени — можетъ быть предварительно разсмотрѣно и обсуждено въ журналѣ; а потому, между прочимъ, желательно, чтобы комитеты не собирались раньше нынѣшней (1858 г.) осени или зимы; для этого стоитъ только правительству не возбуждать рвенія губернаторовъ къ представленію мнимо-единодушныхъ желаній ввѣренныхъ имъ губерній. Столь-же полезнымъ можетъ оказаться журналъ для направленія общественнаго мнѣнія. Не станемъ себя обманывать: невѣжество — вотъ наша бѣда и наше горе; малая образованность нашего дво-

рянскаго сословія будетъ едва-ли не главнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе предполагаемыхъ мѣръ; если изъ двадцати помѣщиковъ едва-ли пять человѣкъ знакомы, не говорю уже съ теоріей—но даже просто съ нѣсколько разумной практикой земледѣлія, которое ихъ питаетъ—то легко можно себѣ представить, какъ незначительны должны быть ихъ свѣдѣнія по части финансовой или административной; а подобныя свѣдѣнія необходимы при разрѣшеніи такого важнаго вопроса, каковъ крестьянскій вопросъ. Для этихъ-то помѣщиковъ журналъ, составленный умно и дѣльно, писанный языкомъ простымъ и вразумительнымъ — будетъ истиннымъ благодѣяніемъ; при томъ не должно забывать, что у насъ до сихъ поръ, по выраженію Грибоѣдова, „печатный каждый листъ быть кажется святымъ“. Призраки разсѣятся, а призраки опасны, потому что пугаютъ; понятія очистятся и уяснятся, самыя опасенія опредѣлятся и, слѣдовательно, уменьшатся. Недовольный помѣщикъ, ограничивающійся теперь хотя сильнымъ, но неяснымъ и бездоказательнымъ выраженіемъ своего неудовольствія—и самой этой неясностью своихъ обвиненій распространяющій вокругъ себя недоумѣніе, а можетъ быть и ужасъ—этотъ помѣщикъ долженъ будетъ либо возражать доказательствами на высказанныя въ журналѣ мнѣнія—либо самъ возьметъ перо въ руки, и принужденный излагать свои мысли, по необходимости долженъ будетъ приводить ихъ въ порядокъ, ясно сознавать ихъ: дѣло не маловажное въ человѣкѣ, отъ котораго, быть можетъ, зависятъ сотни другихъ людей.

Во вторыхъ: Толки, пренія, обсужденія вопроса, которыя необходимо допустить въ журналѣ, при всей горячности спора, нисколько не будутъ касаться собственно правительства; споръ будетъ идти не о самомъ дѣлѣ освобожденія — а о формахъ его осуществленія — и съ этой точки зрѣнія, правительство поступило благоразумно и мудро, не опредѣливъ заранѣе этихъ формъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ положеній, справедливо признанныхъ имъ за необходимыя. Просторъ долженъ быть данъ въ предлагаемомъ нами журналѣ русскому уму; а цензура, тѣмъ полезнѣйшая, чѣмъ она болѣе умѣряетъ свой произволъ — будетъ отвѣчать правительству за соблюденіе извѣстныхъ границъ. Въ журналѣ должно будетъ принимать и такія статьи, въ которыхъ выразится предубѣжденіе, даже упорство... Вы хотите вопросить русскую землю, вы почувствовали невозможность разрѣшить этотъ вопросъ только сверху—

дайте же ей высказаться, и высказаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можете контролировать ея голосъ, указывать ей же самой на ея ошибки—слѣдовать ея справедливымъ указаніямъ. Допустите всѣхъ къ содѣйствію въ общемъ дѣлѣ, чѣмъ вы больше дадите ему гласности, тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе будетъ ваше торжество. Словомъ, журналъ будетъ, при всей независимости и безпристрастности редакціи, при допущенномъ въ немъ разнорѣчіи—въ самомъ существѣ своемъ—правительственнымъ журналомъ; и это будетъ не послѣднимъ замѣчательнымъ явленіемъ нашего времени, того времени, въ которое правительство меньше всего можетъ разсчитывать на сочувствіе тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ довѣряло и довѣряетъ исполненіе своихъ предначертаній.

Въ третьихъ: Весьма было бы полезно, для успѣшнаго дѣйствія самихъ комитетовъ, устроить для нихъ нѣчто въ родѣ общаго центра—и для этого предлагается отдѣлить въ журналѣ часть оффиціальную, куда бы стекались извѣстія о ходѣ дѣлъ въ комитетахъ, гдѣ бы помѣщались распоряженія правительства, отдѣльныхъ начальствъ и т. п. Затѣвая такое важное дѣло, странно было бы не принять всѣхъ нужныхъ мѣръ къ приданію ему возможно-успѣшнаго хода. Когда состоялся указъ о размежеваніи имѣній, требованія гласности вызвали журналъ: „Посредникъ", не прекратившійся до сихъ поръ. Если „Посредникъ" не принесъ всей ожиданной пользы, то это произошло именно отъ недостатка свободы въ обсужденіи того предмета, которому онъ былъ посвященъ: слѣдуетъ избѣгнуть этой ошибки. Напрасно стали бы возражать, что можно помѣщать статьи о крестьянскомъ вопросѣ въ существующихъ нынѣ журналахъ. Появляясь отдѣльно, безъ связи, оставаясь часто безъ возраженій и оцѣнки, онѣ бы только еще болѣе сбивали и путали понятія. Тутъ необходимъ спеціальный, отдѣльный органъ съ строгимъ раздѣленіемъ и развѣтвленіемъ матеріала, съ отдѣлами: оффиціальнымъ, редакціоннымъ, полемическимъ, научнымъ, въ которомъ бы разбирались и сравнивались съ точки зрѣнія политической экономіи и исторіи способы и формы освобожденія крестьянъ въ другихъ земляхъ, съ отдѣломъ корреспонденціи, общаго еженедѣльнаго обозрѣнія и т. д. Стоитъ также сообразить, какое важное значеніе получитъ предполагаемый журналъ для чиновниковъ исполнительныхъ, на которыхъ будетъ возложена обязанность приведенія въ дѣйствіе опредѣленій комитетовъ. Журналъ этотъ будетъ для нихъ

постояннымъ и вѣрнымъ руководителемъ и совѣтникомъ. Всѣ эти соображенія, на которыя мы теперь только намекнуть можемъ, должны, разумѣется, быть подробно и ясно высказаны въ программѣ журнала, назначенной для публики. Проэктъ краткой программы для правительства прилагается при этой запискѣ.

Въ четвертыхъ: Допустивъ изданіе журнала, правительство можетъ всячески обезпечить себя. Редакторомъ можетъ быть назначенъ человѣкъ, извѣстный и правительству и въ наукѣ, умѣренный и безпристрастный. Самый журналъ, названіе которому дать простое и скромное, въ родѣ, напримѣръ: „Хозяйственнаго Указателя“ — долженъ, по нашему мнѣнію, выходить еженедѣльными тетрадями въ Москвѣ, какъ въ истинномъ центрѣ государства, въ центрѣ великой Россіи, гдѣ крестьянскій вопросъ особенно затруднителенъ. Впрочемъ правительство можетъ назначить мѣстомъ выхода журнала и С.-Петербургъ, за который говорятъ также нѣкоторыя цензурныя и редакторскія уваженія. Подписная цѣна не должна быть высока— рублей около пяти серебромъ въ годъ, такъ какъ при неизбѣжномъ огромномъ распространеніи журнала въ государствѣ, онъ и при низкой цѣнѣ—будетъ доходы приносить большіе и давать возможность платить хорошій гонораръ сотрудникамъ. Впрочемъ я не стану входить въ частности, все это гораздо лучше и приличнѣе обсудить на мѣстѣ; желательно однако, чтобы въ „Хозяйственномъ Указателѣ“—нашли мѣсто всѣ тѣ замѣчательныя силы ума и таланта, которыхъ такъ много въ Москвѣ и Россіи, за исключеніемъ, разумѣется, всего непрактическаго и не идущаго къ дѣлу.

Кончая эту записку, считаю не лишнимъ повторить вкратцѣ доводы, говорящіе въ пользу основанія спеціальнаго органа для обсужденья крестьянскаго вопроса:

Правительство не рѣшаетъ этого вопроса указомъ или манифестомъ; оно обращается къ самой землѣ, къ русскому дворянству; но это дворянство не подготовлено, недоброжелательно, предубѣждено, запугано; оно понесетъ свои предубѣжденія, свой страхъ въ самые комитеты; оно воспользуется всѣми средствами, которыя найдетъ подъ рукою, для того чтобы затруднить или замедлить дѣло. И между тѣмъ, не раззоренія же дворянства ищетъ правительство, не зла оно ему желаетъ; напротивъ—оно желаетъ предотвратить возможность будущихъ бѣдствій; упрочить, увѣковѣчить его благосостояніе; въ то же время правительство чувствуетъ государ-

ственную необходимость, неотлагаемость начатой имъ реформы; слѣдовательно—въ упорствѣ дворянъ есть или недоразумѣніе или незнаніе, непониманіе своего собственнаго положенія. Для устраненія этого недоразумѣнія, для того чтобы доказать дворянамъ, что правительство не рановременно подняло вопросъ объ освобожденіи крестьянъ — существуетъ только одинъ способъ: гласность. Если правительство также убѣждено въ силѣ и полезности этого способа, если оно допуститъ созданіе органа, въ которомъ бы могло выразиться, уясниться, установиться, успокоиться общественное мнѣніе—всѣ благомыслящіе пишущіе люди въ Россіи я увѣренъ въ томъ — предложатъ правительству свое посильное содѣйствіе. Повторяю снова: да не промчится безплодно, даромъ, это небывалое еще мгновеніе въ нашей исторіи!

Много темнаго оставило намъ прошедшее; но выдти еще можно изъ темноты на свѣтъ, когда Царь идетъ впереди своего народа. Связать его лучшія силы во едино и направить ихъ къ великой цѣли можетъ только Царь;—и совершеніе этого подвига достойно того сердца и ума, въ которомъ созрѣла мысль объ освобожденіи русскаго крестьянина.

И. Тургеневъ.

Программа.

Съ ... мѣсяца 1858 года предполагается съ разрѣшенія правительства издавать въ Москвѣ (или С.-Петербургѣ) еженедѣльный журналъ (или газету) подъ названіемъ: „Хозяйственный Указатель“.

„Хозяйственный Указатель“ посвящается спеціальной и подробной разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся до устройства крестьянскаго быта въ Россіи, и до опредѣленія правильныхъ и постоянныхъ отношеній между землевладѣльцами. Онъ вызванъ повелѣніемъ Высочайшихъ рескриптовъ... мѣсяца 1857 года и будетъ дѣйствовать въ ихъ духѣ.

„Хозяйственный Указатель“ будетъ состоять изъ слѣдующихъ пяти отдѣловъ:

1) Отдѣлъ оффиціальный. Въ немъ будутъ помѣщаться: распоряженія правительства и отдѣльныхъ начальствъ, касающіяся до устройства крестьянскаго быта, оффиціальныя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ, съ которыми Х. У. вступитъ въ постоянныя сношенія и т. п.

2) Еженедѣльное обозрѣніе. Въ немъ будетъ представляемъ публикѣ систематическій и по мѣрѣ возможности полный отчетъ о состояніи и успѣхахъ крестьянскаго вопроса, при чемъ будутъ приниматься въ соображеніе статьи, помѣщаемыя въ самомъ Х. У. и другихъ изданіяхъ, а также и корреспонденція, (см. ниже).

3) Отдѣлъ научный. Этотъ отдѣлъ посвящается статьямъ, въ которыхъ съ точки зрѣнія исторіи, политической экономіи, статистики, администраціи и хозяйства—будутъ обсуждаться всѣ стороны вопроса объ устройствѣ крестьянъ. Научно и основательно выраженное разнорѣчіе воззрѣній будетъ допускаемо; статьи самой редакціи будутъ ею подписаны.

4) Отдѣлъ критическій и полемическій. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ подвергаться критической оцѣнкѣ различныя мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ и о способахъ къ успѣшному его разрѣшенію; здѣсь также найдутъ мѣсто и возраженія, написанныя со всѣмъ уваженіемъ къ достоинству самого дѣла и приличіемъ—на статьи, противоположныя убѣжденьямъ редакціи.

5) Корреспонденція. Этотъ отдѣлъ будетъ содержать всякаго рода сообщенія, письма помѣщиковъ и другихъ лицъ изъ губерній, отвѣты редакціи и т. п., такъ сказать, живую хронику вопроса.

„Хозяйственный Указатель“ будетъ выходить еженедѣльно, тетрадями въ ... листовъ; цѣна ему назначается 5 рублей въ годъ; съ пересылкою 5 р. 50 коп.

Ив. С. Тургеневъ.

Римъ, 1858 г.

XIV.

[„Украинскіе народные разсказы“ Марко-Вовчка.]

Отъ переводчика.

Малороссійская читающая публика давно уже познакомилась съ „Народными Разсказами“ Марка Вовчка́, и имя его стало дорогимъ, домашнимъ для всѣхъ его соотечественниковъ. Чувствовалась потребность сдѣлать его такимъ же и для великорусской публики, которая не могла быть вполнѣ довольна появившимися переводами,

носившими слишкомъ ясный отпечатокъ малороссійской рѣчи. Взявшись удовлетворить этой потребности, пишущій эти строки поставилъ себѣ задачей — соблюсти въ своемъ переводѣ чистоту и правильность родного языка и въ то же время сохранить, по возможности, ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацію, которою исполнены „Народные Разсказы". На сколько удалась ему его задача — въ особенности ея вторая, труднѣйшая часть — остается судить благосклонному читателю.

И. Т.

Мартъ, 1859.

XV.

[„Отеч. Записки", 1860 г., апрѣль.]

Сочиненія Д. В. Давыдова.

Здравствуйте Денисъ Васильевичъ! Давно, давно не читалъ я вашихъ стихотвореній. А какъ мнѣ памятны они! Бывало, еще мальчикомъ, какъ прочтешь ваши стихи, такъ и бѣжишь гдѣ-нибудь тайкомъ затянуться до тошноты жуковскимъ; бывало, какъ проникнешься „пѣсней Стараго Гусара", такъ и пожалѣешь, что сидишь еще на школьной скамейкѣ, не бьешь оконъ у мирныхъ сосѣдей и не имѣешь права пить пуншъ. Истинный пафосъ электризуетъ, и какъ мы, школьники, боготворили васъ, стараго гусара! какъ завидовали вамъ и готовы были летѣть... если не на войну, то покрайней-мѣрѣ на драку!

Подъ этимъ юношескимъ впечатлѣніемъ мы опять перечли свои любимыя стихотворенія—и ужаснулись, чему только не знаемъ: своимъ ли юношескимъ идеаламъ, или вашимъ стихамъ. Вы вѣдь помните эти стихи?

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ—кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова... Дымъ столбомъ...
Ни полслова... Всѣ мертвецки
Пьютъ, и преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

И сегодня—„мертвецки“, и завтра то же, и послѣзавтра и т. д. весь годъ, всю жизнь до старости... Лишь изрѣдка, „старый гусаръ“ добраго стараго времени, не тѣмъ будь оно помянуто, заглядывалъ въ общество, гдѣ не пьютъ, а говорятъ,

Но то—набѣгъ, наскокъ—я мигъ ему даю,
И торжествуютъ вновь любимыя привычки,
И я спѣшу въ мою гусарскую семью,
Гдѣ хлопаютъ еще шампанскаго оттычки.
Долой, долой крючки, отъ глотки до пупа!
Гдѣ трубки?—Вейся дымъ на удаломъ раздольѣ!
Роскошествуй веселая толпа
Въ живомъ и братскомъ своевольѣ!

Но прошли безвозвратно эти времена; теперь же:

О, рыцарь, идолъ усачей!
Гордись пороками своими!
Чаруй съ гусарами лихими,
И очаровывай...
(Т. III., стр. 24, 23 и 20).

Прощайте, Денисъ Васильевичъ! не скоро опять возьмемъ мы въ руки III томъ вашихъ сочиненій.

XVI.

[„Колоколъ". 1862 г.]

Письмо къ издателю.

М. Г. Редакторъ „Правдиваго" помѣстилъ въ 3 № своего журнала нѣсколько строкъ объ издателѣ моихъ сочиненій, г. Основскомъ. Г. Основскій дѣйствительно не доплатилъ мнѣ двухъ тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ — но это еще не значитъ, чтобы онъ заслуживалъ жестокое названіе ему данное, и я не могу не сожалѣть о томъ, что почтенный редакторъ „Правдиваго" нашелъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія публики частный фактъ, для нея неинтересный. — Примите и пр.

Ив. Тургеневъ.

Лондонъ 17 мая 1862.

XVII.

[„Дневникъ дѣвочки" С. Бутвеничъ. 1862 г.]

Предисловіе.

Недостатокъ у насъ хорошихъ книгъ для дѣтей чувствуется давно и, такъ сказать, вошелъ въ пословицу. Еще покойный Бѣлинскій глубоко скорбѣлъ объ этомъ недостаткѣ и не разъ высказывалъ свою скорбь. Со времени его кончины прошло двѣнадцать лѣтъ слишкомъ — и, не смотря на множество статей, появившихся по вопросу воспитанія, не смотря на возникшія новыя учрежденія, предпріятія, спеціальныя изданія — наша дѣтская литература едва ли стала богаче. Всякій родитель по прежнему находится въ большомъ затрудненіи, когда ему вздумается пріобрѣсти умно составленную и полезную книгу для своихъ дѣтей.

Дѣло въ томъ, что хорошо писать для дѣтей — очень трудно. Тутъ требуется не одно добросовѣстное изученіе предмета, не одно терпѣніе, на которое мы, впрочемъ, тоже не большіе мастера, не одно знаніе человѣческаго сердца вообще и дѣтскаго въ особенности, не одно умѣнье, наконецъ, разсказывать просто и ясно безъ приторности и пошлости — тутъ, сверхъ всего этого, требуется высокая степень нравственнаго и общественнаго развитія, до которой

мы едва ли доросли. — Пользоваться одними сокровищами иностранныхъ литературъ, пробавляться однѣми переводными книгами — тоже невозможно. Русскимъ дѣтямъ нужны русскія книги. А потому нельзя не привѣтствовать и не поощрять всякую новую и дѣльную попытку пробить наконецъ эту неподвижную стѣну, проторить дорожку въ этой заглохшей пустынѣ.

Намъ кажется, что книжка г-жи Буткевичъ можетъ быть причислена къ разряду подобныхъ попытокъ и соединяетъ въ себѣ значительную часть достоинствъ, которыя мы въ правѣ требовать отъ сочиненія, назначеннаго для дѣтей. Мы позволяемъ себѣ рекомендовать „Дневникъ Дѣвочки" родителямъ и наставникамъ. Мысль, которая положена въ основаніе книги г-жи Буткевичъ, и которая состоитъ въ томъ, чтобы, направляя вниманіе дѣтей на окружающіе ихъ знакомые предметы, посредствомъ изученія этихъ самыхъ предметовъ открывать имъ постепенно весь тотъ міръ, въ которомъ они живутъ — эта мысль вѣрна и правдива — и едва ли не въ первый разъ — съ такой полнотой и отчетливостью — примѣняется у насъ.— Проведенная въ цѣломъ рядѣ живыхъ образовъ — систематически, но безъ педантизма — она можетъ дать обильные плоды. Тутъ есть и занимательность, и почти неистощимое богатство фактовъ, и здравый ненатянутый реализмъ, и въ то же время есть новость, необходимая для юнаго, впечатлительнаго воображенія, есть даже таинственность, тѣмъ болѣе заманчивая, что она является неожиданно, по поводу вещей, повидимому, самыхъ обыденныхъ. Все, что мы мало знаемъ, облечено тайной, и ничего мы не знаемъ такъ мало, какъ именно то, что у насъ безпрестанно передъ глазами. — Какія любопытныя открытія можно дѣлать вмѣстѣ съ ребенкомъ на каждомъ шагу, и какъ бы слѣдя за нимъ. Точка отправленія находится вездѣ, а кругъ изысканія расширяется въ безконечность. Размышленіе возбуждается къ дѣятельности, жажда новыхъ ощущеній удовлетворяется самымъ законнымъ образомъ, безъ фантастичности, часто болѣзненной; великое значеніе науки незамѣтно и свободно признается молодыми умами.—Они дѣйствительно научаются.

Мы считаемъ излишнимъ распространяться о прочихъ качествахъ труда г-жи Буткевичъ. Читатели оцѣнятъ ихъ безъ нашего указанія, такъ же какъ они оцѣнятъ и прекрасный языкъ, которымъ пишетъ сочинительница.

Мы считали бы себя счастливыми, если бы немногія слова, которыми мы сопровождаемъ появленіе „Дневника Дѣвочки", обратили вниманіе публики на это полезное и у насъ еще новое предпріятіе.

Ив. Тургеневъ.

XVIII.

Письмо къ издателю Сѣверной Пчелы.

Милостивый государь! Въ фельетонѣ вашей газеты, отъ 22-го ноября (№ 316-й), подписанномъ буквами А. Ю., находится слѣдующая фраза:

„Пусть... г. Некрасовъ *жертвуетъ*... гг. Тургеневымъ, Дружининымъ, Писемскимъ, Гончаровымъ и Авдѣевымъ и издаетъ Современникъ!"

Мнѣніе, выраженное г. А. Ю., встрѣчалось мною въ печати не разъ. Оно проникло даже въ программы журнала, издаваемаго г. Некрасовымъ. Я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на подобныя „заявленія": но такъ какъ изъ словъ г. А. Ю. я долженъ поневолѣ убѣдиться, что молчаніе, особенно продолжительное, дѣйствительно почитается знакомъ согласія, то позвольте мнѣ изложить передъ вами въ короткихъ словахъ, какъ совершилось на самомъ дѣлѣ, собственно *мое* отчужденіе отъ Современника.

Я не стану входить въ подробности о томъ, когда и почему оно началось; но, въ январѣ 1860 года, Современникъ печаталъ еще мою статью (Гамлетъ и Донъ-Кихотъ), и г. Некрасовъ предлагалъ мнѣ, при свидѣтеляхъ, весьма значительную сумму за повѣсть, запроданную Русскому Вѣстнику, а весною 1861 года, тотъ же г. Некрасовъ писалъ мнѣ въ Парижъ письмо, въ которомъ, съ чувствомъ, жалуясь на мое охлажденіе, возобновлялъ свои лестныя предложенія, и, между прочимъ, доводилъ до моего свѣдѣнія, что видитъ меня почти каждую ночь во снѣ.

Я тогда же отвѣчалъ г. Некрасову *положительнымъ отказомъ*, сообщилъ ему мое твердое рѣшеніе не участвовать болѣе въ Современникѣ, и тутъ же прибавилъ, что „отнынѣ этому журналу не для чего стѣсняться въ своихъ сужденіяхъ обо мнѣ".

И журналъ г. Некрасова немедленно пересталъ стѣсняться. Недоброжелательные намеки явились тотчасъ же, и съ свойственной

всякому русскому прогрессу быстротой, перешли въ явныя нападенія. Все это было въ порядкѣ вещей, и я, вѣроятно, заслуживалъ эти нападенія: но предоставляю вашимъ читателямъ самимъ судить теперь, насколько справедливо мнѣніе г. А. Ю. Увы! г. Некрасовъ *не* принесъ меня въ жертву своимъ убѣжденіямъ, и, вспомнивъ имена другихъ его жертвъ, перечисленныхъ г. А. Ю., я готовъ почти пенять на г. издателя Современника за подобное исключеніе. Но, впрочемъ, точно ли гг. Дружининъ, Писемскій, Гончаровъ и Авдѣевъ пали подъ жертвеннымъ его ножемъ? Мнѣ сдается, что, въ теченіе своей карьеры, г. Некрасовъ былъ гораздо менѣе жрецомъ, чѣмъ предполагаетъ г. А. Ю.

Примите, и пр.

Иванъ Тургеневъ.

10-го дек. н. ст. 1862 г., Парижъ.

XIX.

[„День", 1863 г., іюль.]

[Письмо къ редактору.]

„Только сегодня, и то окольнымъ путемъ, дошло до меня извѣстіе о приписанномъ мнѣ вашимъ корреспондентомъ намѣреніи сочинить подложную корреспонденцію объ „Англійской, Французской горчицѣ, Польскихъ дѣтяхъ" — и. т. д. Вы бы меня весьма обязали, еслибъ напечатали въ ближайшемъ № вашего журнала, что въ этомъ анекдотѣ нѣтъ ни слова правды. — Я вполнѣ раздѣляю ваше воззрѣніе на Польскій вопросъ, но мнѣ противно думать, что въ такое печальное, трудное, грязное время, я выставленъ передъ читателемъ кривлякою и шутомъ. — Видно, какъ ни прячь свою жизнь, какъ упорно ни замыкайся въ самомъ себѣ, досужаго корреспондента не убережешься!—Мнѣ это тѣмъ болѣе досадно, что это появилось въ Днѣ, журналѣ, который уважаю и хотѣлъ бы видѣть чаще.—Повторяю, вы сдѣлаете мнѣ истинное удовольствіе, если скажете объ этомъ нѣсколько словъ. Я убѣжденъ, что мы должны бороться съ Поляками, но не должны ни оскорблять ихъ, ни смѣяться надъ ними" и пр.

XX.

[„Эпоха", 1864 г., кн. 1.

Призраки.

(Фантазія).

„Мигъ одинъ... и нѣтъ волшебной сказки
И душа опять полна возможнымъ".

А. Фетъ.

Вмѣсто предисловія.

Всякое настоящее произведеніе искусства должно говорить само за себя, стоять на своихъ ногахъ — а потому не нуждается въ предварительныхъ объясненіяхъ и толкованіяхъ. Не имѣя убѣжденія, что „Призраки" принадлежатъ къ подобнаго рода произведеніямъ, я рѣшаюсь просить читателя, который быть можетъ въ правѣ ожидать отъ меня что-нибудь посерьезнѣе, не искать въ предлагаемой фантазіи никакой аллегоріи или скрытаго значенья, а просто видѣть въ ней рядъ картинъ, связанныхъ между собою довольно поверхностно.

И. Т.

XXI.

[Рѣчь о А. В. Дружининѣ. 1864.]

Мм. гг.

19-го января нынѣшняго года мы лишились одного изъ старѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ нашихъ сочленовъ, Александра Васильевича Дружинина. Собираясь въ первый разъ послѣ его кончины, вы, безъ сомнѣнія, съ сочувствіемъ выслушаете нѣсколько словъ, посвященныхъ воспоминанію о человѣкѣ, который можетъ быть названъ однимъ изъ главныхъ основателей нашего фонда.

Мы не станемъ распространяться передъ вами о значеніи Дружинина, какъ литератора; мы намѣрены коснуться его дѣятельности,

на сколько она относится къ нашему обществу. Близкимъ знакомымъ Александра Васильевича хорошо извѣстно, что мысль объ основаніи литературнаго фонда, на подобіе того, который уже около ста лѣтъ существуетъ въ Лондонѣ, пришла ему давно, раньше чѣмъ кому-нибудь изъ его сверстниковъ. Онъ предался этому дѣлу со свойственною ему добросовѣстностью и той неустанной, хотя не шумной, настойчивостью, которая составляла отличительную черту его характера, и выразилась, между прочимъ, и въ избранномъ имъ гетевскомъ девизѣ: Ohne Hast, ohne Rast (безъ поспѣшности, безъ отдыха). Онъ сталъ собирать всѣ нужныя свѣдѣнія, вникать во всѣ подробности; просилъ отъѣзжавшихъ пріятелей доставить ему уставъ и годовые отчеты лондонскаго фонда, завелъ переписку объ этомъ предметѣ, возбуждалъ пренія о немъ въ обществѣ и литературѣ; напечаталъ большую замѣчательную статью, въ которой изложилъ необходимость и пользу подобныхъ предпріятій.

Когда же, наконецъ, его мысль привилась и начала переходить въ практику, онъ принялъ самое живое участіе въ уясненіи и утвержденіи началъ, на которыхъ она должна была осуществиться. Каждое твореніе рукъ человѣческихъ подвержено ошибкамъ — и мы не намѣрены безусловно защищать то, что было установлено тогда; но сообразивъ неизбѣжныя препятствія и затрудненія, всякій, вѣроятно, согласится съ нами, что достигнутые результаты могли быть названы удовлетворительными и что во всякомъ случаѣ возможность дальнѣйшаго развитія вполнѣ была упрочена. Избранный въ члены первоначальнаго комитета, Александръ Васильевичъ сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его дѣятелей. Тогдашнимъ его товарищамъ доселѣ памятны его постоянное трудолюбіе и безпристрастіе, его заботливое и терпѣливое вниманіе къ каждой сторонѣ предлагаемыхъ часто сложныхъ вопросовъ и соображеній. Неподдѣльная любовь къ родной словесности, высокое чувство справедливости, уваженіе къ труду и къ труженикамъ, искреннее сочувствіе нуждѣ и горю высказывались въ каждомъ его словѣ — и съ неменьшей силой высказывалась также вражда ко всему ложному и недоброму. Дружининъ обладалъ въ высокой степени тѣмъ, что мы называемъ характеромъ. Онъ ясно сознавалъ идеалъ, къ которому стремился, и который людямъ противоположнаго образа мыслей могъ показаться узкимъ или недостаточнымъ: но онъ честно служилъ этому идеалу со всей энергіей твердой воли, со всей силой убѣжденія, которое не бо́ится

ни насмѣшекъ, ни отрицаній, ни даже одиночества и забвенія. Дружининъ не сдѣлалъ бы лишняго шагу впередъ; но за то не было власти, которая могла бы заставить его дѣлать шагъ назадъ, или, что еще хуже, махнуть равнодушно рукой. Не даромъ симпатіи Дружинина влекли его къ англійской литературѣ, къ англійской жизни вообще: въ этомъ мірѣ, гдѣ бы онъ, вѣроятно, занялъ мѣсто въ рядахъ торіевъ, онъ находилъ вполнѣ развитыми и исторически-оправданными тѣ начала, которыя жили въ немъ самомъ: признаніе человѣческой личности, рядомъ съ уваженіемъ законовъ и даже преданій, порядокъ и свободу, взаимно поддерживающіе и обезпечивающіе другъ друга, благоразумную умѣренность и неослабное постоянство предпріятій. Въ этомъ смыслѣ Дружининъ можетъ служить примѣромъ для многихъ изъ насъ. Литературный фондъ былъ любимой мыслью Дружинина; пускай же онъ станетъ для насъ какъ бы его завѣщаніемъ! — А потому, вспомнивъ его значеніе въ нашемъ кругу, чистоту и безкорыстіе его жизни, его трудовъ, его стремленій, почтимъ добрымъ словомъ память честнаго человѣка и полезнаго гражданина, и воздадимъ послѣднюю дань искренняго сожалѣнія покойному нашему товарищу и главному основателю литературнаго фонда Александру Дружинину!

XXII.

[Рѣчь о Шекспирѣ. 1864.]

Мм. Гг.!

23-го апрѣля 1564 года, ровно три столѣтія тому назадъ, въ годъ рожденія Галилея и смерти Кальвина, въ небольшомъ городкѣ средней полосы Англіи, явился на свѣтъ ребенокъ, темное имя котораго, тогда же записанное въ приходскій церковный списокъ, давно уже стало однимъ изъ самыхъ лучезарныхъ, самыхъ великихъ человѣческихъ именъ—явился Вилльямъ Шекспиръ. Онъ родился въ полномъ разгарѣ шестнадцатаго вѣка, того вѣка, который, по справедливости, признается едва ли не самымъ знаменательнымъ въ исторіи европейскаго развитія, вѣка изобиловавшаго великими людьми и великими

событіями, видѣвшаго Лютера и Бакона, Рафаэля и Коперника, Сервантеса и Микель-Анджело, Елизавету Англійскую и Генриха Четвертаго. Въ томъ году, который мы собрались почтить, у насъ въ Россіи, или какъ говорили тогда—Московіи, въ государствѣ Московскомъ, царствовалъ еще молодой, но уже ожесточенный сердцемъ Іоаннъ Грозный; самый этотъ 1564 годъ былъ свидѣтелемъ опалъ и казней, предшествовавшихъ новгородскому погрому; но какъ бы въ ознаменованіе рожденія величайшаго писателя, въ томъ же 1564 году въ Москвѣ основалась первая типографія. Впрочемъ, ужасы, совершавшіеся тогда, не были свойственны одной Россіи: восемь лѣтъ послѣ рожденія Шекспира, въ Парижѣ произошла Варѳоломеевская ночь; на всей Европѣ еще лежали мрачныя тѣни среднихъ вѣковъ—но уже занялась заря новой эпохи—и явившійся міру поэтъ былъ въ тоже время однимъ изъ полнѣйшихъ представителей новаго начала, неослабно дѣйствующаго съ тѣхъ поръ и долженствующаго пересоздать весь общественный строй: начала гуманности, человѣчности, свободы.

Намъ, Русскимъ, въ первый разъ приходится помянуть годовщину Шекспира скромнымъ литературнымъ праздникомъ, но и другіе народы Европы не могутъ похвастаться передъ нами въ этомъ отношеніи. Когда исполнилось первое столѣтіе послѣ рожденія Шекспира, имя его было почти совершенно забыто даже въ родной его странѣ; Англія только что выходила изъ-подъ власти республиканцевъ и пуританъ, считавшихъ драматическое искусство развратомъ и запретившихъ сценическія представленія; да и самое возрожденіе театра при Карлѣ Второмъ не имѣло ничего общаго съ цѣломудреннымъ духомъ Шекспира, было недостойно его. Въ 1764 году, двѣсти лѣтъ послѣ его рожденія, Англія уже знала своего поэта, уже гордилась имъ; въ Германіи Лессингъ уже указалъ на него своимъ соотечественникамъ, Виландъ переводилъ его, и юноша Гете, будущій творецъ „Геца“, читалъ его съ благоговѣніемъ; но все-таки слава его не проникла въ массы, не распространилась далѣе нѣкоторой части образованнаго общества, литературныхъ кружковъ; въ самой Англіи, гдѣ въ теченіе почти ста лѣтъ не явилось ни одного изданія Шекспира -извѣстный актеръ Гаррикъ, желая отпраздновать годовщину его рожденія, не усомнился дать Отелло, „приспособленнаго“ для сцены, съ придѣланной развязкой; а во Франціи о Шекспирѣ зналъ едва ли не одинъ Вольтеръ, да и тотъ величалъ его варваромъ.

Упоминать ли намъ о Россіи? Тогда только что начиналось царствованіе Екатерины, и Сумароковъ считался нашимъ великимъ трагикомъ...

Но вотъ, прошло еще сто лѣтъ, и что же мы видимъ? Безъ преувеличенія можно сказать, что нынѣшній день празднуется или помнится во всѣхъ концахъ земли. Въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Америки, Австраліи, Южной Африки, въ дебряхъ Сибири, на берегу священныхъ рѣкъ Индостана, съ любовью и признательностію произносится имя Шекспира, также какъ во всей Европѣ. Оно произносится и въ чертогахъ и въ хижинахъ, въ свѣтлыхъ покояхъ богачей и въ тѣсныхъ рыбачьихъ комнатахъ, въ отдаленіи отъ роднаго края и близъ домашняго очага, подъ воинской палаткой и подъ шалашомъ промышленника, на суши и на морѣ, старыми и молодыми людьми, семейными и одинокими, счастливыми, которыхъ оно радуетъ, и несчастными, которыхъ утѣшаетъ...

Цѣлый міръ имъ завоеванъ: и его побѣды прочнѣе побѣдъ Наполеоновъ и Цесарей. Каждый день, какъ волны во время прилива, прибываютъ новые его подданные—и съ каждымъ днемъ шире и шире становятся эти людскія волны. Ни одинъ образъ не выросъ такъ въ послѣднія сто лѣтъ, какъ образъ Шекспира—и не будетъ конца его росту. Сколько въ эти сто лѣтъ явилось изданій, переводовъ, на сколькихъ различныхъ языкахъ, сколько художниковъ, живописцевъ, музыкантовъ, ваятелей воплощали его типы, вдохновлялись ими! Сколько ихъ еще видится впереди! Сколько грядущихъ поколѣній, сколько племенъ, теперь еще едва извѣстныхъ, сколько народовъ, быть можетъ едва лепечущихъ теперь—примкнутъ къ торжественному шествію его славы. Мы вспоминаемъ его трехъ-сотъ-лѣтнюю годовщину; но мы уже нынѣ съ увѣренностію можемъ предсказать праздникъ его тысячелѣтія. Да; подобно своему единственному сопернику, величайшему поэту древняго міра, Гомеру, который, доживая свое третье тысячелѣтіе, весь сіяетъ блескомъ безсмертной молодости и неувядаемой силы, величайшій поэтъ новаго міра созданъ для вѣчности—и будетъ жить вѣчно.

Мы, Русскіе, имѣемъ право праздновать годовщину Шекспира всего болѣе по слѣдующему обстоятельству. Для насъ Шекспиръ не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изрѣдка и издали: онъ сдѣлался нашимъ достояніемъ, онъ вошелъ въ нашу плоть и кровь. Ступайте въ театръ, когда даются его піесы—

(замѣтимъ мимоходомъ, что только въ Германіи и Россіи онѣ не сходятъ съ репертуара)—ступайте въ театръ, пробѣгите всѣ ряды собравшейся толпы, приглядитесь къ лицамъ, прислушайтесь къ сужденьямъ—и вы убѣдитесь, что предъ вашими глазами совершается живое, тѣсное общеніе поэта съ его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные имъ образы, понятны и близки мудрыя и правдивыя слова, вытекшія изъ сокровищницы его всеобъемлющей души! Или образъ Гамлета не ближе, не понятнѣе намъ, чѣмъ многимъ націямъ, Французамъ, напримѣръ? Не соединилось ли для насъ навсегда съ этимъ образомъ воспоминаніе о величайшемъ Русскомъ—именно русскомъ актерѣ, Мочаловѣ? Не привѣтствуемъ ли мы съ особеннымъ участіемъ каждую попытку передать намъ шекспировскія творенія нашими родными звуками? И, наконецъ, можетъ ли не существовать особой близости и связи между безпощаднѣйшимъ и, какъ старецъ Лиръ, всепрощающимъ сердцевѣдцемъ, между поэтомъ, болѣе всѣхъ и глубже всѣхъ проникнувшимъ въ тайны жизни—и народомъ, главная отличительная черта котораго до сихъ поръ состоитъ въ почти безпримѣрной жаждѣ самосознанія, въ неутомимомъ изученіи самого себя—народомъ, также не щадящимъ собственныхъ слабостей, какъ и прощающимъ ихъ у другихъ—народомъ, наконецъ, не боящимся выводить эти самыя слабости на свѣтъ Божій, какъ и Шекспиръ не страшится выносить темныя стороны души на свѣтъ поэтической правды, на тотъ свѣтъ, который въ одно и то же время и озаряетъ, и очищаетъ ихъ?

Говорить ли намъ теперь передъ вами о самомъ Шекспирѣ? Попытаться ли въ быстрыхъ, поневолѣ краткихъ очеркахъ, представить посильную оцѣнку его генія. Вамъ будетъ представленъ этотъ опытъ, но прежде всего онъ долженъ быть сдѣланъ каждымъ изъ насъ про себя. Шекспиръ, какъ природа, доступенъ всѣмъ и изучать его долженъ каждый самъ, какъ и природу. Какъ она, онъ и простъ и многосложенъ—весь, какъ говорится, на ладони—и бездонно-глубокъ, свободенъ до разрушенія всякихъ оковъ и постоянно исполненъ внутренней гармоніи и той неуклонной законности, логической необходимости, которая лежитъ въ основаніи всего живаго. А потому ограничимся указаніемъ на его же изрѣченіе, примѣненное имъ къ едва ли не чистѣйшему изъ его созданій, къ Бруту:

„Природа могла бы встать и промолвить, указывая на него: *это былъ человѣкъ!*“

Шекспиръ не нашелъ никакого болѣе сильнаго слова, которымъ бы онъ могъ почтить побѣжденную добродѣтель—пусть же будетъ это самое слово высшею данью нашего благоговѣнія къ торжествующему генію!

Ив. Тургеневъ.

XXIII.

[Предисловіе къ изданію Сочиненій 1865 г.]

Въ настоящее изданіе вошли, сверхъ статей помѣщенныхъ въ прежнемъ, 1860-го года, — „Отцы и Дѣти", „Призраки", нигдѣ не напечатанный отрывокъ: „Довольно" и „Завтракъ у Предводителя", сцены не имѣющія значенія драматическаго.

Всѣ старанія были приложены, чтобы сдѣлать это новое изданіе болѣе достойнымъ читающей публики: особенное вниманіе было обращено на устраненіе опечатокъ — сдѣланы небольшія измѣненія и поправки въ слогѣ и возстановленъ хронологическій порядокъ самыхъ статей.

XXIV.

[„Revue Moderne". 1865.]

[Предисловіе къ франц. переводу „Мцыри".]

Le Novice.

Avant-propos.

Michel Lermontoff, né en 1814, orphelin, élevé par sa grand' mère, puis étudiant à l'université de Moscou, fut admis, à vingt-deux ans, dans les hussards de la garde impériale. C'était à l'époque où Pouchkine venait de succomber dans un duel. Lermontoff déplora sa mort prématurée dans une élégie que la Russie entière admira, mais dont quelques vers exprimant je ne sais quelle soif de liberté déplurent en haut lieu. On l'envoya au Caucase. A son retour, au bout de trois ans, il publia un petit recueil de poésies, où se trouvait la pièce que nous offrons à nos lecteurs. Tout le monde lettré s'unit pour saluer en lui le successeur du poëte qu' il avait célébré. Mais bientôt à l'occa-

sion d'une dispute avec le fils d'un ambassadeur, on lui donna de nouveau l'ordre de retourner au Caucase. C'est là, qu'à la suite d'une querelle futile, il fut provoqué par un de ses camarades de régiment, et périt comme Pouchkine. C'était en 1841; Lermontoff avait vingt sept ans.

Le petit poëme du Novice (Mtsyri) est écrit, en vers de huit syllabes, à rimes uniquement masculines, mais alternantes. Cette forme ajoute à la poésie, par sa monotonie même, une énergie singulière. On l'a comparée au travail incessant d'un prisonnier frappant à coups redoublés sur les murs de son cachot.

M. Mérimée a bien voulu se charger de la revision de notre traduction: un pareil nom dispense de tout éloge et nous n'avons que des remercîments à lui adresser.

[Переводъ.]

Предисловіе.

Михаилъ Лермонтовъ родился въ 1814 году и, оставшись сиротою, былъ воспитанъ своей бабушкой; онъ былъ студентомъ Московскаго университета, а 22 лѣтъ вступилъ въ гусарскій полкъ императорской гвардіи. Какъ-разъ въ это время Пушкинъ погибъ на дуэли; Лермонтовъ воспѣлъ его преждевременную смерть въ элегіи, которая привела въ восхищеніе всю Россію, но нѣсколькими стихами, содержавшими намекъ на жажду свободы, возбудила недовольство при дворѣ. Его отправили на Кавказъ. Вернувшись чрезъ три года, онъ издалъ небольшой сборникъ стихотвореній, гдѣ была напечатана и поэма, предлагаемая здѣсь читателямъ. Все образованное общество единодушно признало его достойнымъ преемникомъ воспѣтаго имъ поэта. Но вскорѣ, изъ-за размолвки съ сыномъ одного посланника, онъ снова получилъ приказъ ѣхать на Кавказъ. Здѣсь вслѣдствіе ничтожнаго спора онъ былъ вызванъ на дуэль своимъ однополчаниномъ, и погибъ какъ Пушкинъ. Это случилось въ 1841 году; Лермонтову было 27 лѣтъ.

Небольшая поэма „Послушникъ“ (Мцыри) писана восьмистопнымъ стихомъ, съ одними только мужскими, перемѣнными риѳмами. Эта форма, самымъ своимъ однообразіемъ, придаетъ поэзіи чрезвычайную энергію. Ее сравнивали съ работою заключеннаго, который неустанно стучитъ двойнымъ стукомъ въ стѣну своего каземата.

Г. Меримэ любезно взялъ на себя трудъ пересмотрѣть нашъ переводъ; это имя дѣлаетъ излишними какія-либо рекомендаціи, и намъ остается только выразить ему нашу благодарность.

XXV.

[Предисловіе къ переводу „Волшебныхъ сказокъ“ Перро. 1866.]

Сказки Перро̀ пользуются въ цѣлой Европѣ особенной популярностью; русскимъ дѣтямъ онѣ сравнительно меньше извѣстны, что происходитъ, вѣроятно, отъ недостатка хорошихъ переводовъ и изданій. Дѣйствительно: несмотря на свою нѣсколько щепетильную, старо-французскую грацію, сказки Перро̀ заслуживаютъ почетное мѣсто въ дѣтской литературѣ. Онѣ веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензіею; въ нихъ еще чувствуется вѣяніе народной поэзіи, ихъ нѣкогда создавшей; въ нихъ есть именно та смѣсь непонятно-чудеснаго и обыденно-простаго, возвышеннаго и забавнаго, которая составляетъ отличительный признакъ настоящаго сказочнаго вымысла.—Наше положительное и просвѣщенное время начинаетъ изобиловать положительными и просвѣщенными людьми, которымъ не нравится именно эта примѣсь чудеснаго: воспитаніе ребенка, по ихъ понятіямъ, должно быть дѣломъ не только важнымъ, но и серіознымъ — и вмѣсто сказокъ ему слѣдуетъ вручать маленькіе геологическіе и физіологическіе трактаты. Случалось же намъ столкнуться съ одной воспитательницей—(правда, она была старая дѣвица изъ остъ-зейскихъ нѣмокъ и писала статьи въ журналахъ съ направленіемъ, но безъ подписчиковъ)—которая тщательно устраняла дѣвочку, порученную ея надзору, ото всякаго соприкосновенія съ другими дѣтьми—для того, чтобы, какъ выражалась почтенная наставница, ни одинъ ложный фактъ не водворился въ юной головѣ. Дѣвочка выросла и превратилась въ отъявленную кокетку, — но уже это, какъ извѣстно, не вина теоріи, остающейся непогрѣшительной по-прежнему. Какъ бы то ни было, намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ —до поры до времени изгонять все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнить сказку разсказомъ. Учитель, безспорно, нуженъ ребенку, да и нянька ему нужна.

Остроумный издатель сказокъ Перро̀, Ж. Гетцель, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ П. Сталя, въ предисловіи своемъ замѣчаетъ очень справедливо, что не слѣдуетъ опасаться чудеснаго

для дѣтей. Не говоря уже о томъ, что многія изъ нихъ не даютъ себя въ обманъ вполнѣ и, забавляясь красотой и миловидностью своей игрушки, въ сущности очень твердо знаютъ, что этого никогда не случалось—(вспомните, господа, какъ вы ѣзжали верхомъ на палочкахъ; вѣдь вы знали, что это подъ вами не лошади, а дѣло всётаки выходило совершенно правдоподобно, и удовольствіе получалось отличное); но даже тѣ дѣти (и это большей частью самыя даровитыя и умныя головки), которыя безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки,—очень хорошо умѣютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ тому настанетъ. „Дѣти, какъ взрослые, берутъ въ книжкахъ только то, что имъ нужно, и пока оно имъ нужно“. Гетцель правъ: не въ этомъ направленіи лежатъ опасности и трудности дѣтскаго воспитанія.

Мы сейчасъ сказали, что одной изъ причинъ относительной неизвѣстности у насъ сказокъ Перро мы полагаемъ недостатокъ хорошихъ переводовъ и изданій. Публикѣ предоставляется судить, насколько нашъ переводъ удовлетворителенъ; что же касается до настоящаго изданія—то подобнаго ему не было еще не только у насъ въ Россіи, но и за границей; а имя геніяльнаго рисовальщика Густава Дорэ стало слишкомъ громкимъ и не нуждается ни въ какихъ похвалахъ.

* * *

Карлъ Перро родился въ Парижѣ въ 1628-мъ году и умеръ тамъ же въ 1697-мъ. Въ 1693-мъ году, будучи 65 лѣтъ отъ роду, онъ напечаталъ первое изданіе своихъ сказокъ—Contes de ma mère l'Oie—подъ именемъ своего одиннадцатилѣтняго сына и написанныхъ для него. Карла Перро не должно смѣшивать съ его братомъ, Клавдіемъ, медикомъ и архитекторомъ, авторомъ Луврской колонады.

Иванъ Тургеневъ.

XXVI.

[Предисловіе къ отдѣльному изданію „Дыма“. 1868.]

Въ виду многоразличныхъ нареканій, которымъ подверглась повѣсть „Дымъ“, нѣкоторые пріятели автора совѣтовали ему снабдить отдѣльное ея изданіе предисловіемъ, въ которомъ онъ бы постарался разъяснить возникшія недоразумѣнія. Но по зрѣломъ обсу-

женіи дѣла, авторъ не почелъ нужнымъ послѣдовать данному совѣту. Подобныя объясненія всегда сбиваются на оправданіе — а оправдываться ему не въ чемъ, такъ какъ онъ виноватымъ себя не почитаетъ. При томъ никакіе доводы не убѣдятъ тѣхъ изъ его читателей, которые не захотятъ или не съумѣютъ признать мысль, положенную въ основаніе характеру Потугина, лица, по видимому, болѣе всѣхъ другихъ оскорбившаго патріотическое чувство публики; пускай же это лицо само говоритъ за себя. Авторъ ограничился тѣмъ, что придалъ ему нѣсколько новыхъ чертъ, еще опредѣлительнѣе высказывающихъ его значеніе, сущность и смыслъ.

Отвѣчать на обвиненія въ отступничествѣ, въ клеветѣ, въ недобросовѣстномъ незнаніи Россіи и т. п. — авторъ конечно не станетъ. Справедливо сказалъ А. Де Виньи: „Les lettres ont cela de fatal, que „la position n'y est jamais conquise définitivement. Le nom est, „à chaque oeuvre, remis en lotterie et tiré au sort pêle mêle avec „les plus indignes. Chaque oeuvre nouvelle est presque comme un „début. Aussi n'est-ce pas une carrière que celle des lettres".

XXVII.

[Предисловіе къ роману М. Дюкана, „Утраченныя силы", перев. 1868.]

Предисловіе.

Въ исторіи духовнаго развитія почти всѣхъ европейскихъ народовъ повторяется фактъ довольно знаменательный, а именно — преобладаніе французскаго вліянія въ первую пору умственнаго движенія въ обществѣ и быстрое паденіе этого вліянія, какъ только въ обществѣ начинаетъ пробуждаться самостоятельность. Фактъ этотъ особенно ясно обозначается въ исторіи литературы; всѣмъ хорошо извѣстно, что онъ повторился и у насъ въ Россіи. Не трудно, кажется, пріискать причины подобнаго явленія. Французская литература, будучи по преимуществу искусственной и подражательной, тѣмъ самымъ удобнѣе возбуждаетъ и облегчаетъ подражательность въ другихъ; притомъ, Франція, какъ и всѣ народы романской расы,

раньше германскихъ племенъ восприняла въ себѣ и развила сѣмена древней культуры и получивъ, благодаря своему скорому объединенію и другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, рановременный политическій вѣсъ и историческое значеніе, распространила свое вліяніе на всю остальную Европу. Нужно также принять въ соображеніе общепонятность и общедоступность рѣчи, ясность мысли, доходящую, правда, иногда до безцвѣтности, практическій складъ ума и дерзость почина, отсутствіе рѣзкаго національнаго колорита, подвижность и сообщительность сангвиническаго темперамента, не безъ деспотическихъ наклонностей, умѣряемыхъ однако чувствомъ равновѣсія — словомъ, всѣ качества, составляющія отличительныя свойства французскаго духа. Качества эти важны и драгоцѣнны — и мы нисколько не намѣрены посягать на ихъ достоинство. Онѣ объясняютъ ту педагогическую, воспитательную роль, которую такъ часто играла Франція въ отношеніи другихъ народовъ. Но воспитаніе продолжается не вѣчно — и наступаетъ время, когда народы и отдѣльные люди выходятъ изъ подъ опеки. Реакція противъ наставниковъ становится неизбѣжной и заходитъ иногда слишкомъ далеко — особенно, когда наставники сами слабѣютъ и никнутъ, какъ это мы видимъ въ современной намъ Наполеоновской Франціи.

Подобная реакція преимущественно высказывается въ сферѣ искусства, поэзіи. — Наука не нуждается въ особенной физіономіи, въ живыхъ опредѣленныхъ краскахъ; форма становится въ ней вопросомъ второстепеннымъ и творческія способности, всегда и вездѣ необходимыя, принимаютъ здѣсь иное направленіе и иной смыслъ. — Наука, по самому существу своему, космополитична — и въ мірѣ ея, особенно въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ, французы всегда будутъ занимать одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Но, подобно римлянамъ, которыхъ они считаютъ своими предшественниками и предками, и къ которымъ стоятъ дѣйствительно ближе, чѣмъ остальные европейцы, французы слабо одарены поэтическими способностями. Умъ француза остеръ и быстръ, а воображеніе тупо и низменно — зато сообразительность, въ смыслѣ сопоставленія противорѣчій — весьма развита; вкусъ француза тонокъ и вѣрень особенно въ отрицаніи — но жизненную правду и простоту онъ ощущаетъ какъ-то вскользь и неясно, въ красотѣ онъ прежде всего ищетъ красивости и, при всей своей физической и моральной отвагѣ, онъ робокъ и нерѣшителенъ въ дѣлѣ поэтическаго созданія... или уже, какъ В. Гюго въ

послѣднихъ его произведеніяхъ, сознательно и упорно становится головою внизъ... Ужъ кутить, такъ кутить! „Шакеспеаръ", молъ, такъ поступаетъ. Словомъ, французы такъ же легко обходятся безъ правды въ искусствѣ, какъ безъ свободы въ общественной жизни. Какъ? — скажутъ мнѣ — французы, изобрѣтшіе принципы 1789 года? Французы, гордящіеся талантами Гюго, Ж. Санда, Дюмасовъ отца и сына и даже Абу и Фейдо и милѣйшаго изъ милѣйшихъ Октава Фелье? Да, отвѣтимъ мы — именно тѣ самые французы. Принципы 1789 года, какъ вообще все политическое, мы оставимъ въ сторонѣ; а что великій талантъ можетъ существовать рядомъ съ непониманіемъ художественной правды въ одномъ и томъ же человѣкѣ—этому поразительный примѣръ Бальзакъ. Всѣ его лица колютъ глаза своей типичностью, выработаны и отдѣланы изысканно, до мельчайшихъ подробностей—и ни одно изъ нихъ никогда не жило и жить не могло; ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ и тѣни той правды, которой, напримѣръ, такъ и пышутъ лица въ „Казакахъ" нашего Л. Н. Толстаго.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что, несмотря на истинно изумительное обиліе продуктовъ французской беллетристики — спросъ на эти продукты у насъ въ Россіи упалъ замѣтно. И не потому только, что вообще охота къ беллетристикѣ у насъ охладѣла: англійскіе романы пользуются еще почетомъ и находятъ читателей. Не говоря уже о той давно минувшей эпохѣ, когда не только Буало и Вольтеръ, но даже Дюсисъ и Делилль считались у насъ законодателями Парнасса; но куда дѣвалось то время, когда Дюма-отецъ могъ съ свойственнымъ ему наивнымъ самообожаніемъ воскликнуть: „Les Russes ne lisent que moi! Cela fait honneur à leur gout: ils me jugent maintenant comme la postérité me jugera, dans cinq ou six cents ans"!? [1] Теперь у насъ хоть и продолжаютъ читать Дюма — но только въ высшемъ обществѣ и, разумѣется, въ оригиналѣ — а на русскій языкъ его болѣе не переводятъ; да не только Дюма— Поль-де-Кока не переводятъ; Фанни... сама пресловутая Фанни не нашла порядочнаго издателя. Не переводятъ также всѣ эти Griffes Roses, La Mort de l'amour, L'amour du diable, Le fils du diable, Le fils de Tantale, Le tueur de mouches, le tueur de tigres, le tueur de brigands, Palsambleu! Ce que Vierge ne peut lire, Entre chien et loup, La poudre et la neige, Le nez d'un Notaire — словомъ

[1] Подлинныя слова г-на А. Дюма.

все, что̀ такъ жадно пожирается парижанами. (Не можемъ не привести здѣсь изреченія, произнесеннаго въ нашемъ присутствіи однимъ юнымъ французскимъ литераторомъ: „Il s'agit seulement de trouver un titre — увѣрялъ онъ — le titre est tout; le reste — peu de chose — *et ne demande qu'un peu de discernement.* C'est le titre seul, qui fait acheter le livre!"). Мы уже не упоминаемъ о книжицахъ въ родѣ мемуаровъ Терезы, Могадоры, Коры, Леотара, хотя эти самыя книжицы и расходятся десятками изданій въ столицѣ „Фигаро". Самые даже плоды французской драматической литературы, этой до-сихъ-поръ всесвѣтной поставщицы водевилей, комедій и драмъ, — что-то плохо прививаются къ нашей сценѣ... Оффенбахъ, правда, торжествуетъ вполнѣ и безпрекословно. Но пока Рейнскія провинціи не присоединены къ Великой Имперіи, его нельзя считать французомъ, такъ какъ онъ родился и воспитывался въ Кельнѣ.

И со всѣмъ тѣмъ мы пишемъ настоящее предисловіе къ переводу французскаго романа и беремъ на себя смѣлость зарекомендовать его передъ отечественной публикой. Дѣло въ томъ, что въ этомъ романѣ чувствуется присутствіе именно той жизненной правды, которую мы, къ сожалѣнію, такъ рѣдко находимъ въ другихъ современныхъ французскихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи романъ г-на М. Дюкана — особенно въ первыхъ главахъ — напоминаетъ — конечно, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ — „г-жу Бовари" Флобера, безспорно, самое замѣчательное произведеніе новѣйшей французской школы. Исторія, которую разсказываетъ намъ авторъ „Утраченныхъ Силъ", точно прожита, не выдумана. Это исповѣдь, своя ли, чужая ли, намъ въ это незачѣмъ входить — и какъ во всякой исповѣди, даже въ самой невеселой и горькой, въ ней есть своего рода тишина, та драгоцѣнная тишина естественности и искренности, которою природа такъ сильно дѣйствуетъ на насъ. Событіе, выведенное авторомъ, не ново; все это было уже сказано и разсказано — мы все это знаемъ, кто по собственному опыту, кто по слуху; но есть два-три вопроса человѣческой жизни, которые никогда не будутъ исчерпаны; къ нимъ принадлежитъ и тотъ вѣчный вопросъ любви и страсти, взаимныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, за который, въ свою очередь, принялся авторъ „Утраченныхъ Силъ". — Не рѣшеніе этихъ вопросовъ вообще, не достиженіе положительныхъ результатовъ для насъ важно — а намъ хочется знать, какъ они разрѣшались въ данномъ случаѣ — и что̀ сталось именно

съ этимъ сердцемъ въ эту эпоху. — Пишущій эти строки полагаетъ, что читатели сочувственно отзовутся на ту правду, на ту вѣрность психическаго анализа, который раскроется передъ ними на немногихъ страницахъ книги, предложенной ихъ вниманію, и что они также оцѣнятъ искусство, съ которымъ воспроизведены краски, свойственныя времени и мѣсту дѣйствія.

Авторъ „Утраченныхъ Силъ", г-нъ Максимъ Дюканъ (Ducamp), уже довольно давно извѣстенъ французской публикѣ. Онъ началъ свое литературное поприще стихотвореніями, въ которыхъ — въ противность многимъ романическимъ и другимъ поэтамъ — прославлялъ такъ называемую „прозу" вѣка, успѣхи цивилизаціи, науки, даже индустріи; издалъ нѣсколько занимательныхъ описаній странъ, имъ посѣщенныхъ (онъ долго былъ на Востокѣ); разсказалъ экспедицію Гарибальди въ Сицилію — ту знаменитую экспедицію „тысячи" (j' mille) — (онъ самъ принималъ въ ней дѣятельное участіе); — напечаталъ нѣсколько романовъ — а въ послѣднее время посвятилъ свою дѣятельность эстетической критикѣ, и какъ тонкій знатокъ и нелицемѣрный судья произведеній живописи и ваянія, составилъ себѣ почетное имя своими ежегодными отчетами (salons) о выставкахъ въ „Revue des Deux Mondes", „Journal des Débats". Сверхъ того, онъ въ-теченіе семи лѣтъ находился во главѣ возобновленной имъ „Revue de Paris", которую императорскій декретъ насильственно прекратилъ въ январѣ мѣсяцѣ 1858 года. М. Дюканъ не вѣритъ въ прочность Наполеоновской династіи и принадлежитъ къ либеральной оппозиціи. Его труды по части статистики также не лишены достоинствъ и отличаются изяществомъ изложенія.

И. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

XXVIII.

(„С.-Петерб. Ведом." 1868 г. февраль.)

Письмо къ редактору.

М. Г., В. Ѳ.

Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу посмертнаго отзыва объ Артурѣ Бени, помѣщеннаго въ № 37-мъ (отъ 7-го февраля) *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Этотъ отзывъ возбудилъ во

мнѣ грустныя размышленія. Смѣю васъ увѣрить, что Бени заслуживалъ болѣе сочувственнаго напутствія или хотя сострадательнаго молчанія. Онъ пріѣхалъ въ Россію лѣтъ десять тому назадъ, съ возбужденными, неясными надеждами, съ вѣрою въ несбыточные идеалы. Онъ былъ очень молодъ тогда, не зналъ ни людей, ни жизни, и вынесъ изъ второй своей родины, Англіи, извѣстнаго рода привычки и пріемы публичной политической дѣятельности, которые не могли не возбудить у насъ недовѣрія, недоумѣнія, даже опасеній. Пишущій эти строки имѣлъ случай на дѣлѣ убѣдиться, до какой степени эти опасенія были несправедливы. Высланный за границу по распоряженію правительства, отрезвленный опытомъ, Бени, въ послѣднее время, только мечталъ о томъ, какъ бы выхлопотать позволеніе вернуться въ Россію, которую онъ полюбилъ искренно и глубоко — и посвятить себя полезной и скромной дѣятельности присяжнаго повѣреннаго. Рана, отъ которой онъ умеръ, и которую получилъ совершенно случайно, подъ Ментаной—(онъ выѣхалъ изъ Рима туристомъ, въ коляскѣ—и попалъ подъ „чудотворную" пулю папскаго зуава) эта рана была однимъ и послѣднимъ изъ многочисленныхъ ударовъ, которыми столь щедро надѣлила его судьба, во все продолженіе его, по истинѣ злополучной, жизни. Неужели же эта злая судьба будетъ преслѣдовать его и въ могилѣ? Память о немъ—и то у весьма немногихъ знакомыхъ—вотъ все, что осталось отъ бѣднаго энтузіаста. Она—его единственное достояніе, если только можно употребить подобное выраженіе, когда рѣчь идетъ о мертвецѣ. Зная свойственное вамъ безпристрастіе, я не сомнѣваюсь, что вы не откажетесь содѣйствовать посильной защитѣ этого достоянія.

Примите и пр.

Иванъ Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
14-го (26-го) февраля.

XXIX.

(„С.Петерб. Вѣдом." 1868 г., іюль.

[Письмо къ редактору.]

М. Г. Сегодня, проѣздомъ черезъ Петербургъ, прочелъ я вашъ воскресный фельетонъ (отъ 7-го іюня)—въ которомъ упоминается мое имя—и прошу у васъ позволенія сказать два слова по этому поводу.

Я и прежде зналъ, что князю П. В. Долгорукову заблагоразсудилось выкопать старый анекдотъ о томъ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ (въ маѣ 1838 года) я, находясь на „Николаѣ I", сгорѣвшемъ близъ Травемюнде, кричалъ: „спасите меня, я единственный сынъ у матери!" (Острота тутъ должна состоять въ томъ, что я назвалъ себя единственнымъ сыномъ, тогда какъ у меня есть братъ). Близость смерти могла смутить девятнадцати-лѣтняго мальчика—и я не намѣренъ увѣрять читателя, что я глядѣлъ на нее равнодушно,—но означенныхъ словъ, сочиненныхъ на другой же день однимъ остроумнымъ княземъ (не Долгоруковымъ), я не произнесъ. Видно, князю Долгорукову, желавшему сдѣлать мнѣ оскорбленіе, нечего было сказать про меня, коли онъ рѣшился повторить такую старую и вздорную сплетню.

Вы совершенно вѣрно указали настоящую причину, заставившую меня избѣгать встрѣчи съ княземъ Долгоруковымъ; со многими другими эмигрантами, политическія мнѣнія которыхъ я не раздѣляю, но въ жизни которыхъ не было процессовъ въ родѣ брюссельскаго и парижскаго — я остался и остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ.

Князь Долгоруковъ грозится напечатать всѣ мои бывшіе съ нимъ разговоры: я съ моей стороны—даю ему на это полное и безусловное разрѣшеніе. Я не раскаяваюсь ни въ одномъ изъ сказанныхъ мною ему словъ; но, признаюсь, не могу не раскаяваться въ томъ, что вообще вступилъ въ знакомство съ княземъ П. В. Долгоруковымъ.

Примите и пр.

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ.
вторникъ, 9-го іюля 1868 г.

XXX.

[„С. Петерб. Вѣдом." 1869 г., апрѣль.]

Первое представленіе оперы Г-жи Віардо въ Веймарѣ.

Я обѣщалъ разсказать вамъ мою поѣздку въ Веймаръ — и вотъ, вернувшись оттуда въ мое баденское гнѣздышко, берусь за перо. Вы знаете, что къ этой поѣздкѣ меня побудило исполненіе на веймарскомъ театрѣ (8-го апрѣля, въ день рожденія великой герцогини) оперетки: „Послѣдній колдунъ", музыка которой принадле-

житъ г-жѣ Полинѣ Віардо, а текстъ — мнѣ. „Послѣдній колдунъ“ — вторая изъ трехъ оперетокъ, уже написанныхъ ею. Первымъ поводомъ къ ихъ сочиненію было желаніе украсить семейный праздникъ исполненіемъ музыкально-драматическихъ сценъ, въ которомъ бы приняли участіе дѣти и ученицы г-жи Віардо. Попытка удалась; шутка, какъ говорится, пошла въ дѣло; въ залѣ моего дома устроилось подобіе театра—и съ-тѣхъ-поръ уже довольно многочисленная публика, въ рядахъ которой находились первоклассные музыкальные авторитеты, могла оцѣнить замѣчательный композиторскій талантъ г-жи Віардо. Слухъ о нашихъ представленіяхъ дошелъ до великаго герцога Веймарскаго (сестра его, прусская королева, была одною изъ самыхъ постоянныхъ нашихъ посѣтительницъ). Онъ пожелалъ поставить одну изъ оперетокъ — именно „Послѣняго колдуна“ на сценѣ своей столицы. Особенно горячо принялся за это дѣло находившійся тогда въ Веймарѣ Листъ; ознакомившись съ партитурой г-жи Віардо, онъ сталъ настоятельно требовать ея безотлагательнаго исполненія; благодаря его хлопотамъ и неутомимой дѣятельности капельмейстера Лассена (этотъ отличный музыкантъ превосходно инструментовалъ „Послѣняго Колдуна“, согласно съ указаніями г-жи Віардо), все послѣло во-время, не смотря на кратковременный срокъ. Музыкальный критикъ и литераторъ, Рихардъ Поль, перевелъ весьма удовлетворительно французскій оригиналъ на нѣмецкій языкъ.

Сюжетъ оперетки очень не сложенъ. Гдѣ-то далеко, за тридевятью землями, живетъ въ большомъ лѣсу колдунъ, по прозванію Кракамишъ. Онъ былъ нѣкогда очень могучъ и грозенъ; но волшебство его выдохлось, сила ослабѣла и теперь онъ едва перебивается, въ потѣ лица добывая своимъ волшебнымъ жезломъ лишь насущное пропитаніе. Великолѣпныя палаты, имъ воздвигнутыя, понемногу съежились въ жалкую хижину; слуга его, великанъ и силачъ, способный ворочать горами, какъ сахарными головами, превратился въ тщедушнаго и тупоумнаго карлика. Кракамишу этотъ упадокъ собственнаго значенія еще потому особенно чувствителенъ, что у него дочь, по имени Стелла, которой онъ готовилъ блестящую будущность... Въ томъ же лѣсу обитаютъ духи женскаго пола — эльфы; ими предводительствуетъ царица. Эти эльфы — заклятые враги Кракамиша; имъ очень было не понутру, что онъ вздумалъ поселиться въ ихъ родномъ лѣсу; но тогда онѣ не могли этому воспротивить-

ся; теперь же онѣ всячески досаждаютъ старику, бѣсятъ его, выводятъ его изъ терпѣнія. Въ сосѣдствѣ лѣса живетъ одинъ царь; у него сынъ, принцъ Леліо, который часто ходитъ охотиться въ этотъ самый лѣсъ. Царица эльфовъ взяла его подъ свое покровительство и хочетъ женить на Стеллѣ, которую она полюбила, не смотря на то, что она дочь Кракамиша,—и, конечно, достигаетъ своей цѣли. На это, какъ видите, незатѣйливое либретто г-жа Віардо написала поистинѣ прелестную и вполнѣ своеобразную музыку. Сначала идетъ интродукція въ родѣ небольшой увертюры; двѣ, три главныя фразы оперетки красиво переплетаются въ этой интродукціи и разрѣшаются торжественнымъ fortissimo. Поднимается занавѣсъ и начинается граціозный хоръ эльфовъ, дразнящихъ Кракамиша; онъ возится передъ очагомъ въ своей хижинѣ, а онѣ черезъ трубу заливаютъ ему огонь и смѣются надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. Царица является; одна изъ эльфовъ докладываетъ, что ей удалось обмануть Кракамиша и увѣрить его, что къ нему въ тотъ день должно явиться посольство отъ подвластныхъ ему кохинхинскихъ духовъ съ обычной, но уже давно ими невыплачиваемой данью, а именно: съ вѣткой травы Молй, уже извѣстной грекамъ и упомянутой въ Одиссеѣ; эта чудесная трава способна возвратить человѣку молодость, красоту и силу. Эльфы сами перерядятся въ кохинхинцевъ и, забравшись такимъ образомъ въ жилище врага (безъ хитрости имъ это сдѣлать невозможно — настолько могущества еще осталось у Кракамиша), вдоволь надъ нимъ потѣшатся. Царица одобряетъ этотъ планъ... но вотъ раздается звукъ рога: принцъ Леліо приближается — эльфы исчезаютъ. Входитъ принцъ и поетъ романсъ въ двухъ куплетахъ; онъ „ранилъ оленя стрѣлою, но самъ раненъ въ сердце". Онъ уже видѣлъ Стеллу, но не знаетъ, кто она. Въ это мгновеніе является царица. (Всѣ ея рѣчи мелодрама, т. е. сопровождаются музыкой). Она бросаетъ принцу заколдованную розу; роза эта должна сдѣлать его невидимкой для всѣхъ, исключая самой Стеллы, но колдовство дѣйствуетъ только по захожденіи солнца. Потомъ она беретъ съ него клятву въ слѣпомъ повиновеніи и указываетъ на Стеллу, которая появляется у окна своего дома. Леліо хочетъ броситься къ ней, но царица повелѣваетъ ему удалиться: онъ повинуется. Входитъ Кракамишъ; въ длинной, чрезвычайно характеристичной аріи онъ разсказываетъ свое горе... Однако, извѣстіе о посольствѣ кохинхинцевъ, которому онъ повѣрилъ, возбуждаетъ въ

немъ надежду и бодрость. Двѣ, три капли дождя падаютъ ему на лицо... „Какъ!“ восклицаетъ онъ, „волшебная сѣть, которою я окружилъ мое жилище, также утратила свою силу и пропускаетъ воду ни дать, ни взять старый макинтошъ?“ Онъ зоветъ своего идіота-слугу, Перлимпинпина, посылаетъ его за зонтикомъ. Происходитъ комическая сцена, кончающаяся тѣмъ, что Кракамишъ, взбѣшенный, прогоняетъ въ толчки Перлимпинпина и уходитъ самъ за нимъ. Изъ дому выступаетъ Стелла... Она сожалѣетъ объ отцѣ, упоминаетъ о своей таинственной покровительницѣ, царицѣ эльфовъ, о прекрасномъ незнакомцѣ, съ которымъ она его свела, и, замѣтивъ падающія капли дождя, въ небольшой, но прелестной аріи, одномъ изъ лучшихъ нумеровъ всей оперетки, обращается къ нимъ, проситъ ихъ полить ея цвѣты. Царица является снова (появленіе ея происходитъ всегда на заднемъ планѣ, такъ что лица, съ которыми она говоритъ, ея не видятъ) и предувѣдомляетъ ее о скоромъ свиданіи съ Леліо. Обрадованная Стелла удаляется, а на мѣсто ея входитъ Перлимпинпинъ. Онъ поетъ арію, комизмъ которой заключается въ томъ, что онъ, вслѣдствіе своего умственнаго ослабленія, никакъ не можетъ окончить собственную мысль. Музыка какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ словамъ. Роль эта была написана для одиннадцатилѣтняго сына г-жи Віардо—и онъ исполнялъ ее въ совершенствѣ. Вдругъ слышится за сценой фантастическій маршъ: то приближается кохинхинское посольство. Перлимпинпинъ бѣжитъ предувѣдомить своего господина — оба въ страшномъ волненіи, чуть съ ногъ другъ друга не сшибаютъ... Кракамишъ намѣренъ встрѣтить своихъ бывшихъ подданныхъ во всемъ величіи власти, требуетъ кресла въ видѣ трона, торжественнаго колпака... Перлимпинпинъ суетится. Кое-какъ все улаживается, и при входѣ посольства Кракамишъ уже возсѣдаетъ на креслѣ и съ важностью киваетъ головою въ отвѣтъ на поклоны перерядженныхъ эльфовъ. Послѣдніе звуки марша замираютъ... Кракамишъ произноситъ нѣчто въ родѣ тронной рѣчи, (Прусскій король, видѣвшій два раза нашу оперетку, особенно забавлялся этимъ пассажемъ) упоминаетъ о „престижѣ“ своего имени, о своей династіи, о своемъ желаніи сохранить миръ и т. д. Наконецъ требуетъ траву *моли*, заключенную въ драгоцѣнной шкатулкѣ. Но тутъ обнаруживается предательскій ковъ: эльфы сбрасываютъ свои костюмы, царица является на ихъ зовъ, сбитый ею колпакъ летитъ съ головы Кракамиша... Подхваченный своими безжалостными врагами, онъ

долго вертится въ бѣшеномъ вальсѣ... Измученный, полуживой, онъ спасается, наконецъ, въ свое жилище. Эльфы празднуютъ пляской свою побѣду, пока царица не отдаетъ имъ приказа — удалиться на покой до слѣдующей ночи. Большой, весьма развитый и чрезвычайно мелодическій хоръ (Листъ особенно имъ любовался) оканчиваетъ первый актъ.

Во второмъ актѣ декорація не мѣняется. Онъ начинается небольшимъ романсомъ Леліо, который ждетъ не дождется наступленія ночи, чтобъ съ помощью волшебнаго цвѣтка проникнуть до любимой имъ дѣвушки... Онъ слышитъ шумъ въ домѣ и удаляется. Входитъ Кракамишъ и Стелла. Старику душно въ тѣсныхъ комнатахъ: свѣжій воздухъ ему нуженъ. Онъ приноситъ съ собой огромный фоліантъ, послѣднее твореніе знаменитаго мага „Мерлина"; въ этомъ фоліантѣ находится кабалистическая формула, которой ничто противиться не можетъ. Но какъ найти эту формулу? Кракамишъ садится, принимается ее отыскивать. Дочь его помѣщается возлѣ него съ своей прялкой... Происходитъ разговоръ между ними. Она проситъ его отдохнуть, позабыть нанесенное оскорбленіе: но онъ сгараетъ жаждой мести. Она принимается увѣрять его, что вовсе не нуждается въ богатствѣ, что ей нужна „простая хижина и любящее сердце". Старикъ вспыхиваетъ. Слѣдуетъ дуэтъ, въ которомъ онъ излагаетъ ей всѣ выгоды богатства; а она настаиваетъ на своемъ. Видя, что онъ убѣдить ея не можетъ, онъ велитъ ей не мѣшать ему въ его изысканіяхъ и взяться за свою прялку, а самъ вновь погружается въ книгу. Она повинуется и поетъ пѣсенку въ двухъ куплетахъ, мелодія которой такъ и ложится въ память... Леліо за сценой поетъ третій куплетъ и, мгновенье спустя, входитъ съ волшебной розой въ рукѣ. Слѣдующій на этомъ мѣстѣ любовный дуэтъ между имъ и Стеллой, по своей стыдливой и въ то же время стремительной страстности, едва-ли не лучшій перлъ „Послѣдняго Колдуна". Кракамишъ вглядывается съ изумленіемъ, но, по милости цвѣтка, не видитъ никого; притомъ же онъ воображаетъ, что нашелъ формулу... Зато, когда, по окончаніи дуэта, Леліо падаетъ на колѣни передъ Стеллой и роняетъ розу, волшебство исчезаетъ и старику все открывается. Онъ приходитъ въ негодованіе, въ ярость. Онъ убѣжденъ, что его прежнее могущество къ нему воротилось, что онъ можетъ теперь разразить въ прахъ дерзкаго пришельца; онъ не слушаетъ просьбъ Леліо, его заявленія о царскомъ своемъ про-

исхожденіи, и когда тотъ не хочетъ удалиться, вооружается фоліантомъ и произноситъ заклинаніе, которымъ вызываетъ ужаснѣйшее чудовище, долженствующее растерзать противника... Раздается ударъ тамъ-тама и на мѣсто чудовища изъ-подъ земли является баранъ! (Замѣчу кстати, что баранъ этотъ такъ добросовѣстно исполнялъ свою роль, что блеялъ всякій разъ). „Не та формула!“ восклицаетъ съ отчаяніемъ Кракамишъ и падаетъ въ изнеможеніи... Леліо и Стелла оба бросаются къ нему, стараются его утѣшить... Имъ на помощь является царица эльфовъ. Кракамишъ сдается наконецъ, соглашается на бракъ дочери, обѣщается покинуть лѣсъ, жить у зятя и послѣ квартета безъ аккомпанимента (въ немъ участвуетъ также Перлимпинпинъ) удаляется подъ звуки марша, которымъ знаменуется вступленіе на сцену эльфовъ. Царица проводитъ своимъ жезломъ по воздуху... Домъ послѣдняго колдуна проваливается — раздается окончательный хоръ эльфовъ, торжествующихъ свою побѣду и привѣтствующихъ свой заповѣтный лѣсъ, отнынѣ навсегда и безраздѣльно имъ принадлежащій, и занавѣсъ падаетъ. Вы понимаете, что не мнѣ судить о достоинствахъ моего либретто; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что достоинства музыки г-жи Віардо во сто разъ ихъ превосходятъ и заслуживали-бы лучшаго текста. Одно мое мнѣніе конечно не много значитъ; но, повторяю, оно совпадаетъ съ мнѣніемъ множества музыкальныхъ авторитетовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Листъ (а что съ его стороны это не было простымъ комплиментомъ, обращеннымъ къ дамѣ — доказательствомъ тому служатъ письма, которыя онъ писалъ къ своимъ знакомымъ). Всѣ эти авторитеты признали музыку г-жи Віардо поэтической, оригинальной, изящной, и совѣтовали ей не останавливаться и продолжать...

Я пріѣхалъ въ Веймаръ за два дня до перваго представленія и воспользовался предстоявшимъ мнѣ досугомъ, чтобы ознакомиться съ „Германскими Аѳинами“, въ которыхъ до-тѣхъ-поръ еще не бывалъ, въ чемъ мнѣ, какъ заклятому Гётеанцу, даже нѣсколько стыдно признаться. Мнѣ очень понравился этотъ небольшой городокъ, весьма бѣдный удобствами и вообще красотами — за исключеніемъ дѣйствительно миловидной мѣстности — но богатый неизгладимыми воспоминаніями. Онѣ живутъ въ немъ до-сихъ-поръ — эти воспоминанія; онѣ не утратили своего обаянія; всякій пріѣзжій ощущаетъ ихъ несомнѣнное вѣяніе — и современная жизнь Веймара доселѣ, какъ бы носитъ отпечатокъ тѣхъ великихъ личностей, которыми освяще-

но все ея прошедшее. Особенное чувство овладѣваетъ вами, когда вы ходите по тѣмъ классическимъ мѣстамъ. Напускное, невольное ли то чувство — я не берусь рѣшить, но только оно существуетъ — и отрицать его нельзя. Я, конечно, сходилъ поклониться дому Шиллера, его бѣдной комнаткѣ, кровати, на которой онъ умеръ — и отъ которой съ презрѣніемъ отказался бы теперь всякій нѣсколько зажиточный ремесленникъ... Къ сожалѣнію, домъ Гёте, не пріобрѣтенный казною подобно Шиллеровскому дому, запертъ по волѣ его внуковъ, и не отпирается ни для кого. Я могъ проникнуть только до широкой и пологой лѣстницы, по которой Гёте столько разъ ходилъ, и, признаюсь, не безъ тайнаго смущенія глядѣлъ на безобразно вычурную женскую фигуру, намалеванную на потолкѣ сѣней, по распоряженію самаго великаго старца. Невозможно понять, что она представляетъ: вѣроятно, поэзію; округлая складка покрова надъ ея головою подобна шляпкѣ гриба. Я уже прежде подозрѣвалъ, но въ Веймарѣ наглядно могъ убѣдиться, что Гёте обладалъ самымъ дурнымъ вкусомъ въ дѣлѣ ваянія, живописи, архитектуры; творецъ Фауста, Германа и Доротеи и столькихъ неподражаемыхъ поэтическихъ произведеній—являлся какимъ-то бездарнымъ и тяжелымъ школяромъ, какъ только вопросъ касался художества... Утѣшеніе для посредственности!

Но идти замедленными шагами по дорожкѣ прекраснаго, имъ насажденнаго парка, вдоль Ильмы, рѣчки, на которой лежитъ Веймаръ; идти, и, не спуская глазъ съ крохотнаго загороднаго дома, въ которомъ проводилъ лѣто величайшій поэтъ новѣйшаго времени послѣ Шекспира, мысленно повторять нѣкоторыя изъ безсмертныхъ словъ, завѣщанныхъ имъ потомству — это доставляетъ особенное, мною еще неиспытанное наслажденіе — и я предавался ему по часамъ...

Да, пріятно ѣздить по Веймару. На каждомъ шагу возникаютъ воспоминанія. Вотъ сумрачный на видъ домъ, гдѣ жила г-жа Штейнъ; вотъ обитая древесною корой хижинка, куда скрывался другъ поэта, великій герцогъ Карлъ Августъ; вотъ площадь, гдѣ они оба, въ избыткѣ самоувѣренныхъ силъ и молодой дерзости, однажды, цѣлое утро хлопали длинными бичами, къ ужасу почтенныхъ филистеровъ. А вотъ и двойная статуя, воздвигнутая Ритчелемъ „dem Dichterpaar“ — поэтической четѣ—статуя, по которой ваятели могутъ учиться, какъ *надо* дѣлать... а вотъ и статуя бѣднаго Виланда, по которой можно судить, какъ *не надо* дѣлать... Творецъ „Оберона“ представленъ съ головою въ видѣ арбуза, съ головою гидроцефала...

Я воспользовался также моимъ пребываніемъ въ Веймарѣ, чтобъ посѣтить собраніе оригинальныхъ рисунковъ Рафаэля, Рубенса, Л. да-Винчи и др., находящееся въ велико-герцогскомъ дворцѣ. Въ числѣ этихъ рисунковъ особенно замѣчательны *собственноручные* эскизы головъ апостоловъ въ знаменитой „Тайной Вечери" Леонарда да-Винчи. При почти совершенномъ истребленіи фрески великаго итальянскаго мастера въ Миланѣ — эти эскизы представляютъ сокровище неоцѣненное. Вечера я проводилъ въ театрѣ, и былъ пріятно изумленъ естественною и живою игрой труппы. Талантовъ, изъ ряда выходящихъ, нѣтъ; исполненіе ролей — чисто натуралистическое; но все бойко, горячо, молодо, и нѣтъ слѣда той вялой искусственности, той старческой посредственности, къ которымъ мы такъ приглядѣлись въ Карлсруэ. Три главныя актрисы—красавицы, каждая въ своемъ родѣ, и это нисколько не портитъ дѣла—напротивъ; и музыканты въ оркестрѣ почти все молодые люди.

Первое представленіе нашей оперетки происходило, какъ я уже сказывалъ вамъ, въ день рожденія великой герцогини. Въ подобные дни этикетомъ возбраняется всякое изъявленіе восторга или даже одобренія, необращенное къ самой виновницѣ торжества. Мы знали это; мы знали, что публика, въ тотъ вечеръ, не будетъ въ состояніи высказать свое настоящее мнѣніе, а потому смотрѣли на это первое представленіе какъ на парадъ, а уже на второе—какъ на настоящее сраженіе. Признаюсь, я находился въ довольно сильномъ волненіи. Либретто, написанное для салона и пригодное для него, могло показаться слишкомъ наивнымъ, почти дѣтскимъ, недостаточно развитымъ; перемѣна рамы, въ которую вставляется картина, часто мѣняетъ ее самое. Что касается исполненія, то безпокойство было бы неумѣстнымъ: оркестръ былъ отличный, капельмейстеръ зналъ свое дѣло до тонкости; баритонъ, игравшій роль „Кракамиша", едва ли не лучшій пѣвецъ въ Германіи; остальныя роли также были хорошо замѣщены (Стеллу играла г-жа Рейссъ, Леліо—г-жа Баринэй, Перлимпинпина—г. Кноппъ, царицу эльфовъ—г-жа Подольская); одинъ хоръ могъ бы быть полнѣе и съ болѣе свѣжими и вѣрными голосами. Декораціи, костюмы—все было очень удовлетворительно. Театръ въ Веймарѣ являетъ весьма мизерный видъ съ наружной стороны; но самая зала очень мила и изящна: ее недавно отдѣлали за-ново. Во главѣ дирекціи стоитъ г. фонъ Лоенъ, джентльмэнъ въ лучшемъ смыслѣ слова.

Первое представленіе сошло весьма благополучно. Хотя публика все время безмолвствовала и, проникнувшись торжественностью „минуты", даже смѣялась умѣренно, но нельзя было не чувствовать, что „Послѣдній Колдунъ" нравился; не происходило того едва замѣтнаго, но томительно постояннаго шелеста, того своеобразнаго шороха, который непремѣнно возникаетъ въ большомъ собраніи людей, когда они скучаютъ, и который—что̀ грѣха таить!—я слыхивалъ не разъ при исполненіи мною нѣкогда сочиняемыхъ комедій. Опасенія мои на счетъ того, не покажется ли либретто слишкомъ наивнымъ, не оправдались: а поэзія и грація, присущія музыкѣ г-жи Віардо, брали свое, несомнѣнно сказывались, разливались тихой, но сильной волной. Въ антрактѣ явились въ нашу ложу два офиціальныхъ лица, посланныхъ отъ великой герцогини и отъ прусской королевы (она также была въ театрѣ), и поздравили отъ ихъ имени г-жу Віардо съ успѣхомъ ея оперетки. То же повторилось и по окончаніи втораго акта. Многіе музыканты оркестра (въ числѣ ихъ находится и сынъ Серве, віолончелистъ, восемнадцати-лѣтній юноша, обѣщающій идти по стопамъ отца) также выразили свое искреннее удовольствіе. Къ сожалѣнію, тотъ, чьё поздравленіе имѣло бы большій вѣсъ, тотъ, кто первый все привелъ въ движеніе, Францъ Листъ былъ въ отсутствіи; онъ находился въ Вѣнѣ, куда его отозвало исполненіе его оратоpіи „Святая Елизавета". Черезъ три дня „Послѣдній колдунъ" былъ данъ во второй разъ, и съ положительнымъ успѣхомъ. Веймарская публика, которая, какъ слышно, отличается особенной сдержанностью, апплодировала почти каждому нумеру, а по окончаніи шумно вызвала г-жу Віардо. Мильде и дѣвица Рейссъ были особенно хороши. Прекрасенъ былъ также въ этотъ разъ Кноппъ, исполнявшій роль Перлимпинпина. Я видѣлъ этого даровитаго актера передъ тѣмъ въ двухъ піесахъ и удивлялся разнообразію его таланта. Въ первое представленіе онъ ошибся; желая удержать въ зрителяхъ воспоминаніе о томъ, что Перлимпинпинъ изъ великана превратился въ карлика, онъ устроилъ себѣ огромную голову, широкое туловище и ходилъ скорчивши ноги: впечатлѣніе выходило тяжелое и непріятное. Онъ тотчасъ это понялъ и во второй разъ совершенно перемѣнилъ и гримировку, и манеру: сдѣлалъ изъ себя настоящаго дурачка и каждымъ словомъ смѣшилъ публику... Замѣчательный tour de force, свидѣтельствующій о гибкости дарованія и умѣ этого актера! На слѣдующій день, великій герцогъ, при свиданіи съ г-жею Віардо, заказалъ ей для будущаго сезона на-

стоящую трехъ-актную оперу, прибавивъ, что радуется тому, что въ Веймарѣ суждено было совершиться началу ея *второй* карьеры, которую онъ надѣется увидѣть столь же блестящею, какова была первая.

Въ этомъ именно, для всѣхъ насъ, друзей г-жи Віардо, и заключался вопросъ. Мы всѣ знали, что она должна была, сверхъ другихъ затрудненій, еще бороться съ предразсудкомъ, недопускающимъ, чтобъ одна и та же личность могла послѣдовательно достигнуть замѣчательныхъ результатовъ въ двухъ различныхъ родахъ. Несчастныя попытки извѣстнаго пѣвца Дюпрэ и другихъ исполнителей на поприщѣ композиціи—могли явиться подпорой и подтвержденіемъ этого предразсудка. Не онъ ли, между прочимъ, мѣшаетъ у насъ полному распространенію и успѣху русскихъ романсовъ, написанныхъ г-жею Віардо? Многіе изъ нихъ прелестны и, во всякомъ случаѣ, стоятъ неизмѣримо выше обыкновенныхъ произведеній этого рода; но—подите вы!—„какъ можетъ иностранка, испанка, да еще пѣвица—писать русскіе романсы!“ Какъ-будто музыка не есть всеобщій языкъ [1], и какъ-будто тѣ плохіе штабъ-ротмистры въ отставкѣ и полинялыя свѣтскія дамы, которыми снабжается нашъ музыкальный рынокъ, и которые набираютъ свои романсики по слуху, тыкая однимъ пальцемъ по фортепіанамъ—какъ-будто они способнѣе найти настоящее, музыкальное выраженіе поэтической мысли, чѣмъ геніальная дочь Гарсіи, про которую и Мейерберъ, и Оберъ, и Россини, и Вагнеръ—въ одно слово объявили, что она, сама музыка, la musique même! Но такова сила предразсудка: ее можно побѣдить только настойчивымъ шествіемъ впередъ, и потому-то я, зная сочувствіе, которое вы питаете къ г-жѣ Віардо и ея произведеніямъ, вмѣнилъ себѣ въ пріятный долгъ сообщить вамъ свѣдѣніе о первомъ и успѣшномъ шагѣ, сдѣланномъ ею на новомъ поприщѣ...

Я забылъ вамъ сказать, что вмѣстѣ съ „Послѣднимъ колдуномъ“ шла очень милая одноактная опера самаго капельмейстера Лассена, сюжетъ которой заимствованъ изъ Донъ-Кихота.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ, 11-го (23-го) апрѣля.

---

[1] Позволю себѣ обратить ваше вниманіе на послѣдніе пять романсовъ г-жи Віардо, появившихся недавно у г. Іогансена въ С.-Петербургѣ. Съ прежними двадцатью-двумя, выпущенными въ свѣтъ тѣмъ же просвѣщеннымъ и дѣятельнымъ издателемъ, они составляютъ прекрасную коллекцію, которой слѣдуетъ находиться въ рукахъ каждаго любителя пѣнія.

XXXI.

(„С. Петерб. Вѣд." 1869 г., май.)

Письмо въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

Милостивый государь! Только сегодня прочелъ я фельетонъ *Голоса*, въ которомъ упоминаются мои „Воспоминанія о Бѣлинскомъ". Я не намѣренъ унижаться до опроверженія тѣхъ постыдныхъ мотивовъ, которые приписываетъ мнѣ г. фельетонистъ, и не удивляюсь, что онъ мнѣ ихъ приписываетъ: всякій судитъ о другомъ по самому себѣ. Но г. фельетонистъ, распространяясь о моихъ „сказаніяхъ", позволилъ себѣ обозвать ихъ лживыми. Возвращая, съ понятной гадливостью, безымянному борзописцу принадлежащее ему выраженіе, ограничусь объявленіемъ, что не отказываюсь ни отъ единаго слова тѣхъ немногихъ строкъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ „издателѣ толстаго журнала". Самъ по себѣ, онъ слишкомъ незначителенъ, и я, конечно, не упомянулъ бы о немъ даже мимоходомъ, какъ я это сдѣлалъ, еслибы судьба не приплела его жизни къ жизни Бѣлинскаго. Но повторяю: каждое слово тѣхъ строкъ согласно съ строжайшей истиной; это всѣмъ извѣстно, *и самъ г. Краевскій это знаетъ*. Мнѣ почти совѣстно останавливаться на такихъ пустякахъ, но для кого же осталось тайной, что издатель „толстаго журнала", въ которомъ узналъ себя г. Краевскій, лишенъ эстетическаго пониманія, не владѣетъ перомъ и разсчетливъ? (Больше я ничего о немъ не сказалъ). Эпитетъ „разсчетливый" долженъ былъ скорѣе польстить ему, какъ человѣку по преимуществу коммерческому. А что Бѣлинскій состоялъ на весьма незначительномъ *годовомъ* жалованіи у г. Краевскаго, что онъ часто съ негодованіемъ и отчаяніемъ указывалъ на книги, присылаемыя къ нему на разборъ,—это факты, справедливость которыхъ засвидѣтельствуетъ всякій, знавшій его; но г. фельетонистъ не удовольствовался вышеприведенной клеветой; онъ не усомнился напечатать слѣдующее:

„Г. Тургеневу лучше многихъ должно было бы знать, *по собственному опыту* (курсивъ въ подлинникѣ), какъ мало былъ разсчетливъ этотъ издатель, и съ какою готовностью ссужалъ онъ своихъ сотрудниковъ деньгами, даже безъ надежды на отдачу."

Г. Краевскій выдавалъ мнѣ, такъ же какъ и многимъ другимъ начинавшимъ писателямъ, небольшія суммы впередъ, которыя мы

потомъ выплачивали литературной работой по сходнымъ цѣнамъ; г. Краевскій находилъ въ этомъ свою выгоду, и мы не жаловались. Подобныя отношенія очень хорошо извѣстны въ торговлѣ; только купцы не имѣютъ обыкновенія хвастать своею готовностью ссужать деньгами. Но я давно и вполнѣ разсчитался съ г. Краевскимъ. Что же касается до намека, заключеннаго въ послѣдней фразѣ выписанной мною цитаты, то вся моя прошедшая жизнь даетъ мнѣ право отнестись къ нему съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Это также всѣмъ извѣстно, и г. *Краевскій также это знаетъ.*

Я бы очень былъ обязанъ вамъ, милостивый государь, еслибы вы помѣстили это вынужденное объясненіе на столбцахъ вашего уважаемаго журнала. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ. (2) 14-го мая 1869.

XXXII.

[Предисловіе къ нѣм. переводу „Отцовъ и дѣтей.“ 1869.]

Statt jeder Vorrede erlaube ich mir dem geneigten Leser zur Kenntniss zu bringen, dass ich die vollkommene Treue vorliegender Uebersetzung auf's Nachdrücklichste garantire.— Das ist eine Genugthuung, die mir noch selten, oder auch wohl gar nicht zu Theil geworden ist.— So wird man wenigstens nach Dem gerichtet, gelobt oder verdammt, was man eben gethan hat, nach seinen eigenen, nicht nach fremden Worten.

Dass mir ein solches Verhältniss gerade dem deutschen Publikum gegenüber doppelt erwünscht ist, brauche ich nicht zu sagen. Ich verdanke zu viel Deutschland, um es nicht als mein zweites Vaterland zu lieben und zu verehren.—Vor dem aber, was man liebt und verehrt, ist der Wunsch: in seiner *eigenen* Gestalt auftreten zu dürfen, wohl natürlich.

I. Turgénjew.

Carlsruhe, 1869.

[Переводъ]

Взамѣнъ всякаго предисловія позволяю себѣ заявить благосклонному читателю, что я безусловно ручаюсь за точность предлагаемаго перевода. Донынѣ это удовлетвореніе рѣдко или даже вовсе не выпадало мнѣ на долю. Тутъ человѣка по крайней мѣрѣ судятъ, хвалятъ или осуждаютъ за то, что̀ онъ дѣйствительно сдѣлалъ, на основаніи его собственныхъ, а не чужихъ словъ.

Мнѣ нѣтъ надобности объяснять, что какъ-разъ передъ нѣмецкой публикой такое положеніе мнѣ вдвойнѣ желанно. Я слишкомъ многимъ обязанъ Германіи, чтобы не любить и не чтить ее, какъ мою вторую родину. А желаніе предстать предъ тѣмъ, что̀ любишь и чтишь, въ своемъ *собственномъ* обликѣ,—я полагаю, естественно.

Карлсруэ, 1869.

XXXIII.

[„Вѣстн. Европы" 1870 г., январь.]

Письмо къ редактору.

М. г. Я только сегодня получилъ № „Голоса", въ которомъ находится̀ по истинѣ безобразный переводъ „Странная исторія", моего разсказа, долженствующаго появиться въ первой книгѣ „Вѣстника Европы" за 1870-й г. Вѣкъ живи—вѣкъ учись! Но, признаюсь, *этого* я не ожидалъ. Правда, я замѣтилъ издателю „Салона", журнала, въ которомъ, какъ извѣстно, появился нѣмецкій переводъ „Странной исторіи", что за отсутствіемъ литературной конвенціи въ родѣ той, которая заключена между Россіей и Франціей, всякій у насъ въ правѣ переводить любое нѣмецкое сочиненіе; что и мой разсказъ можетъ подвергнуться подобной участи. Но на это издатель возразилъ, что я напрасно приписываю такую неделикатность и недобросовѣстность моимъ соотечественникамъ. Къ сожалѣнію, я повѣрилъ ему, хотя я, по собственному опыту, долженъ былъ знать, до чего могутъ дойти неделикатность и недобросовѣстность *иныхъ* моихъ соотечественниковъ. Всякій легко себѣ представитъ чувства писателя, дѣтище котораго, какъ бы оно незначительно ни было, является въ первый разъ изуродованнымъ предъ публикою; но мнѣ особенно больно то, что часть послѣдствій этой безцеремонной продѣлки падаетъ на васъ. Впрочемъ, переводчикъ „Странной исторіи" слишкомъ дурно исполнилъ

свою задачу,—притомъ нѣкоторыя и довольно важныя прибавленія, сдѣланныя мною уже по напечатаніи нѣмецкаго текста, избѣгли его пера.

Примите, и проч.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ. 2 января, 1870.

XXXIV.

[*„Русскій Архивъ“. 1870 г.*]

Обращикъ стариннаго крючкотворства.

Изъ письма къ издателю.

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ пожара нашего деревенскаго дома (въ 1840 году) нашелъ я тетрадку, страницъ въ семьдесятъ, въ которую прадѣдъ мой вносилъ все, что̀ ему казалось любопытнымъ, полезнымъ или поучительнымъ, какъ-то: рецепты отъ разныхъ болѣзней, способы приготовлять кушанья и настойки, обращики поздравительныхъ писемъ, купчихъ и условій, отрывки изъ газетъ и проч., политическія извѣстія, анекдоты, реляціи, а также копіи разныхъ стихотвореній торжественныхъ и сатирическихъ, извѣстныхъ прошеній (какъ то Искры, Румянцова) на Высочайшее имя, рескриптовъ и т. п. Между прочимъ прадѣдъ мой вписалъ въ свою тетрадку три просьбы нѣкоего сек. майора Аленина. Онѣ вѣроятно поразили его мастерствомъ изложенія, знаніемъ законовъ, смѣлостью обличительныхъ нападокъ. Просьбы эти, которыя самъ секундъ майоръ называетъ незастѣнчивыми, дѣйствительно любопытны, какъ знаменіе того времени, какъ обращикъ чистѣйшаго ябедническаго слога, возвышающагося иногда до краснорѣчія и не лишеннаго своеобразной юмористической окраски. Особенно замѣчательна вторая нижеприводимая просьба, въ которой проводится сравненіе между Тамбовскимъ намѣстникомъ и „нашимъ общимъ праотцемъ Адамомъ.“ Что Аленинъ былъ крючкотворъ перваго сорта — это не подлежитъ сомнѣнію; но накипѣвшее въ немъ негодованіе также несомнѣнно и неподдѣльно. Полагаю, что читатели „Русскаго Архива“ не посѣтуютъ на васъ за помѣщеніе этихъ документовъ стародавняго времени на страницахъ вашего любопытнаго сборника.

Иванъ Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ $^{18}/_{30}$ Ноября 1869.

Высокородному и Превосходительному Господину Генералъ-Маіору, Танбовскаго Намѣстничества Правителю и Кавалеру, Сергѣю Васильевичу Неклюдову.

Секундъ-Майора Аленина

покорнѣйшее прошеніе.

Имѣлъ я честь подать Вашему Превосходительству прошлаго 795-го года Декабря 23-го числа просьбу, по которой извѣстное уже существо состояло въ томъ, что капитанъ Вышеславцовъ долженъ мнѣ по тремъ векселямъ, писаннымъ 786-го и 789-го годовъ, на имя Московскихъ купцовъ и дошедшихъ отъ нихъ ко мнѣ съ надписью — суммою 1225 р. и что о взысканіи оныхъ по жительству Вышеславцова въ Московскомъ его домѣ въ 790 году Апрѣля 4-го числа просилъ я законнымъ порядкомъ въ Московскомъ губернскомъ правленіи, изъ котораго за противорѣчіемъ Вышеславцова дѣло сіе препровождено было при указѣ для поступленія по законамъ въ тамошній уѣздный судъ, который, по настоящему изслѣдованію, по собраннымъ справкамъ и по совершенному сужденію, въ 792-го году Марта 4-го числа, на основаніи законовъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ заключилъ, что неправильной Вышеславцова споръ слѣдуетъ уничтожить, деньги съ рекамбіо и проценты съ него взыскать; объ ономъ рѣшеніи по силѣ апелляціоннаго прошлаго 762-го года указа чрезъ управу благочинія въ надлежащее время и ему Вышеславцову объявить, а за прошествіемъ отъ того ему объявленія мѣсячнаго срока учинить съ него взысканіе; въ случаѣ же неплатежа представить его самаго лично въ судъ. Но Вышеславцовъ, отозвавшись, что на платежъ наличныхъ денегъ не имѣетъ, и что будто за болѣзнію въ судъ явиться не можетъ; то когда велѣно было въ болѣзни его освидѣтельствовать, онъ изъ Москвы бѣжалъ, Танбовскаго Намѣстничества, Елатомской округи, въ селцо его Полянки, гдѣ и понынѣ находится; о которомъ побѣгѣ отъ управы благочинія въ Московской уѣздный судъ сообщеніемъ знать дано. Почему оный, соблюдая установленный законами порядокъ, для выполненія своего рѣшенія, сообщеніемъ изъяснивъ всѣ обстоятельства, препроводилъ оное вексельное при описи дѣло по вѣдомству иногородныхъ Московскаго нижняго надворнаго суда въ 3-й департаментъ, который отъ себя, какъ по объявленному Московскаго уѣзднаго суда рѣшительному опредѣленію, такъ и по поданному отъ меня объявленію (коимъ я просилъ, чтобъ о взысканіи съ Вышеславцова вексельной претензіи моей, а въ случаѣ неимѣнія въ наличности у него денегъ, съ состоящимъ за нимъ Вышеславцовымъ Танбовскаго Намѣстничества, Елатомской округи, въ сельцѣ Полянкахъ недвижимымъ имѣніемъ чрезъ Танбовское намѣстническое правленіе поступить по законамъ)- - представилъ въ Московское губернское правленіе, съ тѣмъ, дабы

сообщено было оному Танбовскому намѣстническому правленію. И что хотя отъ Московскаго губернскаго правленія троекратно объ ономъ взысканіи сообщаемо было, но какъ по тѣмъ сообщеніямъ, такъ и по прилежнѣйшему хожденію титулярнаго совѣтника Поддъяконова, которому отъ меня дана была довѣренность, а равно и по моимъ ежегоднымъ письменнымъ и словеснымъ прозбамъ здѣшнее намѣстническое правленіе, примѣшавъ къ законамъ свое чрезвычайное, преудивительнѣйшее и незаконное снисхожденіе, благоволило, въ удовольствіе Вышеславцова, раззоряющаго меня столько лѣтъ, ниспослать въ Елатомскій нижній земскій судъ семнадцать безо всякаго дѣйствія указовъ. А сей судъ, будучи обезпеченъ таковымъ же намѣстническаго правленія и къ себѣ снисхожденіемъ, не заботился видно исполнять прежде, доколѣ изъ онаго сотый уже не послѣдуетъ къ нему указъ. Однакожь намѣстническое правленіе, дабы вдругъ отъ меня не отнять надежды въ полученіи отъ Вышеславцова денегъ и придерживаяся лишь притворнаго, но не естественнаго правосудія, едва рѣшилось черезъ три года на Елатомской нижній земскій судъ за неисполненіе семнадцати указовъ страшную пятирублевую наложить пеню; который судъ, чувствуя такую излишнюю тягость наложеннаго на себя штрафа, принужденъ уже былъ приступить къ описи Вышеславцова имѣнія, и описалъ то слѣпыхъ, то хромыхъ, то малолѣтнихъ двадцать душъ. Намѣстническое правленіе, получа сію, изъ Елатомскаго нижняго уѣзднаго суда пристрастную опись препроводилъ при указѣ здѣшняго верхняго земскаго суда во 2-й департаментъ, который, по назначеніи въ прошломъ 795-мъ году въ Октябрѣ мѣсяцѣ сроковъ, и представилъ Правительствующему Сенату; а изъ онаго для продажи того имѣнія съ публичнаго торгу сдѣланы были уже публики. Но намѣстническое правленіе, какъ главное мѣсто, не опасаясь никакого штрафа и подражая только одному Вышеславцова задобренію, посланнымъ въ верхній земскій судъ указомъ продажу его имѣнія остановило; а въ Московское губернское правленіе сообщило и требовало отъ него увѣдомленія, слѣдуетъ ли продавать Вышеславцова имѣніе! Каковой вопросъ не соотвѣтствовалъ намѣстническаго правленія резолюціямъ, а посему явное отъ Московскаго губернскаго правленія на себя навелъ подозрѣніе, ибо воспротивился генеральнаго регламента 14-й главѣ и Высочайшаго учрежденія 129 и 130 статьямъ, и Правительствующимъ Сенатомъ учиненныя для продажи того имѣнія-публикаціи пренебрегъ! Вышеславцовъ же, пользуясь таковою намѣстническаго правленія снаровкою, изъ описнаго имѣнія лутчія четыре души, годныя въ рекруты, продалъ нарочно, дабы и по сему обстоятельству новую уже завести тяжбу въ разсужденіи недостаточной по мѣрѣ принадлежащихъ мнѣ отъ Вышеславцова денегъ описи имѣнія! Письменно я просилъ намѣстническое правленіе, дабы вторительно учинена была опись и наградила бы прежній

ея недостатокъ, о чемъ намѣстническое правленіе предписало верхнему земскому суду; а Елатомскій нижній земскій судъ, по предписанію верхняго земскаго суда, лишь только приступилъ ко вторительному описанію имѣнія, то Вышеславцовъ столько забунтовалъ, что для укрощенія его оный нижній судъ репортами къ Вашему Превосходительству и въ намѣстническое правленіе просилъ уже воинской команды, кои репорты отъ 20-го Февраля по сей день остаются немало недѣйствующими и вовсе безгласными. Титулярный же совѣтникъ Поддъяконовъ представилъ въ намѣстническое правленіе прошлаго 795-го года въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ четвертой еще вексель суммою на 952 р. ко взысканію съ него жъ Вышеславцова. И по многимъ его неудачливымъ увертками велѣно было наконецъ на означенную сумму съ рекамбіо и проценты писать имѣніе; но Елатомскій земскій исправникъ Емельяновъ и при сей описи не проронилъ своего особаго къ нему Вышеславцову усердія, ибо между живыхъ двадцати четырехъ душъ включилъ четыре мертвыхъ; а на всѣ души изъ двухъ тысячъ десятинъ земли, владѣемыхъ Вышеславцовымъ, описалъ только пять десятинъ, которая опись, препровожденная въ намѣстническое правленіе отъ 29-го Генваря, и по сіе время еще не отсылается изъ онаго для продажи въ верхній земскій судъ, не взирая на то, что указомъ 736-го года Іюля 19-го числа повелѣно вексельныя дѣла кончать именно въ мѣсяцъ, а въ случаѣ же медленности присутствующіе и секретари должны заплатить иску требуемыя съ заимобрателя деньги! Слѣдовательно равную участь нашелъ я въ правосудіи и Вашего Превосходительства, поелику при подачѣ моей просьбы словесныя и комплементно словесныя лишь обнадеживанія ваши, что я скоро удовлетворенъ буду, обращены уже подлинныя и вѣроятнѣйшія къ Вышеславцову, по коимъ можетъ волочить меня еще другіе четыре года.

Что онъ прежде меня В. Превосх. милостію и покровительствомъ обнадеженъ, тому доказательство первое: читалъ я секретаря Зміева письмо, адресованное къ земскому исправнику Емельянову, дабы онъ именно въ угодность Вашего Превосходительства не приступалъ къ исполненію по насланному изъ верхняго земскаго суда въ Елатомскій нижній земскій судъ указу. Второе: почиталъ я въ ономъ письмѣ одного токмо секретаря Змієва бездѣльничество и, надѣясь, что ежели Вашему Превосходительству чистосердечно открою, что онъ Змієвъ по своей деривации вашу къ нему довѣренность во зло употребляетъ, а меня жаломъ своимъ пронзаетъ даже до сердца, то сіе открытіе истинны примете отъ меня Ваше Превосходительство за нѣкое одолженіе, скорѣе сжалитесь и повелѣть соизволите, чтобъ сей же часъ вольный законъ, благоволящій моей справедливости, въ самой точности и неукоснительно былъ исполненъ, и не терпѣлъ бы уже болѣе отъ частнаго пристрастія дерзновеннаго себѣ сжиманія; секретаря же Змієва, коснувшагося измѣнить довѣренности и

вредить чести вашей, и земскаго исправника Емельянова за неисполненіе насланаго изъ верхняго земскаго суда указа предадите уголовному суду! Но какъ скоро я Вашему Превосходительству о имени секретаря Змiева донесъ свойственно по его ухищреннымъ дѣяніямъ, то вдругъ Ваше Превосходительство, съ гнѣвомъ, вмѣсто благодарности за мою къ вамъ преданность въ предостереженіи отъ яда Змiева, назвали меня пьянымъ! Почему я, сверхъ чаянія моего и уже по неволѣ удостовѣрился, что сія змія въ образѣ Божія, на самомъ лонѣ правленія вашего угнѣздилась, и пресмыкаяся и извившаяся въ дугу, ласкаетъ лишь трезвыхъ, но неправыхъ и догадливыхъ къ жертвоприношенію себѣ, а уязвляетъ отъ хмѣля неправосудія пьяныхъ, недогадливыхъ къ идолопоклоненію и не имѣющихъ у себя ни злата, ни сребра и ни благоуханнаго льстикуренія, кромѣ угнетенной правости, требующей должнаго главноначальственнаго защищенія тогда, когда въ Россіи почитаютъ того Бога, Который небомъ и землею обладаетъ; когда во всемъ преимуществѣ православная наша процвѣтаетъ вѣра; когда премудрая, преправосудная и престроговзыскующая за несоблюденіе святѣйшихъ Ея законовъ царствуетъ Государыня; когда ложныхъ, лукавыхъ и обманчивыхъ, корыстолюбивыхъ божковъ истребляетъ и ихъ храмы, основанные на взяткахъ, въ прахъ и пепелъ превращаетъ.

Наконецъ третіе: правящій плащъ-маіорскую должность призвалъ меня къ Вашему Превосходительству тогожъ Февраля 25-го числа; напрасно я обрадовался и возмнилъ, что истинный нашъ Богъ вліялъ уже въ вашу душу чувствительнѣйшій о Себѣ страхъ, что Онъ все видитъ, слышитъ и о сокровеннѣйшихъ вашихъ таинствахъ знаетъ; что вдохнулъ въ васъ новое ко страждущимъ отъ неправосудія сожалѣніе, а къ секретарю Змiеву примѣрное омерзѣніе: ибо, пришедъ въ ваши палаты, увидалъ я нарочно собранный льстецовъ комплотъ, который противъ меня, взявъ сторону Вышеславцова, утверждалъ о его бѣдности въ столь высокомъ смыслѣ, что ежели ему по векселямъ меня удовольствовать, то безъ пользы подаренныя тысяча рублей и лошадь единственно въ отвращеніе справедливаго платежа мнѣ денегъ явственною и гибельною уже будутъ его состоянія разстройкою;—секретарю же Змiеву дозволили Ваше Превосходительство въ своемъ присутствіи весь изблевать на меня ядъ, дабы я, обезпамятовшись, вышелъ изъ границъ благопристойности и выговорилъ что-нибудь нелѣпое, такое къ чему бы было съ обыкновенною пристать ему приказною петлею, и при самомъ удавленіи меня спросить: Замѣню ль я свою погрѣшность въ долгѣ Вышеславцова и скажу ли уже торжественно, что я съ ими обоими, секретаремъ Змiевымъ и съ Вышеславцовымъ, квитъ! Признаюсь Вашему Превосходительству, что я было въ то время дѣйствительно обезпамятѣлъ; но благоговѣйнѣйшую приношу молитву тому Богу, въ Котораго вѣрую, что недопустилъ Змiеву яду вполнѣ дѣйствовать,

сохранилъ отъ приказной его петли, и возвратилъ мнѣ прежнюю память, которая теперь способнымъ меня учинила доложить Вашему Превосходительству слѣдующее.

Опасно толь рѣдко посѣщать намѣстническое правленіе, ибо со дня управленія Танбовскимъ намѣстничествомъ трижды только Ваше Превосходительство имѣли въ ономъ засѣданіе; а господа совѣтники, пріѣзжающіе не ранѣе двѣнадцатаго часа въ намѣстническое правленіе, безъ присутствующаго вашего побужденія, почти не принимаются ни за какія дѣла, возмечтавъ, можетъ-быть, по примѣру вашему, что и для нихъ оное высокое мѣсто есть низко, возложили свою должность на честность, совѣсть и прилежность однихъ только секретарей, въ которыхъ сіи добродѣтели безъ просительскихъ денегъ либо никогда, либо весьма рѣдко обитаютъ. *Опасно* и въ одномъ указѣ, а не токмо уже въ семнадцати еще призывать Императорское имя; ибо за сію дерзновенность, равно какъ Творецъ своихъ рабовъ, такъ и Государыня своихъ подданныхъ наказуетъ. *Опасно* удручать меня неправосудіемъ долѣе, ибо въ отчаянности не премину на оное жаловаться предъ Престоломъ. *Опасно* защищать болѣе Вышеславцова; ибо онъ въ надеждѣ вашего къ нему отмѣннаго благоволенія и приверженности, забывъ толикое намѣстническаго правленія себѣ доброжелательство, на-прямки уже оное ругаетъ, которое и терпитъ ему собственно лишь для васъ, и снисходя явному его бунту по репорту Елатомскаго нижняго земскаго суда не предписываетъ послать за нимъ воинскую команду и, яко важнаго преступника, отдать подъ судъ; посилку и Ваше Превосходительство по такому же отъ того суда репорту ничего не изволите предпринимать! *Опасно* секретаря Зміева согрѣвать въ пазухѣ; ибо онъ при малѣйшей на случай перемѣнѣ не пощадитъ и Ваше Превосходительство и больнѣе еще прочихъ ужалитъ. *Опасно* на него даже и глядѣть и недовольно уже препоручать ему дѣла; ибо сынъ Сираховъ говоритъ: „якоже отъ лица зміина, бѣжи грѣха“! Да кстати бы Ваше Превосходительство благоволили нынѣ вспомнить всѣ обстоятельства при паденіи праотца нашего Адама. Онъ былъ въ плодоносномъ раю, и Ваше Превосходительство господствуете въ плодоносномъ Танбовскомъ намѣстничествѣ; ему дана подруга Евва, и Ваше Превосходительство такуюже имѣете; но діаволъ, завидуя Адамову блаженству, пресоздался въ удобнѣйшую ко искушенію змію, поджёгъ отъ запрещеннаго древа отвѣдать смертоноснаго яблока, содралъ съ Адама и Еввы одежду невинности, лишилъ ихъ Господней любви и благодати, предшествовалъ имъ изгнаннымъ изъ рая, восплескалъ слезамъ ихъ и стенаніямъ, и весь родъ человѣческій сему плачевному подвергъ наслѣдству! Вотъ, Ваше Превосходительство, естественное зеркало изображеннаго характера секретаря Зміева! Или, яснѣе сказать, вотъ другой дьяволъ въ лицѣ Зміева! Ползетъ супостатъ въ кабинетъ вашъ! Шепчетъ чрезъ тѣ

же пути, какъ и древле: „Небойся ничего! Санъ твой для великолѣ-
„пія тебѣ данъ; обрати монаршую довѣренность на собственный
„прибытокъ, нарушай законъ, гони правду; карай невиннаго, угне-
„тай справедливаго, покровительствуй плутовъ, посылай меня поча-
„ще за контрибуціями въ уѣзды; не запинайся и самъ брать разны-
„ми круглыми металлами, бѣлыми, красными и синими бумажками,
„сервизами, перстнями, линейками, лошадьми, коровами и всякою
„мягкою рухлядью; заводи по городамъ свои трактиры, подряжай
„подушный провіянтъ"! И еще повторяетъ: „Не бойся, не бойся; у
„тебя подпора велика—родной братъ оберъ-прокуроръ въ Сенатѣ;
„и такъ все всегда будетъ у насъ гладко"! Таковыми-то ядовитыми
внушеніями, питая въ себѣ къ Вашему Превосходительству дьяволь-
ское коварство, ухитрится искушать васъ дотолѣ, доколѣ уже по-
стигнетъ васъ равный съ Адамомъ и Еввою жребій,—съ тою только
разницею, что подвластные дворяне и коронные крестьяне, въ крас-
ные дни вашего главноначальствованія заключенные въ острогъ
бѣдствій, изыдутъ свободны; а онъ, Зміевъ, торжествуя надъ вашею
слабостію, возславится богатымъ при оной пріобрѣтеніемъ, и про-
должать не престанетъ проигрывать въ часъ отъ излишества по
тысячи триста рублей: и впредь, какъ и нынѣ, карты суть сладо-
стнѣйшею его забавою! Извѣстно же мнѣ, что Зміевъ, бывъ учи-
телемъ Полоцкаго народнаго училища, кое-какъ вырвался оттуда и
присталъ къ Вашему Превосходительству, вмѣстѣ съ вами сюда
пріѣхалъ и по представленію вашему сдѣланъ сильномогучимъ секре-
таремъ; что изъ комиссіи народныхъ училищъ въ приказъ обще-
ственнаго призрѣнія получено сообщеніе, въ коемъ прописано, что
многіе учители разными происками выходятъ изъ своихъ званій: то
чтобъ ихъ никогда не выпущать; что отъ главнаго господина дирек-
тора народныхъ училищъ Его Сіятельства графа Петра Васильевича
Завадовскаго предложено, какъ слышно, Правительствующему Се-
нату именно о Зміевѣ, что онъ обманомъ выбылъ изъ учителей,
на что и послѣдовалъ указъ въ Полоцкое и здѣшнее правленіе,
чтобы его Зміева прислать въ Санктъ-Петербургъ и обратить въ
первобытное званіе. Чего ради, по послѣдней моей къ Вашему
Превосходительству преданности, совѣтывать осмѣливаюсь: лучше
согласитесь Зміева, яко свирѣпаго многолюдству врага, прочь отъ
себя откинуть и отправить по указу къ прежней его школярной
должности, въ которой онъ подъ строгою и разумною лишь Его
Сіятельства дирекціею былъ и пребудетъ изрядный учитель; а
при васъ несказанно какъ преизбалованный и чрезъ чуръ дур-
ной секретарь! *Опасно* и сіи рѣшительныя выраженія отдать мнѣ
съ подписью, напримѣръ за то, что оныя отторгнулись отъ обыкно-
венной формы: ибо и Ваше Превосходительство необыкновен-
но со мною поступили ради секретаря Зміева и должника моего
Вышеславцова! Такую форму предложила мнѣ самая истинна, чтобы

совершенно Вашему Превосходительству представить, коль я обиженъ неправосудіемъ, и ничто уже меня кромѣ правосудія наградить не можетъ, котораго у Вашего Превосходительства вторительно покорнѣйше прошу!

Марта 16-го числа 1796-го года.

XXXV.

[„С.Петерб. Вѣдом." 1870 г., январь.]

Письмо къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

М. г., я не раздѣляю мнѣнія, которое, какъ вамъ извѣстно, въ большомъ ходу между художнической и литературной братьей — между артистами вообще—мнѣнія, что критика—безполезное дѣло, и что гг. критики злобствуютъ вслѣдствіе собственнаго безсилія; я, напротивъ, полагаю, что особенно у насъ, въ Россіи, критикѣ предстояла и предстоитъ великая и важная задача, которую она не разъ уже разрѣшала блестящимъ образомъ въ лицѣ Бѣлинскаго, Добролюбова и нѣкоторыхъ другихъ, и которая не потеряетъ своего первостепеннаго значенія до-тѣхъ-поръ, пока будутъ необходимы у насъ педагогическія отношенія сознательно-мыслящихъ умовъ къ остальной массѣ общества. При подобномъ воззрѣніи на критику, мнѣ тѣмъ больнѣе видѣть это могущественное орудіе въ рукахъ неискусныхъ и недобросовѣстныхъ — и вотъ причина, побудившая меня обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ.

Нечего и говорить, что рѣчь идетъ не обо мнѣ. Никто въ своемъ дѣлѣ не судья; да и въ концѣ концовъ мнѣ на критику слишкомъ жаловаться нечего. Правда, въ послѣднее время я самъ себѣ напоминалъ тѣ турецкія головы, о которыя посѣтители народныхъ гуляній пробуютъ свои силы ударомъ кулака: не было ни одного начинавшаго критика, который не попыталъ бы надо мною своего размаха... И то не былъ „размахъ безъ удара", по выраженію Бѣлинскаго; напротивъ, иной билъ очень ловко и метко [1]. Но, повторяю, рѣчь

[1] Именно теперь, по поводу монхъ „Литературныхъ Воспоминаній", кажется, снова поднимается знатная травля... На-здоровье, господа!

не обо мнѣ. Я хочу сказать нѣсколько словъ о статьѣ, появившейся въ сентябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ", и посвященной разбору сочиненій Я. П. Полонскаго, правильнѣе говоря — первыхъ двухъ томовъ новаго изданія его сочиненій.

Статья эта попалась мнѣ въ руки въ то самое время, когда я оканчивалъ чтеніе появившихся въ покойной „Литературной Библіотекѣ" „Признаній Сергѣя Чалыгина". Публика наша, кажется, не обратила никакого вниманія на это замѣчательное произведеніе Полонскаго. Недостатокъ ли симпатіи къ журналу, въ которомъ оно появилось, недовѣріе-ли ко всякому стихотворцу, пишущему прозой, причиною этого равнодушія — не знаю; но знаю несомнѣнно, что оно незаслуженное, и что нашей публикѣ не часто предстоитъ читать вещи, болѣе достойныя ея вниманія. „Признанія" эти, которыхъ вышла только первая часть, принадлежатъ къ роду литературы, довольно тщательно воздѣланному у насъ въ послѣднее время, а именно — къ „воспоминаніямъ дѣтства". Уступая извѣстнымъ „Воспоминаніямъ" графа Л. Н. Толстаго въ изящной отдѣлкѣ деталей, въ тонкости психологическаго анализа, „Признанія Чалыгина" едва ли не превосходятъ ихъ правдивой наивностью и вѣрностью тона — и, по всякомъ случаѣ, достойны занять мѣсто непосредственно вслѣдъ за ними. Интересъ разсказа не ослабѣваетъ ни на минуту; выведенныя личности очерчены немногими, но сильными штрихами (особенно хорошъ декабристъ, другъ матери Чалыгина), и самый колоритъ эпохи (дѣйствіе происходитъ около двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія) схваченъ и переданъ живо и точно. Вполнѣ удалось автору описаніе извѣстнаго наводненія 1824 года, такъ, какъ оно отразилось въ семейной жизни: читатель присутствуетъ при внезапномъ вторженіи великаго общественнаго бѣдствія въ замкнутый кругъ частнаго быта; каждая подробность дышетъ правдой. Выраженія счастливыя картинныя попадаются на каждой страницѣ и съ избыткомъ выкупаютъ нѣкоторый излишекъ вводныхъ разсужденій — единственный и въ сущности маловажный недостатокъ произведенія г. Полонскаго. Впрочемъ, онъ уже до „Признаній Чалыгина" показалъ, что умѣетъ такъ же хорошо писать прозой, какъ и стихами. Стоитъ вспомнить его „Гирлинскія сакли", его „Грушу" и т. п. Нельзя не пожелать, чтобъ онъ довелъ до конца эти интересныя „Признанія".

Г. критикъ „Отечественныхъ Записокъ", авторъ вышеупомянутой статьи въ сентябрьскомъ №, совершенно противуположнаго мнѣнія

о талантѣ г. Полонскаго. Онъ находитъ въ его сочиненіяхъ одну „безконечную канитель словъ, связь между которыми обусловливается лишь знаками препинанія, безсодержательное сотрясеніе воздуха, несносную пугливость мысли, немогущей вызвать ни одного опредѣленнаго образа, формулировать ни одного яснаго понятія; туманную расплывчивость выраженія, заставляющую въ каждомъ словѣ предполагать какую-то непріятную загадку“ [1], и все это потому, что г. Полонскій, по понятію критика, нечто иное какъ писатель безо всякой оригинальности, безличный, второстепенный писатель-эклектикъ.

Не могу не протестовать противъ подобнаго приговора; не могу не заявить, что критикъ, его произнесшій, тѣмъ самымъ наглядно показалъ, что лишонъ главнаго качества всякаго критика, лишонъ *чутья* — понимать, лишонъ умѣнія проникнуть въ чужую личность, въ ея особенность и значеніе. Оставляю въ сторонѣ всѣ эти „канители“, „сотрясенія воздуха“— всѣ эти „жестокія“ слова, пущенныя въ ходъ для уснащиванія рѣчи; но самое опредѣленіе Полонскаго, какъ писателя несамобытнаго, эклектика, невѣрно въ высшей степени. Если про кого должно сказать, что онъ не эклектикъ, не поетъ съ чужаго голоса, что онъ, по выраженію А. де Мюссѐ, пьетъ хотя изъ маленькаго, но изъ *своего* стакана [2], такъ это именно про Полонскаго. Худо-ли, хорошо-ли онъ поетъ, но поетъ ужъ точно по-свѐому. Да и скажите, прошу васъ, кому подражалъ Полонскій въ своемъ „Кузнечикѣ-Музыкантѣ“, этой прелестной, исполненной граціознаго юмора, идилліи, которая переживетъ и уже пережила многое множество современныхъ ей произведеній, выступившихъ въ свѣтъ съ гораздо бо̀льшими претензіями? Г. критикъ не признаетъ оригинальности въ Полонскомъ; но стоитъ обладать нѣкоторою лишь тонкостью слуха, чтобъ тотчасъ признать его стихъ, его манеру [3]. Стихотвореніе, которое г. критикъ не безъ коварнаго умы-

[1] См. „Отеч. Зап.“ за сентябрь 1869 г.—„Новыя Книги“, стр. 47.

[2] „Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre“.

[3] Кто не чувствуетъ особаго оригинальнаго оборота, особаго лада стиховъ въ родѣ слѣдующихъ:

Уже надъ ельникомъ, изъ-за вершинъ колючихъ
Сіяло золото вечернихъ облаковъ,
Когда я рвалъ весломъ густую сѣть ловучихъ
Болотныхъ травъ и водяныхъ цвѣтовъ —

сла—(постыдная, въ нашей журналистикѣ часто употребляемая уловка) — приводитъ, *какъ одно изъ лучшихъ* [1], и надъ которымъ онъ потомъ глумится—вовсе не можетъ служить примѣромъ того, чѣмъ собственно отличается поэзія Полонскаго. Въ этомъ стихотвореніи выражается скорѣе слабая сторона его таланта, а именно: его нѣсколько наивное подчиненіе тому, что̀ называется высшими философскими взглядами, послѣднимъ словомъ общечеловѣческаго прогресса и т. п. Искреннее уваженіе, даже удивленіе, которымъ онъ проникается передъ лицомъ этихъ „вопросовъ", внушаетъ ему стихотворенія, то торжествующія, то печальныя, въ которыхъ благонамѣренность и чистота убѣжденія не всегда сопровождается глубиною мысли, силой и блескомъ выраженія. Не въ подобныхъ произведеніяхъ слѣдуетъ искать настоящаго Полонскаго; зато тамъ, гдѣ онъ говоритъ о дѣйствительно пережитыхъ имъ ощущеніяхъ и чувствахъ, тамъ, гдѣ онъ рисуетъ образы, навѣянные ему то ежедневною, почти будничною жизнью, то̀ своеобразной, часто до странности смѣлой фантазіей (укажу, напр., на стихотвореніе „Тишь и Мракъ")— тамъ онъ, если не всякій разъ заявляетъ себя мастеромъ, то уже навѣрное всякій разъ привлекаетъ симпатію читателя, возбуждаетъ его вниманіе, а иногда, въ счастливыя минуты, достигаетъ полной красоты, трогаетъ и потрясаетъ сердце. Талантъ его представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ пушкинскаго изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной, честности и правдивости впечатлѣній. Временами, и какъ бы безсознательно для него самого, онъ изумляетъ прозорливостью поэтическаго взгляда... (см. стихотвореніе: „Жалобы Музы" въ „Оттискахъ"). Древній міръ также не чуждъ его духу; нѣкоторыя его „античныя" стихотворенія прекрасны (напр. „Аспазія", „Наяды").

Позволю себѣ привести въ подтвержденіе словъ моихъ стихотвореніе „Чайка". Я не много знаю стихотвореній на русскомъ языкѣ,

---

или:

Прихвачу летучій локонъ
Я вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ,
Что̀ роститъ по стекламъ оконъ
Утренній морозъ

тому, конечно, этого растолковать нельзя. Это не по его части.

[1] Стихотвореніе: „Царство науки не знаетъ предѣла".

которыя по теплотѣ чувствъ, по унылой гармоніи тона, стояли бы выше этой „Чайки". Весь Полонскій высказался въ немъ.

Чайка.

Поднялъ корабль паруса;
Въ море спѣшитъ онъ, родной покидая заливъ...
Буря его догнала—и швырнула на каменный рифъ.

Бьется онъ грудью объ грудь
Скалъ, опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ морскимъ....
А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.

Съ бурей обломки его
Въ даль унеслись; чайка сѣла на волны—и вотъ
Тихо волна, покачавъ ее, новой волнѣ отдаетъ.

Вонъ отдѣлились опять
Крылья отъ скачущей пѣны—и вѣтра быстрѣй
Мчится она, упадая въ объятья вечернихъ тѣней.

Счастье мое—ты корабль.
Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной.
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ тобой.

Буря обломки твои
Пусть унесетъ! Но пока будетъ пѣна блестѣть,
Дамъ я волнамъ покачать себя, прежде чѣмъ въ ночь улетѣть.

Всякій, даже поверхностный читатель легко замѣтитъ струю тайной грусти, разлитую во всѣхъ произведеніяхъ Полонскаго; она свойственна многимъ русскимъ, но у нашего поэта она имѣетъ особое значеніе. Въ ней чувствуется нѣкоторое недовѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, къ жизни вообще; въ ней слышится отзвучіе горькихъ опытовъ, тяжелыхъ воспоминаній... Относительная холодность публики—особенно нынѣшней—къ его литературной дѣятельности, вѣро-

ятно, такъ же прибавила каплю своей полыни... И вотъ, послѣ свыше двадцати-пяти-лѣтней, честно пройденной карьеры, является критика, которая развязно и самоувѣренно, словно это само собою разумѣется, крутитъ, вертитъ, рѣшаетъ—и не подозрѣвая даже, въ своемъ самодовольствѣ, на сколько ложно, и не въ ту сторону, *не по слѣду* она сама выступаетъ и движется, произноситъ свой ничѣмъ неоправданный судъ! Г. Полонскому, конечно, нечего вмѣшиваться въ эти дрязги; но да извинитъ меня его скромность, если я рѣшаюсь печатно вступиться за него, если я беру на себя смѣлость замолвить за него слово! Я позволяю себѣ сказать публикѣ, что, въ противность ея почти всегда вѣрному инстинкту, *на этотъ разъ* она неправа и что дѣятельность такого поэта, каковъ Полонскій, заслуживаетъ большаго сочувствія; я позволяю себѣ обратить ея вниманіе на то, что трудно писателю, какъ бы сильно ни было въ немъ чувство собственнаго призванія, трудно ему не усомниться въ немъ, когда его произведенія встрѣчаются однимъ лишь глухимъ молчаніемъ или гаерскими завываніями, свистомъ и кривляньями нашихъ псевдосатириковъ. Что же касается до критика „Отечественныхъ Записокъ", то ограничусь тѣмъ, что выражу ему одно мое убѣжденіе, надъ которымъ онъ, вѣроятно, вдоволь посмѣется. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ его глазахъ, патронъ его, г. Некрасовъ, неизмѣримо выше Полонскаго, что даже странно сопоставлять эти два имени: а я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ еще перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова покроется забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно высиженныхъ измышленіяхъ „скорбной музы" г. Некрасова — ея-то, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ, какъ нѣтъ ея, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ всѣми уважаемаго и почтеннаго А. С. Хомякова, съ которымъ, спѣшу прибавить, г. Некрасовъ не имѣетъ ничего общаго.

Dixi et animam meam salvavi.

Въ надеждѣ, что вы не откажетесь помѣстить настоящее письмо въ уважаемой вашей газетѣ, прошу васъ, м. г., принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Позвольте, кстати, воспользоваться гласностью „Спб. Вѣдомостей", чтобъ исправить опечатку, вкравшуюся въ новое изданіе моихъ сочиненій. На первой страницѣ перваго тома началомъ моей литературной карьеры дважды—вмѣсто 1843 года—обозначенъ 1849 годъ. Впрочемъ читатели, вѣроятно, сами догадаются исправить эту опечатку, такъ какъ я упоминаю *о двадцати-пяти-лѣтнемъ* моемъ писательствѣ.

XXXVI.

[„С. Петерб. Вѣдом." 1870 г., августъ—сентябрь.]

[Корреспонденціи о Франко-Прусской войнѣ.]

1.

Баденъ-Баденъ, 27 іюля (8 августа).

Въ прошлый четвергъ я писалъ вамъ подъ отдаленный гулъ канонады [1]; на другой день, въ пятницу, телеграмма извѣстила насъ, что это нѣмцы брали штурмомъ Виссамбуръ — и началось исполненіе плана Мольтке, котэрый (въ то время, какъ императоръ французовъ показывалъ своему сыну, между завтракомъ и обѣдомъ, какъ дѣйствуютъ митральезы, и съ чрезвычайнымъ эфектомъ бралъ городъ Саарбрюкенъ, защищаемый однимъ батальономъ) ринулъ всю громадную армію кронъ-принца прусскаго въ Эльзасъ, и разрубилъ французскую армію на двое. Въ субботу, т.-е. третьяго дня, мой садовникъ пришелъ сказать мнѣ, что съ утра слышится чрезвычайно сильная пальба: я вышелъ на крыльцо, и дѣйствительно: глухіе удары, раскаты, сотрясенія доносились явственно; но раздавались они уже нѣсколько болѣе къ югу, чѣмъ въ четвергъ; я насчитывалъ ихъ отъ 30 до 40 въ минуту. Я взялъ карету, и поѣхалъ на Ибургъ—замокъ, находящійся на одной изъ самыхъ крайнихъ къ Рейну вершинъ Шварцвальда: оттуда видна вся долина Эльзаса до Страсбурга. Погода была ясная, и отчетливо рисовалась линія Вогезскихъ горъ на небосклонѣ. Канонада прекратилась за нѣсколько минутъ до моего прибытія въ Ибургъ; но прямо противъ горы, по ту сторону

[1] [Этого предыдущаго письма въ газетѣ нѣтъ.]

Рейна, изъ-за длиннаго сплошнаго лѣса, поднимались громадные клубы чернаго, бѣлаго, сизаго, краснаго дыма: то горѣлъ цѣлый городъ. Дальше, къ Вогезамъ, слышались еще пушечные выстрѣлы, но все слабѣе. Явно было, что французы разбиты и отступаютъ. Страшно и горестно было видѣть въ этой тихой, прекрасной равнинѣ, подъ кроткимъ сіяніемъ полу-закрытаго солнца, этотъ безобразный слѣдъ войны, и нельзя было не проклясть ее и безумно-преступныхъ ея виновниковъ. Я возвратился въ Баденъ, и на другой день, т.-е. вчера, рано поутру, уже всюду въ городѣ появилась телеграмма, возвѣщающая о новой рѣшительной побѣдѣ кронъ-принца надъ Макъ-Магономъ, а къ вечеру мы узнали, что французы потеряли 4,000 плѣнныхъ, 30 пушекъ, 6 митральезъ, 2 знамени и что Макъ-Магонъ раненъ! Изумленію самихъ нѣмцевъ нѣтъ границъ: всѣ роли измѣнены. *Они* нападаютъ, *они* бьютъ французовъ на собственной ихъ землѣ,—бьютъ ихъ не хуже австрійцевъ! Планъ Мольтке развивается съ поражающею быстротой и блескомъ; правое крыло французской арміи уничтожено, она находится между двухъ огней и—какъ при Кенигсгрецѣ — быть можетъ уже сегодня король прусскій и кронъ-принцъ сойдутся на полѣ битвы, рѣшившей участь войны! Нѣмцы до того изумлены, что даже патріотическая ихъ радость какъ будто смущена. *Этого* никто не ожидалъ! Я съ самаго начала, вы знаете, былъ за нихъ всею душою, ибо въ одномъ безповоротномъ паденіи наполеоновской системы вижу спасеніе цивилизаціи, возможность свободнаго развитія свободныхъ учрежденій въ Европѣ: оно было немыслимо, пока *это* безобразіе не получило достойной кары. Но я предвидѣлъ долгую, упорную борьбу—и вдругъ! Всѣ мысли теперь направлены къ Парижу: что онъ скажетъ? *Разбиты*—Бонапартъ n'a plus raison d'être; но въ теперешнее время можно ожидать даже такое невѣроятное событіе, какъ спокойствіе Парижа при извѣстіи о пораженіи французской арміи. Я все это время, какъ вы легко можете себѣ представить, весьма прилежно читалъ и французскія, и нѣмецкія газеты — и, положа руку на сердце, долженъ сказать, что между ними нѣтъ никакого сравненія. Такого фанфаронства, такихъ клеветъ, такого крайняго незнанія противника, такого невѣжества наконецъ, какъ во французскихъ газетахъ, я и вообразить себѣ не могъ. Не говорю уже о журналахъ въ родѣ *Фигаро* или презрѣннѣйшей *Liberté*, вполнѣ достойной своего основателя, Э. де-Жирардена; но даже въ такихъ дѣльныхъ газетахъ, какъ, наприм., *Temps*,

попадаются извѣстія въ родѣ того, что прусскіе унтеръ-офицеры идутъ за шеренгами солдатъ съ желѣзными прутьями въ рукахъ, чтобы подгонять ихъ въ бой и т. п. Невѣжество доходитъ до того, что *Journal Officiel*, органъ правительства (!) пресерьозно разсказываетъ, что между Франціей и Пфальцемъ (Palatinat) *протекаетъ Рейнъ;* и однимъ лишь совершеннымъ незнаніемъ противника можно объяснить увѣренность французовъ, что Южная Германія останется нейтральной, не смотря на явно высказанное желаніе присвоить Рейнскую провинцію, съ историческими городами Кёльномъ, Аахеномъ, Триромъ, т.-е. едва ли не самый дорогой для нѣмецкаго сердца край нѣмецкой земли! Тотъ же *Journal Officiel* увѣрялъ на дняхъ, что цѣль войны со стороны Франціи—возвращеніе нѣмцамъ ихъ свободы!! И это говорится въ то время, когда вся Германія изъ конца въ конецъ поднялась на исконнаго врага! Объ увѣренности въ несомнѣнности побѣды, въ превосходствѣ митральезъ, Шасспо—и толковать нечего; всѣ французскіе журналы убѣждены, что стоитъ только французамъ сойтись съ пруссаками—и „rrrran!" все будетъ покончено мигомъ. Но не могу удержаться, чтобъ не цитировать вамъ одну изъ прелестнѣйшихъ фанфаронадъ: въ одномъ журналѣ (чуть ли не въ *Soir*) одинъ корреспондентъ, описывая настроеніе французскихъ солдатъ, восклицаетъ: „Ils sont si assurés de vaincre, qu'ils ont comme une peur modeste de leur triomphe inévitable! (т.-е. они такъ увѣрены въ побѣдѣ, что ими овладѣваетъ какъ бы нѣкій скромный страхъ передъ собственнымъ неизбѣжнымъ тріумфомъ!) Фраза эта, хотя не можетъ сравниться съ классической, шекспировской, фразой принца Петра Бонапарта на счетъ парижанъ, сопутствовавшихъ гробу *убитаго* имъ Нуара: „C'est une curiosité malsaine, que je blâme" (это—болѣзненное неумѣстное любопытство, которое я осуждаю!)—однако имѣетъ свое достоинство. И какія изреченія, какіе „mots", приводятъ эти журналы, приписывая ихъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ—императору Наполеону между прочимъ! *Gaulois*, напр., сообщаетъ, что когда беззащитный Саарбрюкенъ былъ зажженъ со всѣхъ четырехъ концовъ, императоръ обратился къ своему сыну съ вопросомъ: Es tu fatigué, mon enfant? Вѣдь это значитъ, наконецъ, потерять даже чувство стыдливости!

Хорошъ тоже анекдотъ о дипломатическомъ attaché, который, въ присутствіи императрицы Евгеніи, объявилъ, что не желаетъ побѣды надъ Пруссіей. Какъ такъ? Да такъ же; представьте, какъ будетъ

непріятно жить на бульварѣ Унтеръ-Мунтеръ Биршукрутъ, или велѣть кучеру ѣхать въ улицу Нихкапут-клопс-мопс-фуртъ!—А вѣдь это будетъ неизбѣжно, такъ какъ мы даемъ нашимъ улицамъ названія нашихъ побѣдъ!—На основаніи донесеній, быть можетъ, этого самаго attaché, Франція разсчитывала на нейтралитетъ Южной Германіи.

Говоря безъ шутокъ: я искренно люблю и уважаю французскій народъ, признаю его великую и славную роль въ прошедшемъ, не сомнѣваюсь въ его будущемъ значеніи; многіе изъ моихъ лучшихъ друзей, самые мнѣ близкіе люди—французы; и потому подозрѣвать меня въ преднамѣренной и несправедливой враждебности къ ихъ родинѣ вы, конечно, не станете. Но едва ли не насталъ и ихъ чередъ получить такой же урокъ, какой получили пруссаки подъ Іеной, австрійцы подъ Садовой—и, зачѣмъ таить правду,—и мы подъ Севастополемъ. Дай-то Богъ, чтобъ они такъ же умѣли воспользоваться имъ, извлечь сладкій плодъ изъ горькаго корня! Пора, давно пора имъ оглянуться на самихъ себя, внутрь страны, увидѣть свои язвы и стараться уврачевать ихъ; пора положить конецъ той безнравственной системѣ, которая царитъ у нихъ вотъ уже скоро двадцать лѣтъ! Безъ сильнаго внѣшняго потрясенія такія „оглядки" невозможны; безъ глубокой скорби и боли онѣ не бываютъ. Но настоящій патріотизмъ не имѣетъ ничего общаго съ заносчивой, чванливой гордыней, которая ведетъ только къ самообольщенію, къ невѣжеству, къ ошибкамъ непоправимымъ. Французамъ нуженъ урокъ... потому что они еще многому должны научиться. Русскіе солдаты, умиравшіе тысячами въ развалинахъ Севастополя, не погибли даромъ; пускай же не погибнутъ даромъ и тѣ безчисленныя жертвы, которыхъ потребуетъ настоящая война: иначе она была бы точно безсмысленна и безобразна.

Что касается собственно до нашего положенія въ Баденѣ, то опасность непріятельскаго вторженія теперь устранена; жизненные припасы даже подешевѣли противъ прежняго, не смотря на увѣренія французскихъ газетъ, что мы здѣсь умираемъ съ голоду.

9-го августа.

Ударъ за ударомъ. Вчера только я вамъ писалъ о побѣдѣ кронъ-принца надъ Макъ-Магономъ, а сегодня пришло извѣстіе, что и центръ главной французской арміи разбитъ, что она отступаетъ къ Мецу, Парижъ объявленъ въ осадномъ положеніи, палата созвана къ 11-му

числу—и французы всюду бѣгутъ, бросаютъ оружіе! Неужели ихъ Іена точно наступила? Не во гнѣвъ будь сказано графу Л. Н. Толстому, который увѣряетъ, что во время войны адъютантъ что-то лепечетъ генералу, генералъ что-то мямлитъ солдатамъ—и сраженіе какъ-то и гдѣ-то проигрывается или выигрывается,—планъ генерала Мольтке приводится въ исполненіе съ истинно-математической точностью, какъ планъ какого-нибудь отличнаго шахматнаго игрока, напр., Андерсена (тоже пруссака), который, замѣчу кстати, выигралъ здѣсь матчъ противъ самыхъ сильныхъ шахматныхъ игроковъ въ самый день первой прусской борьбы подъ Виссамбуромъ. А въ это время императоръ Наполеонъ тѣшилъ, „à la Louis quatorze", и себя, и сынка своего—представленіемъ военнаго зрѣлища. Но Наполеонъ—не Людовикъ XIV: тотъ въ теченіе многихъ лѣтъ сносилъ неудачи, и преданность къ нему его подданныхъ не поколебалась; Наполеонъ не переживетъ двухъ недѣль рѣшительнаго пораженія. Отсутствіе талантовъ со стороны французскихъ генераловъ высказывается все болѣе и болѣе; и кто такіе эти Лебефъ, Фроссаръ, Базэнъ, Фальи, окружающіе императора французовъ? Придворные генералы — des généraux de cour то же à la Louis quatorze. Единственный дѣльный между ними, Макъ-Магонъ, словно былъ пожертвованъ. Я очень радъ, что во время проѣзда моего черезъ Берлинъ, въ самый день объявленія Франціей войны (15-го іюля), я имѣлъ случай обѣдать за table d'hôte'омъ прямо напротивъ генерала Мольтке. Лицо его врѣзалось въ память. Онъ сидѣлъ молча, и не спѣша поглядывалъ кругомъ. Съ своимъ бѣлокурымъ парикомъ, съ гладко-выбритой бородой (онъ усовъ не носитъ), онъ казался профессоромъ; но что за спокойствіе, и сила, и умъ въ каждой чертѣ, какой проницательный взглядъ голубыхъ и свѣтлыхъ глазъ! Да, умъ и знаніе, съ присоединеніемъ твердой воли — цари на сей землѣ! „Звѣзда" Наполеона ему измѣняетъ: противъ него не бездарный идіотъ, Гіулаи, какъ въ Италіи въ 1859 г.

Что происходитъ въ Парижѣ? Журналы вамъ уже вѣроятно сообщили свѣдѣнія о начавшихся тамъ волненіяхъ... Но что будетъ дальше, когда истина все болѣе и болѣе будетъ разоблачаться передъ глазами французовъ? Безнравственное правительство кончило тѣмъ, что привело чужестранцевъ въ предѣлы родины; разворивши страну, разворило армію, и, нанесши глубокія раны благосостоянію, свободѣ, достоинству Франціи, наноситъ теперь чуть не смертельный ударъ

ея самолюбію! Неужели это правительство можетъ еще уцѣлѣть? Неужели оно не будетъ сметено бурей?

А всѣ эти низкіе люди — эти Олливье „au coeur léger", эти Жирардены, Кассаньяки, эти сенаторы — въ какой прахъ будутъ они обращены? Но стоитъ ли на нихъ останавливаться!

Нѣмцы не бахвалы и не фанфароны, но и у нихъ голова пошла кругомъ отъ всей этой небывальщины. Здѣсь, сегодня, распространился слухъ, что — Страсбургъ сдался! Разумѣется — это вздоръ; но вѣдь время чудесъ настало, и почему же и этому не повѣрить? Взялъ же третьяго дня вечеромъ баденскій отрядъ цѣлыхъ тысячу французовъ въ плѣнъ — безъ выстрѣла. Деморализація началась между ними, а вѣдь это — та же холера.

И. Т.

2.

Баденъ-Баденъ, 14-го августа.

Въ концѣ прошлой недѣли, ночью, безъ особенно-сильнаго вѣтра, повалился самый старый, самый громадный дубъ извѣстной Лихтенталевской аллеи. Оказалось, что вся сердцевина его сгнила, и онъ держался только корою. Когда я поутру пошелъ смотрѣть его, передъ нимъ стояло двое нѣмецкихъ работниковъ. Вотъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, смѣясь, другому — вотъ оно, французское государство: „da ist es, das Französische Reich!" И дѣйствительно, судя по тому, что доходитъ до насъ изъ Парижа и изъ Франціи, можно подумать, что колоссъ этотъ держался одной наружностью и готовъ завалиться. Плоды двадцатилѣтняго царствованія оказались наконецъ. Вамъ извѣстно, что въ мгновенье, когда я пишу, наступило нѣчто въ родѣ роздыха, то-есть не происходитъ сраженія; зато нѣмецкая армія быстро двигается впередъ (по послѣднимъ свѣдѣніямъ, она заняла Нанси), а французская столь же быстро отступаетъ. Но сраженіе страшное, рѣшительное сраженіе неизбѣжно; обѣ стороны одинаково его желаютъ, жаждутъ, и, быть можетъ, уже завтра выпадетъ роковой жребій. Особенно Франція, взбѣшенная, возмущенная, оскорбленная до послѣднихъ нервовъ своего народнаго самолюбія, настоятельно требуетъ схватки съ пруссаками, — требуетъ „une revanche", и едва ли не этому яростному желанію „отыграться" слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что правительство еще держится и что ожиданная многими революція не вспыхнула въ Парижѣ. „Некогда заниматься политикой — нужно спасать отечество" — вотъ общая всѣмъ

мысль. Но что французы опьянѣли жаждой мести, крови, что каждый изъ нихъ словно голову потерялъ—это несомнѣнно. Не говорю уже о сценахъ въ Палатѣ Депутатовъ, на парижскихъ улицахъ; но сегодня пришла вѣсть, что *всѣ* нѣмцы изгоняются (за исключеніемъ, конечно, австрійцевъ) изъ предѣловъ Франціи! Подобнаго варварскаго нарушенія международнаго права Европа не видала со временъ перваго Наполеона, велѣвшаго арестовать всѣхъ англичанъ, находившихся на материкѣ. Но та мѣра коснулась въ сущности только нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей; на этотъ разъ разореніе грозитъ тысячамъ трудолюбивыхъ и честныхъ семействъ, поселившихся во Франціи въ убѣжденіи, что ихъ приняло въ свои нѣдра государство цивилизованное. Что, если Германіи вздумается отплатить тѣмъ же: французовъ, поселившихся въ Германіи, не меньше, чѣмъ нѣмцевъ, живущихъ во Франціи, и обладаютъ они чуть ли не болѣе значительными капиталами. Куда это насъ поведетъ, наконецъ? Ужъ и безъ того справедливое негодованіе нѣмцевъ возбуждается призывомъ звѣроподобныхъ *тюркосовъ* на европейскую войну, ихъ жестокимъ обращеніемъ съ плѣнными, ранеными, съ врачами, наконецъ, съ сестрами милосердія: а тутъ еще г-нъ Поль-де-Кассаньякъ, достойное исчадье своего отца, объявляетъ, что не хочетъ давать денегъ женевскому международному комитету, потому-де что онъ будетъ такъ-же заботиться о прусскихъ раненыхъ, и что это „карикатурное сантиментальничаніе“ „une sentimentalité grotesque“; хорошо еще, что нѣмцы, имѣющіе теперь на рукахъ нѣсколько тысячъ французскихъ раненыхъ, не придерживаются принциповъ этого любимца тюильрійскаго двора, личнаго друга императора Наполеона, который называетъ его своимъ сыномъ и говоритъ ему: „ты“. До чего дошла прыть французовъ, вы можете судить по слѣдующему. Вчера *Liberté* приводила съ похвалою статью нѣкотораго Марка Фурнье въ *Paris-Journal*. Онъ требуетъ истребленія всѣхъ пруссаковъ и восклицаетъ: „Nous allons donc connaître enfin les voluptés du massacre! Que le sang des Prussiens coule en torrents, en cataractes, avec la divine furie du déluge! Que l'infâme qui ose seulement prononcer le mot de paix, soit aussitôt fusillé comme un chien et jeté à l'égout!“ И рядомъ съ этими неслыханными безобразіями и неистовствами — полнѣйшая неурядица, растерянность, отсутствіе всякаго *административнаго* таланта, не говоря уже о другихъ! Военный министръ (маршалъ Лебефъ), увѣрявшій, что все *готово*, давая-

шій въ томъ свое честное слово, оказался просто младенцемъ. Эмиль Оливье исчезъ, выметенный вонъ, какъ негодный соръ, вмѣстѣ съ своимъ министерствомъ, той самой Палатой, которая ползала передъ нимъ; и кѣмъ же онъ замѣненъ? Графомъ Паликао, человѣкомъ до того запятнанной репутаціи, что другая Палата, еще болѣе преданная правительству, чѣмъ нынѣшняя, отказала ему въ дотаціи, находя, что онъ уже и такъ достаточно нагрѣлъ руки въ Китаѣ! (Онъ, какъ извѣстно, командовалъ французской экспедиціей 1860 года.) Нельзя сомнѣваться въ томъ, что при громадныхъ средствахъ французскаго народа, при патріотическомъ энтузіазмѣ, имъ овладѣвшемъ, при мужествѣ французской арміи, конецъ борьбы еще не близокъ — да и предсказать съ совершенной достовѣрностью нельзя, каковъ будетъ исходъ этого колоссальнаго столкновенія двухъ расъ; но шансы пока на сторонѣ нѣмцевъ. Они выказали такое обиліе разнородныхъ талантовъ, такую строгую правильность и ясность замысла, такую силу и точность исполненія; численное превосходство ихъ такъ велико, превосходство матеріальныхъ средствъ такъ очевидно, что вопросъ кажется рѣшеннымъ заранѣе. Но „le dieu des batailles", какъ выражаются французы, измѣнчивъ, и не даромъ же они сыны и внуки побѣдителей при Іенѣ, Аустерлицѣ, Ваграмѣ! Поживемъ — увидимъ. Но уже теперь нельзя не сознаться, что напр. прокламація короля Вильгельма при вступленіи во Францію рѣзко отличается благородной гуманностью, простотой и достоинствомъ тона отъ всѣхъ документовъ, достигающихъ до насъ изъ противнаго лагеря; то же можно сказать о прусскихъ бюллетеняхъ, о сообщеніяхъ нѣмецкихъ корреспондентовъ: здѣсь — трезвая и честная правда; тамъ — какая то яростная, то плаксивая фальшь. Этого во всякомъ случаѣ исторія не забудетъ.

Однако довольно. Какъ только что произойдетъ замѣчательное — напишу вамъ. Здѣсь все тихо: первые раненные и больные появились сегодня въ нашемъ госпиталѣ.

И. Т.

3.

Баденъ-Баденъ, 28-го августа.

Не буду вамъ говорить на сей разъ о сраженіяхъ подъ Мецомъ, о движеніи кронъ-принца на Парижъ и т. д. Газеты вамъ и безъ меня натолковали объ этомъ довольно... Я намѣренъ обратить ваше вниманіе на психологическій фактъ, который, на моей по крайней-

мѣрѣ памяти, въ такихъ размѣрахъ еще не представлялся, а именно о жаждѣ самообольщенія, о какомъ-то опьяненіи сознательной лжи, о рѣшительномъ нежеланіи правды, которыя овладѣли Парижемъ и Франціей въ послѣднее время. Однимъ раздраженіемъ глубоко-уязвленнаго самолюбія объяснить этого нельзя: подобная „трусость"—другого слова нѣтъ — трусость взглянуть, какъ говорится, чорту въ глаза—указываетъ, въ одно и то же время, и на Ахиллесову пятку въ самомъ характерѣ народа, и служитъ однимъ изъ многочисленныхъ симптомовъ того нравственнаго уровня, до котораго унизило Францію двадцатилѣтнее правленіе второй имперіи.

„Вотъ уже двѣ недѣли, какъ вы лжете и обманываете народъ!" воскликнулъ съ трибуны честный Гамбетта, и голосъ его тотчасъ былъ заглушенъ воплями большинства, и Гранье-де-Кассаньякъ заставилъ малодушнаго президента прекратить засѣданіе. Французы не *хотятъ* знать правду: кстати жъ, имъ подъ руку подвернулся человѣкъ (графъ Паликао), который въ дѣлѣ лганья, спокойнаго, немногословнаго и непозмутимаго, заткнулъ за поясъ всѣхъ Мюнхгаузеновъ и Хлестаковыхъ. Шекспиръ заставляетъ принца Генриха сказать Фальстафу, что ничего не можетъ быть противнѣе старца-шута; но старецъ-лгунъ едвали еще не хуже, а этотъ старецъ—Паликао—не можетъ рта разинуть безъ того, чтобъ не солгать. Базэнъ съ главной французской арміей запертъ въ Мецѣ; ему грозятъ голодъ, плѣнъ, чума... — „Помилуйте, наша армія въ превосходнѣйшемъ положеніи, и Базэнъ вотъ, вотъ соединится съ Макъ-Магономъ". — „Но у васъ извѣстій отъ него нѣтъ?" — „Тссъ! молчите! намъ нужно совершенное безмолвіе, чтобъ исполнить удивительнѣйшій военный планъ, и еслибъ я сказалъ, что я знаю, Парижъ бы тотчасъ сдѣлалъ иллюминацію!"—„Да скажите, что вы знаете!"—„Ничего я не скажу, а весь кирасирскій *корпусъ* Бисмарка истребленъ!"—„Но бисмаркскихъ кирасировъ нѣтъ вовсе, и кирасировъ вообще не было въ сраженіи!"—„О! я вижу, вы дурной патріотъ", и т. д., и т. д. И французское общество притворяется, что вѣритъ всѣмъ этимъ сказкамъ. Неужели такъ долженъ поступать великій народъ, такъ встрѣчать удары рока? Безъ самохвальства мы можемъ сказать: во время крымской кампаніи русское общество поступило иначе. Энтузіазмъ, готовность всѣмъ жертвовать — конечно, прекрасныя качества; но умѣнье спокойно сознать бѣду и сознаться въ ней — качество, едвали не высшее. Въ немъ бо́льшее ручательство успѣха.

Неужели достойны „великаго народа"—de la grande nation—эти безобразныя преслѣдованія отдѣльныхъ, ничѣмъ неповинныхъ, не заподозрѣнныхъ личностей? Въ одномъ департаментѣ дошли до того, что убили француза и сожгли его трупъ, потому только, что толпѣ показалось, что онъ заступается за Пруссію. „А! мы не можемъ сладить съ нѣмецкими солдатами, такъ давай бить нѣмецкихъ портныхъ, кучеровъ, рабочихъ! Давай клеветать, лгать, что̀ попало, ка̀къ попало, лишь бы горячо выходило!" Но вотъ ужъ поневолѣ приходится спросить вмѣстѣ съ Фигаро: „Qui trompe-t-on ici?" Сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ. Французы закрываютъ глаза, зажимаютъ уши, кричатъ какъ дѣти, а пруссаки уже въ Эперне, и генералъ-губернаторъ Трошю, единственный дѣльный, честный и трезвый человѣкъ во всей администраціи, готовитъ Парижъ къ выдержанію осады, которая не нынче, завтра начнется...

Я и прежде замѣчалъ, что французы менѣе всего интересуются истиной—c'est le cadet de leurs soucis. Въ литературѣ, напримѣръ, въ художествѣ, они очень цѣнятъ остроуміе, воображеніе, вкусъ, изобрѣтательность—особенно остроуміе. Но есть ли во всемъ этомъ правда? Ба! было бы занятно. Ни одинъ изъ ихъ писателей не рѣшился сказать имъ въ лицо полной, беззавѣтной правды, какъ, напримѣръ, у насъ Гоголь, у англичанъ Теккерей; именно имъ, какъ французамъ, а не какъ людямъ вообще. Тѣ рѣдкія сочиненія, въ которыхъ авторы пытались указать своимъ согражданамъ на ихъ коренные недостатки, игнорируются публикой, какъ, напримѣръ, „Революція" Э. Кинѐ, и въ болѣе скромной сферѣ—послѣдній романъ Флобера. Съ этимъ нежеланіемъ знать правду у себя дома соединяется еще большее нежеланіе, лѣнь узнать, что̀ происходитъ у другихъ, у сосѣдей. Это неинтересно для француза, да и что̀ можетъ быть интереснаго у чужихъ? И притомъ, кому же неизвѣстно, что французы — „самый ученый, самый передовой народъ въ свѣтѣ, представитель цивилизаціи и сражается за идею"? Въ обыкновенное мирное время все это сходило съ рукъ; но, при теперешнихъ грозныхъ обстоятельствахъ, это самомнѣніе, это незнаніе, этотъ страхъ передъ истиной, это отвращеніе къ ней—страшными ударами обрушились на самихъ французовъ... Но что они еще не отрезвились—доказываютъ всѣ, вышеприведенные мною, факты. Не отдѣлались они отъ лжи, и хотя уже не поютъ Марсельезы (!) подъ знаменами императора Наполеона (можно ли вообразить большее кощунство̀),

но до выздоровленія имъ далеко... Они еще только начинаютъ сознавать свою болѣзнь—и черезъ какіе еще опыты, тяжелые и горькіе, должны они будутъ пройти!

Кстати: *Спб. Вѣдомости* (въ 214-мъ №) приводятъ письмо корреспондента *Биржевыхъ Вѣдомостей*, въ которомъ разсказывается о томъ, будто въ Баденѣ кричатъ: смерть французамъ! и что, вслѣдствіе этого, наши барыни заговорили по-русски. Г. корреспондентъ достоинъ быть французскимъ хроникеромъ: въ его заявленіи нѣтъ ни слова правды. Здѣсь живущія французскія семейства пользуются совершеннымъ уваженіемъ со стороны властей и народонаселенія: ихъ свобода ничѣмъ не стѣснена; и въ большой общей залѣ, гдѣ сходятся всѣ здѣшнія дамы для заготовленія всевозможныхъ бандажей, бинтовъ, фуфаекъ и т. д., назначаемыхъ раненнымъ и больнымъ, гораздо больше въ ходу французскій языкъ, чѣмъ нѣмецкій. Быть можетъ, г. корреспондентъ имѣлъ въ виду сдѣлать искусный намекъ здѣсь живущимъ русскимъ дамамъ; но, увы! могу его завѣрить, что онѣ продолжаютъ пренебрегать роднымъ языкомъ—и патріотическій его порывъ остался втунѣ.

На дняхъ я ѣздилъ въ Раштаттъ, съ цѣлью посѣтить тамошнихъ французскихъ раненныхъ и плѣнныхъ. Уходъ за ними очень хорошъ — и всѣ они жалуются на своихъ генераловъ. Между ними былъ старый арабъ (тюркосъ): настоящій горилла; сморщенный, черный, худой, онъ сидѣлъ на своей постели и поглядывалъ кругомъ тупо и дико какъ звѣрь; по словамъ его товарищей, онъ и по-французски не понимаетъ. Нужно было очень „странѣ, идущей во главѣ прогресса“, притащить въ Раштаттъ этого сына африканскихъ степей!

Бомбардированіе Страсбурга все продолжается; даже при закрытыхъ окнахъ, проникаютъ до меня мѣрныя, глухія сотрясенія... Ежечасно ожидается здѣсь извѣстіе о битвѣ между кронъ-принцемъ и Макъ-Магономъ. Если французы и ее проиграютъ—то диктатура Трошю почти неизбѣжна. Повторяю опять: поживемъ—увидимъ!

И. Т.

4.

Баденъ-Баденъ, 18 (6) сентября.

Вы желаете, чтобъ я сообщилъ вамъ впечатлѣнія, произведенныя на нѣмецкое общество громадными событіями, совершившимися въ началѣ этого памятнаго мѣсяца — на сколько эти впечатлѣ-

нія подпали моему наблюденію. Не стану вамъ говорить о взрывахъ національной гордости, патріотической радости, празднествахъ и т. п. Вы уже знаете это все изъ газетъ. Постараюсь вкратцѣ и съ должнымъ безпристрастіемъ изложить вамъ воззрѣнія нѣмцевъ— во-первыхъ на перемѣну правительства во Франціи, а во-вторыхъ на вопросъ о „войнѣ и мирѣ".

Начну съ того, что возобновленіе республики во Франціи, появленіе этой, для многихъ еще столь обаятельной, правительственной формы, не возбудило въ Германіи и тѣни того сочувствія, которымъ нѣкогда была встрѣчена республика 1848 г. Нѣмцы весьма скоро поняли, что послѣ седанской катастрофы имперія стала, на первыхъ порахъ, невозможна, и что, кромѣ республики, ее пока нечѣмъ было замѣнить. Они не вѣрятъ (можетъ быть они ошибаются), чтобъ республика имѣла глубокіе корни во французскомъ народонаселеніи, и не разсчитываютъ на долгое ея существованіе; вообще они вовсе не разсматриваютъ ее безотносительно—an und für sich— а только съ точки зрѣнія ея вліянія на заключеніе мира, мира выгоднаго и продолжительнаго—„dauerhaft, nicht faul"—который составляетъ теперь idée fixe. Именно съ этой точки зрѣнія появленіе республики ихъ даже смутило: она замѣнила опредѣленную правительственную единицу, съ которой можно было вести переговоры, чѣмъ-то безличнымъ и шаткимъ, не могущимъ представить надлежащихъ гарантій. Это самое и заставляетъ ихъ желать энергическаго продолженія войны и скорѣйшаго взятія Парижа, съ паденіемъ котораго, по ихъ понятію, немедленно и положительно окажется, чего именно нужно Франціи. При замѣчательномъ, можно сказать небываломъ, единодушіи, которое овладѣло всѣми ими — надѣяться остановить эти растущія, набѣгающія волны, ожидать, что побѣдитель остановится или даже вернется назадъ—есть, говоря безъ обиняковъ, ребячество; одинъ Викторъ Гюго могъ возымѣть эту мысль— да и то, я полагаю, онъ только ухватился за предлогъ произвести обычное словоизверженіе. Самъ король Вильгельмъ не властенъ иначе повернуть это дѣло: тѣ волны несутъ и его. Но рѣшившись довести разсчетъ съ Франціей (Abrechnung mit Frankreich) до конца, нѣмцы готовы объяснить вамъ причины, почему они должны это сдѣлать.

Всему на свѣтѣ есть двоякія причины, явныя и тайныя, справедливыя и несправедливыя (явныя бо́льшей частью несправедливы) и двоякія оправданія: добросовѣстныя и недобросовѣстныя. Я слиш-

комъ давно живу съ нѣмцами и слишкомъ съ ними сблизился, чтобъ они, въ бесѣдахъ со мною, прибѣгали къ оправданіямъ недобросовѣстнымъ—по крайней мѣрѣ они не настаиваютъ на нихъ. Требуя отъ Франціи Эльзасъ и нѣмецкую Лотарингію (Эльзасъ во всякомъ случаѣ), они скоро покидаютъ аргументъ расы, происхожденія этихъ провинцій—такъ какъ этотъ аргументъ побивается другимъ, сильнѣйшимъ, а именно—явнымъ и несомнѣннымъ нежеланіемъ этихъ самыхъ провинцій присоединиться къ прежней родинѣ. Но они утверждаютъ, что имъ нужно непремѣнно и навсегда обезпечить себя отъ возможности нападеній и вторженій со стороны Франціи, и что другаго обезпеченія они не видятъ, какъ только присоединеніе лѣваго берега Рейна до Вогезскихъ горъ. Предложеніе разрушить всѣ крѣпости, находящіяся въ Эльзасѣ и Лотарингіи, обезоруженіе Франціи, низведенной на двухъ-сотъ-тысячную армію—имъ кажется недостаточнымъ; угроза вѣчной вражды, вѣчной жажды мести, которую они возбудятъ въ сердцахъ своихъ сосѣдей — на нихъ не дѣйствуетъ: „Все равно", говорятъ они, „французы и такъ никогда не простятъ намъ своихъ пораженій; лучше же мы предупредимъ ихъ и, какъ это представилъ рисунокъ „Кладдерадатча", обрѣжемъ когти врагу, котораго все-таки примирить съ собой не можемъ". Дѣйствительно, безправное, дерзко-легкомысленное объявленіе войны Франціей въ іюлѣ мѣсяцѣ—какъ бы служитъ подтвержденіемъ доводовъ, приводимыхъ нѣмцами. Впрочемъ, они не скрываютъ отъ самихъ себя великихъ затрудненій, сопряженныхъ съ *аннектированіемъ* двухъ враждебныхъ провинцій, но надѣются, что время, терпѣніе и умѣніе помогутъ имъ и тутъ, какъ помогли въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ, въ прирейнскихъ и саксонскихъ областяхъ, въ самомъ Ганноверѣ, и даже во Франкфуртѣ.

У насъ принято, съ пѣной у рта кричать противъ этого нѣмецкаго захвата; но, какъ справедливо замѣчаетъ газета *Таймсъ*—неужели можно одну секунду сомнѣваться въ томъ, что какой-либо народъ на мѣстѣ нѣмцевъ, въ теперешнемъ ихъ положеніи, поступилъ бы иначе? Притомъ не надо воображать, что мысль вернуть Эльзасъ явилась у нихъ только вслѣдствіе ихъ изумительно-неожиданныхъ побѣдъ; эта мысль засѣла въ голову каждаго нѣмца немедленно по объявленіи войны: они возымѣли ее даже тогда, когда ожидали долгой, упорной, защитительной борьбы въ собственныхъ границахъ. 15-го іюля, въ Берлинѣ, я своими ушами слышалъ ихъ

говорящихъ въ этомъ смыслѣ. „Мы ничего не пожалѣемъ", объявляли они, „отдадимъ всю свою кровь, все свое золото, но Эльзасъ будетъ нашъ". „А если васъ разобьютъ?" спросилъ я.—„Если насъ *убьютъ* французы", отвѣчали мнѣ, „пусть они съ нашего трупа возьмутъ рейнскія провинціи". Игра завязалась отчаянная: ставка была несомнѣнно опредѣлена съ каждой стороны: вспомните объявленіе Жирардена, которому рукоплескала вся Франція, что нужно прикладами отбросить нѣмцевъ за Рейнъ... Игра проиграна однимъ игрокомъ; что удивительнаго, что другой игрокъ беретъ его ставку?

Такъ, скажете вы—это логика; но гдѣ справедливость?

Я полагаю, что нѣмцы поступаютъ необдуманно, и что разсчетъ ихъ невѣренъ. Во всякомъ случаѣ они уже сдѣлали большую ошибку тѣмъ, что на половину разрушили Страсбургъ, и тѣмъ окончательно возстановили противъ себя все народонаселеніе Эльзаса. Я полагаю, что можно найти такую форму мира, которая, на долго обезпечивъ спокойствіе Германіи, не поведетъ къ униженію Франціи и не будетъ заключать въ себѣ зародыша новыхъ, еще болѣе ужасныхъ войнъ. И можно ли предполагать, что послѣ страшнаго опыта, которому она подверглась, Франція снова захочетъ испытать свои силы? Кто изъ французовъ, въ глубинѣ души своей, не отказался теперь на вѣкъ отъ Бельгіи, отъ рейнскихъ провинцій? Было бы достойно нѣмцевъ—нѣмцевъ-побѣдителей—также отказаться отъ Лотарингіи и Эльзаса. Кромѣ вещественныхъ гарантій, на которыя они имѣютъ полное право, они могли бы удовлетвориться гордымъ сознаніемъ, что, по выраженію Гарибальди, ихъ рукою было низвергнуто въ прахъ безнравственное безобразіе бонапартизма.

Но отказывается, въ эту минуту, въ Германіи отъ Эльзаса и Лотарингіи только крайняя демократическая партія; прочтите рѣчь, произнесенную ея главнымъ представителемъ, І. Якоби, изъ Кенигсберга, этимъ непоколебимымъ, грандіознымъ доктринеромъ, котораго не напрасно сравниваютъ съ Катономъ Утическимъ. Партія эта числительно слаба—и едва начинаетъ распространяться между работниками, безъ которыхъ никакая демократія немыслима. При томъ не туда направлены теперь всѣ стремленія Германіи: объединеніе нѣмецкой расы и упроченіе этого объединенія—вотъ ея лозунгъ. Она исполняетъ теперь сознательно то, что у другихъ народовъ совершилось гораздо ранѣе и почти безсознательно: кто можетъ ее обвинить въ этомъ? И не лучше ли принять и внести въ наличную кни-

гу исторіи этотъ фактъ — столь же непреложный и неотвратимый, какъ всякое физіологическое, геологическое явленіе?

А бѣдная, растерзанная, растерянная Франція, что съ нею будетъ? Ни одна страна не находилась въ болѣе отчаянномъ положеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она напрягаетъ всѣ силы свои для смертельной борьбы, и письма, полученныя мною изъ Парижа, свидѣтельствуютъ о непреклонной рѣшимости защищаться до конца, какъ Страсбургъ. Будущее Франціи зависитъ теперь отъ парижанъ. „Намъ надо будетъ перевоспитать себя", пишетъ намъ одинъ изъ нихъ; „мы заражены имперіей до мозга костей; мы отстали, мы упали, мы погрязли въ невѣжествѣ и самомнѣніи... но это перевоспитаніе впереди: теперь мы должны спасти себя, мы должны дѣйствительно окреститься въ той кровавой купели, о которой только болталъ Наполеонъ; и мы это сдѣлаемъ". Скажу не обинуясь, что мои симпатіи къ нѣмцамъ не мѣшаютъ мнѣ желать ихъ неудачи подъ Парижемъ; и это желаніе не есть измѣна тѣмъ симпатіямъ: для нихъ же самихъ лучше, если они Парижа не возьмутъ. Не взявъ Парижа, они не подвергнутся соблазну сдѣлать ту попытку реставраціи императорскаго режима, о которой уже толкуютъ нѣкоторыя ультраусердныя и патріотическія газеты; они не испортятъ лучшаго дѣла своихъ рукъ, они не нанесутъ Франціи самой кровавой обиды, которую когда-либо претерпѣвалъ побѣжденный народъ... Это будетъ еще хуже отнятія провинцій! „Ватерлоо можно еще простить", справедливо замѣтилъ кто-то, „но Седанъ никогда!" *Проклятый* le maudit—въ устахъ французскаго солдата нѣтъ другаго имени Наполеону; и могло ли оно быть иначе? Не говорю уже о томъ, что народу, такъ глубоко, такъ безжалостно пораженному, необходимо, по законамъ психологіи, выбрать „козлище очищенія"; а что на этотъ разъ „козлище" не невинное существо, въ томъ, я полагаю, не сомнѣваются даже *Московскія Вѣдомости*.

Но, повторяю, роль меча еще не кончена... онъ одинъ разрубитъ гордіевъ узелъ.

А я все-таки скажу: хоть и нельзя желать полной побѣды нѣмцевъ, но самая эта побѣда намъ должна служить урокомъ: она является торжествомъ большаго знанія, большаго искусства, сильнѣйшей цивилизаціи: наглядно, съ несомнѣнной, поразительной ясностью показано намъ, что̀ доставляетъ побѣду.

И. Т.

5.

Баденъ-Баденъ, 18-го (30) сентября

Сегодня мнѣ невольно приходили въ голову начальные стихи гётевской поэмы: „Германъ и Доротея". Такъ же, какъ и въ томъ городѣ, все народонаселеніе Бадена отправилось на большую дорогу смотрѣть „печальное шествіе злополучныхъ, изъ родины изгнанныхъ людей"—т.-е. семнадцатитысячнаго страсбургскаго гарнизона, которому, пока, назначено мѣстопребываніе въ Раштаттѣ. (Замѣчу кстати, что „героическая" защита Страсбурга далеко не оправдала эпитета, заранѣе даннаго ей французами; не говоря уже о Севастополѣ, она не можетъ идти въ сравненіе даже съ защитою Антверпена въ 1832 г., которая продолжалась тоже около мѣсяца, но гдѣ генералъ Шассé сдался только послѣ взятія штурмомъ форта св. Лаврентія, командовавшаго всѣмъ городомъ; впрочемъ, ни одинъ другъ человѣчества не будетъ жалѣть о томъ, что генералъ Урихъ избѣгъ ненужнаго кровопролитія, не дождавшись штурма. Говорятъ, у него не было больше пороха.) Длинная колонна плѣнныхъ, которыхъ пѣшкомъ привели изъ Страсбурга, сегодня только въ 5 часовъ приблизилась къ Раштатту, хотя ожидали ее къ 12-ти часамъ; она являла самую разнообразную и живописную смѣсь мундировъ: тутъ были и пѣхотинцы двадцати различныхъ полковъ, и кирасиры, и артиллеристы, и жандармы, и зуавы, и тюркосы—остатки макъ-магоновской арміи. Солдаты шли бодро и даже весело—и не казались изнуренными, хотя многіе были босы; почти каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ шомполъ или палку съ нанизанными овощами и плодами, картофелемъ, яблоками, морковью, кочанами капусты; тюркосы скалили зубы и озирались какъ дѣти; офицеры шли молча, отдѣльными кучками, съ опущенными глазами, со скрещенными на груди руками: они одни, казалось, чувствовали всю горечь своего положенія. Комендантъ Раштатта выѣхалъ со всѣми своими адъютантами на встрѣчу плѣнныхъ и шелъ впереди колонны; нѣсколько французскихъ штабъ-офицеровъ также ѣхало верхомъ—всѣ сохранили свои шпаги. Десятитысячная публика, стоявшая по обѣимъ сторонамъ дороги, вела себя очень прилично—съ полнымъ уваженіемъ къ несчастію побѣжденныхъ; не было слышно ни одного клика, ни одного слова, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Одна старая крестьянка засмѣялась-было при видѣ одного дѣйствительно каррикатурнаго

тюркоса; но ее тотчасъ осадилъ работникъ въ блузѣ, промолвивъ: „Alles zu seiner Zeit; heute lacht man nicht". (Все въ свое время; сегодня не смѣются). Это не мѣшаетъ всѣмъ нѣмцамъ чувствовать великую радость при мысли о безповоротномъ (какъ они полагаютъ) возвращеніи древне-германскаго города въ лоно объединенной родины; притомъ они хорошо знаютъ, что паденіе Страсбурга ускоритъ паденіе Парижа, давая имъ возможность отправить всю осадную артиллерію по желѣзной дорогѣ, ставшей совершенно свободною послѣ сдачи Туля.

Удары не перестаютъ падать, одинъ за однимъ, на несчастную Францію. Я на дняхъ имѣлъ продолжительные разговоры съ однимъ французомъ, только что возвратившимся изъ Дижона, куда онъ ѣздилъ съ цѣлью попытаться попасть въ будущее Учредительное Собраніе. Выборы въ это собраніе были отсрочены, какъ извѣстно, на неопредѣленное время, подъ вліяніемъ телеграммы Фавра, отправленной послѣ его разговора съ Бисмаркомъ, и послѣдовавшей затѣмъ прокламаціи Кремьё. Вотъ что говорилъ мнѣ французъ, вернувшійся изъ Дижона: „У насъ теперь нѣтъ собранія, нѣтъ правительства, нѣтъ арміи, а есть только ярость и рѣшимость отчаянно драться до конца. Умѣренные люди молчатъ—и должны молчать; дѣйствовать могутъ только одни крайніе, беззавѣтные, безумно-страстные; и, прибавилъ онъ, ce sont peut-être les plus fous qui sont maintenant les plus sages; ils nous sauveront peut-être". (Самые безумные—быть можетъ, самые разсудительные: они спасутъ насъ). Если Парижъ въ состояніи продержаться три, четыре мѣсяца; если французы выкажутъ только часть того несокрушимаго темперамента, который, въ концѣ-концовъ, доставилъ испанцамъ побѣду надъ Наполеономъ; если во всѣхъ департаментахъ учредятся гверильясы, если самое паденіе Парижа насъ не смутитъ—дѣло можетъ быть еще выиграно. Надо заставить пруссаковъ бороться съ призракомъ, съ пустотою, съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго правительства—il faut faire le vide devant eux... Съ кѣмъ они заключатъ миръ, когда уже теперь они не видятъ передъ собою ни одного отвѣтственнаго, гарантированнаго лица? Не за Наполеона же взяться въ самомъ дѣлѣ? А между тѣмъ ихъ громадная армія будетъ таять какъ воскъ; да они же не могутъ оставаться такъ долго внѣ Германіи, вдали отъ своихъ жилищъ, семействъ... Вооруженная нація способна только на короткіе походы, а наши средства неистощимы".

Вотъ какими рѣчами старался мой знакомый хотя нѣсколько заглушить свою патріотическую скорбь... Нельзя не согласиться, что въ нихъ есть значительная доля истины. А между тѣмъ, тотъ же самый французъ нисколько не скрывалъ отъ себя всѣхъ темныхъ сторонъ того самаго положенія, которое возбуждало его надежды: особенно сокрушало его совершенное исчезновеніе дисциплины во французской арміи, на которое намекалъ уже Трошю въ извѣстной своей брошюрѣ... Имперія превратила солдатъ въ преторіанцевъ, а преторіанская дисциплина намъ извѣстна изъ исторіи.

Все зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, какъ поведетъ себя Парижъ; лучше Страсбурга, должно надѣяться.

И. Т.

XXXVII.

[*The Academy*, 1871, March]

History of a Town. Edited by M. E. Saltykoff.

(Istoriya odnogo goroda.) St. Petersburg: 1870.

This is a book which in spite of its eccentricity, an eccentricity even running somewhat into caricature, will not only be read with pleasure by lovers of humour and of satirical *verve*, but will doubtless be taken into consideration by the future historian of the changes through which the face of Russian society has passed during the last hundred years. Its author, who usually writes under the name of Stchedrine, but whose real name is Saltykoff (a descendant, by the way, of the ancient family of Moscow Boyars of that name), after having, like many other writers suspected of propagating liberal opinions, undergone his time of persecution and of exile under the Emperor Nicholas, acquired a great deal of popularity by the publication, some fifteen years ago, of a series of sketches called *Scenes of Provincial Life* (Gubernskie Ocherki), in which he lashed with indomitable vigour the numerous abuses then current under the name of Government and Justice.

Saltykoff's manner as a satirist somewhat resembles that of Juvenal. His laughter is bitter and strident, his raillery not unfrequently insulting. But, as we have already said, his violence often assumes the form of caricature. Now there are two kinds of caricature: that which exaggerates

the truth, as with a magnifying glass, but which never entirely alters its nature, and that which more or less consciously deviates from the natural thuth and proportion of fact. Saltykoff indulges in the first kind only, the only admissible one. It is the natural consequence of his character: kind and sensitive at bottom, but superficially rude. At the same time he is very delicate in his perceptions, which have something of instinct and divination about them. He has read much, and above all he has seen much. In fact he knows his own country better than any man living. The *History of a Town*—which is in reality a sort of satirical history of Russian society during the second half of the past and the beginning of the present century, under the form of a burlesque description of the town of Glupoff, and of the governors who successively ruled over it from 1762 to 1826—could not well be translated in its entirety, nor do I think that it could be understood or appreciated by a Western public. The „taste of the soil" is too perceptible, and the language too often runs into slang. Frequently too the author allows his fancy to run away with him in a manner quite preposterous. In the series of typical Governors of Glupoff (Dullborough), for instance, there is one who has for his head a *pâté de foie gras*, which is eventually devoured by the „Marshal of the Nobility", a great *gourmand* and lover of truffles. Such absurdities as these, very possibly, have been introduced on purpose, in order to discomfit the over-attentive or official reader.

There is something of Swift in Saltykoff; that serious and grim comedy, that realism—prosaic in its lucidity amidst the wildest play of fancy—and, above all, that constant good sense—I may even say that moderation—kept up in spite of so much violence and exaggeration of form. I have seen audiences thrown into convulsions of laughter by the recital of some of Saltykoff's sketches. There was something almost terrible in that laughter, the public, even while laughing, feeling itself under the lash. I repeat that the *History of a Town* could not be translated as it stands, but I think that a selection might be made out of the different forms of its Governors which pass before the reader's eyes, sufficient to give an idea to foreigners of the interest excited in Russia by a strange and striking book—one which, under a form necessarily allegorical, offers a picture of Russian history which is, alas! too true. More particularly I would call attention to the sketch of the Governor Ugrium-Burcheeff, in whose face every one has recognised the sinister and repulsive features of Arakcheeff, the allpowerful favourite of Alexander I during the last years of his reign.

Ivan Tourguéneff.

[Переводъ.]

„Исторія одного города“, соч. М. Е. Салтыкова. СПБ. 1870.

Несмотря на причудливость этой книги, переходящую мѣстами даже въ каррикатурность, ее не только будутъ съ удовольствіемъ читать любители юмора и сатирической *verve*, но несомнѣнно приметъ во вниманіе и будущій изобразитель тѣхъ перемѣнъ, которыя постигли за послѣднія сто лѣтъ внѣшній обликъ русскаго общества. Ея авторъ, пишущій обыкновенно подъ псевдонимомъ Щедрина, но въ дѣйствительности носящій имя Салтыкова (къ слову сказать, потомокъ одноимянной фамиліи московскихъ бояръ), будучи заподозрѣнъ, подобно нѣкоторымъ другимъ писателямъ, въ распространеніи либеральныхъ идей, вкусилъ свою долю преслѣдованій и ссылки при императорѣ Николаѣ I; позднѣе онъ пріобрѣлъ большую извѣстность серіей очерковъ, изданныхъ лѣтъ пятнадцать назадъ подъ названіемъ „Губернскіе очерки“, гдѣ съ неукротимой силою бичевалъ многочисленныя злоупотребленія, царившія тогда подъ эгидою власти и правосудія.

Сатирическая манера Салтыкова до нѣкоторой степени сходна съ манерою Ювенала. Его смѣхъ горекъ и пронзителенъ, его насмѣшка нерѣдко оскорбительна. Но, какъ мы уже сказали, его запальчивость часто принимаетъ форму каррикатуры. Каррикатура бываетъ двухъ видовъ: одна преувеличиваетъ истину, какъ-бы посредствомъ увеличительнаго стекла, но никогда не искажаетъ ея всецѣло, другая болѣе или менѣе сознательно уклоняется отъ естественной правды и соразмѣрности. Салтыковъ культивируетъ только первый родъ, который одинъ и законенъ. Это—естественное слѣдствіе его характера, скрывающаго доброту и чувствительность подъ суровой внѣшностью. Въ то же время его пониманіе вещей чрезвычайно тонко и обнаруживаетъ въ немъ нѣкоторую способность къ интуиціи и провидѣнію.

Онъ много читалъ, а главное много видѣлъ. Дѣйствительно, онъ знаетъ свою родную страну лучше, чѣмъ кто-либо. „Исторія одного города“—въ сущности сатирическая исторія русскаго общества за вторую половину прошлаго и начало нынѣшняго вѣка въ формѣ забавнаго описанія города Глупова и начальниковъ, послѣдовательно правившихъ имъ съ 1762 по 1826 г. Цѣликомъ ее невозможно перевести, и западно-европейская публика, я думаю, не поняла бы и не оцѣнила бы ее. Мѣстный колоритъ въ ней слишкомъ явенъ, и языкъ слишкомъ часто сбивается на жаргонъ. Часто также авторъ позволяетъ своему воображенію выкидывать совершенно нелѣпыя вещи. Такъ напримѣръ, въ серіи типичныхъ городничихъ г. Глупова есть одинъ, у котораго вмѣсто головы—*pâté de foie gras*, которую

нечаянно съѣдаетъ предводитель дворянства, большой лакомка и любитель трюфелей. Очень возможно, что подобныя нелѣпости введены съ умысломъ, чтобы огорашивать слишкомъ внимательнаго или чиновнаго читателя.

Въ Салтыковѣ есть что-то Свифтовское; этотъ серьезный и свирѣпый юморъ, этотъ реализмъ, трезвый въ своей ясности среди самой дикой игры воображенія, и особенно этотъ непоколебимый здравый смыслъ, я готовъ сказать даже—эта умѣренность—ни на минуту не измѣняютъ автору несмотря на несдержанность и преувеличенія формы. Я видѣлъ, какъ слушатели смѣялись до колики при чтеніи иныхъ очерковъ Салтыкова. Было что-то почти страшное въ этомъ смѣхѣ, потому что публика, смѣясь, въ то же самое время чувствовала, какъ бичъ хлесталъ ее самое. Повторяю, „Исторію одного города" нельзя перевести полностью, но я думаю, что можно выбрать нѣсколько типовъ городничихъ, которые проходятъ въ ней предъ взоромъ читателя, и что этой выборки будетъ достаточно, чтобы дать понятіе иностранцамъ объ интересѣ, какой возбудила въ Россіи эта странная и замѣчательная книга, представляющая въ формѣ, по необходимости аллегорической, къ несчастію слишкомъ вѣрную картину русской исторіи. Въ особенности я хотѣлъ бы обратить вниманіе на очеркъ о городничемъ Угрюмъ-Бурчеевѣ, въ лицѣ котораго всѣ узнали злой и отталкивающій обликъ Аракчеева, всесильнаго любимца Александра I въ послѣдніе годы его царствованія.

Иванъ Тургеневъ.

XXXVIII.

[„The Academy", 1871, July.]

Krilof and his Fables. By W. R. S. Ralston. Third edition greatly enlarged.

The words „third edition" are particularly agreeable to the ears of a Russian, in connection with this issue of Mr. Ralston's excellent translation of Krilof's fables, as they prove that English readers are beginning to feel an interest in the literature of his country, and in the national life and character which they have hitherto only contemplated from a political point of view. And Krilof certainly deserves all the attention thus bestowed upon him. He is the only original fabulist who has appeared since La Fontaine; and though he does not, perhaps, equal the exquisite grace of the inimitable Frenchmann, though he has fewer sly strokes of

wit, less cunning simplicity in telling a story, he has, on the other hand, more originality of invention. His observant good sense penetrates to the roots of things, and he possesses a genuine kind of phlegmatic humour which betrays the Oriental element in Slavonic nature. In his birth and all the circumstances of his life Krilof was as Russian as possible: he was essentially national in his ways of thinking feeling, and writing; and it may be maintained without exaggeration that a foreigner who has carefully studied Krilof's fables will have a better idea of the Russian national character than if he had read through all the travels and essays that attempt to describe it. Russian children learn Krilof by heart as French ones do La Fontaine, without entering into all the wisdom of his teaching, but in later life they return to him with double profit. Like La Fontaine, but to a still greater degree, Krilof has supplied the public conscience with a number of precepts and adages and sayings which have become proverbial even in the mouth of unlettered peasants; no one is oftener quoted than he, and, like the Bible and Shakspeare in England, those who quote him have often no idea of their obligation proof positive that his work has been completely absorbed into the national popular life from which it sprung. The present day offers no higher reward to literary ambition than this faint reflection of the past grandeur of epic poetry, which is only great because it is impersonal.

Mr. Ralston's translation leaves nothing to desire in the matter of accuracy or colouring, and the fables which he has added are not amongst the least welcome. The short preface and memoir prefixed to the volume, and the historical and literary notes on some of the fables, have been done conscientiously and *con amore*. I will not be his fault if Krilof does not prove to be thoroughly „naturalised" in England.

Personally, the present writer remembers to have seen Krilof once a short time before his death. He had a majestic head rather massive and heavy, fine white hait, pendent cheeks, the mouth large but well formed and earnest, the eye fixed and eyelid drooping, an expression of indolence and almost of apathy on the whole face, but with intelligence and humour, as it were, showing through. He scarcely ever spoke, but listened—brilliantly, if I may say so, since his silence was accompanied by an internal sort of smile, as if he were imparting to himself a number of lively observations never destined to be given to the world.

One anecdote of Krilof has been communicated to us by the person who witnessed the incident, which throws additional light on his indolent

and original character. A large and heavy picture, which hung just above the place where Krilof generally sat, had slipped from one of the nails which supported it and threatened to fall on the head of the thoughtless fabulist. His attention was called to the danger, and he replied quietly: „Oh! I have studied the situation, and I calculate that if the picture falls, it will take a diagonal line, just clear of my head". And so, for a long time, the picture continued to hang askew and Krilof to sit under it.

I. Tourguéneff.

[Переводъ.]

[„Недѣля", книжка, 1899, декабрь.]

Слова „третье изданіе" въ связи съ изданіемъ прекраснаго перевода г. Рольстономъ крыловскихъ басенъ—звучатъ особенно пріятно для уха каждаго русскаго, такъ-какъ они показываютъ, что англійскій читатель начинаетъ находить интересъ къ его родной литературѣ, къ жизни и характеру его націи, и смотритъ на все это не съ одной только политической точки зрѣнія, какъ это было до сихъ поръ.

Что касается самого Крылова, то онъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ заслуживаетъ все то вниманіе, которое ему оказываютъ. Это—единственный оригинальный баснописецъ, появившійся со времени Лафонтена.

Конечно, едва-ли можно сказать, что онъ въ своихъ басняхъ сравнился съ своимъ французскимъ предшественникомъ по его удивительной, неподражаемой граціи, лукавому и хитрому простодушію. Но зато въ немъ больше оригинальности, чѣмъ у Лафонтена. Его наблюдательность и здравый смыслъ даютъ ему возможность добираться до корня вещей. Кромѣ того, онъ обладаетъ неподдѣльнымъ и притомъ нѣсколько флегматическимъ юморомъ, который указываетъ на восточный элементъ, присутствующій въ славянской натурѣ. Начиная съ дѣтства и во всю остальную свою жизнь Крыловъ всегда былъ типичнѣйшимъ русскимъ человѣкомъ. Такимъ онъ былъ и по своимъ взглядамъ и по своимъ чувствамъ,—и такимъ онъ сказался во всѣхъ своихъ писаніяхъ. Можно положительно сказать, не боясь впасть въ преувеличенія, что иностранецъ, основательно изучившій басни Крылова, будетъ имѣть болѣе ясное представленіе о русскомъ національномъ характерѣ, чѣмъ прочитавши всевозможныя сочиненія, трактующія объ этомъ предметѣ.

Русскія дѣти заучиваютъ басни Крылова наизусть, также какъ французскія—басни Лафонтена, въ то время, когда еще не въ состояніи понять всего глубокаго смысла, заключающагося въ нихъ. Но позднѣе они возвращаются къ нимъ и, конечно, извлекаютъ оттуда

гораздо болѣе пользы. Подобно Лафонтену, Крыловъ обогатилъ общественное самосознаніе множествомъ наставленій, поговорокъ, изреченій, сдѣлавшихся обиходными даже въ рѣчи неграмотнаго крестьянина. Никого не цитируютъ такъ часто, какъ Крылова, и, подобно тому, какъ это случилось съ Библіей и Шекспиромъ въ Англіи, тѣ, которые цитируютъ его, часто не знаютъ даже, кому они обязаны даннымъ выраженіемъ,—нужно-ли лучшее доказательство того, что его произведенія всецѣло вошли въ національную народную жизнь, т. е. возвратились къ своему первоначальному источнику. Конечно, все это—лишь слабое отраженіе прошлаго величія эпической поэзіи—великой только потому, что она безлична (impersonal). Но въ настоящее время литературному честолюбію нечего и надѣяться на высшую награду.

Переводъ г. Рольстона не оставляетъ ничего желать лучшаго въ смыслѣ точности или колоритности. Коротенькое предисловіе и біографическій очеркъ Крылова, которые Рольстонъ приложилъ къ своей книжкѣ, а также историческія и литературныя замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ басенъ,—все это носитъ слѣды добросовѣстнаго и любовнаго отношенія къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ, не его вина будетъ, если Крыловъ не „натурализируется“ въ Англіи.

Пишущій эти строки припоминаетъ, что видѣлъ Крылова незадолго до его смерти. У него была величественная голова, нѣсколько массивная и тяжелая, прекрасные бѣлые волоса, отвислыя щеки, большой, но правильный и серьезный ротъ, неподвижные глаза, лѣнивое, почти апатичное выраженіе лица, но съ какъ-бы просвѣчивающими сквозь него умомъ и юморомъ. Онъ едва-ли когда-либо говорилъ, но слушалъ—блестяще, если можно такъ выразиться. Его молчаніе сопровождалось чѣмъ-то въ родѣ внутренней улыбки, какъ будто онъ про себя дѣлалъ много замѣчаній, которыя никогда не должны были быть повѣданы міру.

Одинъ анекдотъ изъ жизни Крылова былъ намъ переданъ очевидцемъ—анекдотъ, хорошо иллюстрирующій его лѣнивый и оригинальный характеръ.

Большая тяжелая картина, висѣвшая какъ-разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно сиживалъ Крыловъ, соскочила съ одного изъ гвоздей, поддерживавшихъ ее, и грозила упасть прямо на голову беззаботнаго баснописца. Но когда Крылову указали на эту опасность, онъ спокойно отвѣтилъ: „О, я изучилъ положеніе картины и расчиталъ, что, если картина упадетъ, то упадетъ по діагонали, какъ-разъ мимо моей головы“. Такимъ образомъ картина впродолженіе долгаго времени висѣла въ косомъ направленіи, а Крыловъ и не думалъ трогаться съ своего мѣста.

И. Тургеневъ.

XXXIX.

(„С.Петерб. Вѣдом." 1871 г., октябрь.)

[О книгѣ А. Больца.]

Г-нъ А. Больцъ—одинъ изъ немногихъ нѣмцевъ, основательно и научно знающихъ русскій языкъ—и его учебникъ, составленный по методѣ Робертсона и выходящій нынѣ „четвертымъ" изданіемъ—безъ всякаго сравненія лучшая книга, напечатанная по этой части за границей. Какъ спеціалистъ-филологъ, онъ воспользовался трудами нашихъ ученыхъ и, между прочимъ, съ особеннымъ стараніемъ изучилъ сочиненія г. Буслаева. Онъ также извѣстенъ какъ хорошій переводчикъ съ русскаго.

Положенный имъ въ основаніе своего труда разсказъ (изъ повѣстей Бѣлкина) разобранъ съ умѣніемъ и тактомъ и уроки распредѣлены съ замѣчательной послѣдовательностью.

Мы смѣло рекомендуемъ сочиненіе г. Больца всѣмъ желающимъ пріобрѣсти въ скоромъ времени положительныя познанія въ русскомъ языкѣ.

Ив. Тургеневъ.

XL.

(„С.Петерб. Вѣдом." 1872 г., апрѣль.)

[Письмо къ редактору.]

Парижъ, 3-го мая (21-го апрѣля.)

М. Г. Вотъ уже нѣсколько разъ какъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и въ другихъ газетахъ (какъ, напр., въ „Новомъ Времени") было упомянуто о намѣреніи нѣкоторыхъ любителей почтить меня юбилейнымъ праздникомъ по поводу двадцатипятилѣтія, протекшаго со времени появленія „Записокъ охотника". Такъ какъ осуществленію этого намѣренія не предстоитъ положительныхъ препятствій и даже, быть можетъ, уже сдѣланы первые шаги, то считаю долгомъ обратиться къ посредничеству вашей уважаемой газеты—вопервыхъ, для того, чтобы выразить моимъ доброжелателямъ самую глубокую и искреннюю благодарность, а вовторыхъ и для того, чтобы столь

же искренно попросить у нихъ позволенія отказаться отъ предлагаемой чести. Подобныя изъявленія только тогда имѣютъ мѣсто, когда они не даютъ повода ни къ какимъ отрицательнымъ чувствамъ, ни къ какимъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ; а въ предстоящемъ случаѣ это немыслимо. Къ тому же я уже и такъ свыше мѣры награжденъ сочувствіемъ той части читающей публики, которая не считаетъ мою дѣятельность безполезной. Еще разъ, великое спасибо за честь, но принять ее запрещаетъ мнѣ совѣсть.

Примите, и проч.

Иванъ Тургеневъ.

P. S. Покорно прошу редакцію „Новаго Времени“ и другія редакціи перепечатать настоящее письмо.

XLI.

[Предисловіе къ переводу „Германіи“ Гейне.]

Позволяемъ себѣ рекомендовать Русскимъ читателямъ предлежащій переводъ „путешествія въ Германію“, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній геніальнаго Гейнриха Гейне.

Распространяться о достоинствахъ этой поэмы—нечего: кому же она неизвѣстна и кто не знаетъ, что именно теперь Гейне едва ли не самый популярный чужеземный поэтъ у насъ въ Россіи? — Пересадить этотъ яркій, душистый, — иногда слишкомъ душистый цвѣтокъ на родимую почву — было задачей не легкой; — но, на сколько мы можемъ судить, переводчикъ исполнилъ ее и добросовѣстно и счастливо, что̀ не всегда совпадаетъ, замѣтимъ кстати.

Мы не сомнѣваемся, что трудъ нашего соотечественника будетъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ всѣхъ любителей истинной поэзіи, юмора и ума.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ.
Декабрь 1874.

XLII.

[„Temps", 1875, fevr.]

[Предисловіе къ переводу „Двухъ гусаровъ" Л. Н. Толстого.]

Deux hussards.

L'auteur de la nouvelle offerte aujourd' hui aux lecteurs du *Temps*, le comte Léon Tolstoï, est un des plus remarquables écrivains de la nouvelle école littéraire russe, de cette école qui procède de Pouchkine et de Gogol, et bien plus de notre grand humoriste que de notre grand poëte. On peut même dire qu' après la publication (en 1870) du dernier ouvrage du comte Tolstoï, la *Guerre et la Paix*, composition originale et vaste, qui tient à la fois de l'épopée, du roman historique et de l'étude de moeurs, c'est lui qui tient décidément le premier rang dans la faveur du public. Né en 1828, il est dans toute la force de l'âge, et promet de fournir une longue et brillante carrière.

Le comte Léon Tolstoï a débuté en 1852 par un récit intitulé *l'Enfance*, qui attira aussitôt sur lui l'attention des connaisseurs et de la critique. C'était une étude des premières années de la vie humaine, dans le genre de ce que Charles Dickens a tenté de faire dans son charmant roman de *Dombey et fils*; une grande finesse d'observation psychologique s'y allie à la plus touchante poésie. Plus tard vinrent des récits militaires d' une couleur admirable, sobre et puissante. (L'auteur était officier d'artillerie; il avait servi au Caucase et pendant le siège de Sebastopol.) A ces récits succédèrent des nouvelles aussi remarquables par le fond que par la forme; l'une d'elles, assez improprement intitulée les *Cosaques*, offre la peinture la plus vive et la plus vraie du Caucase et de ses habitants. La *Guerre et la Paix*, dont j'ai parlé plus haut, vint clore la liste des oeuvres du comte Tolstoï dans le passé; un nouveau grand roman dû à sa plume se publie actuellement à Moscou.

Je ne crois pas devoir m'étendre sur les mérites particuliers des *Deux Hussards*; le lecteur les sentira sans que j'aie besoin de l'en avertir. Il suffit de dire que cette nouvelle donne une idée assez exacte de la manière du comte Léon Tolstoï.— Lui aussi, il est dans ce grand courant réaliste qui, à l'heure actuelle, domine partout dans la littérature et dans les arts; mais il a une couleur et une note qui lui sont propres.

[Переводъ.]

[„Моск. Вѣд.“ 1875 г., февр.]

Авторъ разсказа, предлагаемаго нынѣ читателямъ „Temps“, графъ Левъ Толстой, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей новой русской литературной школы, той школы, которая исходитъ отъ Пушкина и Гоголя, и гораздо болѣе отъ нашего великаго юмориста, чѣмъ отъ нашего великаго поэта. Можно даже сказать, что по напечатаніи (въ 1870 году) послѣдняго сочиненія графа Толстаго „Война и Миръ“, произведенія оригинальнаго и многосторонняго, заключающаго въ себѣ вмѣстѣ эпопею, историческій романъ и очеркъ нравовъ, онъ рѣшительно занимаетъ первое мѣсто въ расположеніи публики. Онъ родился въ 1828 году, находится въ полномъ цвѣтѣ силъ, и ему предстоитъ продолжительное и блестящее поприще.

Графъ Левъ Толстой выступилъ на сцену въ 1852 году съ разсказомъ подъ названіемъ „Дѣтство“, который сразу обратилъ на себя вниманіе знатоковъ и критики. Это очеркъ первыхъ лѣтъ человѣческой жизни въ родѣ того, что пытался представить Чарлзъ Диккенсъ въ своемъ прелестномъ романѣ „Домби и Сынъ“; тонкость психологическаго наблюденія соединяется въ немъ съ самою трогательною поэзіею. Въ послѣдствіи появились военные разсказы характера превосходнаго, трезваго и мощнаго (авторъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ; онъ служилъ на Кавказѣ и во время осады Севастополя). За этими разсказами слѣдовали повѣсти, столь же замѣчательныя по формѣ, какъ и по содержанію; одна изъ нихъ, не совсѣмъ точно названная „Казаки“, представляетъ самую живую и самую вѣрную картину Кавказа и его жителей. „Война и Миръ“, о которой я упомянулъ выше, заключила этотъ списокъ произведеній графа Толстаго; новый большой романъ, принадлежащій его перу, начатъ теперь печатаніемъ въ Москвѣ.

Я не имѣю въ виду распространяться объ особенныхъ достоинствахъ „Двухъ Гусаръ“; читатель самъ почувствуетъ ихъ безъ моего предувѣдомленія. Достаточно сказать, что этотъ разсказъ даетъ довольно точное понятіе о манерѣ графа Льва Толстаго. Онъ также принадлежитъ къ великому реалистскому потоку, который въ настоящее время господствуетъ повсюду въ литературѣ и искусствахъ, но онъ имѣетъ оттѣнокъ и тонъ собственно ему принадлежащіе.

Иванъ Тургеневъ.

XLIII.

[„С. Петерб. Вѣдом.“ 1875 г., августъ.]

[О переводѣ „Демона“ на англ. яз.]

Со времени великихъ наполеоновскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія—Россія, ея политика, ея будущность, ея историческая роль стали, какъ извѣстно, возбуждать особенное вниманіе европейцевъ; но только въ послѣднее время вниманіе это обратилось на русскую литературу и начали появляться переводы всѣхъ болѣе замѣчательныхъ русскихъ произведеній на такъ-называемые „культурные“ языки. Англичане, вообще не слишкомъ податливые на подобное присвоеніе чуждыхъ элементовъ, не остались, однако, позади: стоитъ упомянуть добросовѣстные труды почтеннаго В. Рольстона. Позволяемъ себѣ довести до свѣдѣнія отечественныхъ читателей о появленіи новаго труда въ томъ же направленіи. Молодой англійскій литераторъ А. Стифенъ, изучивши русскій языкъ—онъ для этой цѣли посѣтилъ наше отечество—и плѣнившись красотами лермонтовской музы,—перевелъ „Демона“ стихами, что составляетъ подвигъ немалый, особенно если принять въ соображеніе красивую сжатость и энергію лермонтовскаго стиха, правда, не достигшаго еще въ „Демонѣ“ своей окончательной формы. Г. Стифенъ не скрывалъ отъ самого себя трудностей своего предпріятія: переводъ въ прозѣ имѣлъ бы на своей сторонѣ важное преимущество большей точности и вѣрности—но поэтическая физіономія утратила бы свои права.—Должно сознаться, что г. Стифенъ—въ цѣломъ—удачно разрѣшилъ свою задачу—хотя онъ и былъ вынужденъ въ иныхъ мѣстахъ своего переложенія нѣсколько расплыться въ ширину и прибѣгать къ реторической фразеологіи, освященной байроновской традиціей.—Какъ бы то ни было, намъ кажется, что онъ имѣетъ право на русское спасибо, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, „Демонъ“ встрѣтилъ очень лестный пріемъ со стороны англійской публики.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
Іюль, 1875 г.

XLIV.

[Автобіографія. 1875 г.]

Иванъ Сергѣевичь Тургеневъ родился 28 Октября въ городѣ Орлѣ отъ Сергѣя Николаевича Тургенева и Варвары Петровны Лутовиновой—вторымъ изъ трёхъ сыновей: старшій изъ нихъ, Николай, живъ до сихъ поръ; младшій, Сергѣй, скончался на 16-мъ году жизни. Отецъ Тургенева служилъ въ Елизаветградскомъ кирасирскомъ полку, квартировавшемъ въ Орлѣ. Выдя въ отставку съ чиномъ полковника, онъ поселился въ имѣніи своей жены, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, находящемся въ десяти верстахъ отъ города Мценска Орловской губерніи—а въ 1822-мъ году совершилъ съ цѣлой семьей и прислугой—въ двухъ каретахъ съ фургономъ—заграничную поѣздку, въ теченіи которой И. С. чуть не погибъ—въ Швейцарскомъ городѣ Бернѣ, сорвавшись съ перилъ, окружавшихъ яму, въ которой содержатся городскіе медвѣди; отецъ едва успѣлъ ухватить его за ногу. Возвратившись въ Спасское, семья Тургеневыхъ зажила деревенской жизнью, той дворянской, медленной, просторной—и мелкой жизнью, самая память о которой уже почти изгладилась въ нынѣшнемъ поколѣніи—съ обычной обстановкой гувернёровъ и учителей, швейцарцевъ и нѣмцевъ, доморощенныхъ дядекъ и крѣпостныхъ нянекъ. Въ началѣ 1827-го года Тургеневы переселились въ Москву, гдѣ купили домъ на Самотекѣ, а въ 1833-мъ году И. С. поступилъ, будучи всего 15-ти лѣтъ отъ роду, въ Московскій Университетъ, по „словесному“ факультету, какъ онъ назывался въ то время.—Изъ прежнихъ учителей своихъ И. С. съ благодарностью воспоминаетъ о Д. Н. Дубенскомъ, преподавателѣ Русскаго языка, о П. Н. Погорѣльскомъ, преподавателѣ математики, и объ И. П. Клюшниковѣ, довольно извѣстномъ тогдашнемъ литераторѣ, подписывавшемъ свои стихи буквою *Ѳ*. Въ Московскомъ Университетѣ И. С. оставался недолго: всего годъ; слушалъ профессоровъ Погодина, Павлова, послѣдователя Шеллинговской философіи, читавшаго по ней физику—и рядомъ съ нимъ старика Побѣдоносцева, державшаго студентовъ на Ломоносовскихъ похвальныхъ Рѣчахъ и задававшаго имъ „хрію“. — Въ 1834-мъ году отецъ И—а С—а перевелъ его въ Петербургскій Университетъ для совмѣстнаго жительства со старшимъ братомъ, посту-

пившимъ въ Гвардейскую артиллерію—и въ томъ же году скончался. И. С. вышелъ изъ университета въ 1837-мъ году кандидатомъ—а въ 1838-мъ году отправился доучиваться въ Берлинъ на пароходѣ „Николай I-й", сгорѣвшемъ въ виду Травемюнде. Запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ изъ Петербургскаго Университета, былъ не великъ: изъ всѣхъ его профессоровъ одинъ только П. А. Плетневъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей.—Въ Берлинѣ И. С. преимущественно занимался Гегелевской философіей (у Вердера), филологіей и исторіей.—Въ то время Берлинскій Университетъ могъ похвалиться именами Бёка, Цумпта, Ранке, Риттера, Ганса и мн. др.—И. С. провелъ въ Берлинѣ два семестра; вмѣстѣ съ нимъ слушали курсы Грановскій и Станкевичъ. Въ 1840 году онъ, послѣ недолгаго пребыванія въ Россіи и поѣздки въ Италію, снова вернулся въ Берлинъ и оставался тамъ еще около года, живя на одной квартирѣ съ извѣстнымъ М. А. Бакунинымъ, не занимавшимся тогда политикой.—Въ 1841 году онъ вернулся въ Россію, поступилъ въ 1842-мъ году въ канцелярію Министра внутреннихъ дѣлъ подъ начальство В. И. Даля, служилъ очень плохо и неисправно—и въ 1843-мъ году вышелъ въ отставку. Въ томъ же году онъ вступилъ на литературное поприще—напечаталъ небольшую поэму: „Парашу"—не выставивъ однако своего имени—и познакомился съ Бѣлинскимъ. Въ теченіи двухъ послѣдовавшихъ лѣтъ онъ продолжалъ писать стихи и даже поэмы, не встрѣчавшія и не заслуживавшія одобренія,—а уѣзжая въ концѣ 1846-го года за границу, рѣшился-было совсѣмъ прекратить или измѣнить свою дѣятельность; но успѣхъ коротенькаго отрывка въ прозѣ, озаглавленнаго: „Хорь и Калинычъ", и оставленнаго имъ въ редакціи только что возобновленнаго журнала: „Современникъ" возвратилъ его къ литературнымъ занятіямъ. Съ тѣхъ поръ онъ не прекращались—и въ прошломъ году явилось уже пятое изданіе его собранныхъ сочиненій. Незначительный перерывъ въ этихъ занятіяхъ произошелъ лишь въ 1852-мъ году, когда по поводу напечатанія его статьи о кончинѣ Гоголя, или, говоря точнѣе, въ слѣдствіе появленія отдѣльнаго изданія „Записокъ Охотника", И. С. былъ посаженъ на мѣсяцъ въ полицейскій домъ—и потомъ отправленъ на жительство въ деревню, изъ которой онъ возвратился только въ 1854-мъ году. Съ 1861-го года И. С. живетъ большею частью за границей.

(Сообщено авторомъ.)

XLV.

[Воспоминанія о Шевченкѣ, 1875.]

Милостивый Государь!

Намѣреваясь издать полное собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка, Вы желаете, чтобы я сообщилъ Вамъ нѣсколько подробностей о немъ. Съ охотой исполняю Ваше желаніе, хотя долженъ предувѣдомить Васъ, что я познакомился съ народнымъ поэтомъ Малороссіи незадолго до его кончины и встрѣчался съ нимъ довольно рѣдко.

Первое наше свиданіе произошло въ Академіи Художествъ, вскорѣ послѣ его возвращенія въ Петербургъ, зимою, въ студіи одного живописца, у котораго Тарасъ Григорьевичъ намѣревался поселиться. Я пріѣхалъ въ Академію вмѣстѣ съ Марьей Александровной Маркевичъ (Марко-Вовчокъ), которая незадолго передъ тѣмъ тоже переселилась въ нашу сѣверную столицу и служила украшеніемъ и средоточіемъ небольшой группы Малороссовъ, съютившейся тогда въ Петербургѣ и восторгавшейся ея произведеніями: они привѣтствовали въ нихъ—также какъ и въ стихотвореніяхъ Шевченка—литературное возрожденіе своего края.—Въ студіи художника, куда мы прибыли съ Г-жею Маркевичъ, уже находилась одна дама (тоже Малороссіянка по происхожденію), которая также желала увидѣть Тараса Григорьевича—Г-жа Кар-ская; въ ея домѣ, по вечерамъ, часто собиралась та группа, о которой я говорилъ; и Шевченко, познакомившись съ Г-жею Карской, сталъ посѣщать ее чуть не каждый день. Мы прождали около часу. Наконецъ явился Тарасъ Григорьевичъ—и, разумѣется, прежде чѣмъ кого-либо изъ насъ, привѣтствовалъ Г-жу Маркевичъ: онъ уже встрѣчался съ нею, былъ искренно къ ней привязанъ и высоко цѣнилъ ея талантъ.—Широкоплечій, приземистый, коренастый, Шевченко являлъ весь обликъ козака, съ замѣтными слѣдами солдатской выправки и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокій морщинистый лобъ, широкій такъ называемый „утиный" носъ, густые усы, закрывавшіе губы; небольшіе сѣрые глаза, взглядъ которыхъ, большей-частью угрюмый и недовѣрчивый, изрѣдка принималъ выраженіе ласковое, почти нѣжное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голосъ нѣсколько хриплый, выговоръ чисто-русскій, движенія спокойныя, походка степенная, фигура мѣшковатая и мало изящная.—Вотъ

какими чертами запечатлѣлась у меня въ памяти эта замѣчательная личность. Съ высокой бараньей шапкой на головѣ, въ длинной темно-сѣрой чуйкѣ съ воротникомъ изъ черныхъ мерлушекъ, Шевченко глядѣлъ истымъ Малороссомъ, хохломъ; оставшіеся послѣ него портреты даютъ вообще вѣрное о немъ понятіе.

Намъ всѣмъ, тогдашнимъ литераторамъ, хорошо было извѣстно, какая злая судьба тяготѣла надъ этимъ человѣкомъ; талантъ его привлекалъ насъ своею оригинальностью и силой, хотя едва-ли кто-нибудь изъ насъ признавалъ за нимъ то громадное, чуть не міровое значеніе, которое, не обинуясь, придавали ему находившіеся въ Петербургѣ Малороссы; мы приняли его съ дружескимъ участіемъ, съ искреннимъ радушіемъ. Съ своей стороны онъ держалъ себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни съ кѣмъ не сблизился вполнѣ: все словно сторонкой пробирался. Онъ посѣтилъ меня нѣсколько разъ: но о своей изгнаннической жизни говорилъ мало; лишь по нѣмымъ отрывочнымъ словамъ и восклицаніямъ можно было понять, какъ солоно она пришлась ему и какія онъ перенесъ испытанія и невзгоды. Онъ мнѣ показалъ крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога, такъ какъ ему запрещено было заниматься писаніемъ; показалъ также свой дневникъ, веденный имъ на русскомъ языкѣ, что немало изумляло и даже нѣсколько огорчало его соотчичей; разсказалъ свои комическія отношенія съ двумя-тремя женами Киргизовъ, бродившихъ около мѣста его заключенія—и сознался въ вывезенномъ имъ оттуда пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ котораго онъ уже потомъ до самой смерти отвыкнуть не могъ.

Собственно поэтическій элементъ въ немъ проявлялся рѣдко: Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленнаго и обтершагося человѣка съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ непродолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости. Юмора, „жарта"—въ немъ не было вовсе. Только разъ, помнится, онъ прочелъ при мнѣ свое прекрасное стихотвореніе „Вечіръ" (Садокъ вишневий и т. д.)—и прочелъ его просто, искренне; самъ онъ былъ тронутъ и тронулъ всѣхъ слушателей: вся Южно-Русская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность.

Самолюбіе въ Шевченкѣ было очень сильное и очень наивное въ

тоже время: безъ этого самолюбія, безъ вѣры въ свое призваніе онъ неизбѣжно погибъ бы въ своемъ закаспійскомъ изгнаніи; восторженное удивленіе соотчичей, окружавшихъ его въ Петербургѣ, усугубило въ немъ эту увѣренность самородка-поэта. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ додумался до того, что нешутя сталъ носиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное—а именно: поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ Русскому и Малороссу; онъ даже принялся за эту поэму и читалъ мнѣ ея начало.—Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтное подражаніе Пушкину.

Читалъ Шевченко, я полагаю, очень мало,—(даже Гоголь былъ ему лишь поверхностно извѣстенъ), а зналъ еще меньше того... но убѣжденія, запавшія ему въ душу съ раннихъ лѣтъ, были непоколебимо крѣпки. При всемъ самолюбіи въ немъ была неподдѣльная скромность. Однажды, на мой вопросъ: какого автора мнѣ слѣдуетъ читать, чтобы поскорѣе выучиться Малороссійскому языку? онъ съ живостью отвѣчалъ: „Марка Вовчка! Онъ одинъ владѣетъ нашей рѣчью!"—Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбою, простолюдинъ, поэтъ и патріотъ.—У Г-жи Кар-ской находилась въ услуженіи дѣвушка Малороссіянка, по имени Лукерья; существо молодое, свѣжее, нѣсколько грубое, не слишкомъ красивое, но по своему привлекательное, съ чудесными бѣлокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна ея племени. Шевченко влюбился въ эту Лукерью и рѣшился жениться на ней; Кар-скіе сначала дивились, но кончили тѣмъ, что признали ее невѣстой поэта и даже начали дѣлать ей подарки и шить приданое; съ своей стороны Шевченко усердно готовился къ свадьбѣ, къ новой жизни... Но Лукерья сама раздумала и отказала своему жениху. Её, вѣроятно, запугали уже немолодыя лѣта Шевченка, его нетрезвость и крутой нравъ; а оцѣнить высокую честь быть супругою народнаго поэта она не была въ состояніи. Я нѣсколько разъ видѣлъ Шевченка послѣ его размолвки съ Лукерьей: онъ казался сильно раздраженнымъ.

Оканчивая этотъ небольшой очеркъ, я припоминаю еще одинъ фактъ изъ ссылочной жизни Шевченка, дѣлающій честь тогдашнему главному начальнику Оренбургскаго края, В. А. Перовскому. Шевченко, какъ извѣстно, былъ въ молодости довольно замѣчательнымъ

пейзажистомъ; въ крѣпости ему было запрещено, не только писать стихи, но и заниматься живописью. Какой-то черезъ-чуръ исполнительный генералъ, узнавъ, что Шевченко, несмотря на это запрещеніе, написалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „Генералъ, я на это ухо глухъ: потрудитесь повторить мнѣ съ другой стороны то, что вы сказали!"—Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка.

Вспоминается мнѣ также, что онъ, живя въ Академіи, занимался гравированіемъ на мѣди посредствомъ острой водки—о-фортъ—и воображалъ, что открылъ нѣчто новое, какой-то улучшенный способъ въ этомъ искусствѣ.

Вотъ все, что я имѣю сказать о немъ.

Я чувствую самъ, какъ малы и ничтожны эти свѣдѣнія; но въ числѣ прочихъ и онѣ могутъ принести свою относительную пользу.

Примите и т. д.

Ив. Тургеневъ.

Буживаль (возлѣ Парижа).
$\frac{21}{19}$ Октября 1875 г.

XLVI.

$\frac{3 \text{ дек.}}{21 \text{ нояб.}}$ 1875.

Письмо Г-ну Секретарю Общества Любителей Россійской Словесности.

Милостивый Государь!

Усматривая изъ нѣкоторыхъ статей отечественныхъ журналовъ, а такъ же узнавъ изъ другихъ источниковъ, что Общество Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ намѣрено удостоить меня юбилея, рѣшаюсь обратиться къ Вамъ. Смѣю думать, что Вы не откажетесь довести до свѣдѣнія Общества мою всепокорнѣйшую прозьбу.

Она состоитъ въ томъ, чтобы Общество, принявъ отъ меня живѣйшую благодарность за столь высокую и мною незаслуженную

честь—соблаговолило отказаться отъ вышесказаннаго намѣренія. Меня въ нынѣшнемъ году въ Россіи не будетъ; да и сверхъ того, убѣжденія мои на счётъ неумѣстности юбилеевъ для авторовъ еще живыхъ—не измѣнились; я продолжаю думать, что одному потомству доступна настоящая оцѣнка и правильная развёрстка литературныхъ талантовъ. Одной мысли, что человѣкъ, удостоенный юбилея во время своей жизни, быть можетъ не получитъ ничего подобнаго отъ потомства—одной этой мысли достаточно, чтобы заранѣе отказаться отъ предлагаемой чести и отъ самой постановки вопроса.

Со всѣмъ тѣмъ считаю долгомъ принести, вмѣстѣ съ выраженьемъ моей нелицемѣрной благодарности—и искреннія мои извиненія Обществу—а такъ же увѣрить каждаго изъ его членовъ, равно какъ и Васъ, Милостивый Государь, въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ которыми честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ив. Тургеневъ.

XLVII.

[Примѣчаніе къ разсказу „Часы“. 1875.]

Печатая этотъ небольшой разсказъ, и зная, что въ публикѣ ходятъ слухи о большомъ произведеніи, надъ которымъ я тружусь, я чувствую потребность обратиться къ ея снисходительности. Задуманный мною романъ все еще не конченъ; надѣюсь, что онъ появится въ „Вѣстникѣ Европы“ въ теченіи нынѣшняго года; а пока—пусть не погнѣваются на меня читатели за настоящее captatio benevolentiae, и пусть, въ ожиданіи будущаго, прочтутъ мой разсказъ не какъ строгіе судьи, а какъ старые знакомые—не смѣю сказать: пріятели.

И. Т.

XLVIII.

[„Новое Время", 1876 г., май.]

[Письмо къ издателю.]

Въ № „Новаго Времени" отъ 26-го апрѣля 1876 г. помѣщена корреспонденція изъ Парижа по поводу устроеннаго мною музыкально-литературнаго утра, которую я не могу оставить безъ возраженія. Писавшій эту корреспонденцію самъ очевидно не присутствовалъ на чтеніи, ибо ни одинъ изъ передаваемыхъ имъ фактовъ не согласенъ съ истиной. Чтеніе происходило въ пользу адѣшней русской читальни, а не „въ пользу молодыхъ людей, прибывшихъ въ Парижъ для образованія въ музыкѣ и живописи" (!). Г-жа Віардо пѣла не „французскіе романсы на народныя русскія темы", а два собственныхъ романса по русски; г-нъ Венявскій вовсе не участвовалъ въ этомъ утрѣ; я читалъ по русски отрывокъ изъ „Записокъ охотника"; наконецъ г. Зола не только не потерпѣлъ „полнѣйшаго фіаско"—но его и встрѣтили и проводили сочувственными рукоплесканіями. Г. Зола былъ одѣтъ не „небрежно"—а въ черный фракъ и въ бѣлый галстухъ, какъ всѣ мы; наружность у него не „непріятная"—а напротивъ выразительная и умная; читалъ онъ нѣсколько тихо—(въ этомъ залѣ онъ въ первый разъ въ жизни читалъ передъ публикой)—но ужъ не „нескладно". Словомъ, тутъ извращеніе истины полное. Мнѣ, признаюсь, это особенно больно въ отношеніи къ г. Зола. Онъ съ такой благодушной готовностью пришелъ на помощь нашему „доброму дѣлу", на которое г-ну корреспонденту вздумалось набросить незаслуженную тѣнь!

Надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить настоящее письмо въ вашей газетѣ, и прошу принять и проч.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ. 11-го мая (29-го апрѣля).

XLIX.

(„Новое Время", 1876 г., іюнь.)

Нѣсколько словъ о Жоржъ-Сандъ.

С. Спасское-Лутовиново. Среда, 9/21 іюня 1876 г.

Любезный Алексѣй Сергѣевичъ!

Проѣздомъ черезъ Петербургъ я въ одномъ вашемъ фельетонѣ прочелъ слова: „Жоржъ-Сандъ умерла—и объ этомъ не хочется говорить". Вы вѣроятно хотѣли этимъ сказать—что о ней надо говорить много или ничего. Не сомнѣваюсь въ томъ, что впослѣдствіи „Новое Время" пополнило этотъ пробѣлъ и, подобно другимъ журналамъ, сообщило по крайней мѣрѣ біографическій очеркъ великой писательницы; но все-таки прошу позволенія сказать слово о ней въ вашемъ журналѣ, хотя я тоже не имѣю теперь ни времени, ни возможности говорить „много" и хотя это „слово" даже не мое, какъ вы сейчасъ увидите. На мою долю выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ-Сандъ—пожалуйста, не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ дѣйствительно долженъ почесть себя счастливымъ. Я получилъ на дняхъ письмо отъ одной француженки, которая также коротко ее знала: вотъ, что стоитъ въ этомъ письмѣ:

„Послѣднія слова нашего дорогаго друга были: „Оставьте... зелень!" (Laissez... verdure...) т. е. не ставьте камня на мою могилу, пусть на ней растутъ травы! И ея воля будетъ уважена: на ея могилѣ будутъ расти одни дикіе цвѣты. Я нахожу, что эти послѣднія слова такъ трогательны, такъ знаменательны, такъ согласны съ этой жизнью, уже столь давно отдавшейся всему хорошему и простому... Эта любовь природы, правды, это смиреніе предъ нею, эта доброта неистощимая, тихая, всегда ровная и всегда присущая!.. Ахъ, какое несчастье ея смерть! Нѣмая тайна поглотила навсегда одно изъ лучшихъ существъ, когда либо жившихъ,—и мы не увидимъ болѣе этого благороднаго лица; это золотое сердце болѣе не бьется,—все это теперь засыпано землею. Сожалѣнія о ней будутъ искренни и продолжительны, но я нахожу, что недостаточно говорить объ ея добротѣ. Какъ ни рѣдокъ геній, *такая* доброта еще рѣже. Но геній все таки можно хотя нѣсколько научиться, а генію—нѣтъ, и потому

нужно говорить о ней, объ этой добротѣ, прославлять ее, указывать на нее. Эта дѣятельная, живая доброта привлекала къ Жоржъ-Сандъ, закрѣпила за нею тѣхъ многочисленныхъ друзей, которые пребыли ей неизмѣнно вѣрными до конца и которые находились во всѣхъ слояхъ общества. Когда ее хоронили, одинъ изъ крестьянъ окрестностей Ногана (замка Жоржъ-Сандъ) приблизился къ могилѣ и, положивъ на нее вѣнокъ, промолвилъ: „Отъ имени крестьянъ Ногана—не отъ имени бѣдныхъ; по ея милости здѣсь бѣдныхъ не было". А вѣдь сама Жоржъ-Сандъ не была богата и, трудясь до послѣдняго конца жизни, только сводила концы съ концами!"

Мнѣ почти нечего прибавлять къ этимъ строкамъ: могу только поручиться за ихъ совершенную правдивость. Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, я впервые сблизился съ Жоржъ-Сандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбуждала во мнѣ, давно исчезло, я ужъ не поклонялся ей; но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни—и не сдѣлаться ея поклонникомъ, въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надо всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ: Жоржъ-Сандъ—одна изъ нашихъ святыхъ; вы, конечно, поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ.

Извините несвязность и отрывчатость этого письма и примите увѣреніе въ дружескихъ чувствахъ преданнаго вамъ

Ив. Тургенева.

L.

„Журналъ Охоты", 1870 г., іюнь.

Пятьдесятъ недостатковъ ружейнаго охотника и пятьдесятъ недостатковъ лягавой собаки.

Сообщая прилагаемыя замѣтки о недостаткахъ ружейнаго охотника и лягавой собаки, замѣтки, внушенныя мнѣ многолѣтнимъ опытомъ—я далекъ отъ мысли, что „исчерпалъ", какъ говорится,

„свою задачу", и хотѣлъ только указать на главнѣйшіе изъ этихъ недостатковъ. Если же кому придетъ въ голову спросить меня, зачѣмъ я не перечислилъ достоинствъ охотника и собаки, то я отвѣчу, что на эти достоинства указываютъ самые недостатки: стоитъ только взять ихъ противоположную сторону.

Недостатки охотника.

1. Не любитъ вставать рано.

2. Скоро устаетъ на охотѣ.

3. Нетерпѣливъ, легко раздражается, досадуетъ на себя, теряетъ хладнокровіе и неизбѣжно начинаетъ дурно стрѣлять.

4. Дурно ходитъ, не кружитъ, нестарательно отыскиваетъ дичь, не довольно упорствуетъ въ однажды принятомъ направленіи.

5. Слишкомъ долго топчется на одномъ мѣстѣ.

6. Не умѣетъ одѣваться сообразно временамъ года.

7. Не принимаетъ надлежащихъ мѣръ предосторожности противъ дождя, вѣтра и проч.

8. Скучаетъ и впадаетъ въ унынiе, когда мало дичи.

9. Не примѣтливъ, не обращаетъ вниманія на привычки дичи, на условія мѣстности и времени—или хочетъ все переупрямить: и дичь, и собаку, и погоду, и самую природу.

10. Не слѣдитъ постоянно глазами за собакой.

11. Слишкомъ ее муштруетъ, не довѣряетъ ей, заставляетъ ее искать такъ, какъ ему кажется лучшимъ, сбиваетъ ее съ толку.

12. Торопится, лепечетъ: аппортъ! шершъ! когда хочетъ, чтобъ собака отыскала поскорѣе убитую или подстрѣленную дичь, а не наводитъ собаку на замѣченное мѣсто молча.

13. Оретъ на собаку, свиститъ, вопитъ, когда она напр. погналась за зайцемъ и уже ничего не слышитъ, да и слышать не можетъ.

14. Безъ толку наказываетъ собаку или вовсе не наказываетъ ея;—непослѣдователенъ и нелогиченъ въ своемъ поведеніи съ нею.

15. Стрѣляетъ собакѣ въ задъ, когда она гонятъ — варварство непростительное!

16. Не наблюдаетъ самъ за ѣдой собачьей, отчего большей частью собаки скверно кормлены. Овсянка—отличное кушанье, но только подъ условіемъ, чтобъ она была хорошо заварена.

17. Нерѣшителенъ; легко конфузится. Когда дичь появляется внезапно—нужно стрѣлять... а онъ только ахаетъ.

18. Жалѣетъ патроны:—скупъ. Это уже самое послѣднее дѣло.

19. Стрѣляетъ слишкомъ скоро изъ обоихъ стволовъ, и не цѣлясь; такъ что если попадаетъ въ дичь, то превращаетъ ее въ тряпку.

20. Слишкомъ долго цѣлится—отпускаетъ дичь слишкомъ далеко; старается „навести“ ружье, что̀ никуда не годится.

21. Не имѣетъ „прикладу“, т. е. не умѣетъ быстро и ловко выкинуть ружье или дурно вскидываетъ: упирается въ плечо однимъ концемъ приклада.

22. Не умѣетъ стрѣлять, не видя дичи (напр. въ чащѣ)—по соображенію.

23. Не довольно быстръ при стрѣляніи, что особенно важно, когда находишься на узенькой дорожкѣ въ лѣсу.

24. Не умѣетъ (на облавѣ) зорко и отчетливо оглядываться по обѣимъ сторонамъ.

25. Когда, выстрѣливъ, заряжаетъ ружье—не держитъ при себѣ собаки, отпускаетъ ее: тетерева и куропатки изъ выводка поднимаются, вспугнутые собакой — а охотнику остается только скрежетать зубами.

26. Хуже стрѣляетъ по дичи бѣгущей или летящей съ лѣва на право, чѣмъ съ права на лѣво.

27. Не умѣетъ брать впередъ дичи на дальнемъ разстояніи; не умѣетъ повышать ружье, цѣлясь въ птицу, прямо на него летящую, или понижать цѣль, когда стрѣляетъ въ перелетѣвшую черезъ голову и удаляющуюся дичь.

28. Стрѣляетъ за 100, за 200 шаговъ. Есть такіе, которые валяютъ и на 300, даже на 400 шаговъ, да еще мелкой дробью.

29. На облавѣ неосторожно стрѣляетъ, то въ направленіи загонщиковъ, то въ направленіи товарищей.

30. Не стыдится стрѣлять въ лежачаго зайца или сидячую птицу.

31. Неосторожно носитъ ружье со взведенными курками, съ дуломъ, направленнымъ противъ товарищей, между тѣмъ какъ слѣдуетъ всегда помнить мудрое изреченіе одного французскаго спортсмена: „Бывали примѣры, что простые зонтики внезапно выстрѣливали“.

32. Падая съ ружьемъ, не осматриваетъ немедленно—не забилась ли земля въ дуло, отчего можетъ произойти разрывъ ствола.

33. Не въ состояніи воздержаться отъ выстрѣла по дичи, когда по какимъ нибудь причинамъ стрѣлять по ней нельзя; или стрѣляетъ по дичи, которая направляется на товарища.

34. Стрѣляетъ безъ позволенія изъ подъ чужой собаки.

35. Ложится подъ кустъ, и какъ только товарищъ что нибудь найдетъ, является немедленно, бѣжитъ на выстрѣлъ.

36. Когда долго ничего не попадается, стрѣляетъ по галкамъ, по маленькимъ птичкамъ, по ласточкамъ—безполезная жестокость!

37. Не умѣетъ примѣчать, куда падаетъ подстрѣленная дичь.

38. Жалуется на свое несчастье товарищамъ, которымъ до этого дѣла нѣтъ.

39. Шумитъ и разговариваетъ, тамъ гдѣ нужно безмолвствовать.

40. Суевѣренъ: придаетъ значеніе примѣтамъ, толкуетъ о „удачѣ“ и „неудачѣ“ и т. п.

41. При „неудачѣ“ принимаетъ убитый или обиженный видъ, что тоже непріятно товарищамъ, а въ случаѣ „удачи“ трунитъ и рисуется.

42. Завистливъ, не переноситъ удачи товарища, старается отбивать у него лучшія мѣста.

43. Держитъ свои снаряды въ безпорядкѣ и въ нечистотѣ.

44. Не наблюдаетъ за смазкой и исправностью своей обуви; отчего часто натираетъ ноги.

45. Слишкомъ много ѣстъ и пьетъ на охотѣ.

46. Спитъ на охотѣ. Этакому стрѣлку гораздо приличнѣе сидѣть дома.

47. Боится сырости, вѣтра или жары.

48. Во время жаровъ, безпрестанно пьетъ воду, что, во первыхъ, вредно, а во вторыхъ нисколько не утоляетъ жажды.

49. Неправдивъ въ своихъ охотничьихъ разсказахъ: общеизвѣстный, весьма распространенный, впрочемъ безвредный, иногда даже забавный недостатокъ.

50. Не даетъ товарищамъ хвастаться или даже прилыгать въ своемъ присутствіи... негуманная черта.

Недостатки лягавой собаки.

1. Чутье имѣетъ невѣрное или плохое.

2. Ищетъ медленно или все по прямой линіи, или топчется на мѣстѣ, не „кружитъ“, не „мететъ“ на право и на лѣво.

3. Ищетъ слишкомъ быстро, во всѣ лопатки, какъ это часто дѣлаютъ сеттера; оно красиво, но иногда безопасно для дичи, которая остается въ сторонѣ.

4. Отдаляетъ въ иску, т. е. постепенно удаляется отъ охотника.

5. Въ лѣсу не ищетъ близко.

6. Идетъ по слѣду слишкомъ медленнымъ авансомъ, что особенно невыгодно при охотѣ за куропатками; извѣстно, что эта птица шибко бѣжитъ.

7. Бросается со стойки и хватаетъ дичь, что особенно часто случается съ молодыми тетеревами и зайцами, или ловитъ дичь на взлетѣ.

8. Вретъ, т. е. дѣлаетъ фальшивыя стойки.

9. Стойку имѣетъ безпокойную, подвигается помаленьку впередъ, шевелится, особенно при приближеніи охотника.

10. Вовсе не имѣетъ стойки или имѣетъ стойку очень короткую—не выдерживаетъ.

11. Стойку имѣетъ слишкомъ мертвую и не вспугиваетъ дичи, когда ей командуютъ: пиль! — что иногда необходимо; напр. при охотѣ на вальдшнеповъ въ чащѣ.

12. Не отходитъ отъ стойки, когда ее хозяинъ зоветъ, что особенно бываетъ непріятно въ сплошныхъ и густыхъ кустарникахъ; случается, что охотникъ цѣлый часъ принужденъ отыскивать свою собаку.

13. Не умѣетъ находить подстрѣленную или убитую дичь. Это бываетъ сплошь да рядомъ съ собаками, одаренными отличнымъ чутьемъ. Правда, охотники, большей частью, сами виноваты, загорапливаютъ ее и т. д. (см. № 12 недостатковъ охотника).

14. Гоняетъ за птицей или за зайцемъ съ лаемъ или молча, вспугнетъ птицу и опять погонитъ.

15. Увидѣвъ, гдѣ птица опустилась, бросается туда и вспугиваетъ ее.

16. Не „аппелиста“, не возвращается на свистъ.

17. Услышавъ выстрѣлъ, хотя бы въ отдаленіи, бѣжитъ туда.

18. Послѣ выстрѣла не ждетъ, чтобы ей приказали поднять дичь, и бросается сама поднимать ее.

19. Въ предвидѣніи наказанія не дается въ руки охотнику, не подходитъ къ нему, кружитъ около.

20. Кусается, когда ее наказываютъ.

21. Завистлива, ищетъ дурно и вообще ведетъ себя неприлично, когда въ полѣ находится другая собака.

22. Мѣшаетъ своимъ товаркамъ.

23. Когда другая собака ищетъ, безпрестанно останавливается и смотритъ на нее, не нашла ли та чего-нибудь?

24. Даже когда нѣтъ другой собаки, то-и-дѣло останавливается, вертитъ хвостомъ и оглядывается: нѣтъ ли чего?

25. Не тотчасъ подаетъ хозяину дичь.

26. „Муслитъ" дичь, т. е. забираетъ ее во весь ротъ и какъ бы жуетъ ее.

27. Давитъ дичь:—кишки вонъ!

28. Ѣстъ дичь (большей частью съ голоду).

29. Скоро устаетъ и начинаетъ, какъ говорится, „чистить шпоры", т. е. идетъ слѣдомъ за охотникомъ. Собаки, у которыхъ жирныя лапы, устаютъ скорѣе другихъ.

30. Боится жары, сильнаго вѣтра.

31. Боится холода: дрожитъ, жмется и переминается. Боится сырости болотной и ранней изморози.

32. Не идетъ въ воду за убитой дичью.

33. Если дичь упала на противоположномъ берегу рѣчки, переплываетъ ее, достаетъ дичь, а обратно чрезъ рѣчку не приноситъ.

34. Не доноситъ до хозяина убитую дичь или поноску и роняетъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

35. Боится выстрѣла, и либо отбѣгаетъ въ сторону, либо крадется вслѣдъ за охотникомъ шагахъ отъ него въ пятидесяти.

36. Убѣгаетъ съ поля домой.

37. Дерется съ другими собаками, отбиваетъ у нихъ дичь.

38. Имѣетъ отвращеніе къ извѣстнаго рода дичи (большей частью болотной) и не подаетъ ея.

39. Слишкомъ нѣжна на рану, не переноситъ укола лапы или ушиба.

40. Не остается позади, когда ей скомандовали: назадъ!

41. Когда на своркѣ, вмѣсто того, чтобы идти по пятамъ охотника, лѣзетъ впередъ, вытягиваетъ сворку и тащитъ охотника за собою.

42. Перегрызаетъ веревку, когда привязана.

43. Не остается на мѣстѣ, когда охотникъ скомандовалъ ей: кушъ!— удаляется отъ него (напр. для того, чтобы подкрасться подъ утокъ).

44. Капризничаетъ и не вѣритъ охотнику, когда тотъ напр. заставляетъ ее искать перемѣстившуюся птицу.

45. Капризничаетъ въ ѣдѣ, и тѣмъ лишаетъ себя силъ на охоту.

46. Въ телѣгѣ или въ экипажѣ не лежитъ смирно во время ѣзды, а все лѣзетъ вверхъ.

47. Когда радуется, прыгаетъ на охотника и раздираетъ ему платье когтями.

48. Страстно любитъ отыскивать ежей и лаетъ на нихъ.

49. Дѣлаетъ изумительно твердыя и красивыя стойки надъ жаворонками.

50. Не понимаетъ, что во время облавы должно держаться смирно и не шумѣть: чешется, хлопаетъ ушами или вдругъ примется чихать, какъ бѣшеная.

Ив. Тургеневъ.

LI.

[Предисловіе къ книгѣ: Л. Кладель, „Очерки и разсказы". 1876.]

Предисловіе.

Леонъ Кладель, разсказы котораго предлагаются русской публикѣ въ переводѣ г-жи Успенской, принадлежитъ къ новой школѣ французскихъ романистовъ, которые поставили себѣ цѣлью изученіе и воспроизведеніе общественной жизни въ ея типическихъ проявленіяхъ. Школа эта, получившая во Франціи несовершенно точное названіе *реалистической*—ведетъ свое начало отъ Бальзака и, въ настоящее время, считаетъ своими главными представителями: Флобера, Золя, Гонкура и др. — Въ ней выразилось то особенное направленіе человѣческой мысли, которое, замѣнивъ романтизмъ тридцатыхъ годовъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяясь въ европейской литературѣ, проникло также въ искусство, въ живопись, въ музыку. Тщательное и добросовѣстное воспроизведеніе народнаго быта составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ новой школы, одну важную часть ея программы; и Л. Кладель, происхожденіемъ и убѣжденіями своими близко стоящій къ народу, обратилъ на исполненіе этой задачи всѣ силы своего таланта. Писатели этой школы, какъ извѣстно, пользуются въ Россіи едва-ли не боль-

шей симпатіей, чѣмъ въ собственномъ отечествѣ; этотъ, на первый взглядъ, поразительный фактъ, легко объясняется многими историческими и соціологическими данными, въ разбирательство которыхъ входить было-бы теперь, впрочемъ, неумѣстно. Достаточно сказать, что эти писатели находятъ у насъ удобную и уже разработанную почву. А потому мы не сомнѣваемся, что произведенія Л. Кладеля, въ переводѣ г-жи Успенской, найдутъ у насъ сочувственный пріемъ— и мы ограничимся только тѣмъ, что позволимъ себѣ обратить на эти замѣчательные разсказы вниманіе тѣхъ изъ русскихъ читателей, въ глазахъ которыхъ наша рекомендація имѣетъ еще нѣкоторое значеніе. Прибавимъ кстати, что переводить Кладеля — дѣло трудное: онъ, какъ всѣ писатели его школы, стилистъ, поклонникъ изящной формы, виртуозъ, доходящій иногда до изысканности; но г-жа Успенская съ честью вышла изъ предпринятой ею борьбы.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 1876.

LII.

(„Нашъ Вѣкъ". 1877 г., апрѣль.)

[Письмо въ редакцію.]

М. Г.! Позвольте мнѣ обратиться къ посредству вашего уважаемаго журнала для указанія на нѣкоторый непріятный казусъ, уже въ другой разъ повторяющійся со мною въ теченіе моей литературной карьеры. Въ началѣ нынѣшняго года я написалъ небольшую вещь, озаглавленную „Разсказъ отца Алексѣя". Знакомый мнѣ редакторъ небольшаго парижскаго журнала: „La République des lettres", которому я обѣщалъ свое сотрудничество, попросилъ у меня позволенія помѣстить въ своемъ изданіи переводъ этого разсказа. Я согласился; самый же оригиналъ препроводилъ въ редакцію „Вѣстника Европы" (онъ, вѣроятно, будетъ помѣщенъ въ майской книжкѣ этого журнала). И вдругъ этотъ разсказъ, переведенный съ французскаго подъ заглавіемъ: „Сынъ попа" (Le fils du pope)—появляется въ фельетонѣ „Новаго Времени"—да еще съ такимъ подстрочнымъ замѣчаніемъ, что читатели могутъ, пожалуй, принять этотъ переводъ за принадлежащій мнѣ русскій текстъ. Одна газета точно также поступила нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ одной моей повѣстью, нѣмецкій пе-

реводъ которой появился недѣли за двѣ до напечатанія русскаго оригинала. Но я не ожидалъ такой безцеремонности со стороны г. Суворина. Оказывается, что я ошибался.

Мнѣ остается замѣтить, что въ переводѣ „Новаго Времени“ совершенно пропалъ тонъ разсказа, вложеннаго мною въ уста священника; кромѣ того, я уже послѣ напечатанія французскаго текста, прибавилъ не малое число отдѣльныхъ штриховъ... и потому смѣю надѣяться, что напечатаніе „Разсказа отца Алексѣя“ въ Вѣстникѣ Европы не покажется лишнимъ.

Позвольте мнѣ кстати прибавить нѣсколько словъ по поводу критическихъ замѣчаній г-на Тора (въ томъ же „Новомъ Времени“) на переведенную мною легенду Флобера: „Св. Юліанъ Милостивый“. Я не стану входить въ препирательство съ г. Торомъ на счетъ достоинствъ самаго произведенія: у всякаго свой вкусъ. Мнѣ хочется только представить нѣсколько возраженій противъ упрековъ, дѣлаемыхъ г. критикомъ собственно моему *переводу*. Съ двумя изъ нихъ я готовъ согласиться: лучше было бы сказать: „съ пѣной у рта“—чѣмъ „съ пѣной во рту“; и слово: „зіяли“ слѣдуетъ замѣнить другимъ, напр. словомъ: „рдѣли“. Но почему: „повелѣвать пространствомъ“, или: „Если бы я не захотѣлъ... однако?“—или: „сонъ или дѣйствительность—то было“ и т. д.—или: „Его собственная особа ему претила“—галлицизмы? Подобные обороты встрѣчаются и подъ перомъ нашихъ лучшихъ писателей и въ устахъ русскихъ людей, въ живой рѣчи. Г. Торъ особенно недоволенъ тѣмъ, что у меня сказано: „обитать замокъ“, т. е. тѣмъ, что я употребилъ этотъ глаголъ съ винительнымъ падежемъ. Я очень хорошо знаю, что это считается у насъ галлицизмомъ, и что глаголъ „обитать“, какъ глаголъ дѣйствительный, не существуетъ въ нашихъ словаряхъ. Но тутъ я поступилъ сознательно, преднамѣренно,—и вотъ какія меня къ тому побудили причины.

Во 1-хъ) Глаголы *средніе*—у насъ не имѣютъ страдательнаго причастія; а слова: „обитаемый“, „необитаемый“, какъ извѣстно, въ постоянномъ употребленіи.

Во 2-хъ) Средніе глаголы не образуютъ отглагольныхъ существительныхъ на „*атель*“ и „*итель*“, а мы всѣ говоримъ: „обитатель“.

Въ 3-хъ) Страдательныя причастія *однихъ лишь* дѣйствительныхъ глаголовъ управляютъ творительнымъ падежемъ: „окруженный людьми“... „обитаемый людьми“. (Немногія причастія въ родѣ: „сга-

раемый" (отъ „сгарать")—которыя составляютъ какъ бы исключеніе изъ перваго приведеннаго мною правила,—*не управляютъ* творительнымъ падежемъ и имѣютъ характеръ *прилагательнаго*).

И въ 4-хъ) Я, быть можетъ, ошибаюсь, но въ глаголѣ „обитать" съ винительнымъ мнѣ чувствуется оттѣнокъ постоянства, долговѣчности, котораго нѣтъ въ томъ же глаголѣ съ предложеніемъ: *въ*. „Племя кельтовъ обитало все пространство земли между" и т. д. „Я тогда обиталъ въ этомъ замкѣ" и т. д.

Изъ всего этого выходитъ, по моему мнѣнію, что глаголъ: „обитать" принадлежитъ къ числу глаголовъ, которые допускаютъ *оба* наклоненія: дѣйствительное и среднее.

Хотя г. Торъ, конечно, въ видахъ иронiи, и величаетъ меня авторитетомъ—но я имъ себя не признаю и охотно готовъ склониться передъ настоящими авторитетами, знатоками языка, если имъ угодно будетъ доказать мнѣ мою ошибку; причислить же къ нимъ г. Тора я, при всей доброй волѣ, не могу.

Прошу васъ, м. г., извинить длинноту этого письма, а также принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и т. д.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ 11 (23) апрѣля 1877 г.

LIII.

[„Нашъ Вѣкъ", 1877 г., май.]

[Письмо въ редакцію.]

М. Г. Я снова вынужденъ прибѣгнуть къ посредству вашей уважаемой газеты по слѣдующему дѣлу.

Въ 413 № „Новаго Времени" г. Суворинъ напечаталъ открытое письмо ко мнѣ по поводу сдѣланнаго мною ему упрека въ „безцеремонности". Оставляя безъ вниманія всѣ его наставленія, даже угрозы, сравненія меня то со львомъ, то съ кокоткой или кокеткой, увѣренія, что я „не смѣю пикнуть" передъ европейскими журналистами — (замѣчу кстати, что я *ни съ единымъ* изъ этихъ журналистовъ не знакомъ—за исключеніемъ двухъ въ Парижѣ (редакторовъ Temps и République des lettres) да двухъ въ Берлинѣ (редакторовъ Gegenwart и Rundschau) и *ни въ единой* редакціи отъ роду не бывалъ)—оставляя безъ вниманія весь этотъ вздоръ и хламъ, считаю нужнымъ протестовать противъ слѣдующихъ словъ г-на Суворина.

„Огорченіе, которое вы мнѣ, какъ русскому журналисту, нанесли, напечатавъ свой разсказъ въ „Gegenwart“ и не предупредивъ меня объ этомъ ни единымъ словомъ хоть ради вѣжливости“...

Прежде чѣмъ рѣшиться на подобное обвиненіе, слѣдовало г-ну Суворину справиться у своего сотрудника г-на В. Лихачева, *единственно чрезъ котораго и шли переговоры со мною о разсказѣ „Сонъ“* и который даже увезъ рукопись съ собою изъ Парижа. Г-нъ Суворинъ узналъ бы отъ него, что я *первый* предупредилъ „Новое Время“ о напечатаніи въ „Gegenwart“ перевода моей повѣсти, который долженъ былъ явиться одновременно съ оригиналомъ въ Петербургѣ, а появился нѣсколькими днями раньше, ужъ конечно противъ моей воли. На моемъ столѣ въ сію минуту лежатъ нѣсколько писемъ и телеграммъ г. В. Лихачова, относящихся именно къ этому дѣлу. Въ одномъ изъ моихъ писемъ къ нему я даже отказывался отъ части гонорарія (опредѣлить которую предоставлялъ гг. издателямъ „Новаго Времени“) въ случаѣ, еслибы появленіе нѣмецкаго перевода могло повредить появленію оригинала.

И послѣ всего этого г. Суворинъ не усомнился употребить вышеприведенныя выраженія!

Вѣроятно, читатели согласятся со мною, что въ виду подобной развязности слово: „безцеремонность“ является даже слишкомъ парламентарнымъ.

Извините меня, пожалуйста, м. г., что я въ теперешнее время вынужденъ безпокоить васъ и вашихъ читателей такими дрязгами, и примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и пр.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ
Суббота, 30 апр. (12 мая) 1877.

LIV.

(„Нашъ Вѣкъ“, 1877 г., май.)

[Письмо въ редакцію.]

М. Г. Мнѣ приходится извиняться передъ вами въ томъ, что такъ часто бомбардирую васъ письмами;—но я тутъ не совсѣмъ виноватъ... Къ тому же я надѣюсь, что настоящее письмо будетъ послѣднимъ. Два обстоятельства побудили меня взять перо въ руки.

Во 1-хъ я прочелъ въ парижской Корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (мая 2-го № 106) слѣдующее игривое мѣстечко:

„Г. Тургеневъ“... (дѣло идетъ о моемъ разсказѣ: „Сонъ“—написанномъ мною въ прошломъ году, отданномъ редакціи „Новаго Времени“ въ сентябрѣ и напечатанномъ сю 1-го января нынѣшняго года, переводъ этого разсказа появился въ „Temps“ въ концѣ января) — „Г. Тургеневъ прекрасно сдѣлалъ, что написалъ свой разсказъ по французски;—фантастическія его повѣсти не очень цѣнятся въ русской литературѣ; эта имѣла бы тѣмъ менѣе успѣха, что сюжетъ ея подходитъ къ сюжету одной недавней бульварной мелодрамы, „Отецъ“ гг. Декурселя и Ю. Кларси, о которой въ свое время упоминалось въ этихъ замѣткахъ (см. „Моск. Вѣд.“ № 47); въ фельетонѣ же парижской газеты повѣсть на своемъ мѣстѣ“.

Во 2-хъ. Въ фельетонѣ „Новаго Времени“ (№ 432, 9-го мая)—гдѣ г. Суворинъ опять почелъ нужнымъ заняться мною, приведено мнѣніе нѣкоего г. *Одного*, который, выступая въ качествѣ моего защитника, выгораживаетъ за мною право сочинительствовать на французскомъ языкѣ. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ наговорилъ небылицу, которая меня нисколько не трогаетъ; но задѣлъ онъ меня, точно также какъ защитникъ мой, г. *Одинъ*, тѣмъ, что приписываетъ мнѣ эту способность сочинительствовать на чужомъ нарѣчіи. Въ теченіи моей литературной карьеры я подвергался самой разнообразной брани; иная была мнѣ непріятна—особенно въ прежнюю, необстрѣленную эпоху; но обиду, именно обиду — наносили мнѣ только тѣ господа, которые увѣряли, что я могу писать — и писалъ — на французскомъ языкѣ. Не лучше ли прямо сказать: у насъ нѣтъ никакого таланта и никакой оригинальности? Быть въ состояніи писать, сочинять, на двухъ языкахъ и не имѣть никакой оригинальности — эти два выраженія въ моихъ глазахъ совершенно тождественныя, а потому пользуюсь случаемъ и спѣшу заявить, что я никогда ни разу не писалъ (въ литературномъ смыслѣ слова) иначе, какъ на своемъ родномъ языкѣ, уже съ нимъ однимъ дай Богъ человѣку справиться — и мнѣ это, къ сожалѣнію, не всегда удавалось. Прибавляю кстати, что я никогда никого не просилъ переводить меня и никогда не хлопоталъ объ этомъ; что если я соглашался на печатаніе переводовъ моихъ вещей одновременно съ ихъ появленіемъ на русскомъ языкѣ — то это происходило единственно съ цѣлью имѣть хоть какой-нибудь контроль надъ этими переводами

и избѣгнуть, по мѣрѣ возможности, тѣхъ непріятностей, которыя причинялъ мнѣ иной „свободный перелагатель“ (freier Bearbeiter), передѣлывая мои повѣсти и пришивая къ нимъ счастливые концы вмѣсто печальныхъ—подъ тѣмъ предлогомъ, что публика не любитъ унылости.

Однако довольно.— Еще разъ извините меня и примите, вмѣстѣ съ моей благодарностью, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ и т. д.

Ив. Тургеневъ.

LV.

[„Правда“ 1878 г., февраль.]

[Письмо къ редактору.]

Парижъ, вторникъ, $^{19}/_{7}$ февраля 78 г.

М. Г. Спѣшу отвѣтить на только-что полученное мною ваше письмо. Прежде всего позвольте васъ поздравить съ успѣхомъ вашей „Правды“, которую я получаю акуратно и читаю съ великимъ удовольствіемъ. Успѣхъ этотъ вполнѣ заслуженный. Конечно, у насъ на Руси нѣтъ,— да и врядъ ли бывало,— провинціальнаго органа, который бы могъ потягаться съ вашимъ. Особенно хороши помѣщаемыя въ ней корреспонденціи; да и весь журналъ производитъ впечатлѣніе чего-то живаго, сильнаго и честнаго. Что-же касается до моего участія въ немъ, то я съ сожалѣніемъ замѣчаю, что вамъ все не угодно повѣрить искренности моего заявленія, состоящаго въ томъ, что я совершенно оставилъ литературныя занятія. Сколько мнѣ помнится, я и въ прошломъ году далъ вамъ обѣщаніе условное; и потому, мнѣ кажется, публикѣ на васъ претендовать нечего. Да и врядъ-ли эти претензіи могутъ быть серьезны, если судить по пріему, которымъ встрѣчались всѣ мои послѣднія произведенія. Но какъ бы то ни было, *я положилъ перо и ужъ больше за него не возьмусь.*

Примите, М. Г., вмѣстѣ съ моими искренними пожеланіями вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ вами поприщѣ — увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Покорнѣйшій вашъ слуга

Ив. Тургеневъ.

LVI.

(„Temps", 1878, juin.)

[Рѣчь на литературномъ конгрессѣ.]

Messieurs,

Parlant ici au nom de mes compatriotes, les délégués russes, je me hâte de vous rassurer en m'engageant à ne prononcer que de courtes paroles. Je me bornerai à un rapprochement significatif, qui prouvera des relations constantes entre nos deux peuples et la grande influence que le génie de la France a exercée de tous temps sur la Russie.

Je prends trois dates éloignées chacune d' un intervalle de cent ans.

Il y a deux cents ans, en 1678, nous n'avions pas encore de littérature nationale. Nos livres étaient écrits en vieux slavon, et la Russie pouvait compter à bon droit parmi les nations à demi barbares, tenant autant à l' Europe qu' à l'Asie. Peu de temps avant cette année, le tsar Alexis, déjà touché par le souffle de la civilisation, avait fait construire au Kremlin de Moscou un théatre, sur lequel se donnèrent des drames spirituels dans le genre des mystères, ainsi qu' un opéra venu d' Italie: *Orphée.*—Ce théatre, il est vrai, fut fermé après sa mort; mais une des premières pièces qui servirent à l'inauguration de la scène restaurée fut le *Médecin malgré lui,* de votre Molière, dont la traduction passe pour être l'oeuvre de la grande-duchesse Sophie, fille du tsar Alexis et régente de Russie pendant la minorité de son jeune frère, devenu par la suite Pierre le Grand. Sans doute, les spectateurs d'alors ne virent qu'un amuseur dans l'auteur du *Misanthrope;* mais nous, nous sommes heureux de rencontrer ce grand nom dès l'aube de notre civilisation naissante.

Cent ans plus tard, quand cette littérature s'essayait à vivre, en 1778, l'auteur de nos premières comédies vraiment originales, von Vizine, assistait, à Paris, au triomphe de Voltaire à la Comédie-Française, et il le décrivait dans une lettre publique et très répandue où perçait l'admiration la plus enthousiaste pour le patriarche de Ferney, maître et modèle alors de notre littérature, comme de toutes les littératures européennes.

Cent années se sont écoulées encore et à Molière avait succédé Voltaire; à Voltaire a succédé Victor Hugo. Les lettres russes existent

enfin; elles ont pris droit de cité en Europe. Nous pouvons rappeler devant vous, non sans orgueil, des noms qui ne vous sont plus inconnus, ceux des poètes Pouchkine, Lermontoff et Kryloff; ceux des prosateurs Karamzine et Gogol; et vous avez bien voulu convoquer plusieurs écrivains russes à coopérer au congrès international de la littérature. Il y a deux siècles, sans trop vous comprendre, nous allions déjà vers vous, il y a un siècle, nous étions vos disciples; aujourd'hui vous nous acceptez pour collègues, et il se produit ce fait singulier et nouveau dans les annales de la Russie, qu' un simple et modeste écrivain, qui n'est ni diplomate ni militaire, qui n'a aucun rang dans le *tchinn*, cette sorte de hiérarchie sociale, a l'honneur de parler devant vous, au nom de son pays, de saluer Paris et la France, ces promoteurs des grandes pensées et des aspirations généreuses.

[Переводъ.]

[„Современ. Извѣстія", 1878 г., № 108.]

Говоря отъ лица моихъ соотечественниковъ, русскихъ делегатовъ, спѣшу васъ успокоить, господа, обѣщаніемъ, что рѣчь моя будетъ короткою. Я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, доказывающими постоянно существовавшую связь между нашими двумя народами и большое вліяніе, которое французскій геній всегда оказывалъ на Россію. Я беру три эпохи, отстоящія одна отъ другой на сто лѣтъ каждая. Два столѣтія тому назадъ, въ 1678 г., наша національная литература еще не существовала. Наши книги писались на древнеславянскомъ языкѣ, и Россія имѣла полнѣйшее право считаться полуварварскимъ народомъ, столько же азіатскимъ, сколько и европейскимъ. Нѣсколько ранѣе этого года царь Алексѣй, котораго уже коснулось дуновеніе цивилизаціи, выстроилъ въ московскомъ Кремлѣ театръ, на которомъ давались мистеріи въ родѣ *Орфея*— оперы итальянскаго происхожденія. Этотъ театръ, правда, былъ закрытъ послѣ смерти царя Алексѣя; но одной изъ первыхъ пьесъ, дававшихся при его возобновленіи, была *Médecin malgré lui* вашего Мольера, переводчицей котораго считается царевна Софья, дочь царя Алексѣя, бывшая правительницей русскаго государства во время малолѣтства своего меньшаго брата, ставшаго впослѣдствіи Петромъ Великимъ. Безъ сомнѣнія, тогдашніе зрители считали пьесы автора *Мизантропа* только забавою; но мы счастливы, встрѣчая это великое имя при разсвѣтѣ нашей нарождающейся цивилизаціи. Сто лѣтъ спустя, когда наша литература проявила уже жизненность, въ

1778 г., авторъ нашихъ первыхъ дѣйствительно оригинальныхъ комедій, фонъ-Визинъ, присутствовалъ при торжествѣ Вольтера въ *Comédie Française* и описалъ его въ напечатанномъ письмѣ, весьма распространенномъ, гдѣ проглядывало восторженное удивленіе къ фернейскому патріарху, учителю и образцу нашей тогдашней литературы, какъ впрочемъ и всѣхъ европейскихъ литературъ. Еще минувало столѣтіе. За Мольеромъ послѣдовалъ у васъ Вольтеръ, за Вольтеромъ—Викторъ Гюго. Письменность русская существуетъ; она пріобрѣла права гражданства въ Европѣ. Мы можемъ не безъ гордости назвать передъ вами не безызвѣстныя вамъ имена нашихъ поэтовъ: Пушкина, Лермонтова, Крылова и прозаиковъ: Карамзина и Гоголя. Вы сами призвали русскихъ писателей къ участію на международномъ литературномъ конгрессѣ на основаніяхъ равноправности. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, не понимая васъ, мы стремились къ вамъ; сто лѣтъ позднѣе мы были вашими учениками; теперь вы насъ принимаете какъ своихъ товарищей... И,—фактъ необыкновенный и не слыханный въ лѣтописяхъ Россіи,—скромный писатель, не дипломатъ и не военный, не имѣющій вовсе никакого чина по нашей табели о рангахъ, имѣетъ честь говорить передъ вами отъ лица своей страны и привѣтствовать Парижъ и Францію, этихъ провозвѣстниковъ великихъ идей и великодушныхъ стремленій.

LVII.

[Рѣчь къ московскимъ студентамъ, 4 марта 1879 г.]

Мм. Гг.!

Вотъ уже второй разъ, съ тѣхъ поръ какъ я живу въ Москвѣ, что вамъ угодно почтить меня изъявленіемъ своего сочувствія. Я глубоко этимъ тронутъ и искренно благодарю васъ. Для начинающаго писателя сочувствіе молодаго поколѣнія, его сверстниковъ, конечно драгоцѣнно: оно служитъ ему сильнымъ поощреніемъ; но для писателя старѣющаго, уже готовящагося покинуть свое поприще, это сочувствіе, *такъ* выраженное, есть, скажу прямо, величайшая, единственная награда, послѣ которой уже ничего не остается желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ, труды не пропали, брошенное имъ сѣмя дало плодъ. Я тѣмъ болѣе горжусь и осчастливленъ этимъ сочувствіемъ, что самъ былъ студентомъ

московскаго университета и всегда считалъ за честь принадлежать къ этому разсаднику истиннаго просвѣщенія, истинной духовной свободы. Желаю и вамъ, господа, пойти бодро впередъ по стезѣ, проложенной вашими предшественниками, къ той прекрасной цѣли, которая виднѣлась уже въ ихъ глазахъ, но которая, должно надѣяться, съ каждымъ днемъ будетъ выступать все яснѣе и яснѣе. Еще разъ благодарю васъ, господа!

LVIII.

[Рѣчь на обѣдѣ въ „Эрмитажѣ“. 6 марта 1879 г.]

Гг., начну съ просьбы: позвольте мнѣ не говорить о моей благодарности. Это выраженіе слишкомъ слабо и недостаточно. Такіе дни, какіе я прожилъ въ Москвѣ, такой пріемъ останутся навсегда въ моей памяти, и, какъ я уже имѣлъ честь сказать третьяго дня гг. студентамъ, составляютъ лучшую награду писателя предъ концомъ его поприща. Я предпочитаю освѣтить значеніе и смыслъ пріема, которымъ вы меня удостоили, особенно вы, гг. молодежь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сочувствіе ваше относится ко мнѣ не столько, какъ къ писателю, успѣвшему заслужить ваше одобреніе, сколько къ человѣку, принадлежащему эпохѣ 40-хъ годовъ,—оно относится къ человѣку, не измѣнившему до конца ни своимъ художественно-литературнымъ убѣжденіямъ, ни такъ называемому либеральному направленію. Это слово „либералъ“ въ послѣднее время нѣсколько опошлилось, и не безъ причины. Теперь,—когда все указываетъ на то, что мы стоимъ наканунѣ хотя близкаго и законноправильнаго, но значительнаго перестроя общественной жизни, это слово является чѣмъ-то неопредѣленнымъ и шаткимъ. Кто имъ, подумаешь, не прикрывается! Но въ наше, въ мое молодое время, когда еще помину не было о политической жизни, слово „либералъ“ означало протестъ противъ всего темнаго и притѣснительнаго, означало уваженіе къ наукѣ и образованію, любовь къ поэзіи и художеству, и наконецъ—пуще всего—означало любовь къ народу, который, находясь еще подъ гнетомъ крѣпостнаго безправія, нуждался въ дѣятельной помощи своихъ счастливыхъ сыновъ. Мнѣ сдается, что нынѣшнее молодое поколѣніе поступаетъ согласно съ высказан-

нымъ мною воззрѣніемъ: оно поняло, въ чемъ тутъ вопросъ, протянуло руку старымъ либераламъ и старымъ художникамъ въ моемъ лицѣ, оно связуетъ нить преданій, оно продолжаетъ начатое дѣло; и если, какъ слышно, это сближеніе произошло вслѣдствіе недавняго поворота, то душевно радуюсь, что дожилъ до него. Въ сравненіи съ нами молодое поколѣніе сдѣлало много шаговъ впередъ; оно до нѣкоторой степени подготовило себя къ той будущности, на которую я указывалъ, но только до нѣкоторой степени. Надо докончить начатое и докончить прямо, честно, по открытому пути. Задача его, правда, труднѣе и сложнѣе нашей: тогда вся сознательная жизнь общества текла, если можно такъ выразиться, по одному руслу, теперь она развѣтвилась или готовится развѣтвиться, какъ оно и слѣдуетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ государства. Сочувствую всѣмъ стремленіямъ молодежи, но полагаю, что она хорошо дѣлаетъ, сближаясь съ нами: есть чему поучиться и у насъ, стариковъ. Во всякомъ случаѣ отъ души желаю, чтобы она такъ же честно и серьезно, такъ же избѣгая напрасныхъ увлеченій вдаль и по сторонамъ, но и не отступая такъ же ни шагу назадъ,—относилась къ своимъ задачамъ, какъ то дѣлали иные изъ моихъ сверстниковъ, имена которыхъ проложили славный слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Стоитъ только вспомнить хоть тѣхъ изъ нихъ, которые составляли нѣкогда украшеніе и гордость московскаго университета. Да возникнутъ между вами новые Грановскіе и новые Бѣлинскіе! прибавлю я. Я уже не говорю о новыхъ Пушкиныхъ и Гоголяхъ,—такихъ явленій надо ожидать съ смиреніемъ, и какъ дара... И такъ какъ я уже упомянулъ объ университетѣ, то позвольте мнѣ окончить мою рѣчь тостомъ за его процвѣтаніе, неразлучное съ правильнымъ, всестороннимъ и мощнымъ развитіемъ нашего молодаго поколѣнія,—нашей надежды и нашей будущности!

LIX.

(„Вѣстн. Евр.", 1879 г., ноябрь.)

[Письмо на юбилей Крашевскаго.]

Буживаль, 15—27 сентября 1879.

Къ искреннему сожалѣнію непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана поль-

ской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій, съ увѣренностью, могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича.

Пр. и проч.

LX.

[„Temps". 1879 novembre.]

[Предисловіе къ: „En cellule", Impressions d'un nihiliste.]

Vendredi 17 octobre.

Mon cher monsieur Hébrard, voici un fragment de mémoires autobiographiques qui m'a paru digne d'être communiqué aux lecteurs de votre journal. L'auteur est un de ces jeunes Russes, trop nombreux par le temps qui court, dont les opinions ont été jugées dangereuses et punissables par le gouvernement de mon pays. Sans approuver nullement ses opinions, j'ai cru que le récit naïf et sincère de ce qu'il a eu à souffrir pourrait tout en excitant de l'intérêt pour sa personne, servir à prouver combien la prison cellulaire préventive est peu justifiable aux yeux d'une saine législation. J'espère que vous serez frappé comme moi par l'accent de vérité qui règne dans ces pages, ainsi que par l'absence de récriminations et de reproches inutiles, sinon déplacés. Vous verrez que ces nihilistes, dont il est question depuis quelque temps, ne sont ni si noirs, ni si endurcis qu'on veut bien les représenter.

Recevez, mon cher monsieur Hébrard, l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Ivan Tourguéneff.

[Переводъ.]

Пятница, 17 октября.

Любезный г. Эбраръ,

Вотъ отрывокъ автобіографическихъ записокъ, достойный, какъ мнѣ кажется, быть сообщеннымъ читателямъ вашей газеты. Авторъ его—одинъ изъ тѣхъ немалочисленныхъ теперь молодыхъ русскихъ, чьи убѣжденія правительство моей страны признало опасными и заслуживающими кары. Нисколько не раздѣляя этихъ убѣжденій, я полагаю, что простодушный и искренній разсказъ о перенесенныхъ имъ испытаніяхъ способенъ не только возбудить интересъ къ его личности, но и свидѣтельствовать о томъ, что предварительное одиночное заключеніе едва ли можетъ быть оправдываемо съ точки зрѣнія разумнаго законодательства. Надѣюсь, что вы, подобно мнѣ, оцѣните какъ правдивость, которою дышатъ эти страницы, такъ и отсутствіе упрековъ и жалобъ, быть можетъ законныхъ, но безполезныхъ. Вы увидите, что эти нигилисты, о которыхъ говорятъ послѣднее время, и не такъ черны, и не такъ ожесточены, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ.

Примите, любезный г. Эбраръ, выраженіе моей преданности.

Иванъ Тургеневъ.

LXI.

[„Le XIX-e Siècle", 1880, janvier.]

[Письмо къ редактору.]

Mercredi, 20 janvier 1880.

Cher monsieur About.

Vous avez bien voulu admettre au *XIXe Siècle* une lettre où j'annonçais l'exposition des tableaux de Véreschaguine. Le succès que j'osais prédire et qui a dépassé mon attente, m'encourage à m'adresser encore à vous. Cette fois-ci il s'agit encore de l'oeuvre d'un peintre, mais d'un peintre la plume à la main.

Je veux parler du roman historique de mon compatriote, le comte Léon Tolstoï, la *Guerre et la paix*, dont une traduction vient d'être publiée chez Hachette. Léon Tolstoï est l'auteur le plus populaire que nous ayons en Russie; et la *Guerre et la paix* est, je ne crains pas de le dire, un des livres les plus remarquables de notre temps. Un souffle

d'épopée traverse ce vaste ouvrage, où la vie publique et privée des Russes, dans les premières années de notre siècle, est retracée de main de maître. Toute une époque fertile en grands faits et en grandes figures (le récit commence un peu avant la bataille d'Austerlitz et va jusqu'à celle de la Moscowa), tout un monde, une foule de types saisis sur le vif, dans tous les rangs de la société, se déroulent devant le lecteur. La manière dont le comte Tolstoï traite son sujet est aussi originale que nouvelle; ce n'est ni du Walter Scott, ni, je n'ai guère besoin de l'ajouter, de l' Alexandre Dumas. Le comte Tolstoï est un écrivain russe jusqu'à la moelle des os; et ceux des lecteurs français que quelques longueurs, quelques bizarreries d'appréciation ne rebuteront pas, pourront se dire que la *Guerre et la paix* leur aura donné une plus intime, plus véridique intuition du caractère russe et de son tempérament, de la vie russe en un mot, que s'ils avaient parcouru des centaines d'ouvrages d'ethnographie et d'histoire. Il y a des chapitres entiers qui ne seront jamais plus à refaire; des figures historiques (comme Koutouzoff, Rastopchine, et d'autres) dont les traits sont à jamais fixés; cela restera. Vous voyez, cher monsieur, que je ne ménage pas les expressions; et pourtant elles ne rendent qu'imparfaitement ma pensée. Il n'est pas impossible que la profonde originalité du comte Léon Tolstoï ne nuise, par sa force même, à une compréhension sympathique et rapide de la part des lecteurs étrangers, mais je le répète—et je serais heureux qu'on ajoutât foi à mes paroles: ceci est une grande oeuvre d'un grand écrivain,—et c'est la vraie Russie.

Agréez, cher monsieur About, l'assurance de mes sentiments dévoués.

Ivan Tourguéneff.

[Переводъ.]

Среда, 20 января 1880 г.

Любезный г. Абу,

Вы любезно дали мѣсто въ *XIXe Siècle* моему письму объ открытіи выставки картинъ Верещагина. Успѣхъ, безъ колебаній предсказанный мною и превзошедшій мои ожиданія, внушаетъ мнѣ смѣлость вторично обратиться къ вамъ. На этотъ разъ рѣчь идетъ снова о произведеніи художника, но художника, живописующаго перомъ.

Я хочу говорить объ историческомъ романѣ моего соотечественника, графа Льва Толстого, „*Война и Миръ*“, переводъ котораго

только что изданъ фирмою Гашеттъ. Левъ Толстой—наиболѣе популярный изъ современныхъ русскихъ писателей, а „*Война и Миръ*“, смѣло можно сказать,—одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ нашего времени. Духъ эпоса вѣетъ въ этомъ обширномъ произведеніи, гдѣ мастерски обрисованъ общественный и частный бытъ Россіи въ первые годы нашего вѣка. Цѣлая эпоха, богатая великими событіями и крупными фигурами (разсказъ начинается незадолго до Аустерлицкаго сраженія и доходитъ до сраженія при Москвѣ), цѣлый міръ, множество типовъ, схваченныхъ живьемъ, изъ всѣхъ круговъ общества, развертываются предъ читателемъ. Способъ, какимъ графъ Толстой обрабатываетъ свой предметъ, столь же своеобразенъ, какъ и новъ; это—не методъ Вальтеръ Скотта, и, само собою разумѣется, также не методъ Александра Дюма. Графъ Толстой—русскій писатель до мозга костей; и тѣ изъ французскихъ читателей, кого не оттолкнутъ немногія длинноты и причудливость нѣкоторыхъ оцѣнокъ, будутъ въ правѣ сказать себѣ, что „*Война и Миръ*“ дала имъ болѣе непосредственное и вѣрное представленіе о характерѣ и темпераментѣ русскаго народа, вообще о русской жизни, чѣмъ если бы они прочитали сотни сочиненій по этнографіи и исторіи. Здѣсь есть цѣлыя главы, въ которыхъ никогда не придется ничего измѣнить; здѣсь есть историческія лица (какъ Кутузовъ, Растопчинъ и другіе), чьи черты установлены навѣки; это—непреходящее. Какъ видите, я смѣлъ въ выраженіяхъ; и однако мои слова еще далеко не передаютъ моей мысли. Возможно, что глубокая оригинальность графа Льва Толстого самой своей силою затруднитъ читателю-иностранцу сочувственное и быстрое пониманіе его романа; но повторяю,—и я былъ бы счастливъ, если бы мои слова встрѣтили довѣріе: это—великое произведеніе великаго писателя,—и это подлинная Россія.

Примите, любезный г. Абу, изъявленіе моей преданности.

Иванъ Тургеневъ.

LXII.

[„Revue Politique et Littéraire“. 1881. mars.]

Alexandre III.

Non seulement en Russie, mais dans l'Europe entière on attend anxieusement les premiers actes du nouveau souverain, pour tâcher de préjuger quelles seront par la suite son attitude, ses tendances, toute sa manière de gouverner.

On espère beaucoup. On craint beaucoup. On commente tout ce qu'on sait de sa vie et on en tire des conclusions; puis on se dit: „L'horrible mort de son père ne changera-t-elle pas absolument ses opinions acquises et connues dès maintenant?"

Nous allons essayer de tracer aussi judicieusement que possible le caractère vrai de ce prince, de pénétrer en lui, de voir son coeur, qui n'est point double ou rusé; et, de cette connaissance de l'homme, nous tâcherons de déduire la conduite qu'il tiendra sur le trône, à moins que des événements imprévus ne le forcent à suivre une route contraire à sa nature.

I.

Alexandre III possède plusieurs de ces qualités puissantes, qui font, sinon les grands, du moins les bons et les vrais souverains. Chaque homme naît avec des aptitudes particulières pour une profession quelconque; ce prince semble né avec des aptitudes réelles pour le pouvoir.

Il est dans la force de l'âge, sain de corps et d'esprit, de grande allure, d'aspect royal. Son caractère est calme, réfléchi, énergique, équilibré. La note dominante en lui, la qualité qui enveloppe pour ainsi dire toutes les autres est l'honnêteté scrupuleuse, absolue, sans pactisations et sans mélange. Rien qu'à le voir, on le sent loyal des pieds à la tête, sans plis dans la pensée, d'une sincérité rigide; mais cette excessive droiture ne va pas sans une nuance d'entêtement qui en est comme la conséquence.

On connaît son passé.

Appelé à la succession de l'empire par la mort de son frère, n'ayant reçu jusque-là qu'une éducation purement militaire, il s'est mis au travail avec une volonté et une persévérance remarquables, s'efforçant de devenir digne du grand trône où il devait monter; il est à constater, d'ailleurs, que le nouveau tzar a plutôt une tendance à douter de lui, de son savoir et de son esprit, une sorte de modestie réelle en face de la situation souveraine où le place la destinée—modestie qui n'exclut pourtant ni l'esprit de suite ni l'énergie dans la volonté . . . . .

. . . . . .

Des gens élevés avec lui affirment que, même enfant, il n'a jamais menti. . . . . .

On a beaucoup parlé de la sympathie qu'il semblait éprouver pour

tel peuple et de l'antipathie qu'on lui prêtait contre tel autre. On a aussi fait circuler des légendes, des histoires de verre brisé, etc., qui sont de pure invention. Tout ce qu'on peut dire de lui, c'est qu'il est Russe, et rien que Russe. Il présente même un singulier exemple de l'influence du milieu, selon la théorie de Darwin: c'est à peine si dans ses veines coulent quelques gouttes de sang russe, et cependant il s'est identifié avec ce peuple au point que tout en lui, le langage, les habitudes, l'allure, la physionomie même sont marqués des signes distinctifs de la race. Partout, en le voyant, on nommerait sa patrie.

On a prétendu qu'il détestait les Allemands. Mais on a confondu les Allemands d'Allemagne avec les Allemands de Russie: ce sont ces derniers qu'il n'aime point.

On a affirmé qu'il chérissait la France avant toutes les nations. Le chauvinisme français a peut être exagéré. Voici la vérité sur cette sympathie qu'on lui prête depuis longtemps.

Avant 1870, il avait montré des sentiments très libéraux; il paraissait l'allié, l'allié de coeur des républicains français. Là-dedans entrait surtout une répulsion manifeste pour l'empereur Napoléon, dont la duplicité, les habitudes de ruse et d'intrigue blessaient tous ses instincts loyaux. Mais quand la Commune est arrivée, une colère indignée lui vint contre tous les faiseurs de révolutions sanguinaires; et il répéta à plusieurs reprises, avec une sorte de regret sur ses convictions évanouies: „Voilà donc à quoi ces choses aboutissent!"

C'est seulement depuis que la république commence à devenir raisonnable qu'une nouvelle réaction en faveur de la France semble s'être faite en lui.

En somme, la France et l'Allemagne tiennent peu de place dans son amour. Il n'est que Russe. Il n'aime et ne protège que l'art russe, la musique russe, la littérature russe, l'archéologie russe. Il a fondé à Moscou un grand musée national. Pour les mêmes raisons, il est fervent orthodoxe; sa piété est réelle et sincère.

En son pays, la plus grande part de son affection est pour le paysan; c'est sur le paysan que tomberont ses plus larges faveurs; c'est au paysan qu'il a pensé, au moment de rendre son premier ukase, le jour même de la mort de son père, en rappelant que pour la première fois les hommes de la campagne devenus libres, étaient appelés à prêter serment.

Mais si ses bienfaits doivent aller aux paysans, ses rigueurs infailli-

blement atteindront, du haut en bas de l'échelle, toute la bureaucratie russe, dont il n'ignore pas la pourriture et les déprédations. Pendant le commandement qu'il exerça, son honnêteté, révoltée, n'a pas pu se contenir devant les exactions dont il fut témoin même dans sa propre famille. Il semble bien résolu à y mettre fin; ce nettoyage de fonctionnaires véreux est même déjà commencé.

II.

On se demande avec une juste inquiétude quelle sera son attitude au dedans comme au dehors.

Pour l'intérieur, on a déjà parlé d'une constitution; des espoirs grandissent, se bercent; on affirme qu'il est, de tout temps, assigné réservé ce rôle de devenir un souverain selon les idées européennes. Pour l'extérieur, on suppose qu'il s'éloignera de plus en plus d'Allemagne et qu'il reprendra la politique du panslavisme.

Ceux qui attendent du nouveau tzar une constitution parlementaire perdront vite leurs illusions, nous en sommes du moins persuadés. Ses rapports presque intimes avec le parti ultranational semblent indiquer, au contraire, une certaine défiance à l'égard des constitutionnels. Les idées acceptées en Europe sur les limites d'autorité assignées aux rois sont et resteront longtemps encore étrangères à la Russie. Le pouvoir impérial préférera procéder par grandes réformes octroyées par ukase pour arriver peu à peu à améliorer d'une façon sensible le sort de ses sujets, surtout celui des paysans.

Ces réformes, d'ailleurs, sont toutes prêtes, tout indiquées, et depuis longtemps déjà on les avait mises à l'étude. Alexandre II même avait été sur le point de les appliquer, quand le mouvement nihiliste, s'accentuant, avait arrêté ses projets et ajourné indéfiniment ses intentions libérales.

Voici quelles seraient ces mesures:

1° Diminution considérable dans le payement du rachat des terres par les paysans.

On sait que ce rachat, dans les conditions où il s'opère, est pour les campagnes une ruine inévitable.

2° Changement radical du système d'impôts;

3° Abolition de la capitation;

4° Facilité d'émigration d'une province dans une autre.

Cette mesure peut donner à l'agriculture en Russie un essor considérable. Certaines provinces, en effet, où les habitants sont nombreux, demeurent improductives à cause de la stérilité du sol. En d'autres contrées, au contraire, la terre est fertile, mais les travailleurs manquent, et les excessives difficultés qui entourent l'émigration menaçaient de faire s'éterniser cet état de choses.

5° Grandes facilités pour les passeports.

Cette mesure rentre dans le même ordre de réformes que la précédente, un paysan ne pouvait se déplacer, aller travailler dans une région voisine sans être astreint à des formalités de passeport compliquées et coûteuses.

6° Fondation de banques rurales.

Cette dernière création est destinée à débarrasser le pays d'un fléau rongeur, les petits usuriers, qui mangent le paysan et dévastent les campagnes comme une armée de sauterelles.

L'ensemble de ces réformes amènera infailliblement un soulagement considérable pour le travailleur rural. Elles sont urgentes, absolument urgentes, et il est probable qu'elles s'exécuteront avant la fin de l'année.

Il est probable également que la scrupuleuse probité du nouvel empereur le décidera presque immédiatement à faire aussi dans les finances des réformes considérables. Elles s'étendront même, sans doute, au budget de l'armée; et elles arrêteront les distributions scandaleuses des terres de la Couronne qui avaient lieu au moyen de ventes fictives et de mille autres procédés frauduleux.

Alexandre III s'efforcera, en outre, assurément, de relever la situation du clergé, tout en donnant une plus grande liberté aux vieux croyants, qui sont, on le sait, très nombreux.

Quant à une constitution proprement dite, il serait assez surprenant qu'il l'accordât. Toutes ses concessions à ce point de vue se borneront sans doute à laisser une plus grande latitude à l'administration provinciale; il consentira nommément à faire participer le pays, les *zemstvos*, dans une certaine mesure, assez restreinte, à l'administration des affaires.

Dans tous les cas, on ne peut pas prévoir qu'il accorde plus qu'une simple convocation de députés ayant seulement voix consultative sur un sujet déterminé, objet unique de la réunion. Ainsi une assemblée de cette nature a été appelée à donner son avis sur la question d'éman-

cipation des serfs. Il en sera peut-être de même pour la répartition nouvelle de l'impôt et toutes les questions de finances qui s'y rattachent. Mais le tzar, maître absolu, ne se trouve engagé en rien par les conseils de ces délégués du pays, et il garde dans son intégrité toute sa liberté d'action.

Quant à toutes ces autres questions: liberté de la presse — accomplissement de la réforme judiciaire —instruction populaire—suppression de l'exil administratif, de l'institution si décriée des gendarmes ruraux, etc. il est difficile de présumer qu'il s'écarte du système d'ordonnances libérales descendant du trône. Il pourra accorder de larges faveurs, sans avoir jamais l'air de reconnaître un droit. On ne peut même pas supposer que des assemblées puissent être appelées à délibérer et à donner leur avis sur ces sujets.

On s'occupe beaucoup des mesures préventives qu'il pourra prendre contre les nihilistes et de la sévérité qu'il montrera à leur égard. Il est présumable que les circonstances seules détermineront sa conduite. Il ne voudra pas se venger, mais il saura prévenir et punir.

III.

A l'extérieur, on peut affirmer que le tzar gardera une politique tout à fait pacifique, presque recueillie, une allure de réserve extrême. Il s'efforcera de conserver ses bonnes relations avec l'Allemagne, pour laquelle son attitude sera sensiblement la même que celle de son père. La France bénéficiera sans doute d'une nuance de sympathie plus marquée, tandis que, dans ses rapports avec l'Autriche, apparaîtra vraisemblablement une apparence de défiance. Dans tous les cas c'en est fini, bien fini, de ce qu'on appelait la triple alliance. On ne la verra plus renaître. Les relations nouvelles de la Russie avec l'Angleterre prendront presque certainement un caractère de cordialité plus grande qui se manifestera surtout par la cessation des tentatives, de la marche en avant de la Russie vers l'Asie. Une considération (toujours prépondérante) qui nous fait prédire cette gracieuseté d'Alexandre III pour l'Angleterre, c'est l'amitié très vive, qui l'unit au prince de Galles.

On s'ingénie dès aujourd'hui à prévoir quelles influences pourront agir sur l'esprit du jeune souverain. Toutes les suppositions sont vaines. Son humeur indépendante lui fera secouer toute pression, de quelque part qu'elle vienne. Il n'est qu'une personne peut-être dont les conseils

seront toujours écoutés, sinon suivis: c'est M. Pobédonostsef, fils d'un professeur d'université à Moscou, homme fort instruit, ancien précepteur du tzarewitch et actuellement procureur général au Saint-Synode. Son caractère est élevé, son érudition très large, mais sa piété exagérée en fait un orthodoxe presque fanatique.

Pendant la dernière année du règne d'Alexandre II le nouvel empereur s'est beaucoup rapproché du comte Loris Melikoff et du comte Miliutine, dont il a apprécié les hautes qualités. Il est à présumer que ces deux personnages conserveront leur poste. Tous les fonctionnaires appartenant au parti allemand seront presque certainement frappés.

. . . . . .

Le grand-duc Wladimir, frère d'Alexandre III, qui vient d'être nommé chef de toute la garde et commandant des forces militaires de Saint-Pétersbourg, exercera dans le règne qui commence une autorité puissante dont est garante la grande amitié de son frère.

IV.

Pour résumer en quelques mots la situation, nous verrons probablement un règne où sera justifié jusqu'à un certain point le titre „d'empereur des paysans" qu'on donne dès à présent au tzar. Nous assisterons à de grandes améliorations dans l'état actuel, améliorations qui viseront particulièrement les classes rurales, mais qui s'étendront aussi aux autres classes. Ces dernières réformes porteront surtout sur la direction des finances, l'instruction publique et l'administration, dont la décentralisation est plus que probable.

Mais toutes ces mesures, nous le répétons, viendront d'en haut, comme un effet du bon plaisir, de la libéralité du souverain, qui pourra consentir, comme maximum de concession, à prendre conseil d'une assemblée élue, mais tout en gardant son droit intact de décider en dernier ressort.

A l'extérieur, politique pacifique, politique de douceur, cessation des tentatives vers l'Asie, relations plus ou moins sympathiques, mais froides en général avec le reste de l'Europe. Il est probable également que le tzar résistera à la politique radicalement panslaviste là laquelle tâchera de le pousser le parti national slavophile, auquel il est intimement uni.

Quant aux nihilistes qui supposent que l'empereur pourra être ame-

né par la peur à accorder des concessions plus grandes, à donner même une constitution, ils se trompent grossièrement ignorant tout à fait son caractère et son énergie. Leurs tentatives d'intimidation ne feront que l'arrêter dans la voie libérale où le conduit sa nature; et s'il y fait quelques pas, ce ne sera point parce qu'ils l'auront intimidé, mais quoiqu'ils l'aient menacé.

Placés entre le parti ultra-national et la factien nihiliste, les libéraux constitutionnels tâcheront et réussiront peut-être à prouver à l'empereur que les réformes libérales, loin d'ébranler son trône, ne feraient que l'affermir. Puissent-ils le convaincre (car son esprit est large et éclairé) qu'ils ne sont pas poussés par un simple désir d'imiter l'Europe, mais que des modifications profondes dans l'organisation politique du gouvernement sont devenues nécessaires! Les Russes sont de la même race que les autres peuples européens, leur instruction et leur civilisation sont analogues, leurs besoins sont identiques, leur langue obéit à la même grammaire: aussi pourquoi la vie politique du peuple russe ne se r poserait-elle pas sur les mêmes assises constitutionelles que celles des nations ses voisines?

La situation sociale, politique et financière de la Russie est certainement grave; et ce n'est pas en vain que, dans son manifeste d'avènement, Alexandre III parle de la lourde tâche qui lui incombe. Un autocrate de génie pourrait y échouer; un souverain honnête homme, s'appuyant sur les forces vives de la nation et les appelant à son aide, a des chances de réussir.

[Переводъ С. П. Петрашкевичъ.]

Александръ III.

Не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ съ безпокойствомъ ждутъ первыхъ шаговъ новаго государя, чтобы постараться предугадать, какую онъ займетъ позицію, каковы будутъ въ дальнѣйшемъ его намѣренія и весь образъ его правленія.

Много надеждъ. Много и опасеній. Перетолковываютъ все, что знаютъ о его жизни, выводятъ свои заключенія, наконецъ спрашиваютъ: „не измѣнитъ ли въ корнѣ ужасная смерть его отца его сложившіеся взгляды, насколько они намъ извѣстны нынѣ".

Мы попытаемся намѣтить, сколько возможно правильно, истинный характеръ этого государя, проникнуть въ него, заглянуть въ его

сердце, которое вовсе не двойственно и не коварно; и, исходя изъ этого, мы постараемся опредѣлить его поведеніе, котораго онъ будетъ держаться на тронѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока непредвидѣнныя событія не заставятъ его вступить на дорогу, противную его природѣ.

I.

Александръ III обладаетъ многими изъ тѣхъ могущественныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ если не великими, то добрыми и истинными государями. Всякій человѣкъ родится съ какими-нибудь особыми способностями къ той или другой профессіи; этотъ государь кажется рожденнымъ съ несомнѣнными способностями къ власти.

Онъ въ расцвѣтѣ силъ, здоровъ духомъ и тѣломъ, съ величественными манерами, съ царственнымъ видомъ. Его характеръ холодный, разсудительный, энергичный и уравновѣшенный. Господствующая нота въ немъ, качество, такъ сказать, покрывающее собою всѣ другія, это честность, честность щепетильная, абсолютная, безъ компромиссовъ и безъ примѣси. Достаточно его увидѣть, чтобы почувствовать, какъ онъ лойяленъ съ ногъ до головы, безъ изгибовъ въ мысляхъ, съ суровой искренностью; но эта чрезвычайная прямота не безъ оттѣнка упрямства, которое изъ нея вытекаетъ, какъ слѣдствіе.

Его прошлое извѣстно. Призванный къ наслѣдованію имперіи по смерти своего брата, получивъ до тѣхъ поръ только чисто военное образованіе, онъ принялся за работу съ замѣчательной силой воли и упорствомъ, стараясь стать достойнымъ великаго трона, на который ему предстояло вступить; надо сказать, впрочемъ, что новый царь скорѣе склоненъ сомнѣваться въ себѣ, въ своихъ знаніяхъ и умѣ—родъ истинной скромности передъ лицомъ положенія государя, на которое возводитъ его судьба — скромности, не исключающей, однако, ни умственной послѣдовательности, ни волевой энергіи . .

. . . . . .

Люди, воспитанные съ нимъ, увѣряютъ, что даже ребенкомъ онъ никогда не лгалъ. . . . . .

Много говорили о симпатіи, которую онъ, повидимому, испытываетъ къ однѣмъ націямъ, и антипатіи, которую ему приписываютъ въ отношеніи другихъ. Распространялись также разныя легенды, исторія о разбитомъ стаканѣ и т. п., которыя представляютъ чистѣйшую выдумку. Все, что о немъ можно сказать, это то, что онъ русскій и только русскій. Онъ представляетъ даже особенный примѣръ вліянія среды согласно теоріи Дарвина: въ его жилахъ течетъ едва нѣсколько капель русской крови и, однако, онъ до того слился съ этимъ народомъ, что все въ немъ, языкъ, привычки, манеры, даже самая физіономія отмѣчены отличительными чертами расы. Вездѣ, увидя его, назовутъ его отечество.

Утверждаютъ, что онъ ненавидитъ нѣмцевъ. Но при этомъ смѣшиваютъ нѣмцевъ изъ Германіи съ русскими нѣмцами: этихъ послѣднихъ онъ дѣйствительно совсѣмъ не любитъ.

Увѣряютъ, что Францію онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ націй. Этотъ французскій шовинизмъ, быть можетъ, преувеличенъ. Правда объ этой симпатіи, которую ему приписываютъ, такова.

Передъ 1870 г. онъ выказывалъ весьма либеральныя чувства, онъ, казалось, былъ связанъ сердечными узами съ французскими республиканцами. Сюда входило, главнымъ образомъ, явное отвращеніе къ императору Наполеону, двойственность котораго, привычки къ коварству и интригамъ оскорбляли всѣ его лойяльные инстинкты. Но когда наступила коммуна, на него нашелъ яростный гнѣвъ противъ всѣхъ дѣлателей кровавыхъ революцій; и онъ повторялъ на разные лады съ нѣкоторой досадой по поводу своихъ минувшихъ убѣжденій: „Вотъ до чего доводятъ эти вещи!"

И только послѣ того, какъ республика начала проявлять благоразуміе, новый возвратъ симпатіи къ Франціи, казалось, произошелъ въ немъ.

Въ общемъ, и Франція, и Германія занимаютъ мало мѣста въ его сердцѣ. Онъ только русскій. Онъ любитъ и покровительствуетъ только русскому искусству, русской музыкѣ, русской литературѣ, русской археологіи. Онъ основалъ въ Москвѣ большой національный музей. Изъ тѣхъ же мотивовъ онъ ревностный православный; его благочестіе—искренне и непритворно.

Въ своей странѣ большую часть своей любви онъ отдаетъ крестьянамъ; и на крестьянъ падутъ его самыя широкія милости; о крестьянахъ думалъ онъ даже въ день смерти своего отца, въ моментъ изданія своего перваго указа, напоминая, чтобы впервые поселяне, ставшіе свободными, были призваны принять присягу.

Но если его благодѣянія должны коснуться крестьянъ, то его строгости неизбѣжно постигнутъ всю, снизу до верху, лѣстницу русской бюрократіи, о хищеніяхъ и гнилости которой ему не безъизвѣстно. Во время своего командованія, которое ему было поручено, его возмущенная честность не могла сдержаться передъ хищеніями, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ... Повидимому, онъ твердо рѣшилъ положить этому конецъ; эта чистка червивыхъ чиновниковъ даже началась уже.

II.

Спрашиваютъ съ понятнымъ безпокойствомъ, какова будетъ его политика, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя.

Что касается внутренней, уже поговаривали о конституціи; надежды увеличиваются, баюкаютъ; увѣряютъ, что онъ всегда носилъ въ себѣ призваніе сдѣлаться монархомъ согласно европей-

скимъ идеямъ. Что касается внѣшней политики, предполагаютъ, что онъ все болѣе и болѣе будетъ удаляться отъ Германіи и снова станетъ проводить политику панславизма.

Тѣ, кто ожидаютъ отъ новаго царя парламентской конституціи, скоро потеряютъ свои иллюзіи, мы, по крайней мѣрѣ, убѣждены въ этомъ. Его почти интимныя сношенія съ ультра-національной партіей, кажется, указываютъ, напротивъ, на извѣстное недовѣріе по отношенію къ конституціоналистамъ. Общепринятыя въ Европѣ идеи объ ограниченіи власти, предоставляемой монархамъ, были и останутся долго еще чуждыми Россіи. Императорская власть предпочтетъ проводить важныя реформы, жалуя ихъ сверху путемъ указовъ, чтобы мало по малу добиться замѣтнаго улучшенія участи своихъ подданныхъ, въ особенности, крестьянъ.

Эти реформы, впрочемъ, уже намѣчены, вполнѣ подготовлены и давно уже стоятъ на очереди. Александръ II былъ уже готовъ самъ провести ихъ, когда революціонное движеніе, обострившись, остановило его проекты и отсрочило на неопредѣленное время его либеральныя намѣренія.

Вотъ каковы эти мѣры:

1) Значительное уменьшеніе крестьянскихъ выкупныхъ платежей. Извѣстно, что этотъ выкупъ въ условіяхъ, въ которыхъ онъ производится, грозитъ крестьянамъ неизбѣжнымъ разореніемъ.

2) Коренное измѣненіе системы налоговъ.

3) Уничтоженіе подушной подати.

4) Облегченіе переселеній изъ одной губерніи въ другую.

Эта мѣра можетъ дать земледѣлію въ Россіи значительный просторъ. Дѣйствительно, нѣкоторыя губерніи, гдѣ населеніе густо, остаются непроизводительными по причинѣ безплодности почвы. Въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, земля плодородна, но недостаетъ рабочихъ, и чрезвычайныя трудности, съ которыми сопряжено переселеніе, угрожаютъ удержать надолго такой порядокъ вещей.

5) Большія облегченія въ отношеніи паспортовъ.

Эта мѣра относится къ той же области реформъ, что и предыдущая. Крестьянинъ не можетъ перемѣститься, пойти работать въ сосѣдній районъ безъ того, чтобы его не остановили формальности паспортной системы, сложныя и дорого стоящія.

6) Основаніе земельныхъ банковъ.

Это послѣднее учрежденіе должно избавить деревню отъ хищническаго бича, отъ мелкихъ ростовщиковъ, которые поѣдаютъ крестьянина и разоряютъ деревню, какъ туча саранчи.

Совокупность этихъ реформъ принесетъ несомнѣнно значительное облегченіе земледѣльцу. Онѣ неотложны, абсолютно неотложны, и возможно, что онѣ будутъ приведены въ исполненіе ранѣе конца этого года.

Возможно также, что щепетильная честность новаго императора

побудитъ его вслѣдъ за тѣмъ произвести и значительныя финансовыя реформы. Безъ сомнѣнія, онѣ распространятся также на военный бюджетъ; онѣ же остановятъ скандальное расхищеніе удѣльныхъ земель, которое производится посредствомъ фиктивныхъ продажъ и тысячью другихъ мошенническихъ пріемовъ.

Сверхъ того, Александръ III приметъ, конечно, мѣры къ поднятію положенія духовенства, давъ въ то же время большую свободу старовѣрамъ, которые, какъ это извѣстно, очень многочисленны.

Что же касается собственно конституціи, было бы довольно удивительно, если бы онъ согласился на нее. Всѣ его уступки въ этомъ направленіи ограничатся, безъ сомнѣнія, предоставленіемъ бо́льшей свободы мѣстному управленію; а именно онъ согласится сдѣлать страну въ лицѣ земствъ весьма ограниченной участницей въ завѣдываніи мѣстными нуждами.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя думать, что онъ согласится на большее, чѣмъ простой созывъ депутатовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по опредѣленному вопросу, единственному предмету ихъ собранія. Собраніе такого рода было созвано по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Нѣчто подобное можетъ быть созвано и для новаго распредѣленія налоговъ и по другимъ финансовымъ вопросамъ, съ нимъ связаннымъ. Но царь-самодержецъ не сочтетъ себя связаннымъ ни въ чемъ совѣтами выборныхъ страны, онъ сохранитъ за собой во всей неприкосновенности свободу дѣйствій.

Что же касается другихъ вопросовъ, а именно: свободы печати, завершенія судебной реформы, народнаго образованія, упраздненія административной ссылки, уничтоженія безславнаго института полевыхъ жандармовъ и т. д., то трудно предположить, чтобы онъ отклонился отъ системы либеральныхъ повелѣній, исходящихъ съ высоты трона. Онъ сможетъ даровать широкія милости, но никогда не признаетъ за народомъ права на нихъ. Нельзя даже предположить, чтобы по этимъ вопросамъ могли быть созваны какія-либо собранія для обсужденія и совѣта.

Сильно интересуются предупредительными мѣрами, которыя онъ можетъ принять противъ нигилистовъ, и репрессіями, которыя онъ примѣнитъ къ нимъ. Надо думать, что сами обстоятельства опредѣлятъ его поведеніе. Онъ не захочетъ мстить, но онъ сумѣетъ предупредить и наказать.

III.

Что касается внѣшней политики, можно утверждать, что царь сохранитъ вполнѣ мирную политику, почти уже налаженную въ духѣ чрезвычайной осторожности.

Онъ постарается сохранить свои добрыя отношенія съ Германіей, для которой его политика будетъ въ той же мѣрѣ значительна, какъ и политика его отца. Франція можетъ расчитывать, безъ сомнѣнія,

на симпатію болѣе подчеркнутаго оттѣнка, между тѣмъ какъ въ сношеніяхъ съ Австріей появится, вѣроятно, налетъ недовѣрія. Во всякомъ случаѣ съ такъ называемымъ тройственнымъ союзомъ покончено, вполнѣ покончено. Ему не суждено болѣе возродиться. Новыя отношенія Россіи съ Англіей примутъ, почти навѣрно, характеръ бо́льшей сердечности, что обнаружится, главнымъ образомъ, прекращеніемъ попытокъ наступательнаго движенія Россіи въ глубь Азіи. Соображеніе (всегда очень вѣское), дающее намъ возможность предсказать эту предупредительность Александра III къ Англіи, сводится къ очень живой дружбѣ, которая соединяетъ его съ принцемъ Уэльскимъ.

Стараются уже теперь угадать, какія вліянія будутъ воздѣйствовать на умъ молодого правителя. Всѣ предположенія напрасны. Его независимый нравъ поможетъ ему сбросить съ себя всякія давленія, откуда бы они не исходили. Есть, можетъ быть, только одно лицо, совѣты котораго будутъ всегда выслушаны, если не выполнены, это господинъ Побѣдоносцевъ, сынъ профессора Московскаго университета, человѣкъ весьма образованный, бывшій наставникъ царевича, въ настоящее время прокуроръ Св. Синода. Онъ обладаетъ возвышеннымъ характеромъ, его эрудиція очень обширна, но преувеличенное благочестіе Побѣдоносцева дѣлаетъ его почти фанатикомъ православія.

Въ послѣдній годъ царствованія Александра II новый императоръ сильно сблизился съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ и графомъ Милютинымъ, высокія достоинства которыхъ онъ оцѣнилъ. Можно думать, что эти два лица сохранятъ свои посты. Всѣ чиновники, принадлежащіе къ нѣмецкой партіи, будутъ удалены почти навѣрно.

. . . . . .

Великій князь Владиміръ, братъ Александра III, который назначается шефомъ всей гвардіи и главнокомандующимъ Петербургскаго Военнаго Округа, займетъ въ начинающемся царствованіи могущественное положеніе, гарантіей чего является большая дружба къ нему его брата.

IV.

Резюмируя въ нѣсколькихъ словахъ положеніе вещей, можно сказать, что мы увидимъ, вѣроятно, такое царствованіе, которое въ извѣстномъ смыслѣ оправдаетъ прозвище „крестьянскаго императора", какое уже нынѣ дали царю. Мы будемъ присутствовать при значительныхъ улучшеніяхъ современнаго порядка, улучшеніяхъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, въ пользу земледѣльческаго населенія, но распространяющихся и на другіе классы. Эти послѣднія реформы въ особенности коснутся области финансовъ, народнаго образованія и управленія, децентрализація котораго весьма вѣроятна.

Но всѣ эти мѣры, мы это повторяемъ, придутъ сверху, какъ

проявленіе доброй воли, отъ щедротъ правителя, который въ лучшемъ случаѣ можетъ согласиться принять совѣтъ представительнаго собранія, сохраняя за собой въ полной неприкосновенности свое право рѣшенія въ послѣдней инстанціи.

Во внѣшней политикѣ—миролюбіе, уступчивость, прекращеніе покушеній на Азію, болѣе или менѣе благожелательныя, но въ общемъ холодныя отношенія со всей остальной Европой. Столь же вѣроятно, что царь не поддастся той радикально-панславистской политикѣ, на которую попытается его толкать тѣсно съ нимъ связанная національно-славянофильская партія.

Что касается нигилистовъ, которые предполагаютъ, что императоръ будетъ доведенъ страхомъ до того, что согласится на самыя большія уступки, даже на конституцію, они жестоко ошибаются, не считаясь совершенно съ его характеромъ и энергіей. Ихъ покушенія запугать только могутъ остановить его на томъ пути либерализма, куда ведетъ его натура; и если онъ сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, это будетъ вовсе не потому, что они его запугали, а не смотря на то, что они угрожали ему.

Поставленные между ультра-національностической партіей и нигилистической, либералы-конституціоналисты постараются и, можетъ быть, съумѣютъ доказать императору, что либеральныя реформы, далекія отъ потрясенія трона, только укрѣпили бы его. Смогутъ ли они убѣдить его (ибо умъ его широкъ и свѣтелъ), что ихъ толкаетъ на это не простое желаніе подражать Европѣ, а назрѣвшая необходимость глубокихъ измѣненій въ политической организаціи управленія? Русскіе—той же расы какъ и всѣ остальные европейскіе народы, ихъ образованіе и цивилизація аналогичны, ихъ нужды тожественны, ихъ языкъ подчиненъ той же грамматикѣ, такъ почему бы политической жизни русскаго народа не укрѣпиться на тѣхъ же конституціонныхъ основахъ, какъ и у ея сосѣдей.

Соціально-политическое и финансовое положеніе Россіи несомнѣнно серьезно, и не даромъ въ первомъ своемъ манифестѣ Александръ III говоритъ о тяжелой задачѣ, выпавшей ему на долю. И геніальный самодержецъ могъ бы здѣсь запнуться, но, опираясь на живыя силы націи и призвавъ ихъ себѣ на помощь, всякій честный правитель можетъ разсчитывать на успѣхъ.

LXIII.

[„Temps". 1882. févr.]

[Письмо въ редакцію „Gaulois".]

Je vois avec une certaine surprise que dans le *Gaulois* d'aujourd'hui mon nom se trouve mêlé au récit de l'expulsion de M. Pierre Lavroff.

C'est comme littérateur que j'ai connu M. Lavroff à Saint-Pétersbourg, alors qu'après avoir été colonel de l'artillerie de la garde, il professait l'art militaire et publiait des ouvrages de philosophie, c'est comme littérateur que je l'ai introduit un soir à une séance musicale et littéraire du Cercle des artistes russes à Paris.

Quant à *sauver* M. Lavroff, je n'en ai jamais eu ni le pouvoir, ni l'occasion, et nos opinions politiques diffèrent à ce point que, dans une de ses publications, M. Lavroff m'a formellement reproché de m'être toujours opposé comme *libéral* et *opportuniste* à ce qu'il nommait le développement de l'idée révolutionnaire en Russie.

Je vous prie, etc.

Ivan Tourguéneff.

[Переводъ.]

Я вижу, не безъ удивленія, что въ нынѣшнемъ нумерѣ *Gaulois* мое имя припутано къ разсказу о высылкѣ г. П. Лаврова.

Я зналъ г. Лаврова какъ литератора въ С. Петербургѣ, когда, оставивъ службу въ гвардіи, гдѣ онъ былъ полковникомъ артиллеріи, онъ преподавалъ военное искусство и издавалъ книги по философіи; какъ литератора же я ввелъ его однажды на музыкально-литературный вечеръ въ Кружкѣ русскихъ художниковъ въ Парижѣ.

Спасать г. Лаврова я никогда не имѣлъ ни возможности, ни случая, а наши политическія убѣжденія до такой степени несходны, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій г. Лавровъ формально упрекнулъ меня за то, что какъ *либералъ и оппортунистъ* я всегда противился тому, что онъ называлъ развитіемъ революціонной мысли въ Россіи.

Примите, и пр.

Иванъ Тургеневъ.

LXIV.

[Предисловіе къ „Русскимъ народнымъ сказкамъ въ стихахъ“ А. Брянчанинова.]

Предисловіе.

Достоинство русскихъ народныхъ сказокъ оцѣнено и признано не только нашей публикой, но и вообще всѣмъ образованнымъ и ученымъ міромъ. Мысль г. Брянчанинова переложить нѣкоторыя изъ нихъ на стихи мы считаемъ счастливой, тѣмъ болѣе, что онъ исполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ искусствомъ и тактомъ, всюду сохраняя тонъ и колоритъ оригинала, и разнообразіемъ размѣра придавая ему болѣе жизни и движенія. Стихотворная форма имѣетъ то преимущество, что она — если можно такъ выразиться — ближе придвигаетъ содержаніе сказокъ къ памяти и воспріимчивости читателей, особенно молодыхъ. Подобную-же пользу приносятъ иллюстраціи, исполненныя въ народномъ и сказочномъ духѣ. Онѣ говорятъ зрѣнію, какъ стихи—слуху, и одинаково возбуждаютъ эстетическое чувство. А потому мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе нашей публики на это изданіе и желаемъ ему прочнаго и полнаго успѣха.

Буживаль, Іюнь 1882 г. Иванъ Тургеневъ.

LXV.

[„Голосъ“, 1882 г. декабрь.]

[Письмо слушательницамъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.]

Милостивыя государыни!

Позвольте прежде всего поблагодарить васъ за ваше письмо. Благодарю васъ и за высказанное вами въ столь лестныхъ выраженіяхъ сочувствіе къ моей дѣятельности и особенно за данную мнѣ возможность участвовать въ такомъ гуманномъ и патріотическомъ дѣлѣ, каковымъ я считаю упроченіе будущности женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ доказательство, что это дѣло—дѣйствительно па-

тріотическое, русское—позволяю себѣ повторить прекрасныя слова вашего письма:

„Мы желаемъ одного: чтобъ намъ не закрывали пути къ знанію. „Неужели русское общество откажетъ намъ въ нашемъ справедли„вомъ стремленіи и заставитъ насъ съ надломленнымъ чувствомъ „уйти, для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній—на чужбину?“

Сколько мнѣ извѣстно, русское общество не только не отвѣтитъ вамъ отказомъ, но уже отозвалось, горячо и дѣятельно отозвалось на ваши столь справедливыя стремленія. Оно доказало, что, несмотря на всѣ превратныя и недобросовѣстныя толкованія, оно помнитъ ваши заслуги и въ военныя, и въ мирныя времена—и одинаково убѣждено и въ чистотѣ вашихъ намѣреній, засвидѣтельствованной единогласнымъ отзывомъ вашихъ наставниковъ, и въ той великой пользѣ, которую вы призваны принести нашей родинѣ. Можно утвердительно сказать, что, при настоящемъ ея положеніи, родина эта нуждается еще болѣе въ женскихъ врачахъ, чѣмъ во врачахъ вообще, хотя количество даже этихъ врачей несоразмѣрно мало въ сравненіи съ настоящею въ нихъ потребностью. Историческія судьбы Россіи налагаютъ на русскую женщину особыя и высокія обязанности, при исполненіи которыхъ она уже заявила столько силы самопожертвованія, столько способности къ честному и стойкому труду, что было бы неразумно, было бы грѣшно — не говорю уже, ставить ей преграды на указанномъ ей свыше пути—но не способствовать ей всѣми мѣрами къ осуществленію ея призванія. Повѣрьте: за васъ въ этомъ вопросѣ все честное на Руси, все любящее свою родину, все желающее ей блага, правильнаго и спокойнаго развитія — и въ общечеловѣческомъ, и въ законногосударственномъ смыслѣ!

А потому въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя. Позвольте и мнѣ присоединиться къ нему и внести мою лепту.

Примите, и проч.

Иванъ Тургеневъ.

LXVI.

(„République Française", 1883, январь.)

[Письмо въ редакцію.]

Monsieur Joseph Reinach,

Je crois être l'interprète des sentiments de douloureuse sympathie d'un grand nombre de mes compatriotes, en vous priant de déposer, en leur nom, une couronne sur la tombe de l'homme illustre que la France vient de perdre.

Iv. Tourguéneff.

[Переводъ.]

Г. Жозефъ Рейнакъ,

Думаю, что буду истолкователемъ чувства горестной симпатіи большаго числа моихъ соотечественниковъ, прося васъ возложить отъ имени ихъ вѣнокъ на могилу знаменитаго мужа, котораго лишилась Франція [1].

Ив. Тургеневъ.

---

[1] [Л. Гамбетты.]

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Der letzte Zauberer.

Fantastische Operette in zwei Aufzügen

von

IWAN TURGENJEW,

übersetzt von

Richard Pohl.

MUSIK

von

Pauline Viardot-Garcia.

Riga,
gedruckt bei Wilhelm Ferdinand Häcker.

1870.

PERSONEN.

Zornebock [1], ein alter Zauberer.
Stella, seine Tochter.
Papperlapapp [2], sein Diener.
Prinz Lelio.
Die Elfenkönigin.
Amaryllis,
Lindenblüthe,
Hollunderblüthe,
Vergissmeinnicht,
Veilchen,
} Blumen-Feen.
Blumen-Feen.
Elfen und Nixen.

Die Scene ist im Walde, vor der Behausung des Zauberers.

---

[1] [У Тургенева — *Кракамишъ.*]
[2] [У Тургенева — *Перлимпинпинъ.*]

Erster Aufzug.

Chor der Elfen und Nixen.

Elfen. Eilt herbei
Ohne Scheu!

Nixen. Wir sind da!
Was geschah?

Elfen. Schwestern, kommt, um zu helfen,
Plagt den bösen Feind der Elfen,
Er ist jetzt in uns'rer Macht,
Wird von uns gequält, verlacht
Nacht für Nacht!
Schaut nur hin
Zum Kamin!

Amaryllis. Seht, wie er in seiner Zelle
Schwingt den Zauberstab zur Stelle,
Feuer zornig er begehrt
Am Herd.

Elfen. Quält sich ab in dunkler Zelle,
Schwingt den Zauberstab zur Stelle,
Feuer zornig er begehrt
Am Herd!

Amaryllis. Doch es darf ihm nicht gelingen,
Wasser soll zum Herde dringen;
Lös't die Gluth mit Nebelhauch
In Rauch!

Elfen und Nixen.

Nein, es darf ihm nicht gelingen,
Regen soll zum Herde dringen;
Lös't die Gluth mit Nebelhauch
In Rauch!
Nimmer soll er sich erwärmen,
Lass't den Schornstein uns umschwärmen,
Giesst durch ihn das Feuer aus
Im Haus.

Amaryllis und Chor.

Es braust und zischt,
Die Gluth erlischt!

Zornebock. Verschwinde, kleine Höllenbrut!
Ich komme!—Fürchte meine Wuth!

Elfen und Nixen.

Bravo, bravo!
Ha, ha, ha, ha!
Hi, hi, hi, hi!
Wie er tobt, wie er droht!
Niemand folgt dem Gebot.
Heraus, heraus
Aus Deinem Haus!
Mit Deinen Künsten
Ist's nun aus.

Zornebock. Ich komme schon!

Nixen. Wie er tobt an seinem Herde,
Droht mit wüthender Geberde!
Bald erstickt sein Zorn nun auch
Im Rauch!
Regen rinn'!
Durch's Kamin!

Elfen. Dank, dass Ihr uns kamt zu helfen,
Krieg dem alten Feind der Elfen,
Er ist ganz in unsrer Macht,
Wird von uns verhöhnt, verlacht.
Mit allen Künsten ist's nun aus
Im Hexenhaus,
Regen rinn'!
Durch's Kamin!

Amaryllis. Horch! die Lerche singt im Aether,
Morgenwind bewegt die Blätter!
Auf die Blüthen senkt sich Thau,
Lichter wird des Himmels Blau.
Elfen-Schwestern, flieht den Tag,
Fort, mit leichtem Flügelschlag.

Alle. Lebe wohl, Elfenfeind,
Bis der Mond wieder scheint!
Eilig fort,
Hier und dort.
Jede schlüpf' mit Windeseile
In den Kelch, wo sie verweile,
Bis der Sonne Licht verschwand
Am Waldesrand.

Lied.

Lelio. Stolzer Hirsch, schon am Morgen
Schreckte Dich Hörnerruf;
Du warst so sicher geborgen,
Als ich nun Leid Dir schuf.
Mein Hund hat Dich gespüret,
Verrathen sein Gebell;
Mein Speer hat Dich erküret,
Traf sicher Dich und schnell!
Mein Horn erschallte hell!
Trara, Trara!
Mein Ziel ich gut ersah!

Und zum Wald, Nacht und Morgen,
Folgt mir ein holdes Bild,
Das, treu im Herz verborgen,
Mir ganz die Seele füllt.
Mein Ringen ist vergebens,
Ich kann nicht mehr entflieh'n;
Es gilt das Glück des Lebens,
Muss suchend weiter zieh'n,
Und weiss doch nicht wohin?
Trara, Trara!
Mein Glück ich nimmer sah!

Melodram.

Elfenkönigin. Dein Schicksal werd' ich leiten,
Kannst Du mir fest vertrau'n;
Ich will Dir Glück bereiten:
Du sollst die Holde schau'n.
Die Rose musst du wahren,
Sie beschirmt Deinen Pfad,
Und schützt Dich vor Gefahren,
Sobald die Nacht genaht.
Wahre sie! Auf! Sei getreu!

Arie.

Zornebock. Nein, das ist unerträglich!
Ach, es ist gar zu kläglich,
Ein Magier zu sein,
Dem die Macht
Versagt,
Welche Pein!

Ach, ach, ach, ach!
Nicht länger mehr trag'ich die Schmach.
Weiss mir nimmermehr zu helfen,
Mir, der Tochter, meinem Haus!
Vor dem Hexenvolk der Elfen
Fahr'ich aus der Haut heraus!
Bei Tag und Nacht geplagt,
Gefoppt, gehöhnt, gejagt,
Gestochen, umgerannt,
Gebissen und gebrannt,
Gehetzt, verletzt,
Zerfetzt, zuletzt
Zerschellt, geprellt.
Das ist die Höll' auf Erden,
Man möcht' des Teufels werden!
Und all die schwere Noth
Endet nichts, als der Tod!
Kein Zauber gelingt,
Nur Hohn er mir bringt;
Mein Diener, der Narr,
Verlacht mich sogar.
Wünsch' ich mir ein Pferd,
Wird ein Esel bescheert;
Verlange ich Schuh',
Fehlt die Sohle dazu!
Will schlafen zur Nacht,
Wird Höllenlärm gemacht!
Hab' Feuer begehrt,
Erstick' ich am Herd!
Befehle ich Wein,
Schenk' Hefe ich ein!
Auf diese Manier
Verhung're ich hier!
Nein, das ist unerträglich!
Ach, es ist gar zu kläglich,
Ein Magier zu sein,
Dem die Macht
Versagt,
Welche Pein!
Das ist die Höll' auf Erden,
Man möcht' des Teufels werden!
Und all' die schwere Noth
Endet nichts, als der Tod!

Lied.

Stella. Ström' herab, ström' herab aus dem Wolkengrau,
Sanfte Thränenfluth, verhüll' des Aethers Blau!
Fliess' dahin, fliess' dahin zarter Himmelsthau,
Senk' erquickend dich auf uns're stille Au!
Belebende Düfte
Ziehen durch die Lüfte,
Schöner wird die Welt,
Frischer Wald und Feld!
Die Bienen, sie trinken
Thau vom Kelches Rand,
Alle Tropfen blinken
Hell wie Diamant.
Ström' herab, ström' herab aus dem Wolkengrau,
Sanfte Thränenfluth, verhüll' des Aethers Blau!
Fliess' dahin, fliess' dahin zarter Himmelsthau,
Senk' erquickend dich auf uns're stille Au!

Belebende Düfte
Ziehen durch die Lüfte;
O fliess' herab, du Himmelsthau!

Melodram.

Elfenkönigin. Ein Schleier soll umhüllen
Deines Vaters Blick!
Dein Wunsch wird sich erfüllen,
Dein Lelio kehrt zurück!
Der Abend wird dir bringen
Dein lang' ersehntes Glück.
Harre sein! Bald! Lebe wohl!

Lied.

Papperlapapp. Als ich noch Riese war,
Schien grösser ich fürwahr;
Als ich noch nicht so klein,
Da war mein Geist sehr fein!
Mein Meister, mein Meister,
Ach, wär' ich doch nur dreister,
Ich würfe Dich hinaus
Aus Deinem eig'nen Haus!
Und dann, und dann, was dann?
Will mir's denn nie gelingen,

Das Liedchen auszusingen?
Ich fang's noch mal von vorne an.

Als ich noch gross und breit,
Da kriegt'ich Recht all'zeit!
Als ich noch zwölf Schuh' mass,
Macht' ich den Schustern Spass!
Mein Meister, mein Meister—
Von mir nicht so viel weiss der.
Ich sag' Dir, alter Tropf:
Geht's nicht nach meinem Kopf—
Ja dann, was dann, was dann?
Will mir's denn nie gelingen,
Das Liedchen auszusingen?
Ich fang's noch mal von vorne an.

Elfenchor. Lustig, lustig drehe, schwinge
Dich im Kreis umher;
Tanze, tanze, hüpfe, springe
Mit dem Elfenheer!

Zornebock. Oho! versucht's! — Wagt, Hexen, Ihr
Zu höhnen mich?—Zu nahen mir?

Chor. Haha, haha!
Auf, auf, zum Tanz
Im Elfen-Kranz!
Lustig, lustig, dreh' Dich und schwinge
Hurtig, wie ein Kreisel umher;
Tanze, tanze, hüpf' und springe
Mit dem leichten Elfenheer!

Zornebock. Der Ma—der Ma—der Magier wird—
Mein Athem stockt—mein Kopf—er schwirrt—
Sich grau—sich—grausam rächen,
Wird Eure Macht zerbrechen,
Euch All'—Euch All'—vertreiben,
Und Herr—und Herr—hier bleiben.

Chor. Ha, ha, ha, ha,
Der Magier wird
Den leichten Elfen zum Ball,
Ho, ho!
Sein Athem stockt, sein Kopf, er schwirrt
Immer so.

Zornebock. Wehe Euch, Hexenbrut,
Fürchtet All' meine Wuth!

Chor. Lustig drehe, schwinge,
Tanze, hüpfe, springe.

Elfenkönigin. Ihr, Elfenschwestern, leicht beschwingt,
Die Stunde schlägt, die Ruhe winkt;
Lebt wohl nun, bis im Hain erklang
Der Nachtigall Gesang.

Chor. Ihr Elfenschwestern etc. (wiederholt).

Elfenkönigin. Wiegt Euch in süsser Ruh!
Die Blüthenkelche schlisset zu,
Flieht der Sonne Macht
Ade! bis zur Nacht.

Chor. Wiegt Euch etc. (wiederholt).

Elfenkönigin. O Mond, mit deinem milden Schein,
Blick' lächelnd auf den duft'gen Hain,
Dass zu der Elfen heitrem Tanz
Sich schmück' die Flur mit Silberglanz.

Chor. O Mond etc. (wiederholt).

Amaryllis. Die Freiheit haben wir erkoren,
Und fliehen scheu des Lauschers Ohr,
Doch allen Guten treu gesinnt,
Nur strafend, wer Verrath uns sinnt.

Chor. Die Freiheit haben wir erkoren,
Und fliehen scheu des Lauschers Ohr,
Doch allen Guten treu gesinnt,
Nur strafend, wer Verrath uns sinnt.

Ihr Elfenschwestern, leicht beschwingt,
Die Stunde schlägt, die Ruhe winkt,
Lebt wohl nun, bis im Hain erklang
Der Nachtigall Gesang.

Wiegt Euch in süsser Ruh,
Die Blüthenkelche schliesset zu,
Fürchtet der Sonne Macht,
Ade! bis zur Nacht!

Zweiter Aufzug.

Lied.

Lelio. Wie hebt sich und bebt mein Herz in süsser Wonne,
Wie schlägt's in der treuen Brust mit Liebesmacht!
O Tag, schwind' dahin! Schneller versink', o Sonne,
Und du steig' empor, o holder Stern der Nacht.

Lied.

Stella. Mein Traum schwebt geflügelt empor,
Ein Ruf traf mein staunendes Ohr;
Mein Aug' erschaut im Aethermeer
Ein Zauberbild so hold und hehr!

Das ist der Jugend Göttermacht,
Das ist das Leben, voll und rein!
Aus schwerem Traum bin ich erwacht,
Mir strahlt die Welt im Frühlingsschein,
Und Jubel zieht im Herzen ein,
Wo Alles mir entgegen lacht!

Was diese Wunder mir erschuf,
War jener holden Stimme Ruf:
Mein Herz erbebt, so süss, so bang,
Und lauscht und sinnt, und folgt dem Klang.

Mein Traum ahnt schon der Sonne Pracht
Voraus, eh' noch der Tag erwacht!
Der Zukunft Nebelschleier sinken,
Des Glückes Frühroth seh' ich winken!

Sie naht, des Tages Königin,
Ihr Glanz erfüllt des Himmels Zelt!
Ihr nach, zum Höchsten zieht mich's hin,
In eine reine, schön're Welt,
Wo, wonnevoll die Brust geschwellt,
Ich selig in der Liebe bin!

Ich fühl's, mein Schicksal ist erfüllt;
Ich schau entzückt sein liebes Bild,
Sein Bild, wie ich's im Traum schon sah;
Mir sagt mein Herz: Er ist mir nah!

Duett.

Zornebock. Du kennest noch nicht
Des Goldes Tugend,
Es stellt erst die Jugend
In's günstigste Licht!
Die Schönheit allein
Kann nimmer genügen,
Willst herrschen und siegen,
Musst reich Du sein.

Wie süss dann die Macht,
Die Herrin zu spielen,
Im Golde zu wühlen,
Hast nie Du bedacht!

Du siehest die Welt
Zu Füssen Dir liegen,
Kannst Allem genügen,
Was Dir nur gefällt!

D'rum sei ohne Sorgen,
Vertrau' dem Geschick;
Bald bist Du geborgen,
Ich schaff' Dir Dein Glück!

Stella. Dies mein Glück?—Mein Herz spricht:
„Mein Glück seh' dort ich nicht!"

Zornebock. Pah! Schwatz' doch nicht!
Still! Dein Vater spricht:

Im Rang über Allen,
Die Krone im Haar;
Beneidet von Allen,
Von Fürsten sogar!

Ein Fest jeder Tag;
Nichts wirst Du entbehren,
Kannst Alles begehren,
Was Gold nur vermag.

Du lebst im Palast,
Und Tausend erfüllen
Mit ängstlicher Hast
Dir jeglichen Willen.

Thu', was dir gefällt:
Die Thoren und Weisen
Hast Du genug Geld—
Sie werden Dich preisen.

Was willst Du noch mehr?
Was kann Dich noch quälen?
Was soll Dir noch fehlen?
Ich schaffe Dir her,
Was nur Dein Begehr!

Stella. Das hab' nie ich gemeint,
Wenn von Glück ich geträumt;
Mein sehnend Herz mir sagte:

Zornebock.—Ach wie dumm, wer das fragte—

Stella. Dass jenes Glück, das kaum ich erst gefunden
Und das mich, ach, so süss berauscht,
Mir schon geschenkt so himmlisch schöne Stunden,
Dass ich's mit keinem Andern tauscht'!

Zornebock. Sie ist ein Kind!

Stella. Ach, halte fest, mein Herz, lass' Dir Dein Glück nicht rauben;
Mein Vater kennt es nicht—weck'nicht seinen Verdacht.
Ihm wahr'ich meine Treu, und bleibe fest im Glauben,
O Liebe, steh' mir bei mit deiner heil'gen Macht!

Zornebock. Ich lass' sie kindisch jetzt mit Träumen sich belügen,
Mein Buch giebt mir zurück die alte Macht!
Hab' ich die Formel erst, muss sich ihr Wille fügen,
Und ihrem Herz zum Trotz wird glücklich sie gemacht.

Lied.

Stella. Als der holde Lenz gekommen,
Alles Leben neu erwacht,
Ward mein Herz so heiss beklommen,
Wollte springen über Nacht!
Süsse Schmerzen, seid willkommen,
Uebet eure ganze Macht!
Süsse Schmerzen, seid willkommen,
Hat der Lenz mir euch gebracht?

Eine Stimme hört' ich klingen,
Gar zu lieblich, gar zu hold!

Liebes kann sie mir nur bringen,—
Ob ich ihr wohl folgen sollt'?
Möcht' in das Geheimniss dringen,
Ob mein Herz auch jagend grollt,
Möcht' in das Geheimniss dringen,
Wenn sich's nur enthüllen wollt!

Lelio. Antwort kann ich Dir wohl geben,
Gieb die Ruhe mir zurück!
Nur bei Dir ist Lenzes-Leben,
Nur bei Dir ist volles Glück!
Auch mein Herz fühl' ich erbeben,
Seit mich traf Dein Liebesblick!
Antwort kann ich Dir wohl geben,
Gieb die Ruhe mir zurück!

Duett.

Lelio. Ich bin's—o fürchte Nichts,
Uns schützen gute Geister!
Dich, mein Glück, hier zu seh'n,
Konnt' ich nicht widersteh'n!

Stella. Du bist's—o flieh' von hier,
Nichts birgt Dich vor dem Meister!
Dich darf er hier nicht seh'n,
Verlass' mich, hör' mein Fleh'n!

Lelio. Wer Dich nur einmal sah,
Kann nimmermehr Dich lassen,
O hör', was Liebe spricht:
O, Du mein Himmelslicht,
Verstoss mich nicht!

Stella. Seit der Geliebte nah,
Weiss ich mich kaum zu fassen,
Wie hold ist's, was er spricht!
Ihn fliehen kann ich nicht!

Lelio. O sprich das süsse Wort,
Das Herz zum Herzen bindet,
Lass' Dir mein Leben weih'n,
O sei auf ewig mein!

Stella. Du bist mein Glück, mein Hort,
Mein Herz es klar empfindet:
Lass' Dir mein Leben weih'n,
Ich bin auf ewig Dein!

Zornebock. Luppala, Schibbola, Trix!
Keremet, Zeremet, Trix!
Astaroth, Beelzebub;
Antropos, Lucifer:
Appare, Appare!
Babajego, Lux, Mux, Trix.

Quartett.

Zornebock. Leb' wohl, du Stätte meiner Leiden,
Ach, nie kehr' ich zu dir zurück!
Nicht schwer wird mir's von dir zu scheiden,
Von Ferne winkt mir ein neues Glück!

Stella und Lelio. Durch Nacht zum Licht lass' uns nun schreiten,
Es naht der Freiheit Augenblick!
Die Liebe wird uns stets geleiten,
Uns winkt des Lebens reinstes Glück!

Papperlapapp. Böse Fee!
Adieu, ich geh'!

Stella und Lelio. O süsse Wonnestunde,
Dem Herzensbunde
Giebst du die Weih'!
Mögst du den Schwur empfangen,
An dir zu hangen
Mit ew'ger Treu!
Stets strahle uns dein Segensblick,
O Liebe, des Lebens höchstes Glück!

Papperlapapp. Papperlapapp der Kleine
Rührt flink die Beine,
Ja ja, ich geh';
Wohlan, die Welt begehrt mich;
Heirathen werd' ich.
Ich seh' schon, seh':
Ich werd' vor lauter Essen
Bald wieder mehr, als wie ein Riese messen.
Juchhe! Juchhe!
Bin hier genug geschabernakt!
Fort! fort! ein Weibchen sucht sich
Papperlapapp, die kocht und backt
Braten, Compot, Gelée!

Zornebock. Noch einmal strahlt ein Hoffnungsblick,
Dank dir, du freundliches Geschick!

Leb' wohl, du Stätte meiner Leiden,
Ach, nie kehr' ich zu dir zurück!
Nicht schwer mir wird's, von dir zu scheiden,
Fern winket mir ein neues Glück.

Lelio und Stella. Dank Dir—o Elfenkönigin!
Mit Segen lass' uns zieh'n;
Dies Glück ist nur Dein Werk allein!
Leb' wohl, du trauter Hain!

Schluss-Chor.

Heil dir, Heil dir, Waldeinsamkeit!
Du hast gesiegt, wir sind befreit,
Die Menschen floh'n aus deinem Reich!
Sei uns gegrüsst!
Du Gottes-Tempel, wundergleich,
Sei uns gegrüsst!
Dein Heiligthum bleibt unentweiht.

Wir preisen dich, du Waldes-Rauschen,
Ihr Wipfel, strebet himmelauf,
Lass't uns der Wunder-Sprache lauschen,
Du heil'ges Dunkel, nimm uns auf!

Wir schwören, nie dich zu verlassen,
Wir bleiben frei, im freien Wald,
Und nimmer soll sein Glanz erblassen,
So lang der Elfen Sang erschallt!

Heil dir, Heil dir! Waldeinsamkeit!
Du hast gesiegt! Wir sind befreit!

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

I. Сте́но *(стр. 1).*—Впервые напечатано нами въ „Голосѣ Минувшаго", 1913 г., № 8, стр. 217—254, съ подлинника, сохранившагося въ архивѣ А. В. Никитенка. Рукопись, вся писанная рукою Тургенева, представляетъ сшитую тетрадь въ листъ писчей бумаги, 37 страницъ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ,—очевидно перебѣленный экземпляръ, почти безъ помарокъ. Какъ видно изъ надписи подъ заглавіемъ, драма писана съ 21 сентября по 13 декабря 1834 г. На задней сторонѣ первой страницы рукописи написано рукою Тургенева, почеркомъ болѣе позднимъ, чѣмъ текстъ:

Сей экземпляръ подаренъ мною А. Я. П.

Эти инициалы обозначаютъ, безъ сомнѣнія, Авдотью Яковлевну Панаеву, жену Ив. Ив. Панаева; сію рукопись, вѣроятно, и подарена Никитенкѣ.

Въ своихъ Воспоминаніяхъ („Литературный вечеръ у П. А. Плетнева") Тургеневъ, какъ извѣстно, упоминаетъ о „Стѐно" (по забывчивости называя его „Стеніо"): онъ разсказываетъ о томъ, что давалъ эту драму на прочтеніе Плетневу. Сохранилось и другое, болѣе современное свидѣтельство Тургенева о „Стѐно",—въ его письмѣ отъ 26 марта 1837 г. къ А. В. Никитенкѣ („Рус. Стар." 1896, декабрь, стр. 588); именно, посылая на судъ Никитенки свои юношескія произведенія, онъ пишетъ: „Я колебался, долженъ ли я былъ послать *драму*, писанную мною 16-ти лѣтъ, мое первое произведеніе. Я столько вижу въ ней недостатковъ, и вообще весь планъ ея мнѣ теперь такъ не нравится, что если бы я не надѣялся на вашу снисходительность, а главное, если бы я не думалъ, что по первому шагу можно, по крайней мѣрѣ, предузнать будущее, я никогда не рѣшился бы вамъ ее послать. Съ годъ тому назадъ я ее давалъ П. А. Плетневу. Онъ мнѣ повторилъ то, что я давно уже думалъ, — что все преувеличено, невѣрно, незрѣло... и если есть что-нибудь порядочное, то развѣ нѣкоторыя частности, очень немногочисленныя. Считаю долгомъ замѣтить, что (вы, конечно, это тотчасъ замѣтите) размѣръ стиховъ очень неправиленъ. Передѣлывать ихъ теперь не стоило труда, и я было хо-

тѣлъ ее предать совершенному забвенію, когда ближайшее знакомство съ вами побудило меня показать ее вамъ".

Сохранившаяся рукопись „Сте́но", — повидимому, та самая, которая была въ рукахъ Плетнева. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой рукописи текстъ справа или слѣва отчеркнутъ карандашемъ, кое-гдѣ подчеркнуты отдѣльные стихи или реченія, и сбоку, кажется почеркомъ Плетнева, карандашемъ же написаны замѣчанія. Такъ, подчеркнуты слова: (небо молчитъ) *въ величіи холодномъ*, и сбоку написано: *очень хорошо;* въ одномъ мѣстѣ замѣтка: *exageration;* слова: *могучія объятья* (моря) одобрены: *это хорошо*, а противъ непосредственно слѣдующаго за ними стиха: „Измѣнчивѣе сердца дѣвы оно" (море) написано: *а это кажется не правда.*

Литературно-біографическій комментарій къ „Сте́но" данъ нами въ „Голосѣ Минувшаго", тамъ же, стр. 254—267.

II. Похожденія Подпоручика Бубно́ва *(стр. 44)*. печатается впервые, съ подлинной рукописи, принадлежащей Софьѣ Марковнѣ Бакунинной; было изложено нами въ фельетонѣ „Русскихъ Вѣдомостей" 28 августа 1912 г.: „Изъ жизни и творчества И. С. Тургенева: II. Неизданный разсказъ Тургенева". Разсказъ написанъ, какъ показываетъ надпись подъ заглавіемъ, въ Спасскомъ, 25 іюня 1842 года. Рукопись—сшитая тетрадка изъ двухъ полныхъ листовъ почтовой бумаги большого формата, гдѣ на первой страницѣ написано заглавіе, на оборотѣ ея — посвященіе А. А. Бакунину, а на остальныхъ шести страницахъ, считая и оборотныя стороны, мелко и убористо написанъ самый разсказъ.

Позволяемъ себѣ привести изъ упомянутаго сейчасъ фельетона нижеслѣдующія строки:

„Похожденія подпоручика Бубно́ва" — разумѣется, шаржъ, шалость пера [возможно, что замыселъ разсказа стоялъ въ связи съ привычнымъ подсмѣиваньемъ Тургенева надъ какими-нибудь мечтами или замашками пріятеля]; но въ этой шуткѣ, кажется, можно разглядѣть и нѣчто любопытное.

„Любопытно въ ней прежде всего, и въ особенности неожиданно подъ перомъ Тургенева, совершенно очевидное подражаніе манерѣ Гоголя. Эта фантастика въ реальной рамкѣ, и именно въ рамкѣ пошлой, скудной дѣйствительности; этотъ образъ подпоручика, погибающаго отъ скуки и душевной пустоты, мечтающаго о томъ, что онъ сдѣлалъ бы, если бы сталъ Наполеономъ, несомнѣнно навѣяны „Записками сумасшедшаго", „Носомъ", „Шинелью". Гоголь обстоятельнѣе и глубже разработалъ бы реальную основу, — Тургеневъ полѣнился и только намѣтилъ ее. Эта зависимость отъ Гоголя очень любопытна. Въ позднѣйшей прозѣ Тургенева вліяніе Гоголя, какъ извѣстно, нигдѣ не выступаетъ сколько-нибудь замѣтнымъ

образомъ, исключая комедій („Завтракъ у предводителя"). Что Тургеневъ въ молодости благоговѣлъ передъ Гоголемъ и зналъ его произведенія чуть ли не наизусть,—это онъ самъ разсказалъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ"; кстати, онъ и лично познакомился съ Гоголемъ какъ-разъ незадолго до написанія „Похожденій подпоручика Бубнова": зимой 1841—1842 г. они нѣсколько разъ встрѣчались въ салонѣ А. П. Елагиной.

„Еще интереснѣе фантастика тургеневскаго разсказа. Фантастическій элементъ въ литературѣ обыкновенно играетъ служебную роль: онъ либо служитъ оболочкой, подъ которой скрывается художественная идея, либо является своеобразной формою психологической характеристики, и во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ въ своемъ построеніи подчиненъ нѣкоторой внѣшней ему схемѣ, отъ которой и получаетъ свою стройность, послѣдовательность, закономѣрность. Совсѣмъ не такова фантастика нашего разсказа: она едва связана съ психологіей Бубнова—прозрачнымъ намекомъ на то, что весь рядъ этихъ видѣній былъ порожденъ опьяненіемъ подпоручика; далѣе, ея содержаніе, разумѣется, не выходитъ за предѣлы психологіи Бубнова и до извѣстной степени даже проявляетъ ее. Но это и все: въ своемъ развитіи, въ своей послѣдовательности, въ самой своей фабулѣ она совершенно свободна и причудлива до конца; она едва держится корнемъ въ реальности,—и вся уносится вольно, по капризу авторской фантазіи. Въ повѣстяхъ Гоголя представлены оба эти рода фантастики цѣлесообразный,—напр., въ „Запискахъ сумасшедшаго"—и безцѣльный,—напр., въ „Носѣ". Къ „Носу" и приближается тургеневскій разсказъ по характеру фантастическаго элемента, съ той разницей, что у Гоголя все время чувствуется твердая рука, не выпускающая возжей и въ самой безумной скачкѣ, Тургеневъ же (можетъ-быть, потому, что онъ писалъ свой разсказъ просто для шутки, не имѣя въ виду печати) далъ полную волю своему воображенію нестись по произволу, метаться, медлить и беззаботно играть, какъ жеребенку въ полѣ. Есть моментъ въ молодости всякаго художественно-одареннаго человѣка, когда воображеніе уже полно напряженной силы, но еще не найдены тѣ формы, въ которыхъ оно могло бы осмысленно и стройно изливать свою энергію; въ эти минуты случается, что оно выбрасываетъ наружу безпорядочную груду подчасъ дикихъ образовъ, точно песокъ и камни: такимъ небольшимъ изверженіемъ образующагося вулкана кажется намъ разсказъ Тургенева".

III. Порогъ *(стр. 52)*, печатается по изданію Библіотеки „Свѣточа" (С. А. Венгерова), № 5: *И. С. Тургеневъ. Порогъ.* С.-ПБ. 1906. — „Порогъ"—одно изъ „Стихотвореній въ прозѣ". Предоставляя „Стихотв. въ прозѣ" М. М. Стасюлевичу для напечатанія въ „Вѣстникѣ Европы", Тургеневъ, повидимому, сразу предупредилъ его, что „Порогъ" можетъ ока-

заться неудобнымъ въ цензурномъ отношеніи. Въ дальнѣйшей перепискѣ съ М. М. Стасюлевичемъ онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету. 29 сент. (11 окт.) 1882 г. онъ писалъ: „Въ случаѣ если Вы найдёте нужнымъ исключить одно или два стихотворенія—(какъ напр. „Порогъ", въ которомъ я не хотѣлъ бы чтобы послѣднія слова были измѣнены) — то я Вамъ пошлю одинъ отрывокъ подъ заглавіемъ — „Нашимъ народникамъ", который, мнѣ кажется, не худо было бы помѣстить вмѣстѣ съ другими" („М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ", п. ред. М. К. Лемке, т. III, СПБ. 1912, стр. 210; см. также письмо отъ 3—15 окт., тамъ же, стр. 211). Окончательное рѣшеніе вопроса о печатаніи „Порога" Тургеневъ очевидно предоставлялъ Стасюлевичу. 4—16 окт. онъ пишетъ послѣднему: „На слѣдующей стр. — Вы найдёте, чѣмъ замѣнить „Порогъ"—если Вы рѣшительно найдёте его неудобнымъ.—Въ противномъ случаѣ оставьте „Житейское Правило" — до слѣдующей полусотни..." (тамъ-же, стр. 212). Наконецъ, въ письмѣ отъ 13—25 окт. читаемъ: „Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вчера вечеромъ пришло Ваше письмо и первымъ моимъ дѣломъ—просить Васъ—выкинуть „Порогъ" (и не замѣнять его тѣмъ „Стихотвореніемъ въ прозѣ" которое я Вамъ прислалъ: оно по тону не подходитъ къ прочимъ). Черезъ этотъ „порогъ" Вы можете споткнуться... Особенно если его пропустятъ. А потому: лучше подождать" (тамъ же, стр. 214). Въ результатѣ „Порогъ" былъ выпущенъ, но „Житейское правило" Стасюлевичъ напечаталъ.

Въ русской подцензурной печати „Порогъ" появился впервые только въ 1905 году, именно — въ декабрьской книгѣ „Русскаго Богатства" за этотъ годъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ выпущенъ отдѣльной брошюрою, съ предисловіемъ С. А. Венгерова, въ изданіи „Свѣточа", какъ выше указано. Въ отзывѣ объ этой брошюрѣ, напечатанномъ въ майской книжкѣ „Былого" за 1906 г., (стр. 295—296), В. Я. Богучарскій сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія. По печатному свидѣтельству П. Л. Лаврова, Тургеневъ лѣтомъ 1882 г. читалъ ему, Лаврову, „Порогъ", вмѣстѣ съ тремя другими „Стихотвореніями въ прозѣ", позднѣе напечатанными въ „Вѣстн. Евр."; Лавровъ полагалъ, что „Порогъ" былъ написанъ подъ вліяніемъ суда надъ Перовской и ея товарищами, и ихъ казни. Далѣе В. Я. Богучарскій сообщаетъ, что „Порогъ" былъ напечатанъ въ приложеніи къ листку, озаглавленному: „И. С. Тургеневъ (По поводу его смерти)" и выпущенному въ Петербургѣ 25 сентября 1883 г. типографіей „Народной Воли" (авторомъ этого листка, по словамъ М. К. Лемке, былъ П. Ф. Якубовичъ, см. „М. М. Стасюлевичъ и его совр." III, 214, примѣч.) Впослѣдствіи и листокъ, и приложенный къ нему „Порогъ" были перепечатаны въ сборникѣ Базилевскаго (Богучарскаго) „Литература партіи Народной Воли".

Въ 1906 году Н. Гутьяръ опубликовалъ варіантъ „Порога", съ такимъ поясненіемъ: „Нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ почитателей Ивана Сергѣевича переданъ былъ мнѣ текстъ этого стихотворенія въ иной редакціи". Приводимъ этотъ варіантъ, какъ онъ напечатанъ въ статьѣ г. Гутьяра („По поводу стихотворенія въ прозѣ Тургенева „Порогъ" — „Историч. Вѣстникъ" 1906, № 6, стр. 1046—1047).

У порога.

Предо мной огромное зданіе... Узкая дверь открыта настежь; за нею одинъ мракъ,—мракъ, полный ужаса. У порога стоитъ дѣвушка... молодая русская дѣвушка. Мрачна и холодна эта непроницаемая тьма. Изъ глубины зданія идетъ леденящее дыханіе, слышится голосъ медленный и замогильный:

— Ты, которая желаешь переступить этотъ порогъ, хорошо ли ты знаешь, что ждетъ тебя?

— Да, я это знаю!—отвѣчаетъ дѣвушка.

— Знаешь ли ты, что тебя ждетъ холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка и презрѣніе, поруганіе, болѣзнь и даже сама смерть?

— Я знаю!

— Одиночество, заброшенность?

— И это знаю!.. Я готова!.. Всѣ несчастія, всѣ удары судьбы—я все перенесу!

— Вѣдь не только удары отъ враговъ, но и отъ твоихъ родныхъ и друзей.

— Да, перенесу и это!

— Ну, хорошо. Значитъ, ты готова на жертву?

— Да.

— На никому неизвѣстную жертву? Никто... никто не почтитъ твоей памяти.

— Я не прошу ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени въ исторіи.

Нѣсколько минутъ молчанія,—потомъ голосъ снова вопрошаетъ:

— Думала ли ты,—сказалъ онъ наконецъ:—что настанетъ, быть можетъ, день, когда ты не будешь больше вѣрить въ то, во что вѣришь сегодня; что когда нибудь ты скажешь себѣ, что ты ошиблась, что ты напрасно пожертвовала своей молодой жизнью?

— Я думала даже и объ этомъ. И все же я хочу войти.

— Такъ входи же!

Молодая дѣвушка переступила порогъ; завѣса тяжело опустилась за ней...

— Безумная!.. послышался извнѣ вопль и скрежетъ зубовъ.

Голосъ, тихо прозвучавъ въ воздухѣ,—возразилъ:

— Святая!

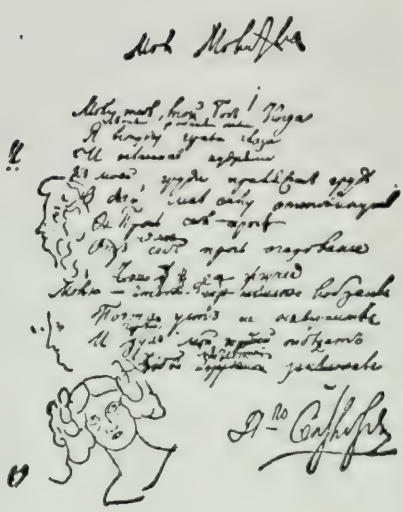
IV. Съ кѣмъ спорить? *(стр. 53)*, перепечатывается изъ: „XXV лѣтъ. Сборникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ", СПБ. 1884, стр. 272, гдѣ было напечатано впервые. Въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу отъ 14—26 октября 1882 г. Тургеневъ писалъ: „Въ доказательство что я не дѣлаю намёковъ — а говорю прямо, прилагаю на слѣдующей страницѣ одно Стихотвореньице [рѣчь шла о „Стихотвореніяхъ въ прозѣ"],—не для печати, разумѣется—а чтобы сорвать съ Васъ улыбку".—и дальше выписалъ „Съ кѣмъ спорить?"

V. Une fin (Dernier récit de Tourguéneff) *(стр. 54)*, впервые напечатано въ „La Nouvelle Revue", t. 38, livr. 3, 1-er Février 1886, pp. 449—462, откуда и перепечатывается. Повидимому, объ этомъ разсказѣ сообщаетъ г-жа А. Луканина въ записи, помѣченной 1 октября 1883 г. Она разсказываетъ, что Тургеневъ поручилъ ей перевести на русскій языкъ его „Пожаръ на морѣ". 10-го августа она привезла ему свой переводъ; „Взявъ у меня переводъ „Пожара на морѣ", онъ сказалъ, что у него есть еще другой разсказъ, который онъ тоже диктуетъ по французски г-жѣ Віардо и дастъ мнѣ перевести, но что теперь разсказъ этотъ еще не готовъ. — Работа моя разростается, сказалъ онъ по поводу второго разсказа. Это уже не разсказъ, но еще и не повѣсть" („Мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ",—„Сѣв. Вѣстн." 1887 г., III, стр. 87.)

Переводъ Д. В. Григоровича былъ напечатанъ въ „Нивѣ", 1886 г., кн. 1. За разрѣшеніе перепечатать этотъ переводъ приносимъ благодарность дочери Д. В. Григоровича, М. Д. Черемисиновой.

VI. Пѣсня Клерхенъ изъ „Эгмонта" *(стр. 78)*, впервые напечатана А. А. Корниловымъ въ „Рус. Мысли" 1912, декабрь, стр. 146 второго счета. Этотъ переводъ Тургеневъ сообщаетъ М. А. Бакунину и А. П. Ефремову въ письмѣ отъ 8—10 сентября 1840 г., какъ сдѣланный имъ раньше: „Сегодня вспомнилъ мой переводъ пѣсенки „Clärchen" въ Эгмонтѣ. Сообщаю" (тамъ же.)

Нижеслѣдующее, также раннее, стихотвореніе Тургенева мы не рѣшились внести въ текстъ, такъ какъ оно сохранилось только въ черновикѣ. Факсимиле его, неизвѣстно откуда заимствованное, было напечатано въ „Иллюстрированномъ Приложеніи" къ газетѣ „Одесскія Новости" № 9104, отъ 21 августа 1913 г., съ подписью: „Страница изъ юношеской тетради И. С. Тургенева (1834—1836 гг.)". Приводимъ самое факсимиле (почеркъ— несомнѣнно Тургенева).



Это стихотвореніе можетъ быть прочитано такъ (мы реставрируемъ по догадкѣ 7-ой стихъ и разставляемъ знаки препинанія):

Моя молитва.

Молю тебя, мой Богъ! Когда
Моими робкими очами
Я встрѣчу черные глаза,
И осѣненная кудрями
Къ моей груди приляжетъ грудь,—
О дай мнѣ силу оттолкнуть
Прочь отъ себя очарованье!
Молю—да жгучее лобзанье
Поэта устъ не осквернитъ
И гордый духъ мой побѣдитъ
Любви мятежной заклинанье!

21-го Сентября.

VII. Изъ поэмы, преданной сожженію *(стр. 78)*, перепечатывается изъ „Сборника лучшихъ произведеній русской поэзіи", изд. Н. Щербины, СПБ. 1858, стр. 379.—Откуда Щербина заимствовалъ этотъ отрывокъ—мы не могли дознаться.

VIII. Синица *(стр. 79)*, было напечатано въ видѣ романса съ музыкою Полины Віардо, ценз. разрѣшеніе—16 января 1864 г., и приведено

въ письмѣ Тургенева къ Фр. Боденштедту отъ 8 окт. 1863 г. — „Рус. Стар." 1887, май, стр. 459. Текстъ въ обоихъ случаяхъ вполнѣ тожественъ.

IX. На зарѣ *(стр. 79)*, было напечатано, какъ и слѣдующія далѣе „Разгадка" и „Разлука", въ альбомѣ романсовъ Полины Віардо, откуда и перепечатывается. Полное заглавіе этого альбома—„Пять стихотвореній Лермонтова и Тургенева, положенныя на музыку Полиною Віардо Гарсіа. № 1: „На зарѣ" Тургенева. № 2: „Утесъ" Лермонтова. № 3: „Разгадка" Тургенева. № 4: „Разлука" Тургенева. № 5: „Русалка" Лермонтова. — Собственность издателя. С.-Петербургъ, у А. Іогансена". Цензурное разрѣшеніе—СПБ. 22 августа 1868 г.—Тургеневъ указанъ, какъ авторъ текста, и на каждомъ отдѣльномъ изъ этихъ трехъ романсовъ.

X. Разгадка *(стр. 80)*, см. примѣч. къ № IX.

XI. Разлука *(стр. 80)*, см. примѣч. къ № IX.

XII. Передъ судомъ *(стр. 81)*, перев. изъ Гёте, было напечатано, какъ романсъ съ музыкою Пол. Віардо, цензурное разрѣшеніе—СПБ. 13 ноября 1869 г.

XIII. Ночь и день *(стр. 81)*, перев. изъ Е. Тюркеети, было напечатано, какъ романсъ съ музыкою Пол. Віардо, цензурное разрѣшеніе—СПБ. 15 ноября 1869 г.

XIV. Лѣсная тишь *(стр. 82)*, перев. изъ Р. Поля, перепечатывается изъ альбома романсовъ Пол. Віардо. Заглавіе этого альбома, разрѣшеннаго цензурою 23 апрѣля 1871 г.: „Шесть стихотвореній Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенныя на русскій языкъ И. Тургеневымъ и положенныя на музыку Полиною Віардо-Гарсіа", изд. А. Іогансена въ С.-Петербургѣ. — Альбомъ содержитъ наши №№ XIV—XIX, въ этомъ самомъ порядкѣ.

„Лѣсная тишь"—очень далекій переводъ нѣмецкаго стихотворенія, почти оригинальная пьеса. Приводимъ подлинникъ:

Waldeinsamkeit, Waldeinsamkeit!
Welch köstlich Kleinod hütest du!
In deiner Zauberwelt gedeiht
Das schönste Kind in süsser Ruh.

Ihr träumt es nicht, wie hold sie ist:
Der Silberquell im Schilf es rauscht;
Sie ahnt es nicht, wie klug sie ist:
Der Rabe weiss es, der ihr lauscht.

Schatzkästlein ruht im Waldesschoss,
Die Wünschelruthe öffnet's ihr.

Lieb' Mutter trohnt im Zauberschloss,
Der Schwan kennt wohl den Pfad zu ihr?

Wie sehnsuchtsvoll aus weiten Fernen
Erklingt ein Lied im Abendschein!
Es schwingt sich leise zu den Sternen:
„Du Märchenkind, gedenke mein!"

XV. Загубленная жизнь *(стр. 83)*, пер. изъ Р. Поля, перепечатывается изъ того-же альбома, какъ № XIV. Переводъ точный, съ сохраненіемъ размѣра подлинника.

XVI. Садовникъ *(стр. 83)*, пер. изъ Мёрике, перепечатывается изъ того-же альбома, какъ № XIV. Переводъ довольно точный, размѣромъ подлинника. У Мёрике: Auf ihrem Leibrösslein, *So weiss wie der Schnee.*

XVII. Ожиданіе *(стр. 84)*, перев. изъ Р. Поля, перепечатывается изъ того-же альбома, какъ № XIV. Въ подлинникѣ—не три, какъ у Тургенева, а *шесть* строфъ.

XVIII. Былое счастье *(стр. 84)*, перев. изъ Мёрике, напечатано въ томъ-же альбомѣ, какъ № XIV, и въ письмѣ Тургенева къ П. Віардо отъ 3—15 марта 1871 г. въ „Соврем. Мірѣ" 1912, № 3, стр. 194—195; нами перепечатывается съ факсимиле, даннаго въ „Синемъ журналѣ" 1911 г. № 25, стр. 7. Въ альбомѣ 1-й стихъ второй строфы—„По полямъ намъ все вокругъ". Въ подлинникѣ стихотв. озаглавлено: Agnes. Первая строфа:

Rosenzeit! Wie schnell vorbei,
Schnell vorbei,
Bist du doch gegangen!
Wär mein Lieb nur blieben treu,
Blieben treu,
Sollte mir nicht bangen.

Въ указанномъ сейчасъ письмѣ къ Віардо Тургеневъ писалъ: „Переводъ „Rosenzeit" очаровательнъ (!!!!)" и далѣе: „Смѣю думать, что маленькое измѣненіе, сдѣланное мною въ послѣдней строфѣ, не повредило ей, и Мёрике не возражалъ бы противъ него" („et Möricke l'aurait accepté", см. факсимиле письма въ „Синемъ журн.", указ. м.). У Мёрике послѣднія 3 строки:

An dem Hut mein Rosenband
Von seiner Hand
Spielet in dem Winde.

XIX. Что за погода злая! *(стр. 85)*, перев. изъ Гейне, перепечатывается изъ того-же альбома, какъ и № XIV. Слова, въ 3-ьей строфѣ:

„испечь она", пропущены въ романсѣ и вставлены нами; у Гейне: Sie will einen Kuchen backen.—См. объ этомъ романсѣ въ письмѣ Тургенева къ П. Віардо отъ 3—15 марта 1871 г.—„Современ. Міръ" 1912, № 3, стр. 194—195.

Кромѣ названныхъ выше двухъ альбомовъ, 1868 и 1871 гг., существуетъ еще третій альбомъ романсовъ Пол. Віардо, изданный также Іогансеномъ и разрѣшенный цензурою въ СПБ. 20 іюня 1874 г.: „Пять стихотвореній Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбель и Поля, положенныя на музыку Полиною Віардо Гарсія." Это—„Слѣпецъ" Поля, „Финская пѣсня" Гёте, „Юноша и дѣва" Пушкина, „Солдатская невѣста" Мёрике, и „Весенній вечеръ" Гейбеля. Всѣ четыре нѣмецкія пьесы даны съ русскимъ переводомъ, но переводчикъ нигдѣ не названъ—ни въ заголовкахъ романсовъ, ни на заглавныхъ листахъ, ни даже въ каталогѣ Іогансена. „Финской пѣсни" намъ не удалось видѣть; остальные три перевода печатаемъ здѣсь, такъ какъ есть всѣ основанія думать, что они принадлежатъ перу Тургенева.

Слѣпецъ.

Слова Р. Поля.

По жизненному полю
Въ толпѣ громадной людской,
Съ закрытыми очами
Брожу я всѣмъ чужой.
Слѣпцомъ я сталъ добровольнымъ,
Слѣпцомъ такъ останусь я...
Мнѣ вновь откроетъ очи
Одна любовь твоя!

Солдатская невѣста.

Слова Мёрике.

Солдатъ удалой мой женихъ!
Не много и сыщешь такихъ!
Умереть онъ готовъ за Царя
И жить тоже радъ за меня!
Ни ленъ у него, ни звѣзды,
На шеѣ не виснутъ кресты,
Ему въ большой чести не быть,
Отставнымъ ему хочется жить!
Что ленты? что звѣзды? Вдвоемъ

Мы славно безъ нихъ заживемъ;
А крестъ на житейскомъ пути
Ужъ навѣрно придется нести!

Весенній вечеръ.

Слова Э. Гейбеля.

Весенній влажный вечеръ...
Все тихо, все молчитъ...
Покрыто тучками небо,
Кой-гдѣ звѣзда дрожитъ...
Въ лицо крыломъ мнѣ вѣетъ
Вѣтеръ едва-едва,
И благовоньемъ дышетъ
Росистая трава...
О вечеръ! пѣснь хотѣлъ бы
Принесть тебѣ я въ даръ...
Душа найти не можетъ
Бывалыхъ словъ и чаръ.

XX. Chanson de la pluie *(стр. 86)*, перепечатывается съ факсимиле романса, которое было дано въ Иллюстрир. Приложеніи „Новаго Времени" 1900, 28 октября, № 8862, стр. 11.

Приводимъ здѣсь кстати сдѣланный Тургеневымъ *нѣмецкій* переводъ стихотв. „Птичка Божія не знаетъ", изъ его письма къ г-жѣ Віардо отъ 24 янв.-5 февр. 1864 г. (изъ Петербурга)—„Соврем. Міръ" 1911, декабрь, 171—172. Это стихотвореніе долженъ былъ перевести на нѣм. яз., для альбома романсовъ Віардо, Фр. Боденштедтъ, но такъ какъ послѣдній замѣшкался, то Тургеневъ самъ перевелъ его; однако Боденштедтъ успѣлъ еще во-время прислать свой переводъ, который и былъ напечатанъ,—но, кажется, первые четыре стиха, по желанію г-жи Віардо, напечатаны въ переводѣ Тургенева (мы не имѣли возможности провѣрить это.) См. объ этомъ „Соврем. Міръ" 1911, декабрь, стр. 171—177. Варіанты подъ строкою даны самимъ Тургеневымъ.

Das Vöglein.

Kleines Vöglein lebt im Walde [1]
Mühelos und sorgenfrei,
Baut sich wohl ein Nest zur Wohnung [2],

[1] *Или:* hienieden.
[2] „ gar wohnlich.

Doch kein Nest, das ewig sei...
Schlummert leis' auf grünem Zweige,
Bis der liebe Morgen graut...
Vöglein horcht auf Gottes Stimme,
Schüttelt sich und singet laut.

Nach des Frühlings kurzer Wonne
Schwindet rasch des Sommers Pracht;
Trüber Herbst bringt Wind und Regen[1];
Schon ist nah' des Winters Nacht.
Menschen frieren, Menschen klagen,
Doch das Vöglein nicht, fürwahr...
Über's Meer, zu warmen Landen
Fliegt [2] es bis zum nächsten Jahr.

ОТДѢЛЪ II.

I. Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ *(стр. 89)*, было напечатано впервые Н. О. Лернеромъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“ 9 дек. 1910 г., затѣмъ перепечатано съ его-же послѣсловіемъ въ „Русской Старинѣ“ 1911 г., февраль, стр. 290—300, и въ казанской брошюрѣ: „Сокровищница русской литературы. № 1: И. С. Тургеневъ. Неизданныя произведенія“, изд. „Молодыя силы“ 1911 г.,—откуда и воспроизводится нами. Писано, какъ значится на самой рукописи (стр. 100), 23—25 декабря 1842 г.; Тургеневъ состоялъ тогда на службѣ въ канцеляріи министра внутр. дѣлъ, и настоящая статья его была, вѣроятно, служебною запискою,—см. послѣсловіе Н. О. Лернера, тамъ-же.

II. Современныя замѣтки *(стр. 101)*, напечатано въ „Современникѣ“ 1847 г., кн. 1, „Смѣсь“, стр. 71 и д., безъ подписи. Принадлежность этой статьи Тургеневу устанавливается письмомъ Бѣлинскаго къ Тургеневу отъ 1 марта 1847 г., гдѣ читаемъ: „Теперь фельетонъ [т. е. для „Современника“] повѣренъ человѣку порядочному, *но это все—не ты, мой безцѣнный Иванъ Сергѣевичъ: ужъ такого фельетона, какой былъ въ 1 № „Современника“ не дождаться намъ раньше вашего возврата въ Питеръ*“ („Письма“ Бѣлинскаго, изд. Е. А. Ляцкаго, т. III, стр. 191). Подъ фельетономъ разумѣлась тогда хроника, „Современныя замѣтки“ о текущей

[1] *Или:* Nebel.
[2] „ Eilt.

жизни столицъ (такъ назывался этотъ отдѣлъ въ „Современникѣ"); слова Бѣлинскаго касаются именно такихъ замѣтокъ,—иначе не было бы необходимо присутствіе Тургенева въ Петербургѣ.

Какъ извѣстно, въ концѣ 1846 г. Панаевъ и Некрасовъ купили у Плетнева право изданія „Современника", и Бѣлинскій вошелъ въ это предпріятіе, передавъ новому журналу и весь матеріалъ, собранный имъ для его предполагавшагося альманаха. Излагая этотъ эпизодъ, Анненковъ пишетъ („Молодость И. С. Тургенева", въ „Литерат. Воспомин.", СПБ. 1909, стр. 485): „Тургеневъ былъ душой всего плана, устроителемъ его... Некрасовъ совѣщался съ нимъ каждодневно; журналъ наполнился его трудами. Въ одномъ углу журнала блисталъ разсказъ „Хорь и Калинычъ", какъ путеводная звѣзда, восходящая на горизонтѣ; въ „Критикѣ" явился его пространный разборъ драмы Кукольника, *и наконецъ множество его замѣтокъ разбросано было въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала.* Дождавшись 1-й книжки „Современника" на 1847 г., Тургеневъ выѣхалъ за границу".

Къ числу этихъ статей Тургенева въ послѣднемъ отдѣлѣ 1-ой книги „Современника" принадлежалъ и печатаемый нами фельетонъ,—или вѣрнѣе, первая, бóльшая часть его (8 стр. изъ 11-ти): фельетонъ, какъ и критика, составлялись тогда въ нашихъ журналахъ нерѣдко двумя или тремя лицами, по спеціальности каждаго; вторая часть нашего фельетона (бѣглыя замѣтки о парижскихъ театральныхъ новинкахъ, рекомендація комиссіонной конторы Языкова и заявленіе отъ редакціи) очевидно составлена не Тургеневымъ, почему мы и не перепечатываемъ ея. Печатаемая нами первая часть представляетъ полное единство: достаточно указать на выдержанность ея общаго тона, начиная съ первыхъ строкъ и кончая стихами и слѣдующими за ними строками. Этотъ меланхолически-гражданскій, слегка насмѣшливый тонъ характеренъ для Тургенева тѣхъ лѣтъ —Тургенева „Параши" и „Андрея", какъ характерны для него, и въ высшей степени, настроеніе и фактура этихъ стиховъ, его музыкальная критика и мн. др. Сдѣланный имъ здѣсь отзывъ о новой тогда оперѣ Верди „Ломбардцы" былъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторенъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ письмѣ къ Полинѣ Віардо изъ Парижа отъ 15—27 ноября 1847 г.; приводимъ соотвѣтственныя строки („Рус. Вѣд." 1911 г., № 173, фельетонъ: „Письма И. С. Тургенева къ Полинѣ Віардо", столб. 11-й):

„Вчера въ первый разъ поставили „Lombardi" Верди, подъ заглавіемъ Jerusalem, въ Большой оперѣ. Либретто передѣлано. Вставили сцену разжалованія рыцаря—для Duprez. Верди съ своей стороны сочинилъ нѣсколько новыхъ morceaux совершенно отвратительныхъ. Я не буду говорить вамъ о музыкѣ, вы знаете ее,—это верхъ плохаго! Но что невообразимо, это—исполненіе.... Успѣхъ оперы не былъ такъ великъ, какъ можно было ожидать въ виду количества выставленныхъ лошадей и танцовщицъ. Вѣдь

извѣстно, что по части музыки французы больше всего любятъ лошадей и икры танцовщицъ. И потомъ это нескончаемое „deguelando", какъ говоритъ вашъ братъ, котораго я встрѣтилъ при выходѣ изъ театра свирѣпымъ и готовымъ кусаться. Этотъ, якобы „широкій стиль", очень удобный для не умѣющихъ пѣть, эти надутые речитативы, эти хоры unissono на тему галоповъ и полекъ... Нѣтъ, не пойте въ Парижѣ; здѣсь вамъ не мѣсто!

„Положительно, кажется, время сильныхъ и здоровыхъ геніевъ прошло; грубая и пошлая сила—на сторонѣ посредственностей, вотъ такихъ юркихъ и плодовитыхъ, какъ Верди. И, наоборотъ, тѣ, кому данъ божественный огонь, пропадаютъ въ праздности, слабости или мечтаніяхъ. Боги завистливы: они никому не даютъ всего сразу. И однако,—почему же наши отцы были счастливѣе насъ? Почему имъ дано было присутствовать на первыхъ представленіяхъ такихъ вещей, какъ „Севильскій цирюльникъ",—видѣть хотя бы „Норму",—а мы, бѣдные, приговорены къ „Іерусалимамъ?"

III. Письма изъ Берлина *(стр. 110)*, напечатано въ „Современникѣ", 1847, мартъ, отд. „Смѣсь", стр. 46 и д., откуда и воспроизводится; было перепечатано въ брошюрѣ В. Ѳ. Саводника „Забытыя страницы И. С. Тургенева", Москва, 1915, стр. 8 и д.—Статья подписана буквою Т. Она должна была быть, очевидно, началомъ цѣлой серіи,—ея подзаголовокъ гласитъ: „Письмо первое",—но дальнѣйшихъ писемъ Тургенева въ „Современникѣ" не было. 4 марта 1847 г. Бѣлинскій писалъ В. П. Боткину о третьей книжкѣ „Современника" между прочимъ: „...Письмо Тургенева изъ Берлина интересно" („Письма" Бѣлинскаго, изд. Е. А. Ляцкаго, т. III, стр. 195; см. также въ его письмѣ отъ 22 апрѣля того же года, тамъ-же, стр. 202).

IV. Нѣсколько словъ объ операѣ Мейербера „Пророкъ" *(стр. 114)*, напечатано въ „Отечеств. Запискахъ" 1850 г., кн. II, отд. VIII, стр. 280—283, съ подписью—е—, у насъ по прискорбному недосмотру пропущенной. Посылая это письмо А. А. Краевскому (къ которому и относится обращеніе: „любезный А. А." въ началѣ письма), Тургеневъ писалъ ему: „Не выставляйте даже начальной буквы моего имени подъ письмомъ о Пророкѣ: на то есть у меня особенныя причины" („Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1890 г., Приложеніе, стр. 13, письмо отъ 9 янв. н. ст. 1850 г.)

V. О „Запискахъ ружейнаго охотника" С. Т. Аксакова *(стр. 118)*, напечатано въ „Современникѣ" 1852 г., апрѣль, отд. VI, стр. 325—331, безъ подписи. 9 апрѣля 1852 г. Тургеневъ изъ Петербурга писалъ И. С. Аксакову: „Сегодня появился № Современника съ небольшой моей статейкой о книгѣ С. Т.—любезный Иванъ Сергѣевичъ—и съ большими выписками изъ нея. Въ „Критику" это не успѣло уже попасть и помѣщено въ „Литературныхъ Новостяхъ" („Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ"—„Вѣстн. Евр." 1894, январь, стр. 333).

VI. О „Слобожанахъ“ Г. Данилевскаго *(стр. 127)*, напечатано въ „Современникѣ“ 1854 г., январь, „Библіографія“, стр. 32, безъ подписи. Принадлежность этой замѣтки Тургеневу удостовѣрена А. Н. Пыпинымъ; въ его книгѣ: „Н. А. Некрасовъ“, СПБ, 1905, стр. 235, прим. 2, сказано: „Отмѣтимъ кстати, для любителей библіографіи, что въ той же книжкѣ „Современника“ (стр. 32) находится рецензія Тургенева, безъ подписи, не вошедшая въ собраніе его сочиненій, о книжкѣ Григорія Данилевскаго: „Слобожане. Малороссійскіе разсказы. СПБ. 1854“ (нѣсколько строкъ)“.

VII. Письмо въ редакцію *(стр. 127)*, напечатано въ „Journal de St. Pétersbourg“ № 475, 10 августа 1854 г., *переводъ* этого письма—въ „С.Петерб. Вѣдомостяхъ“ № 180, 15 августа того же года, въ фельетонѣ „Петербургская лѣтопись“. Книга, о которой рѣчь, носила заглавіе: „Mémoires d'un seigneur russe ou Tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes. Traduit du russe par Ernest Charrière. Paris. 1854“.

VIII. Предисловіе къ стихотвореніямъ Баратынскаго *(стр. 132)*, напечатано въ „Современникѣ“ 1854 г., кн. 10, стр. 147—148: „XV Стихотвореній Е. А. Баратынскаго“. Въ выноскѣ къ этому заглавію сказано: „Редакція „Современника“ получила эти стихотворенія отъ Ив. Сер. Тургенева, при слѣдующемъ письмѣ:“—и далѣе слѣдуетъ текстъ письма Тургенева, печатаемый нами.—31 мая 1854 г. Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову, что получилъ отъ вдовы Баратынскаго альбомъ его стиховъ и писемъ („Вѣстн. Европы“ 1894 г., февраль, стр. 484); 15 октября этого же года онъ извѣщаетъ Некрасова: „Статейка о Баратынскомъ почти кончена, письма его всѣ переписаны“ („Рус. Мысль“ 1902 г., январь, отд. II, стр. 119). Но статья такъ и не была дописана,—все дѣло ограничилось напечатаніемъ 15 стихотвореній при коротенькомъ письмѣ Тургенева.

IX. Записка о Н. В. Станкевичѣ *(стр. 133)*, впервые напечатана Л. Н. Майковымъ въ „Вѣстн. Евр.“ 1899, январь, стр. 10—16, откуда и воспроизводится. По словамъ Л. Н. Майкова, записка писана въ 1856 г. для П. В. Анненкова, какъ матеріалъ для біографіи Станкевича, надъ которою работалъ въ то время Анненковъ; собственноручная бѣловая рукопись сохранилась въ бумагахъ послѣдняго.

X. Письмо къ редактору *(стр. 138)*, напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 г. № 151, 18 декабря, въ „Литературномъ отдѣлѣ“ стр. 641—642.

Объявленіе объ изданіи „Русскаго Вѣстника“ въ 1857 году было напечатано въ „Моск. Вѣдом.“ 1856 г. № 140, 22 ноября; Тургеневъ имѣетъ въ виду слѣдующія строки этого объявленія:

„Въ объявленіи объ изданіи въ будущемъ году журнала „Современникъ“ значится, что четверо литераторовъ, изъ которыхъ назовемъ здѣсь только двухъ, И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстаго (Л. Н. Т.), заключили

съ этимъ журналомъ „обязательное соглашеніе помѣщать только въ немъ свои сочиненія". Заключеніе формальнаго обязательства и оглашеніе его въ публикѣ имѣло своею причиною, сколько можно заключать изъ упомянутаго объявленія, желаніе поддержать, при опасностяхъ усилившейся конкурренціи, тотъ журналъ, въ которомъ и безъ того первый изъ поименованныхъ литераторовъ *преимущественно*, а второй *исключительно* печатали до сихъ поръ свои труды. Мы обязаны войдти по этому поводу въ нѣкоторыя объясненія. Объявляя въ прошломъ году объ открытіи изданія „Русскаго Вѣстника", мы, въ числѣ своихъ сотрудниковъ, поименовали обоихъ уважаемыхъ нами литераторовъ, основываясь на изъявленномъ ими согласіи. Особенно со стороны г. Тургенева встрѣчено было новое изданіе живымъ сочувствіемъ. Онъ вызывался принимать въ немъ самое дѣятельное участіе. Для „Русскаго Вѣстника" былъ имъ предпринятъ особый трудъ. Въ письмѣ своемъ къ редактору онъ предлагалъ объявить заблаговременно, что въ одной изъ первыхъ книжекъ „Русскаго Вѣстника" будетъ помѣщена его повѣсть подъ заглавіемъ: *Призраки* (вѣроятно, весьма сходная по содержанію съ разсказомъ, который появился въ сентябрьской книжкѣ „Современника", подъ заглавіемъ: „Фаустъ"). Неоднократно извѣщалъ онъ насъ о ходѣ своей работы, которая, какъ онъ писалъ, замедлилась отъ разныхъ обстоятельствъ, и откладывалъ доставленіе ея въ Редакцію отъ одной книжки до другой. Наконецъ, въ августѣ, онъ уѣхалъ за границу, а Редакція „Современника" напечатала вышеупомянутое объявленіе объ его „обязательномъ соглашеніи" съ нею. Зная лично г. Тургенева, и имѣя основанія уважать его не только какъ литератора, но и какъ человѣка, мы увѣрены, что въ его глазахъ *данное слово* должно быть обязательнѣе самаго формальнаго обязательства, а потому мы не сомнѣваемся, что онъ, рано или поздно, очиститъ и себя и насъ передъ нашею публикою. Онъ можетъ быть покоенъ: успѣхъ „Русскаго Вѣстника" отъ этого не до такой же степени увеличится, чтобы причинить ущербъ „Современнику". Въ нашихъ глазахъ, изданіе журнала не можетъ имѣть смысла и не стоитъ труда, если успѣхъ его долженъ зависѣть отъ подобныхъ случайныхъ поддержекъ".

Настоящее „Письмо" Тургенева вызвало со стороны Каткова нижеслѣдующій отвѣтъ, напечатанный въ 152-мъ № „Моск. Вѣдом." за тотъ же годъ, т. е. на слѣдующій день:

Письмо къ редактору.

М. Г.

Въ послѣднемъ нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" напечатано письмо къ вамъ г-на Тургенева, вызванное замѣчаніемъ, сдѣланнымъ мною въ объ-

явленіи объ изданіи „Русскаго Вѣстника“ въ 1857 году. Считаю своимъ долгомъ объясниться передъ публикой.

Единственнымъ источникомъ этого замѣчанія была законная потребность, скажу болѣе—необходимость, отдать отчетъ публикѣ, почему одно изъ положительныхъ обѣщаній, данныхъ редакціею, при открытіи подписки, не было исполнено. Отношенія между редакціей журнала и публикою должны быть совершенно чисты и ясны. Честь журнала требуетъ строжайшей добросовѣстности, даже щекотливости, когда дѣло идетъ объ исполненіи данныхъ обѣщаній. Не встрѣтивъ въ продолженіи цѣлаго года статьи г-на Тургенева, которая, по обѣщанію редакціи, должна была появиться въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала, читатели имѣли полное право думать, что обѣщаніе это дано было опрометчиво и можетъ быть не совсѣмъ основательно, что редакція подхватила какое нибудь мимоходомъ брошенное слово и воспользовалась имъ въ своихъ видахъ. Мудрено ли, что въ публикѣ могло бы возникнуть такое мнѣніе, когда самъ г-нъ Тургеневъ утверждаетъ теперь, что исполненію своего обѣщанія онъ *не назначалъ опредѣленнаго срока?* Слѣдовательно, онъ могъ помѣстить въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ свою повѣсть черезъ три, черезъ четыре года; слѣдовательно, редакція не имѣла права упоминать о ней въ договорѣ своемъ съ публикой на 1856 годъ. Смѣемъ увѣрить г-на Тургенева, что мы не увлеклись бы такого рода обѣщаніемъ. Онъ забылъ, какъ происходило дѣло; этою забывчивостью съ его стороны объясняю я и все недоразумѣніе, возникшее между нами. Г. Тургеневъ писалъ мнѣ, отъ 28-го ноября 1855 года, что обѣщанный имъ разсказъ *готовъ будетъ къ 15-му и непремѣнно уже къ 20-му декабря, и тотчасъ же перешлется*[1]. Не прежде какъ получивъ *такое* обѣщаніе, редакція, въ свою очередь, обѣщала публикѣ разсказъ г-на Тургенева. Послѣ того онъ неоднократно, и черезъ общихъ знакомыхъ, и въ письмахъ, извѣщалъ сожалѣніе, что работа его замедлялась разными обстоятельствами, назначалъ разные сроки и обѣщалъ даже не приниматься ни за какую другую работу прежде чѣмъ не исполнитъ этого обязательства. Прошла бо́льшая половина года, онъ уѣхалъ за границу, закаючивъ свое извѣстное условіе съ „Современникомъ“ и не бросивъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ ни одного объяснительнаго слова, не давъ никакого указанія, что сказать ей по этому случаю въ своемъ отчетѣ публикѣ.

Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ „Русскій Вѣстникъ“, съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ „Современникѣ“, оскорбила г-на Тургенева. Догадка эта распространилась прежде моего замѣчанія, съ нѣкоторыми, не совсѣмъ лестными для редакціи коммента-

[1] Собственныя слова г-на Тургенева изъ его записки, уцѣлѣвшей въ редакціи.

ріями; я слышалъ ее отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія. Авторъ властенъ надъ развитіемъ своего произведенія, одинъ и тотъ же мотивъ можетъ развиться въ двухъ параллельныхъ произведеніяхъ, и два различные мотива могутъ слиться въ одномъ. Чистосердечно извиняюсь передъ г-мъ Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ, и объявляю, что силу моего упрека полагалъ я не въ этомъ. Теперь, когда г-нъ Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ, а потому и нахожу неумѣстнымъ распространяться о тѣхъ основаніяхъ, которыя заставляли меня и другихъ догадываться о сходствѣ между этими двумя разсказами. Сущность же дѣла, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что если бы г-нъ Тургеневъ не забылъ силы и формы своего обѣщанія, еслибъ онъ потрудился представить себѣ всю непріятность положенія, въ какомъ должна была, по этому случаю, находиться редакція новаго журнала, то вмѣсто той повѣсти, которую въ мысли своей онъ назначалъ для „Русскаго Вѣстника", и которая не удавалась ему, онъ могъ бы доставить другую повѣсть, которую успѣлъ окончить. Мы были бы вправѣ считать свое обязательство передъ публикою исполненнымъ, если бы вмѣсто *Призраковъ* представили ей *Фауста*. Думаемъ, что г-ну Тургеневу было бы тѣмъ легче сдѣлать этотъ обмѣнъ, что редакція „Современника", при открытіи подписки на нынѣшній годъ, не обѣщала *Фауста*, и потому могла бы пожертвовать имъ въ ожиданіи *Призраковъ* и многихъ другихъ произведеній г-на Тургенева, какъ своего исключительнаго сотрудника на будущее время.

Г-нъ Тургеневъ пишетъ теперь, что въ условіи съ „Современникомъ" онъ выговорилъ себѣ право исполнить обѣщаніе, данное „Русскому Вѣстнику". Объ этомъ узнаемъ мы теперь въ первый разъ. Правда, въ объявленіи „Современника" было сказано, что литераторы, заключившіе съ нимъ условіе, выговорили себѣ право исполнить свои прежнія обѣщанія, но прибавлено, что это право для каждаго не превышаетъ *одной* повѣсти; вслѣдъ за тѣмъ редакція „Библіотеки для Чтенія" объявила, что это единственное исключеніе сдѣлано въ ея пользу. Охотно вѣрю г-ну Тургеневу, что онъ, при заключеніи своего условія, вспомнилъ о „Русскомъ Вѣстникѣ", но прошу его также повѣрить мнѣ, что я ничего не зналъ объ этомъ. Странно, что объ этомъ уговорѣ въ пользу „Русскаго Вѣстника" мы узнаемъ отъ г. Тургенева впервые въ ту самую минуту, когда онъ нашелъ для себя достаточный поводъ отказаться отъ исполненія даннаго слова.

Г-нъ Тургеневъ находитъ въ свою очередь страннымъ, что я, позво-

ливъ себѣ оскорбившее его замѣчаніе, заявляю свое уваженіе къ нему. На это скажу ему, что нравственное достоинство поступковъ опредѣляется прежде всего ихъ побужденіями; въ побужденіяхъ же г-на Тургенева, относительно меня, я не могъ предполагать ничего дурнаго, и все недоразумѣніе объясняю тою забывчивостью, которой доказательства нашли мы въ его письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Сверхъ того, мы полагаемъ различіе между поступкомъ и человѣкомъ, и не одобряя поступка, можемъ сохранить полное уваженіе къ человѣку, особенно если онъ самъ готовъ сознать свою ошибку.

Прошу васъ, М. Г., дать гласность моему письму, и принять и пр.

М. Катковъ.

XI. Письмо къ редактору *(стр. 139)*, напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1857 г. № 7, 15 января, въ „Литературномъ отдѣлѣ", стр. 30. На это письмо Катковъ отвѣчалъ въ 11 № „Моск. Вѣд." за 1857 г.

Письмо къ редактору.

М. Г.,

Позвольте еще разъ обратиться къ вашему посредству, чтобы и съ своей стороны сказать нѣсколько словъ для заключенія моего публичнаго объясненія съ г. Тургеневымъ, а главное для обличенія непонятной выходки со стороны того журнала, которому принадлежитъ теперь литературная дѣятельность г. Тургенева.

Редакція „Современника" сочла нужнымъ вмѣшаться въ наше объясненіе съ авторомъ *Фауста* и принять его подъ свою защиту. Для этой цѣли она нашла всего удобнѣе перепечатать письмо г. Тургенева, помѣщенное въ № 151-мъ „Московскихъ Вѣдомостей", а изъ моего письма извлечь три-четыре фразы, предварительно лишивъ ихъ всякой связи,— именно тѣ самыя фразы, которыя, какъ и сказано въ моемъ письмѣ, не относятся къ сущности вопроса. Уваженіе къ публикѣ и наконецъ къ собственному журналу обязывало редакцію „Современника" перепечатать вполнѣ и мое письмо. Она могла истолковывать дѣло, какъ ей угодно, но не должна была ронять себя такою уловкою. Вотъ въ какомъ видѣ редакція „Современника" приводитъ мое письмо для своихъ читателей:

„Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ „въ „Русскій Вѣстникъ", съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ „Современни„кѣ", оскорбила г. Тургенева. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не при„давалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тур„геневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорби-

„тельнымъ. Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* „и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *„Призраковъ,"* „нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ".

Эту мастерскую выдержку изъ моего письма „Современникъ" сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Въ этомъ чистосердечномъ извиненіи г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность письма г. Каткова".

Читателямъ „Московскихъ Вѣдомостей" извѣстно мое письмо, напечатанное въ № 152 этой газеты за прошлый годъ. Но чтобы напомнить „Современнику", въ чемъ состояла сущность моего письма, достаточно сослаться на письмо г-на Тургенева, напечатанное въ № 7-мъ „Московскихъ Вѣдомостей".

Въ этомъ письмѣ г. Тургеневъ сознается, что обѣщаніе его дѣйствительно заключало въ себѣ назначеніе опредѣленнаго срока. Онъ присовокупляетъ только, что срокъ этотъ не былъ *обязателенъ*. Но и при формальномъ обязательствѣ никто бы не сталъ требовать, чтобы онъ доставилъ свою повѣсть именно въ назначенный день, то есть *20-го декабря 1855 года*, какъ это было имъ обѣщано. (См. письмо мое въ Моск. Вѣд. № 152). Дни, недѣли и даже мѣсяцы могли быть въ его распоряженіи. Но давъ редакціи журнала положительное право обѣщать публикѣ его повѣсть, г. Тургеневъ принялъ на себя нравственное обязательство исполнить свое обѣщаніе по крайней мѣрѣ въ теченіе 1856 года, по прошествіи котораго договоръ редакціи съ публикой долженъ былъ измѣниться. Г. Тургеневъ (Москов. Вѣдом., № 7) добросовѣстно сознаетъ теперь свою *неисправность* и принимаетъ на себя всю отвѣтственность за нее: пусть же замѣтитъ это редакція „Современника" и пожалѣетъ, что такъ поторопилась своею выходкою.

Я согласенъ съ г. Тургеневымъ, что въ дѣлѣ сочинительства мало одной доброй воли. Разныя препятствія, и внутреннія и внѣшнія, могутъ помѣшать окончанію труда. Мало ли что можетъ задумывать писатель, и мало ли чего можетъ онъ никогда не исполнить? Никакое обязательство не должно стѣснять свободу литературнаго труда и никто не можетъ требовать, чтобы писатель исполнилъ именно тотъ или другой изъ своихъ проектовъ, составляющихъ его авторскую тайну. Но если г. Тургеневъ не успѣлъ окончить одну повѣсть, то въ прошедшемъ же году успѣлъ окончить другую, которая никакимъ журналомъ не была обѣщана публикѣ. Помѣщеніемъ „Фауста" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" г. Тургеневъ исполнилъ бы свое обѣщаніе, снялъ бы съ меня отвѣтственность передъ публикой и предотвратилъ бы всѣ эти объясненія, непріятныя для него и для меня,— предотвратилъ бы также неудачную стратегему „Современника", которая вызвала меня теперь на новое объясненіе. Ничего бы этого не было, и

г. Тургеневъ сверхъ того не имѣлъ бы надобности включать особое условіе въ свой контрактъ съ „Современникомъ".

Что касается до этого контракта, то я не имѣлъ никакого права любопытствовать объ его содержаніи и силѣ. Редакція „Современника" объявила о немъ все то, что считала нужнымъ объявить, и всякія дальнѣйшія справки были бы нескромностью. Напрасно г. Тургеневъ или редакторъ „Современника" сами не извѣстили меня о томъ, что въ ихъ контрактѣ касалось моего журнала. Отъ г. Панаева я получилъ первое положительное извѣстіе объ этомъ уже послѣ моего замѣчанія и почти въ одно время съ появленіемъ перваго письма г. Тургенева въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Отчего же не сдѣлать было этого прежде? Но, признаюсь, я не имѣлъ и надобности въ этихъ справкахъ. Повѣсть г. Тургенева была обѣщана редакціею „Русскаго Вѣстника", при открытіи подписки на 1856 годъ; а передъ подписчиками 1857 года редакція уже не связана этимъ обѣщаніемъ.

Г. Тургеневу легко было сказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ „игра не стоитъ свѣчъ": всякій отдастъ справедливость его авторской скромности. Но положеніе редакціи въ этомъ отношеніи совсѣмъ иное. Она не можетъ отговариваться незначительностью обѣщанной статьи, и должна по крайней мѣрѣ представить публикѣ отчетъ, имѣла ли достаточныя основанія обѣщать ее. Эти основанія я представилъ публикѣ тамъ, гдѣ было нужно, вовсе не предвидя длинныхъ и скучныхъ объясненій, когда дѣло само по себѣ такъ ясно и просто.

Примите и пр.

М. Катковъ.

XII. Изъ-за границы *(стр. 140)*, напечатано въ „Атенеѣ" 1858 г., № 6, январь-февраль, стр. 373 и д., откуда и воспроизводится. Перепечатано въ брошюрѣ В. Ѳ. Саводника, названной выше, въ прим. къ № III второго отдѣла. „Атеней" издавался Е. Ѳ. Коршемъ; „Письмо" Тургенева названо *первымъ*, такъ какъ предполагалась цѣлая серія писемъ. 1—13 декабря 1857 г. Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову изъ Рима: „...Я сѣлъ за письмо Коршу, которое оказывается затруднительнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Впрочемъ, непремѣнно одолѣю всѣ затрудненія—и дней черезъ 5 или 6 надѣюсь выслать это письмо на ваше имя" (Анненковъ, „Литерат. Воспом." СПБ. 1909, стр. 499); это и есть печатаемое нами письмо, датированное 19—31 декабря, Римъ. Мѣсяцъ спустя, 19—31 января 1858 г., все еще изъ Рима, Тургеневъ пишетъ Анненкову: „Я виноватъ передъ вами, какъ нельзя болѣе—не отвѣчалъ на ваше письмо отъ 21-го декабря и не переписалъ совсѣмъ конченныя два письма (№ 2 и 3) для Корша. Съ нынѣшняго дня засѣлъ я за эту работу, и черезъ 4 или 5 дней они отпра-

вятся къ вамъ. Мысль, что первое письмо вамъ понравилось, меня ободряетъ и развязываетъ руки" (тамъ же, стр. 502). Наконецъ, 21 февраля 1858 г. Тургеневъ изъ Рима же писалъ Е. Я. Колбасину: „Скажите Аншенкову, что я *сапньи* (такъ-таки и скажите), до сихъ поръ не посылалъ ему продолженія писемъ Коршу; причиной этому была гнусная лѣнь, хандра и въ то же время разсѣянія; но теперь я буду одинъ (я разстаюсь съ Боткинымъ) и исполню мое обѣщаніе. Всѣ 10 писемъ будутъ доставлены въ Россію до моего возвращенія, за это я ручаюсь" („Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева", СПБ. 1884, стр. 55—56). Въ „Атенеѣ" было напечатано только одно воспроизводимое нами первое письмо. Подлинникъ этого письма хранится въ рукописномъ отдѣленіи Москов. Румянцов. музея (см. „Отчетъ" Музея за 1883—85 гг., стр. 87); по свѣркѣ съ рукописью печатный текстъ оказался вполнѣ точнымъ, только на стр. 141, строка 9 снизу у насъ, надо: „встрѣчаемыхъ *вами*", и на стр. 142, строка 5 снизу, надо: „*у*разумѣніе".

XIII. Записка объ изданіи журнала „Хозяйственный указатель" *(стр. 145)*, напечатана, съ согласія Тургенева, въ „Рус. Стар." 1883 г., сентябрь, въ приложеніи, стр. 7 и д. „Запискѣ" предпослано нижеслѣдующее письмо Тургенева къ А. В. Г. [Головнину, бывшему министру нар. просв.?], тамъ же, стр. 6.

Paris. 50. Rue de Douai. 31-го (19-го) января 1881 г.

Многоуважаемый А. В.! Присылкой записки, самое существованіе которой я почти совершенно позабылъ, вы возобновили въ моей памяти ту зиму, которую я прожилъ въ Римѣ съ 1857-го на 1858-й г. вмѣстѣ съ кн. [В. А.] Черкасскимъ, В. П. Боткинымъ, гр. Н. [Я.] Ростовцевымъ и другими соотечественниками... Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ—и мы, подъ вліяніемъ этихъ вѣстей, устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны этого жизненнаго вопроса, произносились рѣчи—(особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій)—наконецъ возникла мысль основать тотъ журналъ, о которомъ я говорю въ моей запискѣ. Помнится, я прочелъ ее на одной изъ нашихъ сходокъ; ее одобрили, но кому я ее передалъ—не знаю; не знаю также, какъ она попала въ ваши руки. Если я не ошибаюсь, кн. Черкасскій взялъ ее съ собою съ намѣреніемъ представить ее на разсмотрѣніе предержащихъ властей; но все это было найдено „рановременнымъ", какъ выражались въ ту эпоху; да и впослѣдствіи, программа предполагаемаго журнала не была вполнѣ осуществлена.

Я не имѣю ничего противъ помѣщенія моей записки въ „Русской Старинѣ"—если вы полагаете, что она можетъ представить нѣкоторый инте-

ресъ. И интересъ этотъ можетъ придать ей время, когда она была написана: самое начало 1858-го года.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ чувствѣ уваженія и дружбы къ вамъ.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

„Записка" была начата Тургеневымъ, какъ видно изъ помѣтки въ началѣ ея, 9—21 января 1858 г.; конечно ее имѣлъ въ виду Тургеневъ, когда 19—31 января писалъ Анненкову: „Причины моего замедленія были двоякія: нѣкоторыя разсѣянія и довольно серьезная и для меня не совсѣмъ привычная работа, о которой я поговорю съ вами лично, и которая касается вопроса, занимающаго теперь всю Россію". Къ этимъ строкамъ письма Анненковъ сдѣлалъ выноску, гдѣ ошибочно отожествилъ этотъ проектъ Тургенева—объ изданіи хозяйственнаго журнала—съ позднѣйшимъ (1860 г.) проектомъ Тургенева и его Вентнорскихъ друзей—объ учрежденіи общества для распространенія грамотности въ народѣ, см. „Литерат. Воспом.", 1909, стр. 502 и 529—530.

XIV. Отъ переводчика *(стр. 153)*, напечатано, какъ предисловіе, въ книгѣ: „Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка. Переводъ И. С. Тургенева. СПБ. 1859", откуда и воспроизводится. Было перепечатано въ статьѣ Ю. Никольскаго „Тургеневъ и писатели Украйны" въ „Рус. Мысли" 1914, іюль, стр. 113.

XV. Сочиненія Д. В. Давыдова *(стр. 154)*, рецензія, напечатана въ „Отеч. Запискахъ" 1860 г., апрѣль, отд. III, стр. 105—106, безъ подписи; авторство Тургенева устанавливается запискою его къ Краевскому отъ 12 февраля 1860 г., писанной въ Петербургѣ же: „Статьи о Давыдовѣ и Кашперовѣ вы получите завтра" („Отчетъ Имп. Публ. Библ." за 1890 г., Приложеніе, стр. 36). Замѣтки о Кашперовѣ мы въ „Отеч. Зап." за этотъ годъ не нашли.

XVI. Письмо къ издателю *(стр. 156)*, напечатано въ лондонскомъ „Колоколѣ", № 134, отъ 22 мая н. ст. 1862 г., стр. 1115. Это—отвѣтъ на редакціонную замѣтку, напечатанную въ № 2, отъ 18 апрѣля н. ст. 1862 г., газеты „Правдивый", издававшейся въ Лейпцигѣ кн. П. В. Долгоруковымъ; Тургеневъ ошибся, написавъ: № 3.

Вотъ текстъ этой замѣтки:

Воровство.

„Издатель полнаго собранія сочиненій Ивана Сергѣевича Тургенева, *Основскій*, обокралъ нашего знаменитаго писателя на двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ. Предаемъ гласности этотъ поступокъ: пусть общественное мнѣніе заклеймитъ позоромъ вора-Основскаго".

См. объ этомъ дѣлѣ „Литерат. Воспом." Анненкова, стр. 535 — 539; Н. Викторова „Матеріалы для біографіи И. С. Тургенева" въ „Историч. Вѣстникѣ" 1897, VII, 99—101, и Н. Гутьяра, „Къ біографіи Тургенева" въ „Русск. Стар." 1908, VIII.

XVII. Предисловіе *(стр. 156)*, напечатано впереди книги: С. Буткевичъ, „Дневникъ дѣвочки", СПБ. 1862 (намъ пришлось воспроизвести текстъ Предисловія изъ 3-го изданія этой книги, 1897 г., такъ какъ 1-го мы не нашли).

XVIII. Письмо къ издателю Сѣверной Пчелы *(стр. 158)*, напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ" 1862 г., 10 декабря, № 334, стр. 1311. Объ этомъ „Письмѣ въ редакцію" Тургеневъ писалъ Анненкову изъ Парижа 20 дек. 1862 г. ст. ст.: „Пишу вамъ... чтобы благодарить васъ и за помѣщеніе моего письма, и за сдѣланный выпускъ... Вы мнѣ скажете, если нужно будетъ, что сдѣлать, а нападеній я не боюсь", и т. д.: Анненковъ, „Литер. Восп." 1909, стр. 560.

XIX. Письмо къ редактору *(стр. 159)*, напечатано въ „Днѣ" (И. С. Аксакова), 1863 г. 20 іюля, № 29. Письму предшествуютъ слѣдующія строки отъ редакціи:

„Читатели помнятъ, можетъ быть, письмо изъ Парижа, помѣщенное въ № 22 *Дня* за подписью г. Х. Въ этомъ письмѣ разсказывается, что И. С. Тургеневъ, въ осмѣяніе басень, которыми угощаютъ Европейскую публику Французскіе публицисты на счетъ жестокости и варварства Русскихъ, хотѣлъ представить въ карикатурѣ такое усердіе публицистовъ, написавъ письмо будто изъ Кракова, что одинъ казачій полковникъ поссорился съ своимъ есауломъ за то, что тотъ жареныхъ Польскихъ дѣтей ѣстъ съ Французскою, а не съ Англійскою горчицей! Хотя г. Х. не нашъ корреспондентъ и писалъ письмо не къ намъ, а къ другому лицу, которое и сообщило намъ его для напечатанія, однако мы не затруднились помѣстить письмо г. Х., такъ какъ не видѣли тутъ ровно ничего обиднаго для г. Тургенева. Графъ Россель, какъ это положительно извѣстно (см. *Наше Время*), офиціально спрашивалъ наше министерство, правда ли, что въ Кіевской губерніи одинъ помѣщикъ завелъ шайку „дикихъ" (sic), съ тѣмъ, чтобы безчестить всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ? На подобный дикій вопросъ развѣ была бы возможность отвѣчать серьезно?! Мы бы, по крайней мѣрѣ, отвѣчали г. Росселю, что это вполнѣ справедливо и что ему, какъ человѣку учившемуся, должно вѣдь быть извѣстно, что Кіевская губернія населена людоѣдами, и что они всѣ съ хвостами", и т. п.

[Затѣмъ слѣдовало письмо Тургенева, а за письмомъ—такія строки:]

„Охотно исполняемъ желаніе многоуважаемаго нами писателя и извиняемся предъ нимъ и предъ публикой, что помѣстили такое невѣрное свѣ-

дѣніе. Намъ это очень прискорбно, особенно потому, что оно такъ непріятно г. Тургеневу. Но право мы и теперь думаемъ, что отвѣчать на Польскія баснословныя клеветы невозможно иначе, какъ смѣхомъ!"

Ред.

XX. Призраки *(стр. 160)*, было напечатано впереди „Призраковъ" въ „Эпохѣ" 1864 г. № 1—2, стр. 1.

XXI. Рѣчь о Дружининѣ *(стр. 160)*, напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1864 г. № 40, стр. 3, въ отчетѣ о годовомъ собраніи „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ", состоявшемся 2 февраля этого года. Это—не рѣчь, а написанная *статья;* въ „Рус. Инв." сказано: „Засѣданіе открыто чтеніемъ статьи И. С. Тургенева въ память покойнаго Дружинина", и въ „Дневникѣ" А. В. Никитенка, 2-е изд., т. II, стр. 163: „Была прочитана небольшая статья Тургенева въ память Дружинина".

XXII. Рѣчь о Шекспирѣ *(стр. 162)*, напечатана въ „С.Петерб. Вѣдомостяхъ" 1864 г. № 89, 24 апрѣля, въ статьѣ: „Праздникъ въ честь Шекспира". Эта рѣчь, подобно предыдущей, есть *статья*. Ея тексту въ газетѣ предшествуютъ такія строки: „Нашимъ читателямъ извѣстно, что 23 апрѣля въ Петербургѣ праздновалась годовщина рожденія Шекспира. Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ данъ литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ читаны предлагаемыя замѣтки И. С. Тургенева и А. Д. Галахова. Г. Тургеневъ находится въ настоящее время за границей, и рѣчь его была прочитана П. П. Пекарскимъ". Тургеневъ писалъ Анненкову 12 марта ст. ст. 1864 г.: „За статью о Шекспирѣ засяду немедленно и—если не занемогу и не окачурюсь—черезъ 10 дней она полетитъ въ милый сердцу моему домъ Шландера. Вы ее примите къ свѣдѣнію и пустите въ ходъ". Ему же онъ писалъ 24 марта ст. ст.: „Любезный другъ П. В., вы, вѣроятно, вмѣсто тонкаго письма ожидали толстое—со вложеніемъ рѣчи къ Шекспировскому празднику. И рѣчь эта почти кончена, и была бы уже совершенно кончена теперь, если бы не случилось со мной страннаго обстоятельства", и т. д. (Анненковъ, „Литер. Воспом.", 1909, стр. 570); наконецъ Фету онъ писалъ 31 марта ст. ст. 1864 г.: „Здѣсь я написалъ только статейку короче воробьинаго носа для предполагаемаго праздника Шекспировской трехсотлѣтней годовщины" (Фетъ, „Мои воспом.", М. 1890, т. II, стр. 10).

XXIII. Предисловіе къ изданію сочиненій *(стр. 166)*, напечатано впереди 1-го тома „Сочиненій", изд. бр. Салаевыхъ, Карлсруэ, 1865.

XXIV. Предисловіе къ французскому переводу „Муыри" *(стр. 166)*, напечатано въ „La Revue moderne", 1865, t. 31, впереди перевода, исполненнаго Тургеневымъ. *Перев.* съ предисловія сдѣланъ нами.

XXV. Предисловіе къ переводу „Волшебныхъ сказокъ“ Перро *(стр. 168)*, напечатано впереди книги: „Волшебныя сказки Перро. Переводъ съ французскаго Ивана Тургенева. Рисунки Густава Доре“. Изд. М. О. Вольфа. СПБ. 1866. Переводъ Сказокъ былъ исполненъ, по словамъ П. В. Щербаня, послѣднимъ; Тургеневъ долженъ былъ редактировать переводъ и написать предисловіе, которое еще 8—20 августа 1865 г. не было написано. См. объ этомъ въ письмѣ Тургенева къ Анненкову отъ 9—21 февраля 1866 г. („Литерат. Воспом.“ П. В. Анненкова, 1909, стр. 586) и „Рус. Вѣсти.“ 1890, VIII, 18—24.

XXVI. Предисловіе къ отдѣльному изданію „Дыма“ *(стр. 169)*, напечатано впереди книги: „Дымъ“, соч. Ив. Тургенева. Изд. Бр. Салаевыхъ. Москва 1868 (ценз. помѣтки нѣтъ).

XXVII. Предисловіе къ роману М. Дюкана „Утраченныя силы“ *(стр. 170)*, напечатано впереди русскаго перевода этого романа, въ изданіи: „Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ, издаваемое Е. Н. Ахматовой. СПБ. 1868. Январь“.

Въ 1866 году парижскій публицистъ и беллетристъ Максимъ Дюканъ—тотъ самый, о которомъ Тургеневъ упоминаетъ въ „Казни Тропмана“,—издалъ романъ „Les forces perdues“. Тургеневъ былъ друженъ съ Дюканомъ и даже чѣмъ-то ему обязанъ. Узнавъ, что романъ понравился Тургеневу, Дюканъ попросилъ его содѣйствовать переводу романа на русскій языкъ, и Тургеневъ далъ обѣщаніе. Послѣ этого, въ мартѣ 1867 года, бывши въ Петербургѣ, Тургеневъ рекомендовалъ романъ Дюкана Е. Н. Ахматовой, издававшей тогда „Собраніе иностранныхъ романовъ“, и обязался написать предисловіе къ русскому переводу его. Переводъ уже давно былъ готовъ, а Тургеневъ все медлилъ съ предисловіемъ, хотя ему было очень совѣстно и предъ Ахматовой, и предъ Дюканомъ; послѣднему онъ даже, „тайно краснѣя“, сказалъ, что давно отослалъ это предисловіе. Наконецъ, въ октябрѣ предисловіе было готово. Очевидно, что Тургеневъ придавалъ ему нѣкоторое значеніе: по крайней мѣрѣ онъ поступилъ съ нимъ такъ,—какъ поступалъ обыкновенно только со своими художественными произведеніями,—именно послалъ его предварительно на просмотръ и исправленіе Анненкову (письмо Тургенева къ Анненкову отъ 7—19 октября 1867 г., въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1894 г., январь, стр. 24—25; срвн. нашъ фельетонъ въ „Русск. Вѣдом.“ 1912 г. 4 сент.: „Тургеневъ-корреспондентъ“).

XXVIII. Письмо къ редактору *(стр. 174)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ 1868 г. 23 февр., № 52. Письмо обращено къ Валенг. Өед. Коршу, бывшему тогда редакторомъ этой газеты.

Тургеневъ отвѣчаетъ на нижеслѣдующую замѣтку, напечатанную въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ 1868 г. № 37, 7 февраля, въ отдѣлѣ „Некрологъ“:

„Многимъ москвичамъ и петербуржцамъ извѣстенъ былъ въ началѣ

этого десятилѣтія г. Бени, англійскій подданный, высланный потомъ за границу по опредѣленію Правительствующаго Сената. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, г. Бени участвовалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ—*Русской Рѣчи, Сѣверной Пчелѣ, Книжномъ Вѣстникѣ*. О немъ ходило много толковъ, такъ-какъ никто не зналъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Россію. Нѣкоторые изъ этихъ толковъ были неблагопріятны для него, и люди осторожные сторонились отъ г. Бени. Намъ сообщаютъ теперь, что въ послѣднюю римскую кампанію онъ поступилъ въ отрядъ гарибальдійцевъ и убитъ при Ментанѣ".

14—26 февраля 1868 г. Тургеневъ писалъ Анненкову изъ Баденъ-Бадена: „.....прошу передать Коршу приложенное къ сему письмо—и попросите его помѣстить это письмо въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Мнѣ стало жалко этого несчастнаго бѣдняка, которому даже послѣ смерти даютъ пинокъ ногою" („Русск. Обозрѣніе" 1894, кн. 2, стр. 489).

XXIX. Письмо къ редактору *(стр. 175)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1868 г. 10 іюля, № 186.

Письмо Тургенева вызвано слѣдующими строками въ фельетонѣ Незнакомца (А. С. Суворина) „Недѣльные очерки и картинки" въ „С. Петерб. Вѣдом." 7 іюля 1868 г. (№ 183):

„.....За этимъ блестящимъ примѣромъ отсутствія „цивическаго" мужества, г. Долгоруковъ приводитъ нѣсколько другихъ. Такъ, его избѣгали за границей бывшіе пріятели его, князь Петръ Трубецкой, князь Николай Долгоруковъ, Иванъ Тургеневъ и бывшій министръ народнаго просвѣщенія, г. Головнинъ. Нашъ эмигрантъ въ особенности обращаетъ стрѣлы своего гнѣва на г. Тургенева и г. Головнина; о первомъ онъ разсказываетъ анекдотъ совершенно невѣроятный, именно, будто г. Тургеневъ, находясь на пароходѣ, на которомъ сдѣлался пожаръ, потерялъ всякое присутствіе духа и кричалъ: „Ради Бога, дайте мнѣ спастись—я единственный сынъ у моей старой матери".

Далѣе въ фельетонѣ цитируются слѣдующія строки кн. Долгорукова (о нихъ и говоритъ Тургеневъ въ заключительной части своего „Письма къ редактору"):

„Если князья Трубецкой и Николай Долгоруковъ, гг. Тургеневъ и Головнинъ вздумаютъ позвать меня къ суду, то предупреждаю ихъ заранѣе, что я предамъ гласности всѣ разговоры, которые вели мы вмѣстѣ, *ничего изъ нихъ не утаивая" (Sans en rien taire*—курсивъ въ подлинникѣ)".

XXX. Первое представленіе оперы г-жи Віардо въ Веймарѣ *(стр. 176)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1869 г. 23 апрѣля, № 110. Къ заглавію была сдѣлана выноска отъ редакціи:

„Эта статья И. С. Тургенева прислана въ видѣ письма къ П. В. Анненкову. Мы получили ее при слѣдующей запискѣ: „М. г. Посылаю письмо

И. С. Тургенева для напечатанія въ вашей газетѣ. Не смотря на его интимный, домашній, такъ-сказать, характеръ, мнѣ кажется, что оно не будетъ лишено интереса и для публики, какъ первое извѣстіе о музыкальной новости, получившей восторженное одобреніе Листа и другихъ знатоковъ дѣла, и любопытной по именамъ авторовъ, участвовавшихъ въ его созданіи. Опера г-жи Віардо на текстъ И. С. Тургенева обойдетъ, вѣроятно, множество европейскихъ сценъ, и желательно было бы, чтобъ она не миновала и русской, хотя бы для того, чтобъ убѣдить публику въ возможности соединить глубокое творчество, свѣжее вдохновеніе, поэзію и грацію въ произведеніи безъ всякихъ претензій, безъ колоссальныхъ и сложныхъ замысловъ, безъ громадныхъ требованій отъ постановки и пѣвцовъ и безъ многаго прочаго. Кстати будетъ замѣтить также, что это *первая* опера, написанная женщиной и публично исполненная въ Германіи.

Примите и пр."

П. Анненковъ.

Опера, о которой говоритъ здѣсь Тургеневъ, „Le dernier Sorcier", напечатана, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Приложеніи къ настоящему тому. См. письма Тургенева—къ Анненкову отъ 27 апрѣля—9 мая 1869 г. въ „Русск. Обозр." 1894, мартъ, и къ Я. П. Полонскому отъ 5 мая, вѣроятно нов. ст., 1869 г.—въ „Перв. собр. писемъ".

XXXI. Письмо въ редакцію „С.-Петерб. Вѣдомостей" *(стр. 186)*, напечатано въ „Русскомъ Обозрѣніи" 1894 г., мартъ, стр. 24—25. Въ газетѣ не было напечатано.

2—14 мая 1869 г. Тургеневъ писалъ Анненкову изъ Баденъ-Бадена: „Милый Павелъ Васильевичъ! Прилагаемое письмо должно быть немедленно напечатано въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Этого я требую, позволяю себѣ требовать отъ вашей дружбы. Не могу же я оставить на себѣ нареканія, что я лжецъ, и что Краевскій давалъ мнѣ деньги, не надѣясь на возвращеніе ихъ. Я даже нѣсколько пеняю на васъ, что вы не тотчасъ прислали мнѣ этотъ фельетонъ; надо извѣщать пріятелей, когда на нихъ брызгаютъ грязью, чтобы дать имъ возможность обтереться". Но 11—23 мая онъ писалъ Анненкову-же: „Оказывается, что вы—мой другъ и умница, любезный Павелъ Васильевичъ. Впрочемъ ни въ томъ, ни въ другомъ фактѣ я никогда не сомнѣвался. Убѣждаюсь вашими доводами и прошу васъ бросить въ огонь мое письмо въ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Меня взорвало собственно обвиненіе чуть не въ кражѣ денегъ; но чортъ съ нимъ!" („Русск. Обозрѣніе" 1894, мартъ, стр. 21 и 26.)

XXXII. Предисловіе къ нѣмецкому переводу „Отцовъ и дѣтей" *(стр. 187)*, напечатано въ книгѣ: „Väter und Söhne, von Iwan Turgénjew. Autorisirte Ausgabe, mit einem Vorwort des Verfassers. Mitau. E. Behre's

Verlag. 1869". Это предисловіе было выправлено Людвигомъ Пичемъ, редактировавшимъ, по просьбѣ Тургенева, и самый переводъ. 24 февраля, вѣроятно нов. ст., 1869 г., Тургеневъ писалъ Пичу: „Съ предисловіемъ дѣло обстоитъ такъ. Я ему [рѣчь шла объ издателѣ, Бере] обѣщалъ нѣсколько строкъ. Эти нѣсколько строкъ прилагаю къ письму, придайте имъ болѣе нѣмецкій оборотъ и пошлите съ Божьей помощью въ Рудольштадтъ" („Вѣстн. Европы" 1909, май, стр. 144). Четыре года спустя, обращаясь къ Юліану Шмидту съ просьбою просмотрѣть нѣмецкій переводъ „Отцовъ и дѣтей" для готовившагося новаго изданія, Тургеневъ признавался ему, что только теперь впервые прочелъ этотъ переводъ: „Несмотря на то, что я въ предисловіи [т.-е. именно въ печатаемомъ нами предисловіи къ изданію 1869 года] съ неслыханнымъ энтузіазмомъ расхвалилъ переводъ, въ немъ попадаются совершенно недопустимыя неточности и сокращенія" (письмо отъ 23 фев. 1873 г., „Вѣстн. Евр." 1909 г., мартъ, стр. 266).— *Переводъ* предисловія сдѣланъ нами.

XXXIII. Письмо къ редактору *(стр. 188)*, напечатано въ „Вѣстникѣ Европы" 1870 г., январь, стр. 510; въ той же книгѣ журнала напечатанъ и самый разсказъ, о которомъ идетъ рѣчь. Съ подлинника письмо напечатано въ книгѣ „М. М. Стасюлевичъ и его современники", подъ ред. М. К. Лемке, т. III, стр. 7—8. Печатая письмо Тургенева въ „Вѣстникѣ Европы", Стасюлевичъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ словесныхъ поправокъ, выпустилъ послѣ словъ: „...падаетъ на Васъ"—двѣ фразы: „А потому предлагаю Вамъ, въ видѣ посильнаго вознагражденія, повѣсть, которую я въ настоящее время оканчиваю, и которую Вы предложите Вашимъ читателямъ въ теченіе 1870-го года. Вы получите ее съ февралѣ". Дата письма въ подлинникѣ—21 декабря 1869—2 января 1870.

XXXIV. Обращикъ старинаго крючкотворства *(стр. 189)*, напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1870 г. I, стр. 270 и *д.*

XXXV. Письмо къ редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей *(стр. 196)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1870 г. № 8. Письмо Тургенева сопровождалось слѣдующей замѣткой отъ редакціи:

„Общее уваженіе, которымъ такъ заслуженно пользуется г. Тургеневъ, и которое мы вполнѣ раздѣляемъ, достаточно объяснитъ читателямъ появленіе настоящаго письма въ нашей газетѣ, хотя оно и противорѣчитъ отчасти отзывамъ нашей газеты о сочиненіяхъ г. Полонскаго. Высказывая личное мнѣніе такого первокласснаго писателя, каковъ г. Тургеневъ, письмо это далеко нелишено интереса. Мы тоже не отрицаемъ въ г. Полонскомъ литературнаго таланта; мы тоже готовы признать, что критикъ „Отечественныхъ Записокъ" отнесся къ нему слишкомъ отрицательно; но это не мѣшаетъ намъ видѣть дѣйствительную причину охлажденія критики и публики къ писателямъ той категоріи, къ которой принадлежитъ г. Полонскій.

Это охлажденіе не случайно; оно создано не измышленіями того или другаго критика, и вовсе не есть особенность русской критики и публики: литературы французская, англійская, нѣмецкая представляютъ намъ теперь то же самое явленіе. Общественныя задачи повсюду отвлекаютъ вниманіе отъ такъ-называемой чистой, точнѣе личной поэзіи. Талантъ г. Полонскаго, самъ по себѣ не очень сильный, преимущественно почерпаетъ свое содержаніе въ сферѣ личныхъ, лирическихъ ощущеній, лучшее время которыхъ пережито обществомъ и прошло. Нельзя не отдать полной справедливости и благородству порыва, заставившаго г. Тургенева взяться за перо, чтобъ сказать доброе слово въ защиту собрата по литературѣ; нельзя, повторяемъ, не признать имѣтъ съ нимъ литературнаго таланта за г. Полонскимъ; но оговорки, которыми мы сопровождаемъ письмо г. Тургенева, кажутся намъ существенно необходимыми, когда рѣчь идетъ о вѣрной критической оцѣнкѣ писателя.

Ред.

9 ноября 1869 г. Тургеневъ писалъ Полонскому изъ Баденъ-Бадена: „Твое письмо меня очень огорчило, милый мой Яковъ Петровичъ; въ немъ выражается нѣчто въ родѣ отчаянія. Поэзіи дѣйствительно плохо приходится въ наше время, особенно если она не поражаетъ читателя своимъ блескомъ и трескомъ—и критика надъ тобою глумится и потѣшается неприличнымъ образомъ. Я придумалъ слѣдующее: я на дняхъ напишу собственно о тебѣ фельетонъ и пошлю его (съ моей подписью) въ С.-Петербургскія Вѣдомости; не сомнѣваюсь, что редакція его приметъ—и хотя едва ли отъ этого для тебя будетъ много пользы, такъ какъ нѣдь и мой авторитетъ сильно поколебленъ, однако, все-таки надо попытаться; да и мнѣ будетъ пріятно высказаться, наконецъ, на счетъ твоей и вообще на счетъ стихотворной дѣятельности, столь жестоко попираемой теперь свиными и не свиными ногами. Я намѣренъ тотчасъ приняться за этотъ фельетонъ—и передъ тѣмъ прочесть „Признанія Чалыгина“, о которыхъ, если они мнѣ понравится, скажу также свое мнѣніе“. Въ письмѣ отъ 24 декабря Тургеневъ оправдывался передъ Полонскимъ въ томъ, что до сихъ поръ не кончилъ статьи для „С.-Петерб. Вѣдомостей“. Наконецъ, 1 января 1870 г., очевидно по нов. ст., онъ извѣщалъ Полонскаго, что третьяго дня послалъ статью о немъ въ газету чрезъ П. В. Анненкова, котораго просилъ прослѣдить корректуру. „Статейка вышла довольно жиденькая; я половины не сказалъ того, что хотѣлъ; но все-таки кое-что есть, и публика уткнута рыломъ. Расчухаетъ ли она теперь—Богъ вѣсть! будемъ надѣяться!“ („Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева“, Спб. 1884, стр. 166, 167, 169; сравн. стр. 170, 171, 173, 184). Статья въ „Отечеств. Запискахъ“, о которой говоритъ Тургеневъ,—рецензія на „Сочиненія“ Полон-

скаго, 2 т., 1869 г., въ „Отеч. Зап." 1869 г., кн. 9, „Новыя книги", стр. 46—50.—„Письмо" Тургенева было цѣликомъ перепечатано Н. Н. Страховымъ въ его статьѣ о поэзіи Полонскаго—въ „Зарѣ" 1870 г., кн. 9, отд. „Критика", стр. 148—153.

XXXVI. Корреспонденціи о Франко-Прусской войнѣ *(стр. 202)*, напечатаны въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1870 г.: № 216, 8 августа; № 219, 11 августа; № 231, 23 августа; № 252, 13 сентября; № 265, 26 сентября,—за подписью *И. Т.* Были перепечатаны нами въ „Рус. Мысли" 1914 г., кн. VIII—IX, отд., II, стр. 100—111; о нихъ—нашъ фельетонъ въ „Рус. Вѣд." 1912 г. 4 сент. № 204: „Тургеневъ-корреспондентъ". Первая статья начинается словами: „Въ прошлый четвергъ я писалъ вамъ", и т. д.; очевидно, что этому письму предшествовало по крайней мѣрѣ одно письмо; но въ предыдущихъ нумерахъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" нѣтъ никакой корреспонденціи или статьи, подписанной тѣми же иниціалами или напоминающей Тургенева по слогу и содержанію. По письмамъ Тургенева можно установить, что эти корреспонденціи Тургеневъ писалъ въ видѣ писемъ къ Анненкову, который, очевидно, по состоявшемуся между ними уговору, долженъ былъ передавать ихъ въ „Петербургскія Вѣдомости". Такъ, въ письмѣ къ И. П. Борисову отъ 24-го августа 1870 года („Щукинскій Сборникъ", вып. VIII, стр. 416) Тургеневъ, высказавъ нѣкоторыя мысли о начавшейся войнѣ, прибавилъ: „Я выразилъ это мнѣніе въ письмахъ къ Анненкову, отрывки которыхъ были помѣщены въ 216-мъ нумерѣ „Пет. Вѣд." (8-го августа)"; это и есть первая напечатанная корреспонденція. 3-го (15) сентября онъ писалъ Анненкову („Русск. Обозрѣніе" 1894 г. апрѣль, стр. 514): „Любезный Павелъ Васильевичъ! Послѣдовавшія другъ за другомъ колоссальныя событія до того меня ошеломили, что я пропустилъ время написать вамъ письмо, которое могло бы попасть въ „Петербургскія Вѣдомости", а теперь уже поздно, и потому считайте это письмо лично вамъ адресованнымъ" (однако мысли, выраженныя въ этомъ письмѣ, онъ все-таки три дня спустя изложилъ, и гораздо подробнѣе, въ видѣ корреспонденціи: это—четвертая изъ напечатанныхъ корреспонденцій, отъ 6-го (18 го) сентября). Тургеневъ прекратилъ свои сообщенія о войнѣ, повидимому, не по своей волѣ; дальнѣйшія корреспонденціи въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" писаны П. Д. Боборыкинымъ. Сюда, вѣроятно, относятся слѣдующія строки въ письмѣ Тургенева къ Анненкову отъ 18—30 октября 1870 г.: „Сейчасъ получилъ я ваше письмо... Ваша дружба старается позолотить мнѣ пилюлю, но я чувствую ея горечь въ желудкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что я потерялъ камертонъ русской публики; кто изъ насъ правъ Богъ вѣсть; вѣроятно, она. Потребитель всегда правъ передъ поставщикомъ. Есть пословица: „старый слуга какъ старый песъ: либо со двора, либо подъ лавку!" Я отправляюсь подъ лавку, и пусть П. Д. Бо-

борыкинъ услаждаетъ публику!" („Рус. Обозрѣніе" 1894 г., кн. 4, стр. 517). О случайной встрѣчѣ Тургенева съ Мольтке за табльдотомъ въ Берлинѣ (стр. 206 текста) разсказываетъ и Людв. Пичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" о Тургеневѣ: „Мы обѣдали вмѣстѣ [т.-е. съ Тургеневымъ] за табльдотомъ въ гостинницѣ „Петербургъ", когда вошелъ высокій, не молодой уже офицеръ и сѣлъ за столъ противъ насъ. Я взглянулъ на него: это былъ графъ Мольтке" и т. д.—„Иностранная критика о Тургеневѣ", Спб. 1884, стр. 172—173.

XXXVII. Объ „Исторіи одного города" *(стр. 219)*, напечатано въ „The Academy" 1871, № 19, March 1, стр. 151—152. *Переводъ* сдѣланъ нами.

XXXVIII. О баснях Крылова *(стр. 222)*, напечатано въ „The Academy" 1871, № 28, July 15, стр. 345; *переводъ*—въ „Книжкахъ Недѣли" 1899, декабрь. (Въ другомъ переводѣ напечатано В. В. Каллашемъ въ „Рус. Арх." 1902, кн. 3, стр. 569—570.)

XXXIX. О книгѣ А. Больца *(стр. 226)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1871 г. № 276, 7 октября, въ отдѣлѣ „Библіографія". Это—отзывъ о книгѣ: „Lehrgang der Russischen Sprache für den Schul-Privat- und Selbstunterricht, von A. Boltz. Berlin, 1871. Vierte Auflage".

XL. Письмо къ редактору *(стр. 226)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1872 г. № 114, 27 апрѣля, въ отдѣлѣ: „Корреспонденція".

XLI. Предисловіе къ переводу „Германіи" Гейне *(стр. 227)*, напечатано впереди книжки: *„Германія"*. Зимняя сказка Г. Гейне. Переводъ Заѣзжаго, просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленный по его замѣчаніямъ. Лейпцигъ. Э. Л. Каспровичъ. 1875".

XLII. Предисловіе къ переводу „Двухъ гусаровъ" Л. Н. Толстого *(стр. 228)*, напечатано въ „Le Temps" 1875, 10 février, въ фельетонѣ, впереди перевода „Deux hussards", исполненнаго Шарлемъ Роллина (Rollinat). *Переводъ* предисловія—въ „Моск. Вѣдом." 1875 г. № 34, 5 февраля, и отсюда перепечатанъ въ „С.-Петерб. Вѣдом." 1875 г. № 39, 8 февраля, отд. „Библіографія".

XLIII. О переводѣ „Демона" на англійскій языкъ *(стр. 230)*, напечатано въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" 1875 г. № 208, 8 августа, въ отдѣлѣ „Хроника". Переводъ A.-C. Stephen'a „The demon" вышелъ въ 1875 г. въ Лондонѣ у Трюбнера.

XLIV. Автобіографія *(стр. 231)*, печатается съ подлинника, хранящагося въ Рукописномъ Отдѣленіи Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, см. „Свѣдѣнія о рукописяхъ... поступившихъ въ Р. О. Б. И. Ак. Н. въ 1904 году", Спб. 1907, стр. 132. Было написано Тургеневымъ въ іюлѣ—августѣ 1875 г., въ Буживалѣ, по просьбѣ М. М. Стасюлевича, для 6-го тома издаваемой послѣднимъ „Русской Библіотеки", который посвящался про-

изведеніямъ Тургенева. 13—25 іюля 1875 г. Тургеневъ писалъ Стасюлевичу, что къ 1-му августа автобіографическій очеркъ будетъ готовъ, 15—27 августа—что очеркъ уже готовъ, 2—14 сентября—что вручитъ ему очеркъ при ихъ личномъ свиданіи въ Парижѣ, которое должно было состояться 5—17-го сентября; см. „М. М. Стасюлевичъ и его современники", подъ ред. М. К. Лемке, т. III, стр. 58—59. Въ „Русской Библіотекѣ", т. VI, автобіографія напечатана съ незначительными измѣненіями: инціалы *И. С.* и мѣстоименіе *онъ* всюду замѣнены полными именами: *Иванъ Сергѣевичъ* или *Тургеневъ*, вставленъ годъ рожденія Тургенева, вычеркнутъ эпитетъ при имени М. А. Бакунина: *извѣстнымъ*, вмѣсто: *въ прошломъ году* напечатано: *въ 1874-мъ году*, и т. п., и сдѣланы двѣ вставки съ цитатами изъ „Воспоминаній" Тургенева: первая—послѣ словъ: „вышелъ... кандидатомъ", вторая—послѣ словъ: „Грановскій и Станкевичъ".

XLV. Воспоминанія о Шевченкѣ *(стр. 233)*, напечатаны, подъ заглавіемъ: „Споминки про Шевченка", въ книгѣ: „Т. Г. Шевченко. Кобзарь. У Празі. 1876", стр. III—VIII, откуда и воспроизводятся. Были перепечатаны Ф. М. Пискуновымъ въ его біографіи Шевченка („Ш., его жизнь и сочиненія", Кіевъ, 1878), и оттуда—въ „Литературномъ Вѣстникѣ" 1903, № 5, стр. 5—8. Воспоминанія эти были написаны Тургеневымъ по просьбѣ А. А. Русова, завѣдовавшаго печатаніемъ Пражскаго изданія „Кобзаря"; въ этомъ предпріятіи близкое участіе принималъ Я. П. Полонскій, который вѣроятно и былъ посредникомъ между Тургеневымъ и Русовымъ (самъ Полонскій также написалъ для этого изданія воспоминанія о Шевченкѣ: они напечатаны вслѣдъ за статьею Тургенева). 13 октября, вѣроятно нов. ст., 1875 г. Тургеневъ писалъ Полонскому: „Руссову я также посылаю нѣсколько словъ о Шевченкѣ—хотя много лестнаго мнѣ не придется о немъ сказать. Я познакомился съ нимъ передъ самой его смертью" („Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева", Спб. 1884, стр. 266). Упоминаемая Тургеневымъ г-жа Кар—ская есть г-жа Карташевская; см. Ю. Никольскій, „Тургеневъ и писатели Украйны", въ „Рус. Мысли" 1914 г., іюль, отд. II, стр. 99—108.

XLVI. Письмо секретарю Общества Любителей Россійской Словесности *(стр. 236)*, напечатано въ книгѣ: „М. М. Стасюлевичъ и его современники", СПБ. 1912, т. III, стр. 65—66. Письмо это было послано Тургеневымъ Стасюлевичу для напечатанія въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы" за 1876 г., вмѣстѣ съ другимъ письмомъ—„къ редактору"—о первомъ печатномъ произведеніи Тургенева (см. письмо Тургенева къ Стасюлевичу отъ 22 ноября—4 декабря, тамъ-же, стр. 65, срвн. стр. 64), однако не было напечатано по позднѣйшей просьбѣ самого Тургенева; именно, 5—17 декабря, онъ писалъ Стасюлевичу: „Оказывается что юбилей мой—пуфъ и что Общество Л. Р. С. никогда о немъ и не

думало, какъ пишетъ мнѣ Секретарь Общества Безсоновъ, въ отвѣтъ на мое письмо. Впередъ наука—не вѣрить журнальнымъ завѣреніямъ.—Разумѣется, я очень этому радъ—и только прошу Васъ, изъ моего письма къ Вамъ (долженствующаго явиться въ Январской книгѣ) выкинуть всё, касающееся до юбилея",—тамъ-же, стр. 69 (Тургеневъ здѣсь выразился неточно: это были два отдѣльныхъ письма: „Письмо къ вамъ о „первомъ моемъ произведеніи"—а такъже и *приложенное къ нему письмо* по поводу юбилея", какъ писалъ Т. къ Ст. 22 ноября—4 дек.).

XLVII. Примѣчаніе къ разсказу „Часы" *(стр. 237)*, напечатано въ выноскѣ, внизу 1-ой страницы этого разсказа въ „Вѣстникѣ Европы" 1876 г., январь, стр. 7. Эти строки Тургеневъ послалъ М. М. Стасюлевичу (вмѣстѣ съ тѣми двумя письмами для печати, о которыхъ говорится въ предыдущемъ примѣчаніи) при письмѣ отъ 22 ноября—4 декабря 1875 г., гдѣ онъ писалъ: „[Посылаю Вамъ] ...нѣсколько словъ къ читателямъ, которыя покорно прошу помѣстить въ самомъ началѣ разсказа: *Часы*. Мнѣ кажется, это непремѣнно нужно — а то, пожалуй, публика разсердится" („М. М. Стасюлевичъ и его современники", т. III, стр. 65; туже просьбу онъ настойчиво подтвердилъ въ письмѣ отъ 1 — 13 декабря, тамъже, стр. 69).

XLVIII. Письмо къ издателю *(стр. 238)*, напечатано въ „Новомъ Времени" 1876 г. № 66, 6 мая. Замѣтка, о которой пишетъ Тургеневъ, была напечатана въ „Новомъ Времени" 1876 г. № 56, 26 апрѣля, въ отдѣлѣ „Театръ и музыка":

„Намъ пишутъ изъ Парижа, что тамъ, 12-го (24-го) апрѣля, было устроено музыкально-литературное утро, въ пользу русскихъ молодыхъ людей, прибывшихъ туда для образованія въ музыкальномъ искусствѣ, а также и въ живописи. Мысль и приведеніе въ исполненіе этого благотворительнаго утра принадлежала г. Тургеневу. Особенно пріятное впечатлѣніе на слушателей произвела, знакомая Петербургу, г-жа П. Віардо, исполнившая два французскіе романса на мотивъ русскихъ народныхъ пѣсень. Затѣмъ, г. Тургеневъ читалъ отрывокъ изъ своихъ „Записокъ охотника", переведенныхъ на французскій языкъ. Г. Венявскій сыгралъ на скрипкѣ фантазіи на русскія пѣсни и проч. Присутствующіе весьма интересовались услышать молодаго французскаго писателя г. Зола, обѣщавшаго прочесть отрывокъ изъ его романа „La fortune des Rougons"; но чтеніе это, къ сожалѣнію, потерпѣло полнѣйшее фіаско. Небольшаго роста, некрасивой наружности, съ черными, какъ смоль, коротко обстриженными волосами, небрежно одѣтый, взошелъ г. Зола на каѳедру, при общей тишинѣ публики, къ тому же весьма нескладное чтеніе, наводящее скуку на слушателей, вынудило его, по окончаніи чтенія, въ той же полной тишинѣ съ каѳедры и сойдти.

„Публики, желавшей принять участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, было болѣе 200 чел.“

XLIX. Нѣсколько словъ о Жоржъ-Сандъ *(стр. 239)*, напечатано въ „Новомъ Времени“ 1876 г. № 105, 15 іюня, съ подзаголовкомъ: „Письмо И. С. Тургенева къ издателю „Новаго Времени“ (т.-е. къ Алексѣю Сергѣевичу Суворину). Было перепечатано въ „Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева“ СПБ. 1884, стр. 292—294.—15 іюня 1876 г. Тургеневъ, извиняясь, что не присылаетъ обѣщанной для „Вѣстника Европы“ статьи о Жоржъ-Зандъ, писалъ Стасюлевичу: „Посмотрите, какой вздоръ я послалъ по этому поводу въ „Новое Время“—и то—я почти всё перевёлъ изъ письма Г-жи Віардо“ („М. М. Стасюл. и его современ.“ III 80). Эту статейку Тургеневъ послалъ Суворину чрезъ В. И. Лихачева, причемъ писалъ послѣднему, 10 іюня: „Мнѣ не удалось написать о Ж. З. какъ бы я хотѣлъ, но я полагаю, что переведенный мною отрывокъ изъ письма моей знакомой можетъ заинтересовать читателя“ („Перв. собр. пис. И. С. Т.“, стр. 294).

L. Пятьдесятъ недостатковъ ружейнаго охотника и пятьдесятъ недостатковъ лягавой собаки *(стр. 240)*, напечатано въ: „Журналъ Охоты, органъ Императорскаго общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты“, 1876 г. т. IV, № 6, іюнь, стр. 1 и д.

LI. Предисловіе *(стр. 246)*, напечатано впереди книги: „Леонъ Кладель. Очерки и разсказы изъ жизни простаго народа. Переводъ съ французскаго А. Успенской съ отзывомъ И. С. Тургенева. СПБ. 1877“. А. В. Успенская была жена Глѣба Успенскаго. См. „Минувшіе Годы“, 1908, апрѣль, стр. 10.

LII. Письмо въ редакцію *(стр. 247)*, напечатано въ газ. „Нашъ Вѣкъ“ 1877 г. № 48, 19 апрѣля, откуда воспроизводится; одновременно было напечатано и въ „С.Петерб. Вѣдомостяхъ“ 1877 г. № 109. Сначала, въ письмѣ къ Стасюлевичу отъ 9—21 апрѣля, Тургеневъ уполномочивалъ послѣдняго протестовать противъ этой контрафакціи: „Если Вы сочтете это нужнымъ, то можете объявить отъ моего имени въ какой нибудь газетѣ—что я достаточно смущенъ подобной безцеремонностью; *право* за этими господами;—но порядочные люди этакими правами не пользуются. Можете прибавить, что въ оригинальной статьѣ, присланной для „Вѣстника Европы“, я прибавилъ немало штриховъ, въ чёмъ Вы можете удостовѣриться сличеніемъ текстовъ. Да и тонъ священническаго разсказа совсѣмъ пропалъ.—Редакцію этой замѣтки, конечно, предоставляю Вамъ“ („М. М. Стасюлевичъ и его современники“, т. III, стр. 125); но затѣмъ—вѣроятно въ силу письма Стасюлевича, полученнаго Тургеневымъ 12—24 апрѣля—онъ самъ написалъ протестъ, т.-е. печатаемое нами „Письмо въ

редакцію"; 13 — 25 апрѣля онъ пишетъ Стасюлевичу: „...на слѣдующей страницѣ Вы найдете мой протестъ противъ дряннаго С. [т. е. Суворина] и его перевода; я послалъ его въ „Нашъ Вѣкъ";—а Вы изъ него возьмете что будетъ нужно для небольшаго вступительнаго подстрочнаго замѣчанія, которое, мнѣ кажется, необходимо. Вторая половина моего письма въ „Нашъ Вѣкъ" посвящена нѣкоторымъ лингвистическимъ замѣчаніямъ по поводу упрековъ Г-а Тора.—Это Васъ не интересуетъ",—и Тургеневъ приложилъ копію первой части своего „Письма въ редакцію"—до абзаца: „Позвольте мнѣ кстати прибавить..." (тамъ-же, стр. 126 — 127). — „Подстрочное примѣчаніе", о которомъ говоритъ Тургеневъ въ своемъ „Письмѣ въ редакцію", есть слѣдующая выноска къ заглавію „Сынъ попа" въ фельетонѣ „Новаго Времени": „Этотъ не являвшійся еще на русскомъ языкѣ разсказъ И. С. Тургенева помѣщенъ въ февральскихъ нумерахъ „République des lettres". Переводъ—безъ обозначенія, что это переводъ—былъ помѣщенъ въ „Нов. Вр.", 1877, №№ 395 и 396, 6 и 7 апрѣля, подъ заглавіемъ: *„Сынъ попа", новый разсказъ И. С. Тургенева.*

Вторая половина Тургеневскаго „Письма въ редакцію" есть отвѣтъ на слѣдующія строки въ фельетонѣ Тора „Литературные очерки", напечатанномъ въ „Новомъ Времени" 1877 г. № 397, 8 апрѣля:

„Я осмѣлюсь сдѣлать нѣсколько замѣчаній и о переводѣ поэмы. Хотя высокоталантливый переводчикъ и увѣряетъ „любезнѣйшаго" М. М., что приложилъ къ труду „все возможное стараніе и умѣніе", но въ переводѣ, тѣмъ не менѣе, встрѣчаются галлицизмы непростительные для такого великаго мастера языка, какимъ справедливо считается Ив. С. Тургеневъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Первыя строки легенды: „Отецъ и мать Юліана о б и т а л и з а м о к ъ". Это совершенно по-французски: habiter le château. По-русски слѣдовало бы сказать: жили въ замкѣ, или: обитали въ замкѣ.—„Сонъ или дѣйствительность—то было откровеніе свыше"—совершенно французскій оборотъ, противный духу нашего языка. „Е с л и б ы я з а х о т ѣ л ъ, о д н а к о?"—буквальный переводъ съ французскаго. Правильнѣе было бы сказать: а что еслибы я захотѣлъ? — „Очутился на плоскогорьѣ, п о в е л ѣ в а в ш е м ъ значительнымъ пространствомъ"—опять буквальный переводъ: qui commandait un vaste terrain. „Е г о с о б с т в е н н а я о с о б а внушала ему такое отвращеніе"—это тоже французская форма; по-русски слѣдуетъ такъ: онъ самъ себѣ, или: онъ самому себѣ внушалъ отвращеніе. Подобныхъ фразъ чисто французскаго пошиба въ переводѣ можно найдти очень много. Попадаются и такія выраженія, которыя хотя и не представляютъ галлицизмовъ, но крайне неудачны. „Съ пѣной в о р т у"—это не совсѣмъ по-русски; говорятъ обыкновенно: съ пѣной у рта. „Кровавыя брызги, кровавыя лужи з і я л и по ихъ бѣлымъ тѣламъ". Зіяютъ на чемъ-либо (а не по чемъ) бездны, раны, вообще то, что образуетъ пу-

стоту; но какимъ образомъ могутъ зіять брызги и лужи (?) по тѣламъ? Я не пойду дальше, хотя могъ бы, и ограничусь приведенными примѣрами. Знаю, что подобныя указанія неправильностей языка у перваго нашего беллетриста возбудятъ крики разныхъ господъ, для которыхъ невыносима даже одна мысль о томъ, чтобы меньшіе указывали старшимъ ошибки. Разные поклонники авторитетовъ, лицемѣрные льстецы знаменитостей, „любезнѣйшіе М. М." и тому подобныя лица завопятъ: „какъ смѣть говорить такимъ образомъ, возражать на мнѣнія великаго писателя, указывать галлицизмы и неловкія выраженія въ его высоко-художественномъ, образцовомъ трудѣ! Невѣроятная дерзость! Невиданная безстыдливость! и т. д." Кричите, господа, сколько угодно, я не испугаюсь. Я думаю, что коли я правду сказалъ, такъ самъ г. Тургеневъ меня одобритъ за это; ну, а коли я ошибся, такъ онъ мнѣ ошибки въ фальшь не поставитъ".

LIII. Письмо въ редакцію *(стр. 249)*, напечатано въ газ. „Нашъ Вѣкъ" 1877 г. № 67, 8 мая.

Приводимъ „Открытое письмо" А. С. Суворина, на которое здѣсь отвѣчаетъ Тургеневъ.

Открытое письмо къ И. С. Тургеневу.

Вамъ угодно было, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, сдѣлать всероссійскій вопросъ изъ за того, что „Новое Время" перевело вашъ разсказъ „Сынъ попа" изъ французскаго журнала. Вы обижены этимъ едва ли не больше, чѣмъ замѣчаніями критика „Новаго Времени" на вашъ переводъ легенды г. Флобера. Всѣ петербургскія газеты перепечатали ваше письмо или цѣликомъ или въ извлеченіи, а одинъ маленькій листокъ даже сыгралъ передъ вами роль того лакея, который своимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ угодить барину ставитъ его обыкновенно въ непріятное положеніе— не то выругать за усердіе, не то на чай дать. Петербургскимъ газетамъ пріятно было оповѣстить публику о „безцеремонномъ" поступкѣ издателя „Новаго Времени" съ такимъ литературнымъ свѣтиломъ, какъ вы.

Я рѣшаюсь вамъ отвѣчать для того, чтобы выяснить ваше положеніе, какъ французскаго и русскаго писателя, и для того, чтобы объяснить мою „безцеремонность". Я буду откровененъ и ничего не скрою изъ моихъ побужденій, не скрою и вашего письма, появившагося въ газетѣ „Нашъ Вѣкъ". Вотъ оно:

[Далѣе слѣдуетъ письмо И. С. Тургенева. Затѣмъ авторъ продолжаетъ:]

„Не малое количество отдѣльныхъ штриховъ", которыми вы украсили свой разсказъ, конечно, будетъ оцѣнено по достоинству и занесено историками русской литературы въ ея золотыя скрижали. Это не то, что опе-

чатки, о которыхъ одинъ авторъ, въ предисловіи ко 2-му изданію своей книги, сказалъ: „всѣ опечатки перваго изданія исправлены имъ для удобства публики, а новыя опечатки будутъ исправлены въ 3-мъ изданіи." Для этихъ золотыхъ скрижалей было бы также важно и возстановленіе нашего письма въ газетѣ „Нашъ Вѣкъ" въ первоначальномъ видѣ. Въ строкѣ 21-й (по нашему набору) стоитъ: „одна газета точно также" и проч. Тутъ, конечно, стояло въ оригиналѣ такъ: „Газета „Голосъ" точно также" и проч. Но „Нашъ Вѣкъ" разсмѣялся вмѣсто „Голоса" и потому, изъ чувства совершенно естественнаго холопства передъ г. Краевскимъ, поднесъ ваше письмо на разсмотрѣніе его и онъ снисходительно пожелалъ поставить „одна газета", чтобы не компрометировать „Голоса" вмѣстѣ съ „Новымъ Временемъ." Это моя догадка, справедливость которой оцѣнитъ тотъ, кто послѣ вашей смерти (дай вамъ Богъ сто лѣтъ прожить!) станетъ собирать ваши рукописи, а при жизни вашей оцѣните вы и сообразите, что если для „Нашего Вѣка" вы—„уважаемый писатель," какъ эта газета васъ называетъ, то г. Краевскій для него—„наиболѣе уважаемый" писатель, потому что онъ въ „Нашемъ Вѣкѣ" никого не уважаетъ.

Вы извините меня и за этотъ каламбуръ и за эти отступленія. Перехожу къ дѣлу.

На ваше замѣчаніе относительно трехъ строкъ, которыми сопроводила редакція „Новаго Времени" переводъ вашего разсказа, смѣю обратить ваше вниманіе на слѣдующія соображенія:

Вопервыхъ, въ подстрочномъ примѣчаніи редакціи было сказано, что „Сынъ попа" появился въ „République des lettres" и что онъ еще не появлялся на русскомъ языкѣ, откуда прямо слѣдуетъ, что разсказъ переведенъ съ французскаго; вовторыхъ, печатая оригинальныя вещи, мы подписываемъ имя автора подъ статьею, а не надъ статьею; въ 3-хъ, печатая оригинальную вещь, никто не сдѣлаетъ примѣчанія, что эта вещь уже появилась въ такомъ-то журналѣ и на такомъ-то языкѣ, напротивъ, всякій журналистъ объ этомъ умолчалъ бы.

Такъ, печатая вашъ разсказъ „Сонъ" въ „Новомъ Времени," разсказъ, присланный намъ самими вами, мы не упомянули о томъ, что онъ уже явился въ нѣмецкомъ, тоже небольшомъ журналѣ, „Gegenwart", откуда всякій русскій журналъ имѣлъ право его перевести.

Да, я стою за это право. Какъ скоро вы являетесь не И. Тургеневымъ, а J. Tourguéneff или I. Turgenev, вы—иностранный писатель, вы—Поль Гейзе, Захеръ-Мазохъ, Октавъ Фелье, Эмиль Зола, и всякій русскій журналистъ имѣетъ полное право перевести васъ на русскій языкъ, а вы не имѣете ни малѣйшаго права называть этого журналиста „безцеремоннымъ". Вы можете только назвать его „снисходительнымъ" къ вашей „слабости" появляться предварительно на иностранныхъ языкахъ—вотъ

все ваше право и я рѣшительно протестую противъ той необдуманности, съ какою вы называете меня „безцеремоннымъ". Почему я рѣшился не быть снисходительнымъ къ вашей слабости—объ этомъ узнаете изъ дальнѣйшихъ строкъ, которыхъ—боюсь—будетъ слишкомъ много.

Вы, надѣюсь, согласитесь, что правда, даже грубо высказанная, лучше лжи, лучше безсмысленной лести, лучше тупого поклоненія. Эту правду, хотя и маленькую очень, я хочу вамъ сказать.

Когда кокотка встрѣтитъ новый фасонъ платья, когда она увидитъ послѣднюю модную картинку—сколько хлопотъ ей предстоитъ для того, чтобъ облечься въ этотъ модный костюмъ. Русскій писатель, появляющійся первоначально на иностранномъ языкѣ, напоминаетъ эту франтиху: сколько хлопотъ ему найдти переводчика, примѣрить этотъ переводъ, т. е. просмотрѣть его, довести до свѣдѣнія издателя, что нѣчто родилось и это нѣчто не прочь явиться въ иностранномъ костюмѣ прежде чѣмъ выступить въ природномъ. Я могъ бы эту картину начертить подробнѣе, но вы вѣдь гораздо лучше меня могли бы изобразить все это переодѣваніе, не особенно почетное для писателя.

И если вы подумаете объ этомъ—вы согласитесь со мной. Вы прекрасно знаете, что ни одинъ замѣчательный русскій писатель не издаетъ своихъ художественныхъ произведеній предварительно на иностранномъ языкѣ, ни графъ Л. Толстой, который, какъ вы сами признаете, занимаетъ рѣшительно первое мѣсто въ современной литературѣ, ни Салтыковъ, ни Гончаровъ, ни Достоевскій; точно также вы знаете, что всякій иностранный писатель издаетъ свои произведенія предварительно на родномъ языкѣ. Ни Диккенсъ и Теккерей, ни Шпильгагенъ и Ауэрбахъ, ни Гюго и Ж. Сандъ не издавали своихъ романовъ и разсказовъ на иностранныхъ языкахъ; они даже не могли объ этомъ думать, потому что самая мысль эта какая-то дикая, неестественная, противорѣчущая самому ходу художественной работы въ головѣ писателя. На это можетъ только рѣшиться писатель, котораго не цѣнятъ въ родной странѣ. Но васъ ли не цѣнятъ? Вы одна изъ нашихъ славъ. Вы должны знать, что родной языкъ, въ который облекается словесное произведеніе, прямо указываетъ, на какомъ языкѣ оно должно предварительно явиться. Вѣдь языкъ—не котерія какая-нибудь, которой должно дѣлать оппозицію; языкъ это нѣчто въ высшей степени дорогое, въ особенности для писателя. Авторъ понимаетъ, что его дума, его фантазія, его мысль должны явиться въ своемъ природномъ костюмѣ. Тутъ есть, кромѣ того, своего рода народная гордость и независимость, въ особенности со стороны русскаго писателя: иностранцы знаютъ васъ, цѣнятъ ваши произведенія—это пріятно, но подождите, господа, когда оно явится на русскомъ языкѣ, въ русскомъ журналѣ. Нигдѣ меня такъ не оцѣнятъ, какъ на родинѣ и нигдѣ меня такъ не полюбятъ.

Я обязанъ родинѣ, я обязанъ тому языку, на которомъ пишу, который люблю больше всякаго другого. Кажется, это такъ просто, такъ естественно, но вы почему-то этого не хотите понять.

Позвольте вамъ напомнить одного весьма даровитаго русскаго писателя, который владѣлъ французскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ, который лишенъ былъ возможности работать въ Россіи и издавалъ свои произведенія за границей—по-русски; онъ пользовался большою извѣстностью, его произведенія проникали въ Россію въ видѣ контрабанды, его мемуары, это полухудожественное его произведеніе, съ удовольствіемъ помѣстилъ бы у себя всякій европейскій журналистъ, что дало бы имъ значительный кругъ читателей между русскими и иностранцами, и онъ, однако, всегда предпочелъ свой родной языкъ и за-границей издалъ ихъ по-русски и не записывалъ у иностранныхъ журналистовъ.

Я произнесъ рѣзкое слово—„записывать", я готовъ его взять назадъ; я не хочу васъ обвинять въ этомъ; но я просилъ бы васъ вспомнить исторію вашего „Сна", этого разсказа, который вы передали въ октябрѣ прошлаго года въ „Новое Время". Вы хотѣли, чтобъ онъ появился не ранѣе „Нови", потому что вы обѣщали г. Стасюлевичу не помѣщать ничего въ другихъ журналахъ раньше появленія этого романа. Вашъ разсказъ могъ явиться маленькой молніей и, въ глазахъ г. Стасюлевича, вѣроятно, могъ помѣшать огромной молніи романа. Какъ бы то ни было, я былъ вамъ благодаренъ и за этотъ разсказъ. Вы знали, какъ всегда высоко я ставилъ вашъ талантъ, вашу чуткость, вашу отзывчатость на вѣянія времени. Я ждалъ до новаго года.

Представьте же себѣ мое удивленіе, когда въ послѣднихъ числахъ декабря я просматриваю иностранные журналы и вижу въ „Gegenwart" тотъ же самый разсказъ на нѣмецкомъ языкѣ, да еще рядомъ съ статьею о Мидхатъ-пашѣ, въ которой этого временщика упрекаютъ за то, что онъ былъ *слишкомъ снисходителенъ къ болгарамъ*. Я зналъ, какъ вы относились къ несчастному положенію болгаръ, вы мнѣ прислали для „Новаго Времени" ваше прекрасное стихотвореніе „Крокетъ", которое я не могъ помѣстить по независящимъ отъ меня причинамъ. И вдругъ такое сосѣдство! Но положимъ, вы этого предвидѣть не могли, но появленіе вашего разсказа предварительно на нѣмецкомъ языкѣ—записѣло вполнѣ отъ васъ. Деньги васъ не могли соблазнять, потому что никто вамъ такъ не платитъ какъ русскіе журналисты; васъ соблазнила слава? Но если слава ваша зависитъ отъ мелкихъ разсказовъ, она во всякомъ случаѣ отъ васъ не ушла бы. Или „Gegenwart" не исполнилъ тѣхъ условій, на которыхъ вы отдали переводъ? Въ такомъ случаѣ, отчего вы объ этомъ не заявили? Вы смѣло называете меня „безцеремоннымъ", вы говорите, что вы отъ меня „этого не ожидали и ошиблись", говорите такъ смѣло

потому, что я русскій журналистъ, но вы пикнуть не смѣете передъ иностраннымъ журналистомъ и я имѣлъ бы полное право вамъ сказать: „я отъ васъ этого не ожидалъ, но я ошибся".

И вы это не въ первый разъ дѣлаете. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы обѣщали одинъ разсказъ г. Стасюлевичу, который заявилъ своимъ читателямъ, что разсказъ вашъ появится въ „Вѣстникѣ Европы" 1-го января. Вдругъ этотъ разсказъ появляется въ „Голосѣ", который перевелъ его изъ нѣмецкаго журнала „Der Salon". Такого сюрприза г. Стасюлевичъ не ожидалъ, но виноватымъ оказался г. Краевскій, а не вы и не издатель „Salon'a". Какъ можно? Вы передъ иностраннымъ журналистомъ почтительно молчите и робѣете, вы самый знаменитый изъ всѣхъ знаменитыхъ писателей: вѣдь просто знаменитые писатели являются обыкновенно сначала на одномъ языкѣ, а вы на цѣлыхъ трехъ разомъ и даже на иностранныхъ прежде, чѣмъ на родномъ. Вы не можете быть виноваты: всѣ народы стоятъ передъ вами въ ожиданіи, когда ваше перо задвигается по бумагѣ, и вы не можете устоять передъ этимъ поклоненіемъ... Такъ что ли?

Но представьте себѣ мою дерзость, что я, послѣ того огорченія, которое вы мнѣ, какъ русскому журналисту, нанесли, напечатавъ свой разсказъ въ „Gegenwart" и не предупредивъ меня объ этомъ ни единымъ словомъ хоть ради вѣжливости—представьте себѣ мою дерзость, что я рѣшился отъучить васъ отъ этого, рѣшился оказать вамъ услугу.

Вотъ когда вы имѣете право сказать: я этого не ожидалъ!

Вы помните, что однажды мышенокъ оказалъ услугу льву; съ полною искренностью оставляя вамъ роль литературнаго льва и съ тою же искренностью принимая на себя роль литературнаго мышенка, я далъ себѣ слово переводить и печатать немедленно всякое ваше произведеніе, являющееся на иностранномъ языкѣ прежде чѣмъ на русскомъ. Имѣя ежедневную газету и выписывая много иностранныхъ журналовъ, я могъ устроить это легко. Конечно, тонъ произведенія въ переводѣ сохранить мудрено, а иногда этотъ тонъ, букетъ языка являются существеннѣйшими достоинствами вашихъ произведеній, но если вы сами считаете возможнымъ знакомить съ своими разсказами безъ этого тона и букета, которые къ тому же весьма немногими цѣнятся, то бѣда не велика. Главное дѣло—достигнуть цѣли, т. е. отъучить одного изъ симпатичнѣйшихъ нашихъ писателей отъ того грѣха, въ которомъ невиновенъ ни одинъ изъ замѣчательныхъ европейскихъ писателей, раздѣляющихъ съ вами честь быть гордостью русской литературы.

Но все-таки у меня рука дрогнула прежде чѣмъ совершить это. Встрѣтивъ въ февралѣ „République des lettres" вашъ разсказъ, растянутый на 3 нумера, я рѣшился ждать русскаго 1-го марта: быть можетъ, думаю себѣ,

„Сынъ попа“ явится въ „Вѣстникѣ Европы“; но „Вѣстникъ Европы“ не могъ явиться 1-го марта; я ждалъ дальше, дождался мартовской книжки — нѣтъ. Надо перевести. Нѣтъ, апрѣльскаго нумера журнала г. Стасюлевича: и тамъ нѣтъ. Положимъ, думалъ я, появленіе вашихъ разсказовъ на иностранныхъ языкахъ двумя недѣлями раньше, чѣмъ на русскомъ, можно объяснить грегоріанскимъ календаремъ, который на 12 дней предупреждаетъ нашъ, но чѣмъ объяснить этотъ ранній плодъ? Безспорно желаніемъ быть столько же русскимъ писателемъ, сколько и иностраннымъ. И я совершилъ ту „безцеремонность“, въ которой вы никогда не бывали виноваты, но которая заставитъ васъ отъучиться отъ вашей слабости.

Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что вы ни разу не признали себя виноватымъ, точно условія общежитія существуютъ только для маленькихъ людей, но не существуютъ для знаменитыхъ. Вы всѣ три раза являетесь какою-то жертвою эксплоатаціи журналистовъ, ихъ „безцеремонности“, жертвою „непріятныхъ казусовъ“, а не жертвою своей собственной слабости, жертвой погони за извѣстностью въ чужихъ краяхъ.

Позвольте же мнѣ имѣть смѣлость сказать вамъ то, что вамъ никто не говорилъ, именно, что во всѣхъ трехъ случаяхъ вы виноваты сами; позвольте мнѣ разсчитывать, что если не гласно, то въ глубинѣ своей души вы признаете хотя нѣкоторую справедливость за всѣмъ тѣмъ, что я сказалъ въ этомъ слишкомъ длинномъ письмѣ. Если же вы останетесь при своемъ убѣжденіи, если вы будете продолжать думать, что съ вами совершаются „непріятные казусы“ только по винѣ другихъ, между прочимъ по винѣ папы Григорія VII, который сократилъ для Европы одинъ годъ на 12 дней, то какъ ни тяжелъ для меня упрекъ въ „безцеремонности“ со стороны такого писателя какъ вы, я все-таки утѣшусь нѣсколько тѣмъ, что въ четвертый разъ вы не поставите въ щекотливое и непріятное положеніе какого-нибудь русскаго журналиста, который все-таки чего нибудь стоитъ хоть за то, что онъ дорожитъ русскою славою такъ, какъ не могутъ дорожить ею иностранные журналисты.

Примите и проч.

А. Суворинъ.

LIV. Письмо въ редакцію *(стр. 250)*, напечатано въ газ. „Нашъ Вѣкъ“, 1877 г. № 72, 13 мая. Вся соотвѣтствующая цитата изъ „Моск. Вѣд.“ приведена Тургеневымъ; статья озаглавлена „Отовсюду“ и подписана иниціалами А. Ст.-Ф. (срвн. о томъ-же „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1877 г. № 139). Цитируемаго Тургеневымъ мнѣнія „Одного“—въ № 432-мъ „Новаго Времени“ нѣтъ. Въ этомъ номерѣ, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, находимъ слѣдующую замѣтку:

„Почтеннаго И. С. Тургенева положительно обуяла страсть къ письмамъ. Прочитавъ въ „Моск. Вѣд." легкую критику его разсказа „Сонъ", о чемъ мы сообщали въ свое время, г. Тургеневъ пишетъ по этому поводу письмо не въ Москву, а въ парижскую газету „Temps" такого содержанія:

„Вопервыхъ, я никогда не писалъ ни строчки (говоря буквально) на другомъ языкѣ, кромѣ своего—русскаго—и даже искренно признаюсь, что не понимаю авторовъ, которые могутъ дѣлать такой tour-de-force: писать на двухъ языкахъ! Я прибавлю, что не питаю къ нимъ зависти; во-вторыхъ, вышеупомянутый разсказъ былъ написанъ весною прошлаго года, и рукопись его была передана въ сентябрѣ въ редакцію газеты „Новое Время", которая напечатала его. Втретьихъ, въ ту минуту, когда я началъ писать „Сонъ", я не зналъ еще сюжета драмы Декурселя и Клареси, да не знаю и теперь. Соблаговолите помѣстить это маленькое оправданіе въ вашей газетѣ".

Къ сожалѣнію, это письмо Тургенева въ редакцію „Temps" намъ не было доступно.

LV. Письмо къ редактору *(стр. 252)*, напечатано въ одесской газетѣ „Правда" 1878 г. № 42, 19 февраля; отрывокъ былъ перепечатанъ въ „Голосѣ" 1878 г. № 55, 24 февраля. Въ „Правдѣ" письму Тургенева предпослана замѣтка „Отъ редакціи", въ которой сообщается, что, заручившись обѣщаніемъ Тургенева, но не получивъ отъ него затѣмъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ ни одной статьи, редакція напомнила ему о данномъ имъ обѣщаніи; въ отвѣтъ-де и получено помѣщаемое здѣсь письмо: „но, къ величайшему сожалѣнію, отвѣтъ этотъ такого свойства, отъ котораго невольно станетъ тяжело на душѣ каждаго почитателя таланта Ивана Сергѣевича". — Напечатаніе этого письма, вовсе не предназначеннаго для опубликованія, раздосадовало Тургенева; 28 февр.—12 марта 1878 г. онъ писалъ Стасюлевичу: „Я, конечно, не ожидалъ такой безцеремонности отъ редакціи Правды—хотя слѣдовало бы привыкнуть къ такого рода продѣлкамъ; но въ *„Правду"* я написалъ *правду;*—съ *моимъ именемъ* уже не явится ничего на аренѣ Русской прессы—это несомнѣнно" („М. М. Стасюлевичъ и его современники", т. III, стр. 147).

LVI. Рѣчь на литературномъ конгресѣ *(стр. 253)*, напечатана въ „Le Temps", 1878, juin 19, въ статьѣ: „Le congrès littéraire". Тексту рѣчи предпосланы слѣдующія строки: „M. Tourguéneff représentait la Russie. Son petit discours, *dont nous avons été heureux de nous procurer le texte* [курсивъ нашъ], a été littéralement acclamé. M. Tourguéneff l'a débité avec beaucoup de bonhomie et de simplicité; il a eu l'un des plus vifs succès de la réunion."—*Переводъ* былъ напечатанъ въ „Современныхъ извѣстіяхъ" 1878 г. № 161, 14 іюня, въ статьѣ: „Литературный конгрессъ".

Объ этой рѣчи Тургеневъ писалъ Н. В. Ханыкову 26 іюня н. ст. 1878 г. („Ежемѣсячн. Сочиненія" 1901 г., декабрь, стр. 319—320):

„Вы совершенно справедливо указали на нѣкоторыя натяжки въ произнесенномъ мною комплиментикѣ. Мольеръ умеръ въ 1672 (не 73-мъ) году; царь Алексѣй Михайловичъ въ 1676; переводъ Мольеровской комедіи сдѣланъ, вѣроятно, Великой Княжной Натальей Алексѣевной, не Софіей, и представленъ въ первый разъ около 1702 года; но надо было все подтянуть къ 1678 г.

„Что же касается до *чина*, то я вовсе не желалъ никого уколоть; а хотѣлъ только сказать, что литература наша на столько выросла въ 1878 году, что можетъ говорить отъ *своего* чисто-литературнаго имени на парижскомъ конгрессѣ".

LVII. Рѣчь къ московскимъ студентамъ (*стр. 255*), напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 1879 г. № 58, 7 марта, съ замѣткою отъ редакціи: „Вотъ подлинный текстъ рѣчи, съ которой обратился И. С. Тургеневъ къ студентамъ во время концерта въ Россійскомъ Благородномъ собраніи, въ воскресенье, 4 марта". Итакъ, Тургеневъ очевидно читалъ заранѣе написанный текстъ (или послѣдній былъ тутъ-же записанъ стенографически? это трудно предположить). Въ предшествующемъ № газеты, въ описаніи самого концерта, рѣчь Тургенева была приведена только въ выдержкахъ и приблизительно.

LVIII. Рѣчь на обѣдѣ въ „Эрмитажѣ" (*стр. 256*), напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 1879 г. № 59, 8 марта. Обѣдъ былъ въ честь Тургенева, 6 марта. Эта рѣчь перепечатана въ брошюрѣ: „П. В[асильевъ]. Описаніе торжествъ, происходившихъ въ честь И. С. Тургенева, во время пребыванія его въ Москвѣ и Петербургѣ въ теченіе февраля и марта 1879 г. Казань. 1880".

LIX. Письмо на юбилей Крашевскаго (*стр. 257*), напечатано въ „Вѣстникѣ Европы" 1879 г., XI, стр. 416 и, какъ письмо къ В. Д. Спасовичу,— въ „Перв. собр. пис. И. С. Тургенева", 1884 г., стр. 346. Письмо было прислано для оглашенія, какъ видно изъ того, что оно было прочитано на юбилеѣ и напечатано въ „Вѣстн. Европы", конечно съ согласія Тургенева.

LX. Предисловіе къ „En cellule" (*стр. 258*), напечатано въ „Le Temps" 1879, 12 novembre, въ началѣ статьи, озаглавленной: „En cellule. Impressions d'un nihiliste". *Переводъ* сдѣланъ нами. Авторомъ „En cellule" былъ И. Я. Павловскій, см. Ѳ. Булгаковъ, „Съ того берега" въ „Нов. Времени" 1887 г. 29 октября, № 4191; сравн. разсказъ самого г. Павловскаго въ его воспоминаніяхъ о Тургеневѣ—„Русскій Курьеръ" 1884 г. 16 іюня, № 164.— Это маленькое предисловіе навлекло на Тургенева рядъ инсинуацій со стороны „Московскихъ Вѣдомостей", и особенно—Б. М. Маркевича; Тургеневъ отвѣчалъ послѣднему („Отвѣтъ Иногороднему Обывателю",

напечатанный въ *Соч.* Тургенева, изд. Маркса, т. XII, стр. 363—4); см. „Вѣстн. Европы" 1880 г. февраль, стр. 843—849.

LXI. Письмо къ редактору *(стр. 259)*, напечатано въ „Le XIX-e Siècle" 1880, 23 janvier, подъ заглавіемъ: „Une lettre de Tourguéneff" и съ такимъ вступленіемъ: „Le grand écrivain de la Russie, M. Ivan Tourguéneff, nous fait l'honneur de nous écrire la lettre suivante, qui annonce un événement littéraire aussi intéressant dans son genre que la belle exposition de Véreschaguine". *Переводъ* письма сдѣланъ нами. Переводъ „Войны и мира", о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ Тургенева, назывался: „La guerre et la paix. Roman historique. Traduit par une Russe [княг. Ирина Паскевичъ]. 3 vols. Paris. 1879". 3 октября, вѣроятно нов. ст., 1879 г. Тургеневъ писалъ Я. П. Полонскому изъ Буживаля: „Любезный другъ Я. П., получилъ твое письмо, вмѣстѣ съ письмомъ кн. Паскевичъ, о которой я много слышалъ какъ объ умной женщинѣ и удивительной актрисѣ.—Какъ только я получу экземпляры „Войны и Мира",—раздамъ ихъ немедленно кому слѣдуетъ—и позабочусь о рекламѣ—хотя, конечно, имя переводчицы упомянуто не будетъ—и все будетъ устроено приличнымъ образомъ, о чемъ ты можешь ее увѣдомить" („Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева", 1884, стр. 347-348). 28 декабря онъ пишетъ самому Л. Н. Толстому, что княг. Паскевичъ доставила ему 10 экз. ея перевода, что онъ роздалъ ихъ вліятельнымъ парижскимъ критикамъ. „Переводъ нѣсколько слабоватъ—но сдѣланъ съ усердіемъ и любовью",—и о самомъ романѣ: „Весь его складъ далекъ отъ того, что французы любятъ и чего они ищутъ въ книгахъ; но правда, въ концѣ-концовъ, беретъ свое" (тамъ же, стр. 352).

LXII. Alexandre III *(стр. 261)*, напечатано анонимно въ „La Revue Politique et Littéraire" 1881, 26 mars, № 13, перепечатано, съ цензурными пропусками, г-жей С. П. Петрашкевичъ въ „Тургеневскомъ Сборникѣ", подъ ред. Н. К. Пиксанова, СПБ. [1914], стр. 5 и д., откуда и воспроизводится нами. *Переводъ* исполненъ г-жею Петрашкевичъ, которой приносимъ искреннюю благодарность за разрѣшеніе перепечатать его изъ „Тург. Сборника".

Во французскомъ журналѣ статьѣ были предпосланы слѣдующія строки (заимствуемъ ихъ, какъ и дальнѣйшія указанія, изъ статьи г-жи Петрашкевичъ въ „Тург. Сборникѣ", стр. 4—5):

„L'article qu'on trouvera deux pages plus loin sur Alexandre III, a une importance considérable. Nous regrettons vivement que l'auteur ne nous permette pas de le nommer; mais, on le verra dès l'abord, c'est un homme qui connait profondément le nouveau souverain.

„La politique extérieure d'Alexandre III, sa politique intérieure, ses procédés de gouvernement, tout est annoncé et affirmé avec une précision et une sûreté qui frapperont beaucoup le public en France et en Europe".

Авторство Тургенева устанавливается его письмомъ къ П. Л. Лаврову, гдѣ сказано: „Статья объ Александрѣ III-мъ, дѣйствительно, принадлежитъ мнѣ,—не ожидалъ, что она надѣлаетъ столько шуму" („Минувшіе Годы" 1908, кн. 8, стр. 25; о датировкѣ этого письма см. „Тург. Сборникъ", стр. 4, прим. 3). Что рѣчь идетъ именно о статьѣ, напечатанной въ „Revue Pol. et Litt.", удостовѣряется Воспоминаніями Лаврова о Тургеневѣ, гдѣ Лавровъ, говоря именно объ этой статьѣ, заявляетъ: „Тургеневъ... не отказывался, что она была внушена имъ, хотя не признавалъ ее при мнѣ своимъ произведеніемъ", и еще: „Подъ его вліяніемъ (если не имъ самимъ, можетъ быть, написанная, въ чемъ онъ мнѣ прямо не сознавался) появилась въ „Revue politique et littéraire" вслѣдъ за воцареніемъ Александра III статья", и т. д. (см. С. Петрашкевичъ, въ указ. м., стр. 4). Составляя въ 1884 году свои Воспоминанія о Тургеневѣ, Лавровъ очевидно забылъ приведенное выше категорическое признаніе, заключавшееся въ письмѣ Тургенева къ нему самому отъ 1881 года.

LXIII. Письмо въ редакцію „Gaulois" *(стр. 275)*, воспроизводится изъ „Le Temps", 1882, 13 février, гдѣ оно было напечатано въ отдѣлѣ „Faits divers" съ такой замѣткою отъ редакціи впереди письма:

„Le Gaulois, en rendant compte de l'expulsion de M. Pierre Lavroff, avait affirmé que si ce dernier avait pu aussi longtemps rester sur le territoire français, il avait dû cette facilité à sa position de fortune à peu près indépendante, et surtout à la protection de M. Tourguéneff qui, par ses relations, avait pu le sauver plusieurs fois. M. Tourguéneff dément ces assertions dans la lettre suivante, que le Gaulois publie ce matin".—

Переводъ письма сдѣланъ нами.

LXIV. Предисловіе къ книгѣ Брянчанинова *(стр. 276)*, напечатано впереди книги: „А. Брянчаниновъ. Русскія народныя сказки въ стихахъ съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Томъ первый. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Петербургъ. 1885".

LXV. Письмо слушательницамъ женскихъ врачебныхъ курсовъ *(стр. 276)*, напечатано въ „Голосѣ" 1882 г. 10 декабря, № 336. Письму предпосланы слѣдующія строки: „Слушательницы *женскихъ врачебныхъ курсовъ* получили слѣдующее письмо отъ И. С. Тургенева, въ отвѣтъ на ихъ обращеніе къ нему". Къ послѣднему слову письма („лента") сдѣлана выноска: „Сто рублей, доставленные И. С. Тургеневымъ, переданы г. городскому головѣ". 30 ноября—12 декабря 1882 г. Тургеневъ писалъ Стасюлевичу: „Я получилъ отъ слушательницъ Врачебныхъ женскихъ курсовъ письмо съ 40 подписями — въ числѣ которыхъ стоитъ *Е. Трубникова.*— Я отвѣчаю имъ прилагаемымъ письмомъ, которое покорно прошу передать имъ немедленно—а также взнести имъ *сто* руб. сер.—которые Вы возьмёте изъ предбудущаго моего гонорара.—Онѣ ко-

нечно напечатаютъ моё письмо въ какой нибудь газетѣ; можетъ быть, даже испросятъ Васъ перепечатать его въ В. Е.—Это я предоставляю Вашему благоусмотрѣнію; прошу только передать имъ моё письмо и деньги" („М. М. Стасюлевичъ и его современники", т. III, стр. 220). Въ „Вѣстникѣ Европы" письмо не было напечатано.—Это было какъ-разъ послѣ *закрытія* женскихъ врачебныхъ курсовъ высочайшимъ повелѣніемъ 5 августа 1882 г., послѣ ихъ 10-лѣтняго существованія. Началась агитація въ обществѣ и въ печати за возстановленіе ихъ,—и собирали средства на это; отсюда и обращеніе слушательницъ къ Тургеневу.

LXVI. Письмо въ редакцію *(стр. 278)*, было напечатано въ газетѣ „La République française", гдѣ Жозефъ Рейнакъ былъ секретаремъ редакціи; воспроизводится здѣсь изъ книги: „E. Halpérine-Kaminsky, Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris. 1901", стр. 292—293. *Переводъ*—въ книгѣ: „Неизданныя письма И. С. Тургенева къ г-жѣ Полинѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ, собранныя и изданныя г. Гальперинымъ-Каменскимъ. Переводъ съ французскаго. 1900", стр. 331.—См. письмо Тургенева къ Ж. А. Полонской отъ 11 янв. 1883 г., „Перв. собр. писемъ", стр. 539. Гамбетта умеръ 31 дек. 1882 г., нов. ст.

Приложеніе *(стр. 281)*.

Только немногіе у насъ, изучавшіе въ подробностяхъ біографію Тургенева, знаютъ, что авторъ „Дворянскаго гнѣзда" написалъ подъ старость по-французски, стихами, четыре либретто для оперетокъ, которыя сочинила Полина Віардо. По его письмамъ можно довольно точно установить этапы этого своеобразнаго творчества. Оно началось лѣтомъ 1867 года, въ Баденъ-Баденѣ.

8 августа 1867 г. [1] Тургеневъ пишетъ Людвигу Пичу, что долго не писалъ ему (именно, съ конца апрѣля) по причинѣ недосуга: „Г-жа Віардо сочинила двѣ прелестныхъ оперетки, а я написалъ къ нимъ текстъ; теперь беремся за третью" [2]. Мѣсяцъ спустя, 9 сентября, онъ пишетъ П. В. Анненкову: „...Я здоровъ, хожу на охоту и пишу французскія либретто оперетокъ, которыя г-жа Віардо кладетъ на музыку — прелестно! Одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Trop de femmes", имѣла такой успѣхъ, что даже Прусская королева пожелала ее видѣть. Представленіе происходитъ въ моемъ новомъ домѣ, въ которомъ я не живу.... Маленькая сцена устроена въ залѣ, дѣйствующія лица—дѣти г-жи Віардо, ея воспитанницы

[1] Даты всюду—по новому стилю.

[2] „Вѣсти. Европы" 1909, май, стр. 137.

и пр. Это и ее, и меня забавляетъ, да и другимъ, повидимому, не скучно" [1]. Еще нѣсколько позже (5 октября) онъ опять сообщаетъ Анненкову о томъ же, прибавляя: „Въ числѣ зрителей мы имѣли Прусскую королеву, короля и т. д. Прошу не шутить съ нами. Музыка дѣйствительно прелестна, особенно послѣдняя оперетка „Le dernier Sorcier"— чудо! „Такъ въ ненастные дни" и т. д." [2].

Итакъ, за лѣто 1867 г. были написаны двѣ оперетки: первою изъ нихъ было „Trop de femmes", второю „Le dernier Sorcier". Участіе Тургенева въ этихъ забавахъ не ограничивалось сочиненіемъ либретто: онъ участвовалъ и въ представленіяхъ, какъ актеръ; въ „Trop de femmes" онъ исполнялъ роль паши [3], въ „Le dernier Sorcier"—роль самого колдуна, Кракамиша. Объ этой послѣдней оперетклѣ онъ писалъ Анненкову 19 октября 1867 г.: „Прилагаемая афиша дастъ вамъ понятіе о моей дѣятельности. Это 11-е представленіе было удостоено присутствія короля и королевы Прусскихъ, наслѣднаго принца и наслѣдной принцессы Прусскихъ же, великаго герцога и герцогини Баденскихъ, герцога и герцогини Дармштадскихъ, принца и принцессы Вильгельма Баденскихъ (дочери Маріи Николаевны) и иныхъ чрезвычайныхъ особъ, министровъ, генераловъ и т. д. Каково-съ? Вся эта компанія, разумѣется, была привлечена музыкой прелестнѣйшей г-жи Віардо; спѣшу прибавить, что я не *пѣлъ*, а только игралъ, и не такъ скверно, какъ можно было ожидать. Гости остались довольны, а спичъ Кракамиша, въ которомъ слегка пародировались спичи его величества Наполеона III, вызвалъ даже густой смѣхъ на августѣйшія уста короля Вильгельма. Шутите съ нами послѣ этого!!" [4]

8 апрѣля 1869 г. „Le dernier Sorcier" былъ, по желанію Веймарскаго великаго герцога поставленъ въ Веймарскомъ театрѣ. Для этого спектакля либретто было переведено на нѣмецкій языкъ; перевелъ его жившій въ Баденъ-Баденѣ музыкальный критикъ и незначительный поэтъ, Рихардъ

---

[1] „Русское Обозрѣніе" 1894, январь, стр. 22.

[2] Тамъ-же, стр. 24.

[3] „Вѣстн. Европы" 1909, май, стр. 137—138.

[4] „Рус. Обозр." 1894, январь, стр. 25.—Третья оперетка, „L'ogre", была кончена въ апрѣлѣ 1868 г. („Рус. Обозр." 1894, февраль, стр. 494; срвн. письма къ Пичу отъ 19 марта и 20 апрѣля 1868 г. въ „Вѣстн. Евр." 1909, май, стр. 139) и представлена въ присутствіи прусской королевы 23 или 24 мая этого же года („Рус. Обозр." 1894, февраль, стр. 496, „Вѣстн. Евр." 1909, май, стр. 139); Тургеневъ игралъ въ ней роль Людовѣда. Четвертая оперетка (или опера), предназначенная для постановки въ Баденъ-баденскомъ театрѣ, была начата вѣроятно лѣтомъ 1868-же года; въ началѣ октября либретто было „почти готово", текстъ хоровъ былъ написанъ; но работа продолжалась еще лѣтомъ слѣдующаго, 1869 года; въ поиѣ 1869 г. Тургеневъ извѣщалъ Пича, что первое представленіе ея состоится вѣроятно 10 августа („Вѣстн. Евр." 1909, май, стр. 139, 140, 146—148).

Поль (1826—1896), пріятель Віардо и Тургенева [1], чьи стихотворенія для романсовъ Віардо Тургеневъ переводилъ на русскій языкъ (см. въ настоящемъ томѣ стр. 82—84). Р. Поль перевелъ не все либретто, *но только тѣ части его, которыя предназначались для пѣнія*. Его переводъ былъ въ началѣ 1870 г. изданъ въ Ригѣ небольшой, въ 16 страничекъ, брошюрой; на ней значится: „Von der Censur erlaubt, Riga, den 25. März 1870". Мы воспроизводимъ въ Приложеніи именно текстъ этой брошюры. Содержаніе либретто „Послѣдняго колдуна" подробно изложено въ статьѣ Тургенева: „Первое представленіе оперы г-жи Віардо въ Веймарѣ", напечатанной выше, стр. 176 и д. Французскіе подлинники всѣхъ Тургеневскихъ либретто остались неизданными, какъ удостовѣрили сдѣланные по нашей просьбѣ розыски въ библіотекѣ парижской Консерваторіи.

Забавная сказка Тургенева не лишена болѣе глубокаго, отнюдь не оперосточнаго содержанія. Въ лицѣ колдуна Кракамиша символизированъ вообще человѣкъ съ его чудодѣйственной наукой и техникой, въ лицѣ эльфовъ—элементарное могущество и единство природы. Человѣкъ со своимъ разумомъ, со своимъ односторонним и корыстнымъ творчествомъ вторгся въ природу; она враждебна ему—и она въ концѣ концовъ побѣдитъ его, когда его волшебство, его техника—что̀ неизбѣжно—ослабѣетъ. Это—та-же мысль, которую десять лѣтъ спустя Тургеневъ выразилъ въ одномъ изъ своихъ „Стихотвореній въ прозѣ"—въ разговорѣ между Юнгфрау и Финстерааргорномъ: внизу копошатся люди-козявки; проходятъ тысячи лѣтъ—становится меньше козявокъ; проходятъ еще тысячи лѣтъ—и вотъ совсѣмъ исчезли козявки: „Теперь хорошо, опрятно стало вездѣ.... Хорошо теперь, спокойно", говоритъ одна горная вершина другой (сравн. заключительный хоръ эльфовъ въ „Послѣднемъ Колдунѣ"). И характерна для Тургенева дружба и помощь, которую эльфы оказываютъ одной только Стеллѣ; они враждебны человѣку во всемъ,—только первая женская любовь пріобщаетъ людской родъ—природѣ: мысль, лежащая въ основаніи всѣхъ любовныхъ исторій у Тургенева.

Факсимиле.

Неизданная записка Тургенева къ Н. П. Огареву; писана вѣроятно ранней весною 1856 года, когда Огаревъ въ Петербургѣ хлопоталъ о заграничномъ паспортѣ и тамъ часто видался съ Тургеневымъ. Рѣчь идетъ вѣроятно о поэмѣ Огарева „Зимній путь", посвященной П. В. Анненкову и конченной какъ-разъ въ это время; она была напечатана въ 6-ой книгѣ „Русскаго Вѣстника" за 1856 г.

[1] „Вѣстн. Евр." 1909, май, стр. 141.

[Текстъ записки:] Любезный Огаревъ, что же Вы мнѣ не прислали Вашей поэмы?—Пожалуйста пришлите съ этимъ посланнымъ—если не для Цензуры—то для меня—Я Вамъ въ цѣлости возвращу

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

[На оборотѣ:] Николаю Платоновичу Огареву. На углу Малой Морской и Вознесенской, въ домѣ Митусова, у Рослякова.

Любезный Олферьев

что же Вы меня не
приглашали [illegible]
[illegible]? — непременно
приеду с [illegible]
[illegible] — если [illegible]
[illegible] — то [illegible]
[illegible] — к Вам [illegible]
[illegible]

Ваш
Ив. Тургенев

Оглавленіе.

Отдѣлъ I: художественныя произведенія.

	Стр. Текстъ.	Примѣчанія.
I. **Стѣно,** драматическая поэма	1	297
II. **Похожденія Подпоручика Бубнова,** романъ	41	298
III. **Порогъ,** изъ „Стихотвореній въ прозѣ“	52	299
IV. **Съ кѣмъ спорить?** тоже	53	302
V. **Une fin,** dernier recit de Tourguéneff	54	—
Конецъ, переводъ *Д. В. Григоровича*	66	—
VI. **Пѣсня Клерхенъ** изъ „Эгмонта“, стих.	78	—
VII. **Изъ поэмы, преданной сожженію,** стих.	78	303
VIII. **Синица,** стих.	79	—
IX. **На зарѣ,** стих.	79	304
X. **Разгадка,** стих.	80	—
XI. **Разлука,** стих.	80	—
XII. **Передъ судомъ,** стих., перев. изъ Гёте	81	—
XIII. **Ночь и день,** стих., перев. изъ Е. Тюркести	81	—
XIV. **Лѣсная тишь,** стих., перев. изъ Р. Поля	82	
XV. **Загубленная жизнь,** стих., перев. изъ Р. Поля	83	305
XVI. **Садовникъ,** стих., перев. изъ Мёрике	83	
XVII. **Ожиданіе,** стих., перев. изъ Р. Поля	84	—
XVIII. **Былое счастье,** стих., перев. изъ Мёрике	84	—
XIX. **Что за погода злая!** стих., перев. изъ Гейне	85	—
XX. **Chanson de la pluie,** стих.	86	307

Отдѣлъ II: разныя писанія.

I. **Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ** (1842 г.)	89	308
II. **Современныя замѣтки** (1847 г.)	101	—
III. **Письма изъ Берлина: письмо первое** (1847 г.)	110	310
IV. **Нѣсколько словъ объ операхъ Мейербера „Пророкъ“** (1850 г.)	114	—

	Стр. Текстъ.	Примѣчанія.
V. О „Запискахъ Ружейнаго Охотника" С. Т. Аксакова (1852 г.)	118	310
VI. О „Слобожанахъ" Г. Данилевскаго (1854 г.)	127	311
VII. Письмо въ редакцію „Journal de St. Pétersbourg" (1854 г.)	127	—
То-же: переводъ	129	—
VIII. Предисловіе къ стихотвореніямъ Баратынскаго (1854 г.)	132	—
IX. Записка о Н. В. Станкевичѣ (1856 г.)	133	—
X. Письмо къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей" (1856 г.)	138	—
XI. Письмо къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей" (1857 г.)	139	315
XII. Изъ-за границы: письмо первое (1857 г.)	140	317
XIII. Записка объ изданіи журнала „Хозяйственный Указатель" (1858 г.)	145	318
XIV. Предисловіе къ рус. перев. „Украинскихъ народныхъ разсказовъ" Марко-Вовчка (1859 г.)	153	319
XV. О „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова" (1860 г.)	154	—
XVI. Письмо къ издателю „Колокола" (1862 г.)	156	—
XVII. Предисловіе къ „Дневнику дѣвочки" С. Буткевичъ (1862 г.)	156	320
XVIII. Письмо къ издателю „Сѣверной Пчелы" (1862 г.)	158	—
XIX. Письмо къ редактору „Дня" (1863 г.)	159	—
XX. Предисловіе къ „Призракамъ" (1864 г.)	160	321
XXI. Рѣчь о А. В. Дружининѣ (1864 г.)	160	—
XXII. Рѣчь о Шекспирѣ (1864 г.)	162	—
XXIII. Предисловіе къ изданію своихъ „Сочиненій" (1865 г.)	166	—
XXIV. Предисловіе къ франц. переводу „Мцыри" Лермонтова (1865 г.)	166	—
То-же: переводъ	167	—
XXV. Предисловіе къ рус. переводу „Волшебныхъ сказокъ" Перро (1866 г.)	168	322
XXVI. Предисловіе къ отдѣльному изданію „Дыма" (1868 г.)	169	—
XXVII. Предисловіе къ рус. переводу „Утраченныхъ силъ" М. Дюкана (1868 г.)	170	—
XXVIII. Письмо къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (1868 г.)	174	—
XXIX. Письмо къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (1868 г.)	175	323
XXX. Первое представленіе оперы г-жи Віардо въ Веймарѣ (1869 г.)	176	—
XXXI. Письмо въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (1869 г.)	186	324
XXXII. Предисловіе къ нѣм. переводу „Отцовъ и дѣтей" (1869 г.)	187	—

	Стр. Текстъ	Примѣчанія.
То-же: переводъ	188	325
XXXIII. Письмо къ редактору „Вѣстника Европы“ (1869 г.)	188	—
XXXIV. Обращикъ стариннаго крючкотворства (1869 г.)	189	—
XXXV. Письмо къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1870 г.)	196	—
XXXVI. Корреспонденціи о Франко-Прусской войнѣ (1870 г.):		
1	202	327
2	207	—
3	209	—
4	212	—
5	217	—
XXXVII. Объ „Исторіи одного города“ М. Е. Салтыкова (1871 г.)	219	328
То-же: переводъ	221	—
XXXVIII. О баснях Крылова (1871 г.)	222	—
То-же: переводъ	224	—
XXXIX. О книгѣ А. Больца (1871 г.)	226	—
XL. Письмо къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1872 г.)	226	—
XLI. Предисловіе къ рус. переводу „Германіи“ Гейне (1874 г.)	227	—
XLII. Предисловіе къ франц. переводу „Двухъ гусаровъ“ Л. Н. Толстого (1875 г.)	228	—
То-же: переводъ	229	—
XLIII. О переводѣ „Демона“ на англійскій языкъ (1875 г.)	230	—
XLIV. Автобіографія (1875 г.)	231	—
XLV. Воспоминанія о Шевченкѣ (1875 г.)	233	329
XLVI. Письмо Секретарю Общества Любит. Росс. Слов. (1875 г.)	236	—
XLVII. Примѣчаніе къ разсказу „Часы“ (1875 г.)	237	330
XLVIII. Письмо къ издателю „Новаго Времени“ (1876 г.)	238	—
XLIX. Нѣсколько словъ о Жоржъ-Сандъ (1876 г.)	239	331
L. Пятьдесятъ недостатковъ ружейнаго охотника и пятьдесятъ недостатковъ лягавой собаки (1876 г.)	240	—
LI. Предисловіе къ рус. переводу „Очерковъ и разсказовъ“ Л. Кладеля (1876 г.)	246	—
LII. Письмо въ редакцію „Нашего Вѣка“ (1877 г.)	247	—
LIII. Письмо въ редакцію „Нашего Вѣка“ (1877 г.)	249	333
LIV. Письмо въ редакцію „Нашего Вѣка“ (1877 г.)	250	335
LV. Письмо къ редактору „Правды“ (1878 г.)	252	339
LVI. Рѣчь на литературномъ конгрессѣ (1878 г.)	253	
То-же: переводъ	254	—
LVII. Рѣчь къ московскимъ студентамъ (1879 г.)	255	340

	Стр. Текстъ.	Примѣчанія.
LVIII. Рѣчь на обѣдѣ въ „Эрмитажѣ" (1879 г.)	256	340
LIX. Письмо на юбилей Крашенскаго (1879 г.)	257	—
LX. Предисловіе къ „En cellule. Impressions d'un nihiliste" (1879 г.)	258	—
То-же: переводъ	259	—
LXI. Письмо къ редактору „Le XIX-e Siècle" (1880 г.)	259	341
То-же: переводъ	260	—
LXII. Alexandre III (1881 г.)	261	—
То-же: переводъ С. П. Петрашкевичъ	268	—
LXIII. Письмо въ редакцію „Gaulois" (1882 г.)	275	342
То-же: переводъ	275	—
LXIV. Предисловіе къ „Русскимъ народнымъ сказкамъ въ стихахъ" А. Брянчанинова (1882 г.)	276	—
LXV. Письмо слушательницамъ женскихъ врачебныхъ курсовъ (1882 г.)	276	—
LXVI. Письмо въ редакцію „République française" (1883 г.)	278	343
Приложеніе: Der letzte Zauberer, перев. Р. Поля	281	343
Примѣчанія		397

PG 3201 G46 t.3

Gershenzon, Mikhail Osipovich (ed.)
Russkie propilei

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY